

А. С. П У Ш К И Н
Портрет работы художника О. Кипренского. 1827 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик **С. И. Вавилов** (ответственный редактор),
академик **В. П. Волгин**, академик **В. В. Виноградов**,
член-корреспондент АН СССР **А. М. Еголин**, проф. **Н. Ф. Бельчиков**,
проф. **С. П. Толстов**

ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

здаваемый Академией Наук СССР настоящий сборник содержит основные материалы юбилейной сессии, посвященной ознаменованию 150-летия со дня рождения величайшего русского поэта А. С. Пушкина.

150-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина праздновалось в знаменательной обстановке мощного объединения прогрессивных сил всего передового человечества во круг первого в мире социалистического государства.

Празднование этого замечательного юбилея превратилось в нашей стране в мощную демонстрацию огромного политического, морального и культурного роста советского народа, уверенно строящего под руководством великой партии Ленина — Сталина величественное здание коммунистического общества. Такое всенародное чествование памяти великого поэта возможно только в нашем свободном Отечестве, где достижения самой передовой культуры стали достоянием миллионов.

Неизмеримо велико значение Пушкина в истории развития русской национальной культуры.

По словам Чернышевского, Пушкин «был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель. Вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкиным». ¹

Великое и плодотворное воздействие Пушкина на свое творчество отмечал и зачинатель советской литературы Максим Горький, для которого стихи Пушкина «звучали как благовест новой жизни».

Являясь основоположником новой русской литературы, утвердившим ее мировое значение, Пушкин силою своего великого гения оказался в состоянии завершить коренную реформу русского литературного языка, положив в основу его живой, развивающийся разговорный народный

---

¹ Н. Г. Чернышевский. Сочинения Пушкина. Статья вторая. Полн. собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 475.

русский язык. Пушкин выполнил гигантскую историческую миссию создания новой русской литературы и литературного русского языка. «Не следует забывать, — говорил И. С. Тургенев, — что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу». ¹ Осуществив эту реформу, Пушкин сделал тем самым литературу достоянием всего народа, а не только образованного дворянского общества. «Через него, — писал Чернышевский, — разлилось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до него литературные интересы занимали немногих. Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела...». ²

Созданный Пушкиным русский литературный язык отвечал не только требованиям современности, но и задачам развития всей последующей русской литературы. Этот язык сохранился до нашего времени. Товарищ Сталин в своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» отмечает, что «...современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина». ³

Великое наследие Пушкина не только не стало историческим прошлым, но продолжает развиваться и раскрываться в наши дни во все большей и большей своей глубине и совершенстве, ибо, по замечательным словам В. Г. Белинского, «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества». ⁴ Это изумительное свойство пушкинского гения Белинский объясняет тем, что «Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приуготовляют будущее и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему». ⁵

В личности и творчестве Пушкина с исключительной силой, глубиной и красотой отразились и запечатлелись самые характерные, самые прекрасные черты русского народа — любовь к Родине и ненависть к ее врагам, талантливость и свободолюбие, светлый ум и стойкость характера, здоровый гуманизм и неиссякаемая вера в прекрасное будущее своего великого народа.

Эти черты личности и творчества Пушкина бесконечно близки и дороги нам — людям Сталинской эпохи, «ибо Советская власть унаследовала все,

¹ И. С. Тургенев. Речь, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Собр. соч., т. XII. СПб., 1898, стр. 337.

² Н. Г. Чернышевский. Сочинения Пушкина. Статья вторая. Полн. собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 475.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, М., 1950, стр. 9.

⁴ В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 году. Собр. соч., М., 1948, т. II, стр. 158.

⁵ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая. Собр. соч., М., 1948, т. III, стр. 174.

что есть лучшего в нашем народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных, — писала «Правда» 10 февраля 1937 г. — В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан».

Великое творческое наследие Пушкина обрело новую и настоящую жизнь только в нашу эпоху.

До октября 1917 г. произведения Пушкина были изданы лишь на 14 языках народов царской России. После Великой Октябрьской социалистической революции творения Пушкина были изданы на 76 языках народов Страны социализма колоссальным тиражом до 45 млн. экземпляров. Из 76 языков, на которые переведены произведения Пушкина за годы советской власти, двадцать пять языков принадлежат народностям, обретшим письменность лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны воочию показало всему миру, «что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несветский общественный строй». ¹

Мудрая сталинская национальная политика обеспечила возможность освоения наследия Пушкина всеми народами Советской страны. Именно поэтому празднование 150-летия со дня рождения Пушкина превратилось во всенародный праздник культуры не только русского народа, но и всех братских народов нашей страны.

Великое имя и слово Пушкина с огромной силой звучат во всем многонациональном Советском Союзе. Общее количество юбилейных изданий на всех языках братских народов Советского Союза достигло колоссальной цифры — 11 млн. экземпляров. Чествование памяти величайшего русского национального поэта превратилось в подлинном смысле слова в торжество многонациональной советской социалистической культуры.

24 мая 1949 г. было опубликовано за подписью вождя советского народа И. В. Сталина постановление Совета Министров СССР об ознаменовании 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Это постановление было встречено с величайшей радостью всем советским народом, горячо любящим величайшего гения русской литературы.

В пушкинских торжествах приняла участие широкая советская общественность — рабочие и крестьяне, писатели и ученые, люди всех профессий. На Академию Наук советское правительство возложило почетную и ответственную задачу принять активное участие в подготовке и проведении пушкинского юбилея и возможно глубже раскрыть творчество Пушкина, показать его огромное значение для современной передовой культуры, для своей Родины и для всего мира.

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей 9 февраля 1946 г. «Правда» от 10. II. 1946.

Академия Наук СССР немало сделала для сохранения, изучения и популяризации великого наследия Пушкина. По решению правительства в Рукописном отделе Института русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом) сосредоточено рукописное наследие Пушкина, составляющее свыше 1600 отдельных документов. За пределами этого ценнейшего собрания остается не более 2—3% автографов поэта. В фондах музея Пушкинского Дома хранятся коллекции портретов, картин и рисунков, воссоздающих облик величайшего русского поэта и его современников. В библиотеке Пушкинского Дома собраны все издания произведений Пушкина и почти всё, что когда-либо печаталось о Пушкине, — от мелких газетных заметок до специальных монографий. Величайшим сокровищем библиотеки Пушкинского Дома является личная библиотека Пушкина, собиравшаяся им в течение последних лет жизни.

В музее института сосредоточены многочисленные художественные ценности. Здесь хранится огромный фонд иллюстраций к произведениям Пушкина работы лучших русских художников, собраны большие картины, написанные на сюжеты из жизни Пушкина: И. Е. Репина «Пушкин на экзамене в Царскосельском лицее», Г. К. Савицкого «Пушкин в Михайловском» и «Прощание Пушкина с Пуцциным», Б. В. Щербакова «Пушкин в изгнании» и «Пушкин в Петербурге», П. П. Соколова-Скала «Умиравший Пушкин» и многие другие. Здесь же хранятся зарисовки пушкинских мест в селе Михайловском, бывшем Царском Селе, Ленинграде, любовно выполненные советскими художниками, произведения самодеятельного искусства народов СССР, работы народных художников Палеха, детские рисунки и пр.

В предъюбилейные месяцы с утра до поздней ночи в институте шла напряженная работа. Происходили научные заседания литературоведов-пушкинистов, разрабатывались планы экспозиций для Всесоюзного пушкинского музея, шли разборка и научное описание богатейших музейных экспонатов; ежедневно производились съемки для юбилейного документально-биографического кинофильма «А. С. Пушкин».

Более 300 литературоведов, преподавателей вузов, аспирантов и представителей партийных и общественных организаций присутствовало в большом конференц-зале института на Всесоюзной пушкинской конференции. Дневные и вечерние заседания конференции проходили 25, 26 и 27 апреля 1949 г. С докладами выступили: от Академии Наук Грузинской ССР кандидат филологических наук Л. Н. Ассатиани на тему «Пушкин и грузинская литература», от Академии Наук Казахской ССР кандидат филологических наук М. С. Сильченко — «Пушкин и казахская литература», от Академии Наук Армянской ССР кандидат филологических наук К. В. Айвазян — «Пушкин и армянская литература», от Татарской АССР кандидат филологических наук М. Х. Гайнуллин — «Пушкин и татарская литература» и заслуженный деятель науки Н. Ф. Калинин — «Пушкин

в Казани», от Академии Наук Украинской ССР член-корреспондент Академии Наук СССР А. И. Белецкий.

Всего на Всесоюзной пушкинской конференции было прочитано 13 докладов. Кроме перечисленных ученых, с докладами выступили: заслуженный деятель науки проф. Н. Ф. Бельчиков на тему «Пушкин и наша современность», член-корреспондент Академии Наук СССР Н. К. Пиксанов — «Пушкин и Грибоедов в борьбе за реализм», проф. К. Н. Державин — «Пушкин и литература славянских народов», кандидат филологических наук Б. П. Городецкий — «Разработка биографии Пушкина в советское время», доктор филологических наук Д. Д. Благой — «Пушкин в 1826 году», доктор филологических наук В. С. Мейлах — «Вопросы идейно-художественного развития Пушкина», доктор филологических наук Н. И. Мордовченко — «Изучение прозы Пушкина в советское время».

Выступления представителей братских республик показали могучее влияние Пушкина на передовую культуру и лучших людей наших братских республик.

Доклады советских ученых, прочитанные на этой конференции, внесли много нового в науку о Пушкине.

Всесоюзная пушкинская конференция, отмечая лженаучные буржуазные идеалистические и космополитические концепции в трактовке творчества Пушкина, показала связь великого поэта с современным ему революционным движением, истинные народные истоки его творчества, мировоззрения, гуманизма. Она показала связь Пушкина с жизнью славянских народов: чехов, поляков, болгар, которые воспринимали и воспринимают поэзию Пушкина как свою, родную. Доклады, прочитанные на конференции, говорили о великом братстве народов нашей социалистической Родины, о горячей любви их к величайшему русскому поэту, о великой роли русской национальной культуры в истории развития национальных культур народов нашей страны и всего славянского мира.

С 15 апреля по начало июня 1949 г. научные сотрудники Института русской литературы Академии Наук прочитали 219 лекций о великом русском поэте; на лекциях присутствовало более 20 тыс. человек.

Экскурсоводы музея института провели по пушкинским местам свыше 300 массовых экскурсий, в которых приняли участие 7 тыс. экскурсантов. 20 тыс. советских граждан посетили за эти месяцы на набережной реки Мойки в Ленинграде последнюю квартиру Пушкина, являющуюся замечательным мемориальным музеем. К 150-летию со дня рождения Пушкина эта квартира, где скончался поэт, не только полностью восстановлена после разрушений, причиненных ей вражеским обстрелом во время блокады Ленинграда, но и еще более приближена к тому виду, какой она имела в дни гибели Пушкина.

20—21 апреля институт провел в г. Пскове выездную научную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения Пушкина. На этой сессии было прочитано 6 научных докладов.

25—26 мая 1949 г. в Ленинграде состоялась объединенная сессия Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

На этой сессии читали доклады: академик Н. С. Державин — «Пушкин и Болгария», доктор исторических наук А. В. Предтеченский — «Вопросы истории в произведениях Пушкина», доктор филологических наук В. А. Десницкий — «Пушкин и его время», академик В. А. Гордлевский «Кто такой Кирджали?», кандидат филологических наук Б. П. Городецкий — «Проблема народа в творчестве Пушкина» и др.

В конце июня 1949 г. Институт востоковедения Академии Наук СССР провел в Москве и Ленинграде научную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. На этой сессии, продолжавшейся несколько дней, было прочитано более десяти докладов.

К пушкинским дням в Москве в Музее А. М. Горького открылась выставка «А. М. Горький и А. С. Пушкин». На выставке было представлено более 200 документов, показывающих, какой глубокий и постоянный интерес проявлял великий пролетарский писатель к Пушкину, как взволнованно, с какой величайшей гордостью относился он к творчеству Пушкина во все периоды своей жизни. Большой интерес представляют экспонаты, свидетельствующие о глубоком интересе Пушкина к народной поэзии, о Горьком как исследователе пушкинского творчества.

2 июня состоялось торжественное Общее собрание Академии Наук УССР совместно с Союзом советских писателей и Союзом советских композиторов УССР, посвященное 150-летию со дня рождения Пушкина.

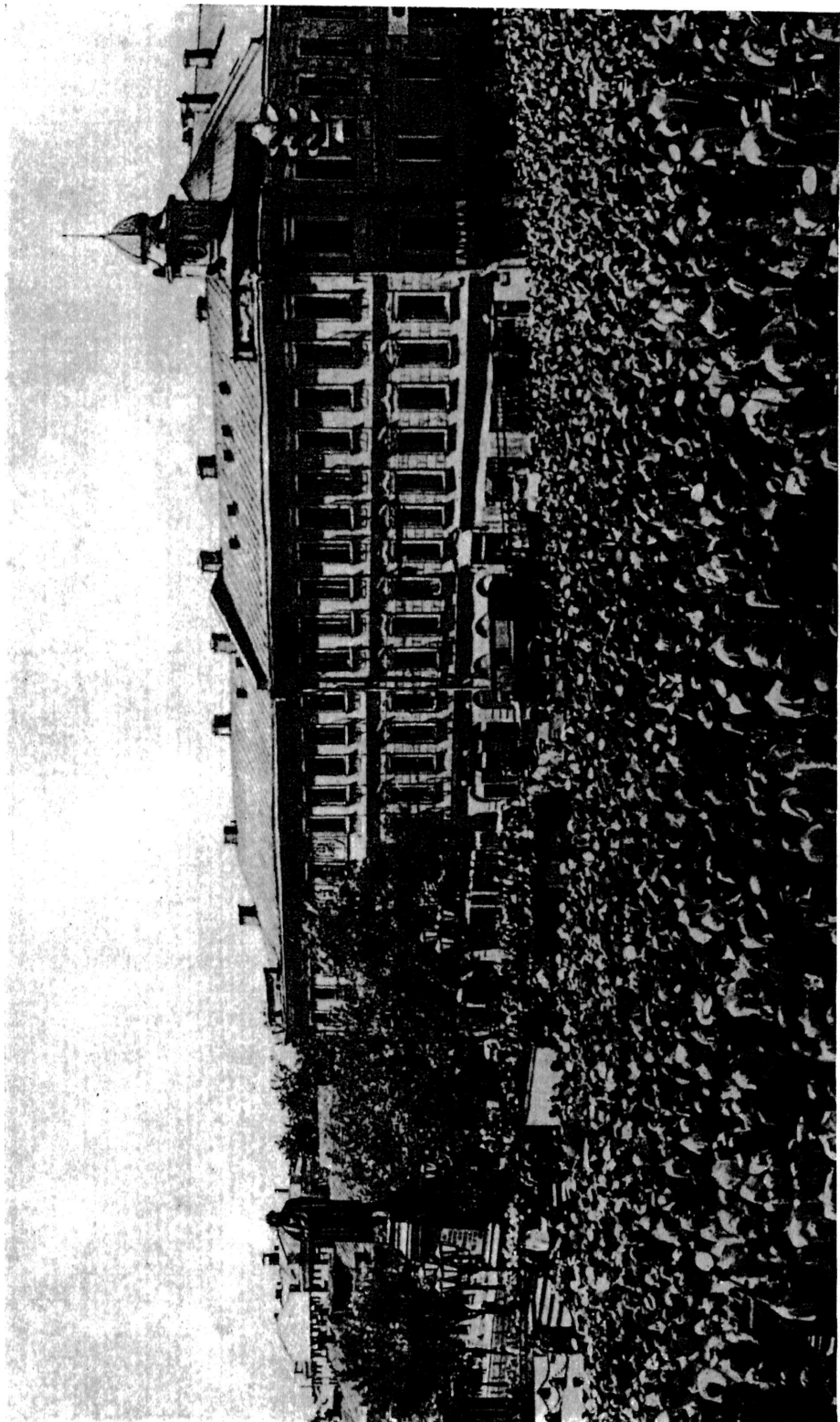
Открывший собрание президент Академии Наук УССР академик А. В. Палладин во вступительном слове сказал:

«В грозные дни Отечественной войны Иосиф Виссарионович Сталин назвал нам имя Александра Сергеевича Пушкина в числе имен, составляющих гордость и славу русского народа. Нам, советским людям, особенно близки патриотизм Пушкина, его любовь к Родине, к своему народу, к его героической истории. День 150-летия со дня рождения Пушкина — праздник и торжество всей нашей многонациональной социалистической культуры».

На Общем собрании с докладом «Пушкин — гений русской и мировой литературы» выступил действительный член Украинской Академии Наук А. И. Белецкий. Доклад на тему «Пушкин и Шевченко» сделал действительный член АН УССР М. Ф. Рыльский.

5 июня в с. Захарове Академией Наук СССР был торжественно открыт обелиск Пушкина.

Москва, Ленинград, вся страна отпраздновала 150-летие со дня рождения великого русского поэта. Отметить этот юбилей на родине великого поэта приехали прогрессивные деятели из всех республик нашего великого многонационального Союза и из многих зарубежных стран. По приглашению Всесоюзного комитета по проведению юбилея прибыли пи-

МИТИНГ ТРУДЯЩИХСЯ НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА.

сатели: Шандор Гергель (Венгрия), Ян Дрда (Чехословакия), Димитр Полянов (Болгария), Эльви Синерво (Финляндия), Ингер Хагеруп (Норвегия), Халдор Лакснесс (Исландия), Иоганнес Бехер (Германия), Джек Линдсей (Англия), Дамдин Сурун (Монголия), известный американский общественный деятель артист Поль Робсон, негритянский поэт Питер Блэкман, чилийский поэт Пабло Неруда, писатели Леон Кручковский (Польша), Мартин Андерсен Нексе (Дания), Эми Сяо (Китай), Биджиретти (Италия), Тейн де Фриз (Голландия).

Прибыли многочисленные гости из братских союзных республик: академик А. В. Палладин, поэт П. Тычина, А. Пидсуха, Д. Касарик — от Украинской ССР; М. Танк — от Белорусской ССР; М. Р. Гусейнов, А. Садыков — от Азербайджанской ССР; Б. Жгенти — от Грузинской ССР; М. Ауэзов — от Казахской ССР; Г. Гулямов, З. Исраилова, И. Султанов, Тураб Гула — от Узбекской ССР; Г. Борян, Г. Григорян — от Армянской ССР; А. Тимонен — от Карело-Финской ССР; Л. Плаудис и В. Гревень — от Латвийской ССР; А. Венцлова — от Литовской ССР; П. Крученюк — от Молдавской ССР; А. Дехоти — от Таджикской ССР; К. Сейтлиев — от Туркменской ССР; М. Рауд — от Эстонской ССР; Т. Садыбеков — от Киргизской ССР, представители ученых и писателей Ленинграда, Татарской и Бурят-Монгольской АССР и другие.

5 июня, в канун всенародного торжества, тысячи людей шли широким потоком к Пушкинской площади в Москве.

У памятника поэту состоялся многолюдный митинг москвичей и приехавших на торжества гостей.

В 12 часов на трибуну, сооруженную перед памятником, поднялись председатель Всесоюзного пушкинского комитета генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев, президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов, представители партийных и общественных организаций Москвы, гости из братских союзных республик, правнук поэта Г. Г. Пушкин, пра-правнучки — юные пионерки Наташа и Юлия Пушкины, зарубежные гости, среди которых крупнейший датский писатель, верный друг Советского Союза Мартин Андерсен Нексе.

Митинг открыл А. А. Фадеев.

Горячую речь произнес поэт Н. С. Тихонов, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР. Он говорил о народной любви к величайшему поэту, о его заслугах перед народом. «Пушкин, — сказал оратор, — служил своей Родине непрестанным подвигом поэтического труда, он явился родоначальником передовой, реалистической, свободолобивой литературы. Пушкин с огромной поэтической ясностью раскрыл душу и сердце русского человека, красоту его нравственного облика, все величие русского народа».

Президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов в своем выступлении говорил о народности пушкинской поэзии. «Пушкин был и остался самым народным русским поэтом. Творчество Пушкина понятно

всем — от ученого до рядового человека. В этом — одно из проявлений глубочайшей народности и гения Пушкина.

Величие народного творчества Пушкина, — продолжал С. И. Вавилов, — раскрылось во всей полноте лишь в условиях социализма. Пушкинское драгоценное литературное наследство помогает формировать сознание советского человека».

Горячие слова любви к Пушкину произнесли поэт П. Г. Тычина, народный артист СССР А. А. Хорава, сталевар завода «Серп и молот» С. В. Чесноков, студентка Московского государственного университета В. В. Николаева, председатель колхоза имени 12-й годовщины Октября Ухтомского района Герой Социалистического Труда И. С. Морозов, председатель Союза писателей Чехословакии Ян Дрда. Болгарский поэт Димитр Полянов прочитал на родном языке стихи, посвященные Пушкину.

В митинге приняло участие свыше 10 000 человек.

У постамента памятника растет гора цветов. Взрослые и молодежь вместе с цветами кладут к подножию памятника записки со словами любви и благодарности поэту, со своими стихами, посвященными Пушкину. Их сотни, этих скромных стихов, прекрасных своей искренностью, душевной теплотой, переполняющим их чувством признательности светлomu гению Пушкина.

6 июня в Ленинграде на площади Искусств был заложен памятник А. С. Пушкину.

За 150 лет, протекших со дня рождения Пушкина, многое изменилось в жизни всей России и этого великого города, так тесно связанного с именем и творчеством Пушкина. Из царской тюрьмы народов Россия превратилась в свободное содружество народов — в Союз Советских Социалистических Республик. Из питедели царизма Петербург превратился в колыбель Великой Октябрьской социалистической революции — в Ленинград.

Закладывая в Ленинграде памятник тому, кто в глухую пору николаевской реакции призывал к низвержению самодержавия, советский народ благодарно начертил на первом камне будущего памятника любимое имя: Пушкин.

6 июня в Москве юбилейные торжества, открывшиеся у памятника Пушкину, продолжались в клубах, дворцах культуры, парках культуры и отдыха.

Вечером 6 июня в Большом театре Союза ССР собрались представители общественности, деятели науки и искусства, писатели, стахановцы московских предприятий, офицеры и генералы Советской Армии, студенты, учителя, инженеры...

В 7 часов вечера председатель Всесоюзного пушкинского комитета А. А. Фадеев открывает заседание. С огромным воодушевлением собравшиеся избирают в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе

с товарищем И. В. Сталиным. В зале гремит бурная овация в честь великого вождя и учителя советского народа.

В своей речи А. А. Фадеев говорит о том, что гений Пушкина оплодотворял все самые лучшие, самые передовые общественные силы, действовавшие на Руси. Мощное влияние его гения испытала и испытывает культура народов, которых великая Русь сплотила в «Союз нерушимый республик свободных», и зарубежных братских славянских народов. Оратор говорит о том, что только Великая Октябрьская социалистическая революция и более чем тридцатилетняя работа по коммунистическому воспитанию и просвещению народа, проводимая в нашей стране под руководством великой партии большевиков, сделали наследие Пушкина подлинно народным достоянием и раскрыли народу истинное величие пушкинского гения. «Теперь, — говорит тов. Фадеев, — в среднем каждая семья в нашей стране имеет произведения Пушкина. Это значит, что великое наследие Пушкина подняла и несет в своих руках вся новая советская индустриальная и колхозная Россия, все народы Советского Союза. Пусть-ка попробуют хоть что-нибудь противопоставить этому факту развития народной культуры в СССР современные „клеветники России“, враги нашей страны социализма, враги собственных народов, охвостье буржуазной культуры, давно позабывшие и оплевавшие своих отцов и дедов и криками о „свободе“ и „демократии“ прикрывающие все более полную, все более откровенную зависимость от своих хозяев — империалистов!»

А. А. Фадеев говорит о том, что проповеди человеконенавистничества, мракобесия, невежества советский народ противопоставляет социалистическую культуру, бережно и гордо поднимает над миром наследие Пушкина. Нам по душе светлый материалистический разум Пушкина, его патриотизм, жизнерадостность его поэзии, ясность и правдивая простота ее форм, потому что все эти свойства его личности и его творчества находят живой отклик в нас, в нашем труде, во всем строе нашей жизни. А. А. Фадеев говорит о величии русского народа, о неиссякаемых родниках его таланта, породившего Пушкина еще на заре прошлого века, когда титанические силы народа были скованы царизмом.

«Велики заслуги нашей интеллигенции, — говорит А. А. Фадеев. — И нет другой такой страны в мире, где интеллигенция была бы так обласкана народом и окружена такой его любовью. Но в торжественный день, посвященный памяти Пушкина, народ вправе мерить каждого из нас великой народной пушкинской мерой. И народ вправе сказать нам:

Ждем от вас большего! Вперед и выше, славные сыны и дочери народа!

Шире, глубже овладейте всеми передовыми знаниями и богатствами культуры в свете марксистско-ленинского учения! Смелее, настойчивее штурмуйте сияющие вершины творчества, учитесь мастерству, черпайте полной пригоршней все самое лучшее из сокровищницы народа-творца!

Будьте во всем и всегда новаторами-революционерами, преобразователями мира, подобно великим учителям народа — Ленину и Сталину!

Вперед, сыны и дочери народа, в наступление на все силы угнетения и порабощения в мире, как бы они ни маскировались или действовали открыто, вперед широким фронтом, во всеоружии правды и разума, под победоносным знаменем Ленина и Сталина!»

С большим докладом об А. С. Пушкине, его творчестве, его великом и непреходящем значении выступил заместитель генерального секретаря Союза советских писателей К. М. Симонов.

К. М. Симонов говорит о поэтической деятельности Пушкина как об образце поэтического совершенства, о связи Пушкина со своим временем — временем славы русского оружия, когда русские войска победоносно встретились с войсками Наполеона, временем, когда русские войска после пожара Москвы, после изгнания «двунадесяти языков» из пределов России победоносно вошли в Париж.

Невозможно представить себе появление Пушкина независимо от тех великих событий в истории России, которые непосредственно предшествовали появлению его как поэта, — без событий Отечественной войны 1812 г.

Докладчик подчеркивает связь творчества Пушкина с национальными культурными и литературными традициями. Невозможно представить себе расцвет пушкинского гения, не вспомнив об эпических русских летописях, о могучих русских былинах и многовековом песенном творчестве русского народа, о замечательных творениях древней рукописной русской литературы, — таких, как «Слово о полку Игореве». Век, в последний год которого родился Пушкин, был богат сильными и самобытными талантами. Это был век Ломоносова, век Радищева, Державина, Фонвизина, молодого Карамзина, молодого Крылова, Новикова. Этот век в области культуры и литературы был для России веком самобытного развития. Но, говорит К. М. Симонов, главные события, какими наполнена эта эпоха в русской литературе, это, конечно, события, связанные с появлением произведений самого Пушкина. Пушкин — основоположник новой русской литературы; он был создателем реализма нового типа, реализма, который свое богатейшее развитие нашел в прогрессивной русской литературе. Пушкин не только создал великолепные реалистические картины жизни русского общества, не только вывел на сцену народ и народные типы и характеры, но он первый сосредоточил свое внимание на великих прогрессивных задачах, стоявших перед человечеством.

Он осудил в своих произведениях крепостническую мораль и варварские крепостнические нравы, осудил рабство прямое и рабство, замаскированное мнимо демократическими буржуазными порядками; он осудил низость, корысть, унижение человеческого достоинства, он провозгласил великие принципы свободы, гуманизма и просвещения.

Докладчик говорит о политических взглядах Пушкина, отмечая их теснейшую связь со взглядами передового просвещенного дворянства — декабристов, показывает огромное влияние Пушкина на современное ему общество. Сам Пушкин превосходно понимал это: «Могу сказать, — писал он в 1830 г., — что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на все сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств».¹ К этой его оценке собственного общественного значения трудно что-либо добавить. Разве только надо сказать, что слово «министерство» в понимании, которое тогда в него вкладывали, означало правительство.

К. М. Симонов говорит об исторических взглядах и направлении исторических интересов Пушкина, отмечая глубокое понимание Пушкиным подлинных движущих сил в истории — роли народа — и его пристальное внимание к эпохам больших потрясений и поворотов в жизни России. «Мы вправе сказать, — говорит докладчик, — что причина этому лежит отнюдь не только в поисках наиболее драматических исторических сюжетов, но прежде всего в том, что эпохи больших поворотов в общественной жизни России привлекали внимание Пушкина прежде всего потому, что он сам, задыхаясь во все сжимавшихся железных обручах николаевского режима, чувствовал необходимость выхода, поворота в истории России, ждал его и в глубине души надеялся на него».

К. М. Симонов говорит о патриотизме Пушкина, о его высокой оценке способностей и душевных качеств русского народа, о его презрении к холопскому преклонению перед всем иноземным, о его последовательной и упорной борьбе за русскую национальную культуру и литературу.

После смерти Пушкина над его гробом сошлись две России: Россия правительственная, николаевская, которую он всю жизнь ненавидел и с которой всю жизнь боролся, и Россия молодая, прогрессивная — та, за которую он всю жизнь боролся и за которую отдал свою жизнь. Докладчик подчеркивает, что борьба между этими двумя Россиями продолжалась и за гробом Пушкина. Идеологические оруженосцы дворянства, а впоследствии — не менее реакционного русского капитализма на протяжении многих десятилетий пытались исказить образ Пушкина. И прежде всего они старались принизить его, оторвать от национальных корней, от той народной стихии, которой дышит все его творчество.

Замечательное свойство Пушкина включать в круг своих интересов все богатство мировой литературы, его гениальную способность охватывать своим взглядом жизнь других народов и с глубочайшим проникновением изображать ее с той же художественной силой, как и жизнь

---

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1949. Деловые бумаги, т. X, стр. 635.

В дальнейшем произведения Пушкина цитируются по этому изданию.

собственного народа, они пытались превратить в лживую легенду о подражаниях и заимствованиях. Именно поэтому, говорит докладчик, они с необыкновенным рвением занимались вопросом о «влиянии» на Пушкина различных иностранных писателей, начиная от Байрона и кончая Шенье. Они крохоборчески выясняли все мелкие и по большей части мнимые совпадения в строках и сходстве в сюжетах, все, даже самые отдаленные намеки на какое бы то ни было влияние, старались всем этим, как песком, засыпать глаза читателю Пушкина, помешать ему увидеть то главное, что было в творчестве Пушкина, — его национальные, народные истоки, его русскую самобытность, которую Пушкин силой своего гения поднял на вершину мировой литературы.

Но разве Пушкин велик тем, что на него в то или иное время в той или иной степени повлиял тот или иной писатель?

Он велик тем, что сам влиял на передовых читателей современного ему русского общества, влиял на десятки и сотни миллионов русских людей на протяжении многих поколений, вплоть до наших дней, влиял на русскую и на мировую литературу.

Он велик тем, что был первым реалистом в мировой поэзии, давшим высочайшие образцы реализма в эпоху, когда в поэзии господствовал романтизм, когда для того, чтобы создать и закрепить новые, реалистические традиции, ему нужно было буквально продираться сквозь дебри романтизма.

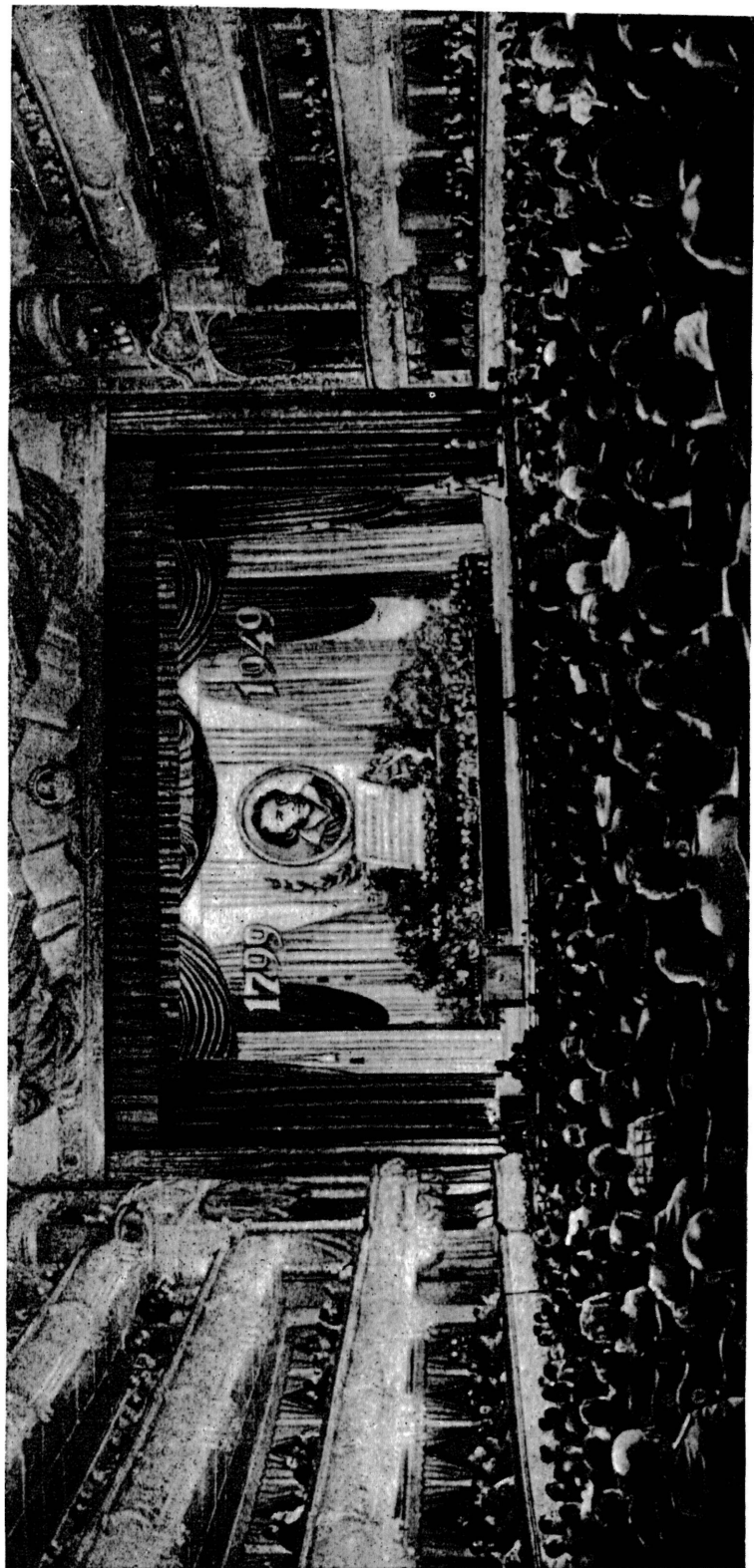
Пушкин на арене литературы, как боец, боролся с чужим влиянием и, рано или поздно, побеждал этого противника.

Так было с Байроном, когда Пушкин, не в подражание, а вопреки романтическому пессимизму Байрона, создал свой реалистический роман «Евгений Онегин» — энциклопедию русской жизни.

Так было с Вальтер-Скоттом, когда Пушкин, ценивший его романтические произведения, вопреки им создал свою глубоко реалистическую «Капитанскую дочку», «Арапа Петра Великого», «Историю Пугачева».

Неужели же, сколько-нибудь глубоко задумавшись над великой фигурой Пушкина, нельзя было это понять?

Нет, говорит докладчик, не понять этого было нельзя. Критики, объявлявшие Пушкина подражателем западным образцам, не заблуждались, они сознательно клеветали на Пушкина. Низкопоклонство и заискивание перед всем иностранным, поведшееся в некоторых кругах старой России со времен Петра I и выгодное кому угодно, кроме России и русского народа, шедшее от онемеченной, офрандуженной и англизированной правящей клики царской России, пренебрежение ко всему русскому, в том числе и к русской литературе, проповедь неполноценности и второсортности русской культуры и русского человека — вот корень всех этих предвзятых и оскорбительных для достоинства русской литературы чудовищных «теорий» о несамостоятельности творчества Пушкина, о его мнимой зависимости от западных образцов.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА.

Докладчик отмечает и другую сторону той реакционной борьбы против Пушкина, которую вели идеологические оруженосцы правящих классов России, пытавшиеся объявить Пушкина своим союзником и использовать его против той самой линии демократической русской литературы, родоначальником которой был Пушкин.

Реакционеры в политике и глашатаи «искусства для искусства» в литературе пытались объявить Пушкина своим единомышленником. Анненков, Дружинин, Фет, буржуазные эстеты XX века объявляли Пушкина своим сторонником. Наиболее полно и злобно выразил это Мережковский, объявивший Пушкина проповедником «чистого искусства». Мережковский не был одинок. Реакционные русские декаденты, состоявшие на содержании у российского капитализма, — Минский, Розанов, Сологуб, Владимир Соловьев и многие другие — нет нужды вспоминать все эти давно забытые у нас имена — на страницах своих эстетских «миров искусства» и «аполлонов» пытались отнять Пушкина у народа и присвоить его себе.

И после Великой Октябрьской социалистической революции не раз в замаскированной форме появлялись на свет рецидивы этой клеветы, новые попытки объявить Пушкина то равнодушным подражателем иностранным образцам, то сторонником «искусства для искусства», то тем и другим сразу. Эти взгляды на протяжении столетия громили и разгромили революционные демократы и марксистская критика.

Передовые демократические умы России, говорит К. М. Симонов, уже давно знали, что понятия «сторонник искусства для искусства» и «реакционер» — это синонимы. Докладчик приводит высказывания крупнейших представителей русской литературы — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Горького, которые настойчиво подчеркивали великое общественное значение творчества Пушкина. «Ведь это только шутки шутят современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть под сенью памятника Пушкина. В действительности, они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайны современности», — писал Щедрин.¹

Все передовые русские писатели подчеркивали то громадное положительное влияние, которое оказал Пушкин на их творчество. К. М. Симонов приводит высказывания об этом Гоголя, Герцена, Гончарова, Островского, Тургенева, Толстого, Горького. «Когда мы говорим о влиянии Пушкина на мировую литературу, — заключает докладчик, — мы должны говорить не только о непосредственном влиянии произведений Пушкина за столетие в тысячах переводов, вышедших на многих десятках языков. Мы должны вспоминать не только те слова

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке. Полн. собр. соч., т. 14, Л., 1936, стр. 460.

глубокого уважения и восхищения, которые говорили о Пушкине такие крупнейшие писатели, как Мериме, Сенкевич, Золя. Мы должны помножить влияние, оказанное на мировую литературу непосредственно Пушкиным, на то громадное влияние, которое оказали на нее и Гоголь, и Тургенев, и Толстой, и Чехов, и Горький — вся великая когорта гениев русской литературы, единодушно считавшая своим учителем Пушкина и неспая в мир силу и красоту передового реализма русской литературы, у истоков которого стоял Пушкин. Только помня об этом, можно реально представить себе все громадное значение Пушкина для мировой литературы».

В заключительной части своего доклада К. М. Симонов говорит, что для оценки значения Пушкина для нашей страны и для всего мира нужно заглянуть в сегодняшний день человечества. «Мир в наши дни бесповоротно разделился на два лагеря — на лагерь демократии и на лагерь реакции, на лагерь сторонников мира во всем мире и на лагерь поджигателей новой войны, на лагерь людей, которые ясно видят перед собой светлое будущее человечества и путь к нему, и на лагерь человеконенавистников, которые хотят столкнуть человечество в бездну одичания и варварства. Эти два лагеря по-иному смотрят не только на настоящее, не только на будущее,— они по-разному смотрят и на прошлое.

И если лагерь поджигателей войны и человеконенавистников, лагерь тех, кто хочет в своих черных целях разбудить в людях самые низменные, самые зверские инстинкты, если этот лагерь ищет себе в прошлом учителей и единомышленников, то он вспоминает знаменитых инквизиторов, знаменитых убийц и знаменитых предателей. Из апостолов он вспоминает Иуду, из дипломатов — Маккиавелли, из философов — Ницше. В мировой литературе он повсюду по капле собирает всю ложь, весь мрак, весь яд, все разбросанные в истории ее черные страницы. Из истории русской литературы этот лагерь взял себе на вооружение только самые мрачные, самые клеветнические на человека страницы Достоевского. Так поступает с прошлым лагерь человеконенавистников.

А мы, лагерь людей, видящих перед собой светлое будущее, мы находим в истории, в великом прошлом всех народов, все радостное, все светлое, все украшающее человеческую душу, все зовущее людей вперед. И среди этого великого наследия человечества мы берем себе на вооружение Пушкина, его светлый гений, его летящую вперед мысль.

Тем, кто вешает негров, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто на глазах у голодных жжет пшеницу, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет купить совесть народа за яичный порошок, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет залить мир кровью, незачем вспоминать Пушкина! Он их враг, враг каждой их мысли, каждого их слова, каждого их гнусного поступка...

Слава Пушкину — сыну нашего народа, гордости нашего народа!

Слава друзьям его светлого гения во всех уголках земного шара!

Слава великой Сталинской эпохе, впервые в истории человечества сделавшей литературу достоянием всего народа, сделавшей достоянием всего народа творения великого Пушкина!»

После доклада К. М. Симонова на трибуну поднимаются деятели культуры братских союзных республик. А. А. Фадеев оглашает список приветствий, поступивших от советских и зарубежных деятелей науки, искусства, литературы. Среди них теплые приветствия Союза писателей Чехословакии, болгарского писателя Людмила Стоянова, английского писателя Бернарда Шоу, Главного правления союза польских писателей, профессоров и студентов города Вроцлава и многие другие.

От имени украинского народа выступает президент Академии Наук УССР академик А. В. Палладин. Он говорит о горячей любви украинского народа к Пушкину — поэту, кровно близкому украинскому народу, связанному теснейшими узами с процессом развития украинского художественного слова.

Белорусский поэт Максим Танк говорит о плодотворном влиянии Пушкина на белорусскую литературу, расцвет которой теснейшим образом связан с именем великого русского поэта.

Польский писатель Леон Кручковский напоминает о дружбе Пушкина с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем и провозглашает славу Советскому Союзу, который под водительством Сталина ведет свободные народы к счастью.

Грузинский писатель Бесо Жгенти с волнением говорит о любви Пушкина к Грузии, которую он называл «пламенной Колхидой». Грузинский народ гордится тем, что Пушкин, как и его славные современники Грибоедов и Лермонтов, был связан с Грузией, что здесь началась творческая жизнь родоначальника советской литературы — А. М. Горького, что на грузинской земле родился Владимир Маяковский. В этих связях величайших русских писателей с Грузией выражено духовное родство грузинского народа с русским народом, та давнишняя дружба, благодаря которой грузинский народ сумел донести свой язык и национальную культуру до нашей светлой советской эпохи.

С пламенной речью выступает встреченный бурными аплодисментами выдающийся пролетарский писатель Дании Мартин Андерсен Нексе. «Пушкинские торжества, — сказал он, — являются блестящим примером благодарности и любви русского народа. Разрешите мне признаться: я считаю величайшим счастьем в своей жизни, что русский народ сделал меня своим приемным сыном, русский народ, являющийся авангардом пролетариата и человечества, заменивший лживый, буржуазный «индивидуализм» подлинным уважением к личности... Я сам никогда не чувствовал неблагодарности со стороны пролетариата, но нигде благодарность не потрясала меня так, как здесь, в СССР. Как прекрасна благодарность русского народа своему великому поэту Пушкину!»

В речах представителя литовского народа поэта Анастаса Венцлова, армянского писателя Гургена Боряна, азербайджанского писателя Мамеда Рагима, китайского поэта Эми Сюо было выражено глубочайшее признание заслуг великого Пушкина как подлинного представителя русского народа в развитии всех национальных литератур, всей культуры народов мира.

В Ленинграде вечером 6 июня состоялось торжественное заседание в Академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова. В зале театра присутствовали лучшие люди города: стахановцы, ученые, писатели, художники, композиторы, студенты, представители партийной и советской общественности, офицеры и генералы Советской Армии.

На следующий день в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное заседание Общего собрания Академии Наук СССР, на котором присутствовали научные работники и многочисленные гости.

Президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов, открывая это заседание, отметил величайшее внимание, которое уделяют памяти Пушкина советское правительство, коммунистическая партия и лично товарищ Сталин. Президент сообщил, что советское правительство предоставило Академии Наук исключительные полномочия для сосредоточения рукописей Пушкина в ее учреждениях, передало Академии Наук коллекцию громадной Пушкинской выставки 1937 года.

С. И. Вавилов доложил Общему собранию о том, что задание советского правительства — издать полное академическое собрание сочинений Пушкина, а также выпустить к 150-летию юбилею поэта десятитомное собрание его сочинений на основе большого научного издания — с честью выполнено Академией Наук.

Доктор филологических наук Д. Д. Благой прочитал на этом заседании доклад «Мировое значение Пушкина». Затем выступили с речами немецкий писатель Иоганнес Бехер, болгарский писатель Димитр Полянов, английский писатель Джек Линдсей, известный певец и прогрессивный американский общественный деятель Поль Робсон и другие. Все они подчеркнули мощное влияние гения русской литературы на поэзию их народов.

«Мы, представители негритянского народа во всем мире, гордимся Пушкиным и любим его память и его великие создания», — говорит Поль Робсон. «Мы знаем, — продолжал он, — что Советский Союз своей мощью уничтожил фашизм, и мы полны решимости бороться за мир и дружбу с этой великой страной, давшей миру Пушкина, за дружбу с вами, советские люди, надежда всего мира, с вами, строящими полноценную и многообразную человеческую жизнь, опираясь на идеи и деяния ваших великих вождей Ленина и Сталина».

8 июня из Москвы в Ленинград выехала специальным поездом многочисленная делегация Академии Наук СССР, Союза советских писателей СССР, гостей из союзных республик и писателей зарубежных стран на тор-

жественное заседание Президиума Академии Наук, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. В Ленинграде делегация посетила музей-квартиру Пушкина на Мойке. В этой квартире он умер, смертельно раненный предательской рукою. Сюда приходили друзья Пушкина, с которыми он обменивался прощальными рукопожатиями; сюда в январские морозные сумерки приходили поклониться праху любимого поэта простые русские люди.

В маленьком зеленом городке, когда-то именовавшемся Царским Селом, а ныне названном именем гениального поэта, заканчивались сложнейшие строительные и реставрационные работы в Лицее и Александровском дворце, разрушенном фашистскими варварами.

В Лицее воссоздавался по сохранившимся чертежам архитектора В. П. Стасова актовый зал, в котором 8 января 1845 г. Пушкин на экзамене читал свои знаменитые патриотические стихи перед Державиным:

Страшись, о рать иноплемненных!
России двинулись сыны...¹

Более ста лет назад, в 1844 г., царское правительство приказало перестроить этот исторический зал под жилые квартиры. Тогда же было перестроено общежитие лицейстов, помещавшееся в четвертом этаже Лицея. Была уничтожена и пушкинская комнатка-«келья», о которой поэт неоднократно вспоминал в своих стихах.

Теперь все это — и актовый зал, и «студенческая келья» поэта — восстановлено к юбилею заботливыми руками советских людей, истинных ценителей художественного наследия Пушкина.

Торжественное заседание Президиума Академии Наук открылось в г. Пушкине 10 июня в 12 час. в этом актовом зале. Присутствовавшие несколько раз прерывали овациями вступительную речь академика С. И. Вавилова. Весь зал встал, когда академик А. В. Палладин внес предложение избрать в состав почетного президиума Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем советского народа товарищем И. В. Сталиным.

На улице возле Лицея у радиуропоров стояли сотни людей, прибывших на пушкинское празднество из Ленинграда и его пригородов. Город Пушкин, встретивший в этот день многочисленных гостей, был по-праздничному наряден. Его улицы и перекрестки украсились портретами великого поэта, разноцветными флажками.

В 2 часа дня состоялось открытие Музея А. С. Пушкина в залах бывшего Александровского дворца. Во время оккупации немцами города Пушкина в Александровском дворце помещались фашистские солдаты

¹ А. С. П у ш к и н. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

и части испанской «голубой дивизии». Богатое убранство дворца, мебель, ковры, картины, книги, посуда, утварь — все было варварски разграблено. Были перебиты все зеркала, испорчены плафоны и исковерканы инкрустации на стенах. На паркетных полах варвары жгли костры. Трудами советского народа теперь это все восстановлено.

Социалистическая страна обогатилась еще одним замечательным памятником культуры. В просторных залах Музея размещены тысячи экспонатов, посвященных великому поэту. Здесь — его подлинные рукописи, книги, вещи, многочисленные советские издания его сочинений, картины крупнейших русских мастеров, иллюстрации к произведениям; здесь представлены портреты современников Пушкина, его друзей и врагов, воспроизведена целая историческая эпоха в жизни России. Немалое место в Музее отведено духовным наследникам Пушкина, великим продолжателям его традиций в литературе, — Белинскому, Лермонтову, Гоголю, Некрасову, Чернышевскому, Добролюбову, Тургеневу, Толстому и основоположнику советской литературы А. М. Горькому.

Около двух тысяч человек посетили в первый же день Музей Пушкина и записали свои впечатления в книгу отзывов. Каждое слово, записанное в эту книгу, и каждое выступление в Лицее и на митинге у б. Александровского дворца были проникнуты горячей любовью к Пушкину и к великой стране социализма. Это чувство прекрасно выразил чилийский поэт Пабло Неруда. «Ты каждый день на земле со своим народом разделяешь его судьбу, — сказал он, обращаясь к Пушкину. — Как бы был ты горд, если бы видел теперь Советский Союз, счастливые народы которого поют твои песни, а земля живет счастьем и трудом. Свобода сегодня во всем мире называется именем твоей Родины».

Из города Пушкина празднование юбилея было перенесено в Пушкинский заповедник Псковской области. Вечером 10 июня московская делегация вместе с ленинградцами выехала поездом в Псков. У трудящихся Псковской области стало традицией ежегодно отмечать пушкинские дни народными митингами, возложением цветов на могилу великого русского поэта. Имя его навеки связано с этим краем. Здесь Пушкин жил и творил, здесь он слушал у Арины Родионовны чудесные русские народные сказки, здесь он написал бессмертное произведение — народную трагедию «Борис Годунов», восторженную песнь любви — «Я помню чудное мгновенье» и многие другие произведения.

Псков был украшен флагами и портретами Пушкина. Вечером в Псковском областном драматическом театре имени А. С. Пушкина состоялось объединенное торжественное заседание Всесоюзного юбилейного комитета, Академии Наук Союза ССР и Псковской областной юбилейной комиссии. Поэт Н. С. Тихонов и профессор Д. Д. Благой в своих докладах охарактеризовали Пушкина как величайшего мирового поэта, основоположника русской литературы.

«Пушкинские места в Псковской области, — сказал академик С. И. Вавилов, — стали для русского народа святыней, потому что здесь созданы великим поэтом его гениальные произведения, потому что эта земля тесно связана с жизнью нашего Пушкина. Здесь Пушкин особенно близко общался с русскими крестьянами, здесь он черпал у народа вдохновение и мудрость для своего творчества».

Зарубежные писатели, выступившие перед трудящимися Пскова, рассказали о значении творчества Пушкина в сближении их народов с Советским Союзом.

«Советская Армия, — сказал венгерский писатель Шандор Гергель, — принесла Венгрии свободу. Вместе с победоносной Советской Армией к нам пришел и Пушкин».

«В своих великих творениях ваш Пушкин, — сказал итальянский писатель Либеро Биджаретти, — дал такие типы и образы, которые понятны всем народам мира, понятны сегодня, понятны будут и грядущим поколениям».

На следующий день многочисленные делегации возложили венки на могилу А. С. Пушкина в Святогорском монастыре. В селе Михайловском состоялись открытие Дома-музея Пушкина, митинг и большое народное гулянье.

К заключительным торжествам 12 июня в пушкинских местах готовилась вся Псковская область. Всю ночь и все утро на шоссе, ведущем от г. Острова к селу Михайловскому, и на всех проселочных дорогах не утихал шум. Тысячи людей, сотни автомашин, мотоциклов, велосипедов, телег двигались к Михайловскому. На перекрестках развевались праздничные флаги. На каждой колхозной избе висел портрет Пушкина, любовно убранный полевыми цветами. На огромных щитах по шоссе были представлены произведения самодельного народного искусства — иллюстрации к пушкинским сказкам.

К утру на живописных холмах Пушкинских гор, на лесной поляне в Михайловском, в зеленых рощах и долинах расположилось более 100 тыс. человек. Большая процессия с венками поднялась на высокий песчаный холм к могиле великого поэта. Более часа продолжался митинг у могилы и возложение венков. Вокруг стройного мраморного обелиска-памятника образовалась целая гора венков и цветов.

Место могилы поэта, бывшее при самодержавии далеким захолустьем, ныне, в советскую эпоху, стало близко и дорого советским людям. «Самодержавие хотело сделать это место самым глухим, самым незаметным, самым неизвестным, — сказал заместитель генерального секретаря Союза советских писателей Н. С. Тихонов. — Это место сегодня видно всему миру».

Праздник в Михайловском закончился грандиозным митингом, на котором выступили президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов, украинский поэт Павло Тычина, писатель Аркадий Первенцев,

негритянский поэт Питер Блэкман, китайский поэт Эми Сяо, правнук А. С. Пушкина Г. Г. Пушкин, чешский поэт Ян Дрда и другие.

Празднование пушкинского юбилея — этот всенародный праздник социалистической культуры — вновь и вновь показало, что наша великая Советская страна, идущая под мудрым водительством Сталина к победе коммунизма, является всемирным светочем прогресса, оплотом всех демократических сил мира.

I

**ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ
7 июня 1949 г.**

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

июня 1949 г. в Москве, в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание Общего собрания Академии Наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина.

На заседании присутствовали виднейшие ученые — академики, члены-корреспонденты Академии Наук СССР, представители академий наук союзных республик, работники искусства, писатели, журналисты, всего свыше 2000 человек. Тепло были встречены делегации зарубежных писателей.

Вступительное слово произнес президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов.

Бурными аплодисментами было встречено предложение академика А. В. Топчиева об избрании в почетный президиум Политбюро Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) во главе с великим вождем и учителем советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Академик С. И. Вавилов предоставил слово для доклада «Мировое значение Пушкина» доктору филологических наук Д. Д. Благому.

Во второй части заседания состоялись выступления писателей, приехавших на пушкинские торжества по приглашению Всесоюзного пушкинского юбилейного комитета.

С приветственными речами, в которых была охарактеризована роль великого русского поэта в развитии литературы разных стран, выступили: немецкий писатель Иоганнес Бехер (перевод прочитала референт ВОКС Т. Г. Соловьева), болгарский писатель Димитр Полянов, английский писатель Джек Линдсей (перевод прочитала референт ВОКС А. А. Кубицкая), известный певец и общественный деятель Америки Поль Робсон, который произнес свою речь на русском языке и закончил свое выступление исполнением негритянских и русских песен.

Перед закрытием торжественного заседания академик С. И. Вавилов сообщил о полученных Президиумом Академии Наук многочисленных телеграммах из-за границы по случаю празднования 150-летия со дня рождения Пушкина и выразил благодарность от имени Общего собрания лицам и учреждениям, приславшим приветствия.

*Президент АН СССР
академик*

С. И. Вавилов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

разднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина в Советском Союзе — это радостное всенародное событие. Его отмечает вся наша страна, все республики, все народы, входящие в советское содружество, все советские люди, независимо от профессии. Поэтический гений Пушкина еще в детские годы поэта поражал его современников. На другой день после смерти Пушкина, несмотря на рогатки николаевской цензуры, в печати раздался крик: «Солнце нашей поэзии закатилось». Никогда не ослабевала слава Пушкина: у него были враги, прямые и косвенные дантесы, были при жизни, были после смерти. Однако эти пигмеи могли убить Пушкина, но не могли загасить пламени его славы.

Великая революционная победа в октябре 1917 г., превратившая царскую, буржуазно-дворянскую Россию в социалистическое государство, осуществила мечту Пушкина. Над его Родиной взошла, наконец, прекрасная заря социализма. Пушкинское слово в совсем новой исторической обстановке не только сохранило свое значение, но и несравненно громче зазвучало в ленинско-сталинскую эпоху, совсем по-новому, по-иному, чем раньше.

Неотразимая, всегда покоряющая сила Пушкина кроется в том, что этот дворянин по рождению на самом деле всеми бесчисленными нитями своего всеобъемлющего гения был неразрывно связан с народом. Творчество Пушкина — это многогранное отражение лучших свойств русского народа, его простоты, прямоты, широты, любви к Родине, к ее замечательным людям, неискоренимого вольнолюбия, мужества, тонкого ума и чувства красоты.

Уместно вспомнить стихи Я. П. Полонского, написанные в 1880 г. по случаю открытия памятника Пушкину в Москве:

Ничего не презирая,
В дымных хатах изучая
Дух и склад родной страны,

Чужая русской жизни трепет,
Пушкин — правды первый лепет
Первый проблеск старины...

Пушкин — это эхо славы,
От Кавказа до Варшавы,
От Невы до всех морей,
Это сеятель пустынный,
Друг свободы, неповинный
В лжи и злобе наших дней.¹

Полонского надо поправить только в одном. Пушкин был не первый лепет правды, а полная правда.

Чем шире, благодаря усилиям и находкам науки о Пушкине, перед нами раскрывается литературное наследство поэта, тем яснее обрисовывается революционный лейтмотив творчества Пушкина. Десятая глава «Онегина», связь Пушкина с декабристами, глубокое, реальное понимание необходимости в революции всенародной поддержки — вот некоторые выводы советского пушкиноведения. Пушкин был бесспорным предшественником революционных демократов. В 1818 г. Пушкин писал Чаадаеву:

Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой...²

Эти строки характеризуют главную линию творчества Пушкина до конца его жизни. Вольнолюбие Пушкина, так же как и вольнолюбие русского народа, сочеталось с глубоким патриотизмом. В ответ на данную Чаадаевым пессимистическую оценку истории России, Пушкин писал: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю...»³ Любовь к Родине выражена и в известных строках стихотворения «Клеветникам России» — в строках, которые в современных условиях звучат как жгучая пощечина врагам России. Поэт обращается к западным «народным витиям» с вопросом, за что они ненавидят Россию.

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?...⁴

¹ Я. П. Полонский. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1885, стр. 446.

² А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 595. Подлинник по-французски. Перевод текста — стр. 867.

⁴ А. С. Пушкин. Клеветникам России. Соч., т. III, стр. 223.

Такие слова и сейчас советский народ обращает к лжедемократам западного капиталистического мира.

Современное пушкиноведение с несомненностью доказало, что легенда о Пушкине как о поэте «чистого искусства», поэте, рожденном «для звуков сладких и молитв»,¹ лишена всякой почвы. Чудесное художественное мастерство Пушкина — это органическая, неотъемлемая для него форма действительной мысли, направленной прежде всего на проповедь свободы. Этот якобы «эстет», как на главную свою заслугу, указал, что «в мой жестокий век восславил я свободу».²

Совершенно поразительна «открытость» и доступность поэзии Пушкина, несмотря на всю ее глубину. Творчество Пушкина понятно всем, от ученого до ребенка. Именно поэтому в советские годы произведения Пушкина разошлись более чем в 40 миллионах экземплярах. В этом сказывается глубочайшая народность творчества Пушкина, бесконечно далекого от формалистического эстетства.

Пушкин — глубоко народный поэт, больше того — самый народный поэт. В этом и заключается разгадка его поразительной силы, его необычайно возросшего влияния в Советской стране, где хозяином является народ.

Пушкин был не только поэтом и литератором. До сих пор не все знают, что Пушкин был выдающимся ученым, прежде всего историком. Так же как и в отношении Ломоносова, эту истину восстанавливают только в наше время, с громадным запозданием.

Исторические исследования Пушкина, касающиеся восстания Пугачева и царствования Петра I, ставят его в первые ряды наших отечественных историков.

Научный метод был врожденным и близким Пушкину. «Узы строгие наук», о которых он говорит в «Воспоминаниях в Царском селе», были не чужды, а, наоборот, близки Пушкину. Об этом, в частности, свидетельствует строгость планов его произведений, поразительная хронологическая стройность «Онегина».

Известны замечательные строки Пушкина из кишиневского послания «Чаадаеву»:

В уединении мой воссравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.³

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. III, Поэт, стр. 21.

² Там же. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», стр. 376.

³ А. С. Пушкин. Чаадаеву. Соч., т. II, стр. 46.

Деятельность Пушкина как редактора «Современника» составляет важную веху в истории русского научного просвещения. Пушкин уделял большое внимание вопросам экономики, точных наук и техники.

Козловский в своих воспоминаниях о «Современнике» передает следующее:

«Иногда случалось Пушкину читать в некоторых из наших журналов полезные статьи о науках естественных, переведенные из иностранных журналов или книг; но что перевод в таком государстве, где люди образованны, которым «Современник» особенно посвящен, и где они сами могут прибегать к оригиналам,— это всегда казалось ему какой-то бедной заплатой, не заменяющей недостатка собственных упражнений в науках».¹ Сохранились счета книжного магазина Белизара от 1836 г., из которых ясно, что Пушкин покупал книги Лапласа по теории философии, теории вероятностей и книги по астрономии.

Пушкин был членом Российской Академии, вошедшей затем в состав Академии Наук. Было бы ошибочно судить об отношении Пушкина к академиям, в частности к Академии Наук, по известной его эпиграмме на князя Дундукова. Дундуковы, к сожалению, были и до сих пор иногда встречаются в академиях. Но это эпизоды. Об истинном отношении Пушкина к академиям лучше всего судить по его большой статье «Российская Академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике» и полной почтительного отношения к этому учреждению. Достаточно привести одну фразу из этой статьи, содержащую характеристику доклада В. А. Поленова: «В. А. Поленов,— пишет Пушкин,— прочел «Краткое жизнеописание И. И. Лепехина», первого неперменного секретаря Российской Академии; статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую».²

О серьезном отношении Пушкина к вопросам науки говорят его многочисленные высказывания, ставшие афоризмами.

Напомню замечательную фразу из «Бориса Годунова», где дается следующая характеристика науки: «...наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни...»³

Гениален по своей глубине и значению для ученого следующий мало известный отрывок:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.⁴

¹ К о з л о в с к и й. Краткое начертание теории паровых машин (примечание), «Современник», 1837, т. VII, стр. 51.

² А. С. П у ш к и н. Российская Академия. Соч., т. VII, стр. 371—372.

³ А. С. П у ш к и н. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 261.

⁴ А. С. П у ш к и н. «О сколько нам открытий чудных...» Соч., т. III, стр. 161.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА, В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ (МОСКВА).

Каждая строчка здесь свидетельствует о проникновенном понимании Пушкиным методов научного творчества.

Академия Наук СССР, чествуя сегодня память величайшего русского поэта, меньше всего имеет в виду подчеркнуть заслуги Пушкина как ученого. Но это — одна из многочисленных граней его поразительной личности и творчества, которая не может не быть отмечена.

Академия Наук считает своей почетной обязанностью возможно шире и глубже раскрыть творчество Пушкина перед Советской страной, показать его огромное значение для современной передовой культуры, для нашей страны, для всего мира.

Советское правительство предоставило Академии Наук исключительные полномочия в отношении сосредоточения рукописей Пушкина в ее учреждениях, передало Академии Наук коллекции громадной Пушкинской выставки 1937 г.

Своим постановлением 1936 г. правительство обязало Академию Наук издать полное академическое научное собрание сочинений поэта.

В связи со 150-летием со дня рождения Пушкина правительство обязало Академию Наук издать, на основе большого научного издания

10-томное собрание сочинений поэта, предназначенное для широких кругов читателей.

Правительство передало Академии Наук бывший Александровский дворец и бывший Царскосельский лицей в г. Пушкине, под Ленинградом, для размещения в нем Всесоюзного Пушкинского музея и Института литературы (Пушкинского Дома).

Я счастлив доложить Общему собранию Академии на настоящем торжественном юбилейном собрании, посвященном Пушкину, что постановления правительства Академией выполнены.

Благодаря напряженной работе наших пушкиноведов, во главе с профессором В. Д. Бонч-Бруевичем, и наших издателей, во главе с директором издательства А. И. Назаровым, закончено издание полного академического собрания сочинений Пушкина в 20 книгах (16 томах). Одновременно с окончанием издания большого академического собрания, основанного на канонических текстах академического собрания сочинений, изданного в 100 тыс. экземплярах, выполнено и другое постановление правительства.

К 150-летию юбилею со дня рождения Пушкина произведены значительные реставрационные работы в бывшем Александровском дворце, разрушенном немецкими варварами, и в ближайшие дни открывается во дворце Пушкинский музей, достойный памяти нашего величайшего поэта.

Одновременно открывается ряд помещений в бывшем Царскосельском лицее. Благодаря помощи советского правительства удалось в точности восстановить знаменитый актовый зал в Лицее, в котором Пушкин выступал на экзамене в присутствии Державина. Этот зал был застроен еще в 60-х годах прошлого века при царском правительстве. Советская власть воскресила этот замечательный памятник русской культуры. Чрезвычайно сложные и тонкие реставрационные работы в городе Пушкине удалось осуществить в короткий срок благодаря энтузиазму строительных рабочих, руководимых начальником строительства тов. Берлиным.

Благодаря помощи правительства Академии Наук удалось произвести большие реставрационные работы в Пушкинском заповеднике, у могилы Пушкина (у бывшего Святогорского монастыря) и в селе Михайловском, где восстановлен дом поэта и домик его няни Арины Родионовны. В доме поэта открыт музей. 5 июня 1949 г. Академия торжественно открыла мемориальный обелиск в память пребывания А. С. Пушкина в детские годы в селе Захарове, вблизи Звенигорода.

В этих больших и многочисленных мероприятиях, законченных к дням празднования юбилея поэта, перед нами один из замечательных примеров величайшего внимания советской власти, Коммунистической партии и лично товарища Сталина к вопросам русской культуры и к памяти гениального русского поэта.

Нет никакого сомнения, что на твердой основе уже достигнутого советская наука о Пушкине еще углубит и расширит наши знания о творчестве поэта и еще больше сблизит Пушкина с советским народом.

Пушкин — это не поэт прошлого, это — наш сегодняшний день, наша слава и наша радость. Слава величайшему русскому поэту! Слава Советской стране, поднявшей наследие Пушкина на новую, невиданную ранее высоту!

Слава нашему великому вождю, учителю и могучему двигателю советской культуры — товарищу Сталину!

Доктор филологических наук
Д. Д. Благой

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ А. С. ПУШКИНА

Началом всех начал русской литературы справедливо называл Пушкина Максим Горький. И действительно, роль Пушкина как родоначальника новой русской литературы поистине громадна.

Пушкин объединил, слил русскую художественную литературу с передовым освободительным движением своего времени — зарей русской революции. Пушкин сообщил нашей литературе подлинную и всестороннюю народность, сделал ее «поэзией действительности», органом художественного самосознания общества.

Пушкин возвел занятие художественной литературой в значение и достоинство дела первостепенной национальной важности. Освободив свою мысль от всякого рода условных уз и оков, налагавшихся различными литературными «сектами», школами и направлениями, Пушкин явил в своих великих созданиях высшие образцы оригинальности и самобытности.

В то же время Пушкин образовал, говоря его же словами, самый «материал словесности», изваял несравненной красоты художественные формы русского литературного языка и русского стиха, которые впервые под его резцом обнаружили все безграничные возможности, все неисчерпаемое богатство, в них заключенные.

Всем этим Пушкин поднял нашу литературу на новый, неизмеримо более высокий уровень. Русская литература в одном человеке разом выросла на целое столетие. Пушкин внес в нее новые качества, с этого времени ей неотъемлемо присущие. Пушкин сделал русскую художественную литературу подлинно великой, национальной, а тем самым и мировой литературой, дал возможность последующим нашим писателям стать величайшими литературными деятелями национального и мирового значения.

Великую роль Пушкина в формировании их собственного творчества сознавали все крупнейшие русские писатели-классики, пришедшие вслед

за ним в литературу. «Пушкин — отец, родоначальник русского искусства, как Ломоносов — отец науки в России», — писал о Пушкине автор «Обломова» и «Обрыва» — Гончаров. «Даже Лермонтов, — прибавлял он, — фигура колоссальная, весь, как старший сын в отца, вылился в Пушкина».¹ О самом себе Гончаров заявлял, что он «питался» поэзией Пушкина, как «молоком матери».²

«Наставником и вождем» своим называет Пушкина автор «Записок охотника», «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей» — Тургенев. «...Пушкин... был великолепный русский художник, — заявлял он. — Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина...»³

Даже Лев Толстой, столь чуждый, как известно, какого бы то ни было фетишизма, преклонения перед авторитетами, говоря о Пушкине, употреблял почти неожиданный в его устах эпитет: «божественный Пушкин». «Пушкин — наш учитель», — неоднократно утверждал Толстой.

Одно время совершенно неправильно противопоставляли Пушкину Гоголя, как представителя якобы другого, не только противоположного, но даже чуть ли не враждебного Пушкину направления в нашей литературе. На самом деле это противопоставление явно ошибочно. В становлении, формировании литературного творчества Гоголя творчество Пушкина сыграло едва ли не самую важную роль. Не случайно над только что появившимся «Борисом Годуновым» молодой, только еще вступивший тогда в литературу Гоголь дает своего рода «аннибалову клятву» в неизменной верности своему писательскому долгу, в неподкупной честности своего литературного труда.

Отдельными элементами своего творчества, отдельными произведениями Пушкин непосредственно подготовлял и Гоголя и так называемую «натуральную школу». Пушкин принимал непосредственное и активнейшее участие и в самом формировании гоголевского направления. «Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним», — писал Гоголь, потрясенный известием о безвременной гибели Пушкина. «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, — вот что меня только занимало и одушевляло мои силы... Боже! нынешний труд

¹ И. А. Гончаров. Лучше поздно, чем никогда. Собр. соч., т. VIII, изд. 3-е, СПб., 1896, стр. 217.

² И. А. Гончаров. Воспоминания. В университете. Собр. соч., т. IX, стр. 113.

³ И. С. Тургенев. Речь, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Собр. соч., т. XII, 1898, стр. 336.

мой, внушенный им, его создание... я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо, -- и перо падало из рук моих».¹

«Нынешний труд» — это первый том «Мертвых душ». И мы, действительно, знаем, что Пушкин был не только вдохновенным оценщиком взыскательным критиком, но и непосредственным вдохновителем Гоголя, как никто понявшим и оценившим сущность гоголевского дарования. Именно Пушкин помог Гоголю найти себя. Известен тот небывалый по щедрости дар, который сделал Пушкин Гоголю, передав ему сюжеты двух основных гоголевских произведений: «Ревизора» и «Мертвых душ».

«Начало всех начал русской литературы»² — Пушкин был началом и гоголевского ее направления. Недаром так ценили Пушкина ближайше связанные с гоголевским направлением писатели — революционные демократы и Некрасов и Салтыков-Щедрин.

И чем дальше шло время, влияние Пушкина не только не затухало, а, наоборот, все нарастало — разгоралось все ярче и сильнее.

Замечательный тому пример — творчество одного из последних великих представителей критического реализма XIX в. в нашей литературе и родоначальника новой, советской литературы Максима Горького.

Таких предельно восторженных слов о Пушкине, этом «гиганте», «все ведавшем», «несравнимом ни с кем», «гении, который не имел и не имеет равных ему», не звучало еще никогда до Горького в нашей литературе.³ Учиться у Пушкина — к этому настойчиво и неизменно призывал Горький всех молодых писателей, обратившихся к нему за советом и помощью. И этот завет Горького выполняется нашей советской литературой. Самая передовая литература в мире, литература совершенно нового этапа, небывалого еще доселе в мировой истории, — советская литература замечательно продолжает и развивает основные и лучшие начала, внесенные в наше литературное развитие Пушкиным. Но гигантское литературное дело Пушкина имеет не только национальное, но и всемирно-историческое значение.

Уже Белинский, величайший русский литературный критик и лучший истолкователь творчества величайшего русского поэта, прямо ставил вопрос о мировом значении пушкинского творчества. Однако он еще колебался в решении этого вопроса; в разное время давал на него противоречивые ответы и твердо и окончательно решить его так и не мог.

Эти колебания были не случайны. Сам Белинский неоднократно подчеркивал, что оценка, которую он давал творчеству Пушкина, отнюдь не является результатом только его личных отвлеченно логических рассуждений, что она развилась из жизни общества. Жизнь же русского общества была тогда такова, что она еще не давала опоры «верованию» Белинского во всемирное значение пушкинского творчества.

¹ Н. В. Г о г о л ь. Письма. Ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 432. Письмо П. А. Плетневу 16 марта 1837 г.

² М. Г о р ь к и й. О литературе. М., 1937, стр. 158.

³ Там же, стр. 339, 437, 467.

По словам И. В. Сталина, «...каждая нация... имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее». ¹ И чем более национальным является в своем творчестве данный писатель, чем полнее и глубже выражает он в нем качественные особенности, специфику своей нации, тем больше его творчество дополняет и обогащает сокровищницу мировой культуры, тем несомненное приобретает оно подлинно мировое значение.

Между тем Белинский, который, в противовес нападкам на Пушкина современных ему критиков лжедемократов, решительно утверждал истинную народность пушкинского творчества, в то же время еще не решался в полной мере придать Пушкину имени «народного», «национального» поэта. «Народный поэт — тот, которого весь народ знает...» — писал Белинский и в связи с этим считал название Пушкина «народным» и «национальным» писателем верным только «вполовину». ²

Белинский горячо верил в великое будущее, предстоявшее «потомкам», предстоявшее русскому народу, который, как он проникновенно указывал, пойдет сто лет спустя во главе всего человечества. Но Белинскому было еще неясно то новое, что нес с собой миру Пушкин, поскольку не было ему ясно и то новое, что несла с собой человечеству Россия. «Какую идею предназначено выражать России, — писал Белинский в 1843 г., когда появились первые четыре из цикла его знаменитых пушкинских статей, — определить это тем труднее и даже невозможнее, что ... Россия есть страна будущего». ³

В то же время сама историческая обусловленность оценки Пушкина была для великого критика явным свидетельством неокончателности этой оценки.

«Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества», — писал Белинский. «Каждая эпоха, — продолжал он, — произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда останется следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное». ⁴

Полным голосом и с величайшей убежденностью заговорил о всемирном значении Пушкина как «величайшего в мире художника» Максим Горький.

В утверждениях великого пролетарского писателя Горького уже явственно звучит голос нашего времени. Действительно, новая эпоха для

---

¹ Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 г. «Большевик» № 7, 15 апреля 1948 г., стр. 2.

² В. Г. Б е л и н с к и й. Сочинения Александра Пушкина, статья пятая. Избр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1941, стр. 263 — 264.

³ В. Г. Б е л и н с к и й. Там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 71.

решения старого вопроса о «национально-всемирном» значении Пушкина настала в наши дни. В наши дни Пушкина воистину знает весь советский народ. То, что ограничивало признание Белинским Пушкина народным, национальным поэтом, как видим, начисто преодолено нашим советским строем, жизнью нашего социалистического общества.

В то же время то великое будущее, о котором мечтал для России Белинский, настало. Россия, совершившая величайшую в мире революцию, сплотившая многие национальности в братский Советский Союз, избавивший человечество от одного из самых страшных его врагов — немецкого фашизма, возглавляющий ныне великое дело борьбы за мир против людоедствующих поджигателей новой мировой войны, уверенно идущий по пути создания нового, коммунистического общества, — такая Россия, конечно, уже не может считаться только страной будущего. История воочию обнаружила перед нами, «какую идею предназначено выражать России».

Всемирно-историческое значение России, русского народа не подлежит сомнению. А если это так, — не может подлежать сомнению и всемирно-историческое значение величайшего русского национального поэта Пушкина, являющего, по известным словам того же Горького, «самое полное выражение духовных сил России». Задача заключается в том, чтобы определить, в чем это всемирно-историческое значение заключается.

Мировое значение писателя проще и, казалось бы, естественнее всего измеряется его всемирным признанием, всемирным влиянием, им оказанным. Однако это далеко не всегда так. Понадобилось, например, два столетия для того, чтобы была признана и правильно оценена драматургия Шекспира. У нас в течение долгого времени преувеличивали неизвестность Пушкина и невнимание к его творчеству за пределами нашей страны. Советским исследователям в ряде работ удалось собрать очень большой материал, который наглядно показывает, что творчество Пушкина почти с первых же шагов поэта обратило на себя пристальное внимание в Западной Европе, что основные произведения Пушкина многократно переводились на все почти языки мира, встречали традиционно-почтительную оценку критики и исключительно восторженное признание со стороны отдельных знатоков и ценителей.

Несомненное влияние оказывали произведения Пушкина на отдельные явления западноевропейской литературы (например, влияние пушкинских «Цыган» на «Кармен» Мериме, влияние «Пиковой дамы» на развитие французской новеллы и т. д.). Огромное значение имело творчество Пушкина для развития восточнославянских литератур, в частности болгарской литературы.

Но несмотря на все это, европейским «властителем дум», таким властителем дум, каким были, скажем, во времена Пушкина Байрон и отчасти Виктор Гюго, каким сделался в конце XIX и начале XX в. Лев Толстой, Пушкин не был и не стал.

Мимо замечательных художественных открытий Пушкина западноевропейская литература прошла, не заметив их, так же как за 70—80 лет до того западноевропейская наука «не заметила» приоритета ряда замечательных, мировых по своему значению, научных открытий Ломоносова.

Но мировое значение Пушкина отнюдь не определяется только размерами его мирового влияния. Важнее установить реальное место и внутреннее значение пушкинского творчества в истории развития всей мировой литературы.

Время Пушкина было эпохой многих кризисов и переворотов.

Определяющее значение в развитии Пушкина имело то в высшей степени важное и значительное, что совершалось на его глазах в России — прежде всего великий национально-общественный подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., и прямое следствие этого — разгоравшаяся заря русской революции — движение декабристов.

Помимо гениальной личной одаренности Пушкина, огромную роль для всего его духовного и творческого развития, как великого национального поэта, сыграла именно война 1812 г. Для Франции блистательная и трагическая эпопея Наполеона закончилась национальным трауром. Для Англии ее победа была торжеством английской буржуазии над буржуазией французской. Германия была освобождена от наполеоновской тирании доблестью русских войск. Для России война 1812 г. была великой народной войной, в которой русский народ не только отстоял свою независимость, честь и свободу от иностранных захватчиков, но и спас, освободил Европу.

Войной 1812 г. Пушкин как национальный поэт поставлен был в исторические условия, так сказать, максимального благоприятствования перед всеми остальными европейскими писателями.

Для великих французских писателей той поры — Бальзака, Стендаля, Гюго — наполеоновская эпопея явилась предметом романтических сожалений и романтических грез. Для Байрона торжество английской буржуазии над Наполеоном было одним из источников его «демонического» разочарования и гордого протеста. Пушкину война 1812 г. сообщила могущественную народно-патриотическую зарядку, была источником его неиссякаемой веры в русский народ, была ярчайшим свидетельством величия русского народа, внушала чувство собственной приобщенности к этому величию, кровной связи со своим народом, с животворной и питающей народной почвой. На этой народной и национальной почве и вырастает пушкинская поэзия действительности — величайший пушкинский реализм.

В то же время пушкинский реализм был овеян дыханием передовых освободительных идей своего времени. Пушкин восславил свободу вслед Радищеву. В литературу он вошел на гребне поднимающейся декабристской волны. Призывавший в своих стихах революционную грозу, он был буревестником подготавливавшегося декабрьского восстания.

Противопоставляя Пушкина Байрону, Герцён очень метко сказал: «Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился». ¹

Действительно, и в этом отношении Пушкин — великий поэт великого народа — был поставлен в условия максимального исторического благоприятствования.

На Западе во времена Пушкина происходило крушение великих идеалов просветителей, становление буржуазного строя, оскверняющего «все священное», заменяющего «эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями... эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой». ²

В связи с этим на Западе это была пора великих разочарований и утраченных иллюзий, демонического презрения к человеку, к народу. У нас в это же время началось революционное движение, русская революция, сто лет спустя превратившая самодержавно-крепостническую Российскую империю в Союз Советских Социалистических Республик — вождя человечества на путях к коммунизму.

В силу исторических условий русская революция во времена Пушкина не смогла развернуться во всю свою ширь: оторванная от основных сил — от народа — она была насильственно прервана. Развитие творческих сил нации продолжалось в Пушкине.

Разгром восстания декабристов отозвался страшным ударом в сердце их вдохновенного певца, в сердце Пушкина. Тень грусти, печали с этого времени все сильнее и сильнее сгущается в его творчестве. Но и это не сломило его веры в будущее, в непреложное грядущее торжество «святой вольности». Утрата иллюзий в отношении дворянской революционности, страшно далекой от народа, только заставила Пушкина еще больше обратиться к народу, еще пристальнее взглянуть в народную жизнь, в народный характер, еще настойчивее ставить в своем творчестве проблему судьбы народной.

Новая большая историческая эпоха, эпоха ломки феодально-абсолютистских порядков и отношений, сказала и в мировой художественной литературе. И здесь в эту пору разыгрываются острые литературные конфликты, происходит энергичная ожесточенная борьба старого с новым, традиции и новаторства, столкновение и смена различных литературных систем, направлений, методов, стилей. Молодой романтизм борется с пережившим себя классицизмом, чтобы вскоре, в свою очередь, отступить перед тем литературным направлением, которое делается ведущим, наиболее значительным и наиболее характерным почти для всего XIX столетия, — перед реализмом.

¹ А. И. Герцён. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 354.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии: Избр. произв., т. I, М., 1948, стр. 11.

Пушкин шел в просвещении наравне со своим веком, стоял на высотах мировой художественной культуры. В своем внутреннем развитии он прошел через все основные фазы духовной жизни своей эпохи. Мало того, он возглавил в литературе движение своего века. Пушкин вырос и воспитался на почве рационализма XVIII столетия, идей просветительной философии. Но в последующем своем развитии он стремительно пошел вперед. В литературу Пушкин вошел знаменосцем русского революционного романтизма, но и на этом он не остановился, также стремительно преодолев «юный жар и юный бред» отвлеченно-романтического отношения к действительности, став первым великим художником-реалистом XIX в.

Южные романтические поэмы Пушкина до недавнего времени упорно именовались «байроническими». Нет более ложного термина! Пушкин, как и все передовые его современники, одно время весьма увлекался вольнолюбивым творчеством романтика Байрона, в котором «краски романтизма» сливались «с красками политическими» — политической оппозиционностью против реакционной политики Священного Союза, сочувствием европейским национально-освободительным движениям. Читением Байрона, по собственным словам Пушкина, «отзывались» и его южные поэмы. Но если говорить о южных романтических поэмах Пушкина, исходя не из этих, чисто внешних, главным образом формальных сходств, а из отношения их к творчеству Байрона по существу, то следовало бы заменить старый термин на прямо противоположный, — называть их антибайроническими поэмами.

Особенно очевидно это в отношении последней из романтических поэм Пушкина — его «Цыган».

«Цыганы» являются не только вполне и во всех отношениях зрелым и глубоко самобытным произведением Пушкина, но и поистине «новым словом» в развитии литературы всемирной. Ставя и развивая в своей поэме традиционно-романтическую в ту пору проблему культуры и «природы», просвещения и первобытности, Пушкин вносит в интерпретацию этой проблемы нечто совершенно новое и небывалое. Он разоблачает руссоистско-байроновскую иллюзию о возможности для цивилизованного человека вернуться назад, в природу, на не тронутую «просвещением», культурой первобытную почву.

Еще важнее преодоление Пушкиным в этой поэме обаяния того «гордого» героя-индивидуалиста, апофеоз которому во всеевропейском масштабе создал Байрон. «Священным правам» этого героя-собственника, в существе своем «безнадежного эгоиста», выше всего ставящего свою личность, желающего воли лишь «для себя», Пушкин противопоставляет высшую правду подлинной свободы и истинной человечности простого человека из народа — старика цыгана. При этом важнее всего, что Пушкин художественно критикует Байрона не с позиций той реакционной критики, которая и у нас, и на Западе неоднократно предавала его анафеме. Пушкин сочувствует и героям Байрона, и своему Алеко, но объективное восприятие

и понимание этого образа оказывается выше его субъективных пристрастий. В этом и вся сила его критики, критики, исходящей не со стороны врагов из реакционного стана, которые нападали на Байрона за свободолюбивый его дух, за стихийную революционность его героев, а критики, исходящей со стороны друга и политического единомышленника, вооруженного в то же время высшей правдой, подымающей его над образом героя-индивидуалиста и позволяющей увидеть этого героя в его подлинном, а не субъективно одностороннем аспекте.

Таково философское значение поэмы Пушкина, который впервые в мировой литературе дал и принципиально новую разработку старой темы и небывало новую интерпретацию образа героя-индивидуалиста, «героя века», бытовавшего в ту пору и в жизни и во всех литературах Европы. В «Цыганах» Пушкин, действительно, «чувствовал русским сердцем», как писал один из современных поэту критиков. И безнадежный эгоизм «героя-индивидуалиста» и «унылый», т. е. глубоко безнадежный, глубоко пессимистический, «романтизм», в который облакал этот образ Байрон, оказываются одинаково чужды русскому поэту, полному веры в свой народ, полному веры в будущее.

В то же время «Цыганы» меньше всего являются произведением, в котором автор ставил перед собой только отвлеченные литературные задачи. Уже о первой романтической поэме Пушкина «Кавказский пленник» Белинский имел право отозваться как о произведении, по существу своему, по связанности с реальной жизнью русского общества, историческом. Еще более историческим произведением в этом смысле должны мы считать пушкинских «Цыган».

Глубоко жизненен и правдив и тот конфликт между дворянином-вольнолюбом и народной цыганской вольницей, который составляет основную идейную суть поэмы. Здесь, правда, еще на условно-литературном материале лирико-драматической поэмы, в формах романтической экзотики, но уже со всей резкостью, в упор, поставлена та тема ограниченности дворянского вольнолюбия, его оторванности, страшной далекости от народа, которая составит внутреннее содержание, идейный подтекст и «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина».

Всего через год после окончательного завершения первой южной поэмы Пушкина — «Кавказский пленник» и за год до начала работы над «Цыганами», 9 мая 1823 г., — дата, которая поистине золотыми буквами должна быть вписана в летописи не только русской, но и мировой литературы, — Пушкин приступает к работе над «Евгением Онегиным».

Добролюбов справедливо видел одну из важнейших заслуг Пушкина в том, что он совершил «открытие действительности» в русской литературе. С полной силой это «открытие действительности» сказалось именно в «Евгении Онегине».

Основополагающее определение эстетики русского критического реализма было сформулировано Чернышевским, который сказал, что лите-

ратура должна быть и «учебником жизни» и вместе с тем «приговором о явлениях жизни».

То, что «Евгений Онегин» является замечательным учебником жизни, заключает в себе огромный познавательный материал, воссоздающий необыкновенно полную и яркую картину жизни русского общества периода дворянской революционности, — это бесспорно. Зоркий художественный глаз Пушкина проник в этом произведении даже в политико-экономическую подоплеку многих культурно-исторических явлений, совершавшихся в то время в жизни русского общества.

В «Евгении Онегине» поэт останавливается на экономическом положении тех слоев дворянства, из которых вышли и сам Онегин и Татьяна Ларина; при этом Пушкин с такой суровой, прямо-таки научной точностью закрепил и сформулировал в своем стихотворном романе экономические процессы, совершавшиеся в то время в русском крепостном хозяйстве, что, как известно, Маркс считал возможным привести соответствующие строки «Онегина» в одном из своих политико-экономических трактатов. А Энгельс одному своему русскому корреспонденту писал: «Когда мы изучаем ... реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века, хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной! Ваш Пушкин, — добавляет он, — уже знал это ...».¹

Думается, нельзя преувеличить значение этих слов. Это лучше всего говорит о великом «разуме» Пушкина, о широте его исторического кругозора, о его поистине гениальной художественной проницательности.

Но Пушкин не только развернул в своем романе подлинную «энциклопедию русской жизни» 20-х годов XIX в., но и с позиций «друга, брата, товарища» декабристов совершил строгий суд и вынес суровый приговор многим косным и реакционным явлениям тогдашней действительности. Мало того, даже и к тем персонажам своего романа, которым сам Пушкин явно сочувствует, он сумел отнестись с суровой объективностью и критичностью беспощадно правдивого художника-реалиста.

Именно такова трактовка Пушкиным образа все того же героя-индивидуалиста — Евгения Онегина. Энергично защищая в последней главе романа своего героя от пошлого и реакционно-тенденциозного суда светской «черни», Пушкин в то же время судит и осуждает его высшим судом, судом Татьяны. Этот суд в основном совпадает с судом самого Пушкина, как художника-реалиста, который показывает, что при всем превосходстве

---

¹ К. Маркс, и Ф. Энгельс. Письмо к Н. Ф. Даниельсону 29 — 31 октября 1891 г. Соч., т. XXVIII, стр. 369 — 370.

Онегина над окружающим его светским обществом, он все же является человеком общественно-беспольным, говоря меткими словами Герцена, «умной ненужностью». Пушкин подсказывает и конкретно-исторические причины этого. Чуждый свету, Онегин еще больше оторван от народной жизни, совершенно разобщен с ней. Именно это-то и сообщило образу Онегина столь исключительно широкую типичность, сделало его родоначальником типа «лишнего человека», этого, так сказать, главного бездействующего лица целого большого периода русской дворянской общественной жизни и отражавшей этот период нашей классической литературы.

В еще большей оторванности от национальной и народной жизни — причина бесплодности отвлеченно-мечтательного романтизма Ленского. В то же время, в противоположность оторванному от русских народных корней, жившему светской искусственной жизнью «москвичу в гарольдовом плаще» Онегину и его «полурусскому соседу» с «геттингенской душой», вывезшему свою «ученость» из иноземных университетов, Ленскому, Пушкин дает в своем романе и высоко-положительный женский образ, свой «милый идеал», — Татьяну; Татьяну, самое имя которой влечет за собой национально-русские и притом народные ассоциации — «воспоминанья старины иль девичьей», Татьяну — «русскую душою», выросшую в атмосфере народных нянинных сказок, «преданий простонародной старины». И именно эта близость Татьяны к национальной и народной почве и является, — подсказывает нам поэт, — источником не только поэтической прелести всего ее облика, но и ее высоких моральных качеств — ее верности долгу, ее благородства, ее чистоты.

Образа, подобного образу Татьяны, не было создано во всей современной Пушкину, да и в последующей западноевропейской литературе. Стефан Цвейг справедливо замечает: «Для героев произведений Диккенса венец всех желаний — уютный коттедж среди зелени и толпа резвящихся детишек». Для героев романов Бальзака — «замок, титул пэра, миллионы».

И вспомним ту же Татьяну. Скромная провинциальная девушка, Татьяна достигает в конце романа всего, к чему стремятся герои Бальзака, — знатности, богатства, светских успехов.

Но как она ко всему этому относится? Вспомним ее исполненное предельной искренности признание Онегину в финальной сцене романа:

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище...¹

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VIII. Соч., т. V, стр. 189.

Для Татьяны все это сытое, довольное, вполне благополучное и вместе с тем праздное и пустое, светское существование — лишь «ветошь маскарада». Пушкин находит здесь слово, которое определит отношение всех последующих передовых русских писателей к паразитарным формам общественной жизни, основанным, в существе своем, на насилии и эксплуатации.

Недаром символическое заглавие «Маскарад» дает своей драме из жизни светского общества Лермонтов. Именно с этого-то «маскарада» и будет срывать «все и всяческие маски» автор «Смерти Ивана Ильича» и «Воскресения» — Лев Толстой.

И вся сила образа Татьяны заключается в том, что этот образ не является плодом авторского воображения, авторской фантазии, сколь бы возвышенна она ни была. Пушкин не навязывает действительности идеальный образ своей героини, а умеет увидеть элементы этого образа в самой жизни, извлечь из нее самой и в то же время, в качестве некоего идеала, высоко поставить над нею. Вспомним, что образ Татьяны дорисовывался Пушкиным тогда, когда в русской действительности совершился подвиг стольких русских женщин — жен декабристов, добровольно отказавшихся от ветоши светского маскарада, поехавших вслед за своими мужьями в Сибирь. И, конечно, нет ни малейшего сомнения, как в подобных обстоятельствах поступила бы пушкинская Татьяна!

Своим романом в стихах Пушкин создавал особый, в высокой степени своеобразный, русский тип реализма, в котором срывание «всех и всяческих масок», беспощадно-критическое отношение к действительности сочеталось со страстным стремлением к идеалу, к народности, с умением найти в самой жизни и высоко положительные, «идеально-реальные» образы русских людей. Все это определило громадное значение «Евгения Онегина» для всей дальнейшей русской литературы.

«Евгений Онегин» стоит у истоков наиболее значительного явления русской классической литературы, лет пятьдесят спустя списавшего ей всемирное признание и величайшую мировую популярность, — передового русского реалистического романа в прозе.

Но значение «Евгения Онегина» выходит за рамки только русской литературы. Своим романом в стихах Пушкин совершил «открытие действительности» не только в русской, но и в мировой литературе.

«Евгений Онегин» явился первым великим, подлинно реалистическим произведением всей мировой литературы XIX в., в своем роде никем и никогда непревзойденным. Для сопоставления напомним, что первые признанные образцы западноевропейского классического реализма XIX в. — реалистические романы Стендаля, который был старше Пушкина на шестнадцать лет, и ровесника Пушкина, Бальзака, появились почти десять лет спустя, в начале 30-х годов, когда самим Пушкиным был не только полностью завершён весь его «Евгений Онегин», но и написаны «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Повести Белкина».

Современная Пушкину, да и последующая низкопоклонствовавшая перед всем иностранным критика неоднократно мерила его «роман в стихах» байроновским «Дон Жуаном», называя «Онегина» «подражанием» ему.

Однако Пушкин, сам не отрицая, что жанровым толчком ему послужил байроновский «Дон Жуан» («...пишу... роман в стихах... вроде Дон Жуана») ¹ имел полное право категорически отклонить сближение с ним своего произведения по существу: «Никто более меня не уважает «Дон Жуана» (первые 5 песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с Онегиным». ²

«Те, которые говорят, что поэма Пушкина «Онегин» есть «Дон Жуан» русских правов, — замечал двадцать шесть лет спустя Герцен, — не понимают ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России, они судят по внешности». ³

В самом деле, в Байроне последних лет мы наблюдаем то же движение от романтизма к реализму, которое было характерно для многих явлений в европейских литературах того времени. Но в «Дон Жуане» имеется только тенденция к переходу поэта на позиции художественного реализма; «Евгений Онегин» обнаруживает не тенденции к реализму, а является завершенным и великолепнейшим образцом нового, реалистического стиля, и в этом своем качестве не только не следует за Байроном, а, наоборот, противостоит его творчеству, представляя собой, при известном внешнем сходстве, нечто принципиально иное, новую ступень по отношению к Байрону, на которую Пушкин возводит европейскую литературу.

Очень характерен в этом отношении рассказ известного передового чешского писателя Густава Пфлегера Моравски, который в начале своей литературной деятельности очень увлекался Байроном, о том, как у него зародился замысел стихотворного романа «Пан Вышинский»: «Однажды вечером я перечитывал Пушкина, именно его «Евгения Онегина». И вдруг у меня родилась мысль, Я понял, что мне нужно. Реальность, именно идеальная реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей такими, каковы они есть, только в своего рода возвышенном одеянии, — вот что я понял вдруг. Раньше я замыслил написать что-либо в жанре «Чайльд Гарольда». Теперь я выбросил из головы чешского Чайльда. В тот же вечер я безо всякого плана набросал две первые строфы „Вышинского“». ⁴ Реальность, изображение предметов, событий, чувств и мыслей такими, каковы они есть, притом изображение в высшей степени поэтическое, — вот то новое, небывалое, что нес западноевропейской литературе «Евгений Онегин» Пушкина.

¹ А. С. Пушкин. Письмо к П. А. Вяземскому. Письма. Соч., т. X, стр. 70.

² Там же, стр. 131.

³ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 355.

⁴ Цит. по ст. Вл. Нейштадта: Пушкин в мировой литературе («Красная Новь», 1937, кн. 1, стр. 170 — 171.

Мы не сможем назвать другого великого писателя нового времени, который обладал бы таким совершенством художественной формы, такой полнотой художественности, ясностью созерцания, почти геометрической стройностью композиции, необычайным художественным тактом, чувством меры, гармонии всех частей, исключительной сжатостью выражения (вспомним знаменитый пушкинский лаконизм, — и не менее знаменитую пушкинскую «нагую» простоту, отсутствие всего лишнего, всяческих ненужных украшений, малейшей риторики), который бы обладал всем этим и вместе с тем все это высочайшее свое мастерство обратил бы на изображение реальности, на создание поэзии действительности — словосочетание, в котором ударение надо ставить не только на слове действительность, но и на слове поэзия.

Мы можем прямо и смело сказать, что во всей европейской литературе, среди самых великих ее представителей мы не найдем другого писателя-реалиста, который вместе с тем был бы таким великим поэтом действительности, создал бы произведения такой «дивной художественной красоты», как отзывается о Пушкине обычно достаточно сдержанный в своих оценках Чернышевский.

Наряду с «Евгением Онегиным», таким же глубоко национально-самобытным произведением Пушкина и в то же время первым подлинно-реалистическим историко-художественным произведением всей мировой литературы является его трагедия «Борис Годунов».

«История народа принадлежит поэту»,¹ — писал Пушкин как раз в период своей работы над «Борисом Годуновым». Это свое утверждение он блистательно доказал своей трагедией. Пушкин подходит в ней к истории как поэт, стремясь оживить ее живостью художественного воображения, вместо исторического повествования, дать яркую и полную жизни картину прошлого — людей и событий давно минувших времен, говоря его словами, — «воскресить минувший век во всей его истине».² В то же время Пушкин настойчиво и последовательно добивался того, чтобы эта художественно воскрешаемая им жизнь решительно ничего не утрачивала в своей подлинной историчности. В результате Пушкиным было создано произведение в высшей степени своеобразное и в своем роде единственное, по своей величайшей художественности превосходящее решительно все, что имелось до того в мировой художественно-исторической литературе, и в то же время принципиально почти совершенно лишнее художественного вымысла.

В трагедии Пушкина, вопреки всем издавна установившимся традициям, нет главного героя, главного действующего лица. Трагедия называется именем царя Бориса, но она не только не кончается его смертью (обстоятельство, которое привело в великое смущение критиков того вре-

¹ А. С. Пушкин. Письмо к Н. И. Гнедичу. Письма. Соч., т. X, стр. 126.

² А. С. Пушкин. О народной драме и драме «Марфа Посадница». т. VII. стр. 218.

мени), но и фигурирует царь Борис в трагедии всего лишь в шести сценах из двадцати трех.

В «Борисе Годунове» Пушкина развернута перед нами вся историческая действительность того времени, вся пестрая и многоликая Русь эпохи «многих мятежей». И именно историческая эпоха — Русь конца XVI — начала XVII в. — и является главным действующим лицом, своего рода коллективным героем трагедии Пушкина.

Но Пушкин не только с необычайной силой, как гениальный художник, оживил минувший век во всей его истине. В ряду качеств, которые Пушкин считал необходимым для драматического писателя, он называл не только живость воображения, но также и «философию» и «государственные мысли историка».¹

В фактическом изложении исторических событий, которые развертываются в трагедии, Пушкин, как известно, в основном следовал за «Историей государства Российского» Карамзина. В то же время он решительно отверг проникнутую ярко выраженным консервативным и монархическим духом общую схему его «Истории».

Центр тяжести трагедии Бориса, по Пушкину, лежит не в убийстве им Димитрия, а в социальных отношениях эпохи. Не поединок между Борисом и самозванцем, а некая другая борьба — борьба социальных сил — составляет истинный предмет пушкинской трагедии.

И именно эти-то социальные отношения, борьбу социальных сил с замечательной яркостью и, в основном, с не менее замечательной проницательностью Пушкин в своей пьесе и развертывает.

«Что составляет содержание шекспировских драматических хроник?», — спрашивает Белинский и отвечает: «Борьба личностей, которые стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга».² В противоположность этому пушкинский «Борис Годунов», где есть и тема борьбы личностей, стремящихся к престолу (и Борис, и самозванец, и Шуйский), далеко выходит за пределы только этой борьбы, является первым во всей мировой литературе образцом подлинной социально-исторической трагедии, в которой действуют не только и даже не столько отдельные личности, но где в движение приведены целые большие социально-исторические пласты, где и в самом деле решаются судьбы народные.

Именно народу отводится в трагедии небывало большое место. Недаром слово «народ» появляется в самом начале, с первых же строк пьесы, проносится первым же ее участником, Воротыньским, и в дальнейшем буквально не сходит с уст почти всех героев трагедии.

В целом ряде народных сцен народ говорит и сам. При этом его «мнению», поддержке народа Пушкиным придается решающее значение и в исходе изображенных исторических событий — в поражении Бориса.

¹ А. С. Пушкин. Из ранней редакции плана статьи «О народной драме и драме „Марфа Посадница“». Соч., т. VII, стр. 633.

² В. Г. Белинский. Избр. соч., т. III, 1941, стр. 409.

В оде Радищева «Вольность» судия-народ призывает к ответу и возводит на плаху царя-преступника. В «Борисе Годунове» Пушкин в значительной мере идет по радищевскому пути. В трагедии Пушкина царь совершает казни, преступления; бояре составляют заговоры, изменяют, интригуют; самозванец во имя своих личных авантюристических целей приводит на Русь польских интервентов. Истинным же судьей, источником силы, как и причиной слабости, непрочности государственной власти является народ, и поэтому-то так важно его отношение к тому, что совершается. Эта мысль поистине красной нитью проходит через всю пушкинскую трагедию.

Мысль о «мнении народном», о поддержке народа, как об основной решающей силе в борьбе с самодержавием, составляет один из важнейших историко-философских тезисов Пушкина, который выдвигается им в его трагедии и совершенно явно связан с его раздумьями о судьбе переворота, как раз в то время подготовлявшегося декабристами без народной поддержки, в отрыве от широких народных масс. С особенной выразительностью эта мысль Пушкина сказывается в финале трагедии, заканчивающейся знаменитой фразой: «народ безмолвствует». В этом «безмолвии» заключена, по Пушкину, вся дальнейшая судьба самозванца. Пока народ был на его стороне, он, беглый монах, «сорвал порфиру» с могучего московского царя; поскольку народ от него отвернулся, его, достигшего высшего могущества и власти, ждет быстрое свержение и бесславная гибель.

То, что трагедия Пушкина завершается этим безмолвным, но ощутимым судом народа, то, что Пушкин выносит свой приговор историка именем судьи-народа, является самой примечательной чертой его исторической трагедии, которая, действительно, не только по всему своему совершенно новому драматургическому строю, но и по идейному своему содержанию, раскрывающему судьбу народа, может быть с полным правом названа так, как и назвал ее сам Пушкин, — трагедией народной.

Есть в пушкинской трагедии и еще одна весьма характерная черта. Фабула в трагедиях классицизма строилась на непременной любовной интриге. Пушкин строит свою трагедию в сущности без любви или, во всяком случае, без центральной любовной интриги. Страстное увлечение самозванца Мариной Мнишек составляет всего лишь один из боковых эпизодов пьесы и играет в ней, по признанию самого Пушкина, почти служебную роль.

Много позже Чернышевский в своей знаменитой диссертации замечал: «Исторические романы Вальтера Скотта основаны на любовных приключениях—к чему это? Разве любовь была главным занятием общества и главной двигательницей событий в изображаемые им эпохи?»¹ Любовь, конечно, не была главной двигательной силой событий изображавшейся Пушкиным эпохи «многих мятежей». И то, что Пушкин как раз в период

¹ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., 1934, стр. 105.

особой популярности Вальтера Скотта (поэт, как известно, и сам с увлечением читал его романы) создал историческое произведение, в котором любовь поставлена на надлежащее и весьма скромное место, лучше всего показывает, насколько он уже и в то время ушел вперед, до какой высоты историзма сумел подняться.

О замечательной творческой самостоятельности Пушкина, независимо от каких бы то ни было, даже самых великих образцов, свидетельствует и то, что почти сейчас же, всего через месяц с небольшим после завершения «Бориса Годунова», он пишет своего «Графа Нулина», в котором, по его собственному признанию, пародирует одно из произведений высоко чтимого им Шекспира; а в космополитический багаж своего героя — «русского парижанца» Нулина, который

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх...¹

включает, наряду с булавками, запонками, лорнетами, чулками à jour и т. д., и новый роман Вальтера Скотта.

То, что народу в пушкинской трагедии отводится такое видное место, глубоко не случайно, связано со всем творческим развитием Пушкина, его политического миросозерцания. Недаром вскоре же в том же Михайловском им пишутся замечательные и до сих пор в полную меру не оцененные «Песни о Стеньке Разине», в которых народности содержания не только полностью соответствует народность всей их художественной, в том числе и стиховой, формы, но и дается великолепное воплощение грозному и бурно-мятежному образу излюбленного народного героя, о котором в ту пору Пушкин отзывается как о «единственном поэтическом лице русской истории».²

Замечательные образы людей из народа — от взявшегося за топор кузнеца Архипа из «Дубровского» до вождя крупнейшего крестьянского восстания Пугачева — встречаются нас и в последующем творчестве Пушкина. На «Дубровском», на «Капитанской дочке», — мы знаем, — имеются следы исторической классовой ограниченности Пушкина, связанные с его политической концепцией «просвещенного дворянства». Тем поразительнее народные образы обоих этих произведений, абсолютно чуждые и какой бы то ни было сентиментально-идиллической прикрашенности в духе пейзаж Карамзина, и грубой натуралистичности, связанной с реакционными представлениями о народе, как о дикой, зверской, разрушительной силе.

Такое изображение людей из народа, в котором реалистическая правда сочетается с подлинным и глубоким сочувствием и проникновением, явилось воистину новым словом в развитии не только русской, но и мировой литературы.

¹ А. С. Пушкин. Граф Нулин. Соч., т. IV, стр. 241.

² А. С. Пушкин. Письмо к Л. С. Пушкину. Письма. Соч., т. X, стр. 108.

Параллельно с глубочайшим художественным постижением и раскрытием мира национальной русской жизни, духовных богатств, присущих русскому народу, русскому человеку, растет в Пушкине все более прозорливое, все более критическое отношение к становящемуся и утверждающемуся на Западе новому буржуазному общественному строю.

Почти сейчас же после «Бориса Годунова» Пушкин пишет «Сцену из Фауста». При первой публикации она была озаглавлена «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем». Пушкин очень высоко ценил «Фауста» Гете, но новой его сцена является не только потому, что такой сцены в гетовском «Фаусте» нет; Пушкин дает здесь и совсем новую трактовку самого образа Фауста. Если гетевский Фауст с его уходом из-под душных сводов средневековой схоластики, с его могучими порывами и стремлениями к живой жизни, к действию, которое «в начале всего», знаменовал собой дух воинствующей западноевропейской буржуазии периода ее подъема, буржуазии, осуществившей французскую революцию, — пушкинский Фауст есть выражение духа той же западноевропейской буржуазии, но буржуазии победившей, пресытившейся, скучающей. Образ пушкинского Фауста — суровый суд великого русского национального поэта, полного веры в будущее, над человеком Запада, который этой веры уже лишился (Герцен). С беспощадной прямоот раскрыта в пушкинском Фаусте безнадежно-эгоистическая природа западноевропейского буржуазного индивидуализма, для которого чужие жизни — только материал для удовлетворения своих минутных прихотей. Вспомним страшную по своей беспощадной точности трактовку устами Мефистофеля отношений Фауста к Гретхен:

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслаждением,
С неодолимым отвращеньем...¹

Это все тот же приговор русского поэта над наполеоновским духом западноевропейской буржуазии, для которой «двуногих тварей миллионы»² — лишь орудие, лишь средство для достижения своих, в существе своем, бесчеловечных целей.

Особенно выразителен финал «Сцены», начавшейся словами «Мне скучно, бес» и заканчивающейся коротким приказом, даваемым Мефистофелю Фаустом все от той же скуки, ради исполнения мгновенной прихоти, минутного развлечения, — потопить показавшийся на горизонте большой трехмачтовый корабль, плывущий, повидимому, из Америки (открытие Америки, как известно, было одним из важнейших моментов, определивших начало новой буржуазной эры) и являющийся словно бы символом всей новой буржуазной цивилизации. В этой сцене Пушкин гениально как бы предвидел те декадентские, бодлеровские настроения, которые

¹ А. С. Пушкин. Сцена из Фауста. Соч., т. II, стр. 289.

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. II. Соч., т. V, стр. 42.

действительно охватили через некоторое время буржуазно-европейскую литературу.

О чем бы ни писал Пушкин, — о быте ли «детей вольности» — диких цыган, или о настроениях нового Фауста, он неизменно видел русскими глазами, чувствовал русским сердцем, судил русским судом.

«Сцена из Фауста» — не только по своей весьма своеобразной художественной форме, но и по существу — первый образец «маленьких трагедий» Пушкина, замыслы которых возникают в нем тогда же в Михайловском, вскоре после написания «Сцены».

Из «маленьких трагедий» особенно выразительна в этом отношении первая — «Скупой рыцарь», тема которой — страшная власть денег, того «злата», копить которое еще в 1824 г. в пушкинском «Разговоре книгопродавца с поэтом» призывал людей нового «железного века». «века торгаша», трезвый буржуа-купец: «Нам нужно злата, злата, злата: копите злато до конца».¹ Осуществлением этой программы и является образ пушкинского «Скупого рыцаря», который вырастает в зловещую «демоническую фигуру», своеобразное и страшное олицетворение грядущего капитализма:

Что не подвластно мне? Как некий демон
Отсею править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды.²

Читая эти строки, невольно вспоминаешь знаменитые слова «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям».³ Словно бы художественной иллюстрацией к этим словам является другое произведение Пушкина последней поры его деятельности — «Пиковая дама», в центре которого стоит совершенно новый, дотоле небывалый в русской литературе художественный образ — образ нового буржуазного, героя, у которого «профиль Наполеона, а душа Мефистофеля»,⁴ который ни перед

¹ А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом. Соч., т. II, стр. 194.

² А. С. Пушкин. Скупой рыцарь. Соч., т. V, стр. 342—343.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Избр. прозв., т. I, М., 1948, стр. 11.

⁴ А. С. Пушкин. Пиковая дама, гл. IV. Соч., т. VI, стр. 343.

чем не останавливается для достижения одного — денег, который маскирует своей якобы влюбленностью в Лизу одну страстную жажду наживы: «Итак, эти страстные письма. эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовь. Деньги,— вот чего алкала его душа».¹

Читая подобные пушкинские страницы, невольно вспоминаешь уже приводившиеся мною замечательные слова Энгельса: «Ваш Пушкин уже знал это».

В публицистических статьях Пушкина последних лет его жизни он выносит грозный обвинительный приговор бесчеловечно-эксплуататорскому английскому капитализму. С не меньшим возмущением отзывается Пушкин о ханжески-лицемерной американской якобы «демократии», о «бесчеловечии американского конгресса», «мечом и огнем» истребляющего древние индейские племена.² Но как мы могли убедиться из приведенных мною примеров, эти поразительные по своей точности и проницательности формулы только выражают на языке публицистики многое и многое из того, что на языке художественных образов Пушкин еще раньше раскрывал нам в своем творчестве.

Бесчеловечному миру торгашества и расчета, жажды личной власти и ничем не утоляемой жажды золота, миру новых буржуазных отношений, который так цинично стал заявлять себя на Западе уже в эпоху Пушкина, миру, лучшие люди которого недаром утратили веру в будущее, поверглись, подобно Фаусту пушкинской «Сцены», в безысходную скуку и самоубийственное отчаяние, противостоит светлый мир величайшего гуманиста и жизнелюбца Пушкина. Пушкин — поэт, полный веры в будущее, черпающий ее из глубокого патриотизма, из тесной связи со своим великим народом, поэт, в период реакционной тьмы, нависшей тогда над Европой, славивший солнце святой вольности, бессмертное солнце ума, выражавший непоколебимую уверенность в победе сил света над силами мрака: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»³

Упомянув в одной из своих статей незадолго перед смертью о «все более растущем в Европе» влиянии Достоевского, реакционные идеи которого жадно подхватывались декадентствующими западноевропейскими литераторами, Горький замечал: «Я предпочел бы, чтобы «культурный мир» объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоравливающий».⁴

Это желание Горького на наших глазах начинает осуществляться. Замечателен возникший огромный интерес и влечение к пушкинскому

¹ А. С. П у ш к и н. Пиковая дама, гл. IV. Соч., т. VI, стр. 345.

² А. С. П у ш к и н. Джон Теннер. Соч., т. VII, стр. 450.

³ А. С. П у ш к и н. Вакхическая песня. Соч., т. II, стр. 274.

⁴ М. Г о р ь к и й. О литературе. Сб. «О литературе», Сов. писатель, М., 1937, стр. 54.

творчеству в пробудившемся к новой жизни Китае, где в 1937 г. о Пушкине была сложена популярная народная хоровая песня, начинающаяся словами «Пушкин это и наш поэт» — поэт, которому, единственному из всех иностранных писателей, воздвигнут в Китае памятник. Огромный размах празднование столетия со дня рождения Пушкина приняло в странах народной демократии.

И чем больше будет шириться и расти освободительное, подлинно демократическое движение на Западе, тем больше будет культурный западный мир обращаться к творчеству величайшего в мире поэта действительности, поэта, в свой жестокий век восславившего свободу, поэта, пробуждавшего в народе добрые чувства, источником которых был сам же народ, поэта, посылавшего свой голос отдаленному — нашему — будущему, нашего Пушкина.

Вечно юными называл сам Пушкин творения великих писателей. Вечная юность пушкинского творчества длится уже более века. Вечно юным, завоевывающим все большее признание, любовь и восторженное удивление всего мира будет оно оставаться в веках.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Немецкий писатель
Йоганнес Бехер

том, что мне, немцу, оказали честь, пригласив меня на празднование юбилея Пушкина в Москву, а также в том обстоятельстве, что я говорю сейчас перед вами на немецком языке после всего того, что было причинено нацистами народам Советского Союза, — в этой высокой чести я вижу признание того, что в настоящее время в советской зоне оккупации, под руководством объединенной партии трудящихся, создается новый общественный порядок. Эта новая свободная и свобододолюбивая Германия видит свою задачу прежде всего в искуплении тех чудовищных преступлений, которые были совершены нацистами в Советском Союзе. Эта новая, демократическая Германия прилагает все силы к тому, чтобы установить истинно дружественные отношения с Советским Союзом.

Я позволю себе обратиться к вам от имени этой прогрессивной Германии и передать вам горячие поздравления по случаю 150-летия со дня рождения Александра Пушкина.

В 1949 г. празднуются два литературных юбилея мирового значения. Первый юбилей — 150-летие со дня рождения Пушкина, величайшего русского поэта, второй юбилей — в августе этого же года — 200-летие со дня рождения Гете.

Пушкин и Гете — гении равновеликого значения и великие гуманисты — олицетворяют собой все то благородное и прекрасное, что заложено в русском и немецком народах.

В своем новом романе «Доктор Фаустус» писатель Томас Манн дает великолепное описание рокового пути, приведшего к гибели немецкую культуру. Герой этого романа композитор Леверкюи создает симфонию, обладающую колоссальной разрушающей силой из-за своей атональности. Демонические диссонансы этой симфонии означают разрушение прекрасного — 9-й симфонии Бетховена.

Поистине можно сказать, что духовное развитие немецкого народа после Гете пошло по такому пути, который привел к уничтожению критериев и ценностей, созданных гением Гете и немецкой классической литературой.

Это развитие окончательно, с ужасающей откровенностью, раскрыло себя в преисподней нацизма, являвшегося пределом бесчеловечности.

Именно эту деградацию несли немецкие войска, осквернившие такие святыни, как Ясная Поляна и Михайловское, святыни, которые являются святынями не только русского народа, но и всего цивилизованного человечества.

В противоположность немецкому народу русский народ избрал такой путь развития, который позволил ему развить и во сто крат умножить все то великое и прекрасное, которым обладала в прошлом его родина. Русский народ осуществил в Великой Октябрьской революции завещание Пушкина. Пушкин живет в советском народе и в сердце каждого советского человека.

Мы в Германии вынуждены все еще бороться за то, чтобы раскрыть Гете и сделать его доступным разуму немецкого народа после долгих лет фашистского варварства.

Мне хочется рассматривать свое присутствие на пушкинских торжествах в Москве как символ зарождающегося доверия советского народа к свободлюбивым силам моего народа.

Мы, свободные люди Германии, с большой болью воспринимаем ту напряженную политическую обстановку, которая привела к раздробленности Германии.

Мы глубоко убеждены в том, что в борьбе за свободу и единство нашей родины мы нашли в лице советского народа самого лучшего и верного друга.

Я прошу лучшего друга единой демократической Германии — советский народ прислать своих представителей на празднование юбилея Гете в Веймаре в августе этого года.

В 1949 г., который является годом Пушкина и Гете, в Веймаре будет заложен первый камень памятника Пушкину, который будет первым памятником русскому поэту в Германии.

Пусть имена величайших поэтов России и Германии станут символом дружбы народов и символом мира.

Тот, кто в состоянии постичь творения Пушкина или творения Гете, кто со всей ясностью и логикой осмысливает до конца идеи, заложенные в их произведениях, не может не быть на стороне людей, отстаивающих дело дружбы народов и мира, — на стороне народов Советского Союза, на стороне партии большевиков, которой руководит светоч всех свободлюбивых народов мира — Сталин.

*Болгарский писатель
Дмитр Полянов*

Никто из иностранных поэтов и писателей не оказал такого благотворного влияния на болгарскую литературу, как великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Еще в начале 50-х годов прошлого столетия болгарский просветитель Петко Славейко писал из Царьграда в Одессу Николаю Палаузову и просил его прислать сочинения Пушкина. Позднее Славейко перевел несколько небольших стихотворений Пушкина, которые, однако, не давали достаточного представления о его поэзии.

В середине 60-х годов в Бессарабии болгарский учитель Николай Козлов под очевидным влиянием Пушкина написал замечательную поэму «Черен арап и хайдут Сидер».

Особенно сильное влияние оказал Пушкин на вдохновенного болгарского поэта и революционера Христо Ботева.

Впервые на болгарском языке появляются такие стихотворения, как «Моя молитва» и «Хаджи Дмитр» и неподражаемая «Борьба», в которой ясно чувствуются отзвуки пушкинской «Вольности».

Большое влияние оказал Пушкин и на болгарского народного поэта Ивана Вазова, переведшего «Медного всадника» и «Скупого рыцаря».

Молодые болгарские поэты также находились под влиянием Пушкина. Однако это было еще влияние Пушкина только как художника и мастера стиха.

Впервые попытка показать Пушкина не только как автора кристальных стихов, но и его глубокие чувства, его реализм и прогрессивную роль была сделана основоположником социализма в Болгарии Дмитрием Благоевым, находившимся под влиянием Белинского, Добролюбова и Чернышевского.

Реакция, наступившая в России после первой революции, сказалась и в Болгарии. В литературе на первый план выступили декаденты, символисты и представители прочих упадочнических течений.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным раскрыть истинный образ Пушкина, связать его творчество с русской действительностью и революцией.

Мы, болгарские писатели, в условиях жестокой цензуры умели использовать наследие Пушкина для нашей борьбы против реакции. Мною были переведены «Послание в Сибирь» и ответ декабристов; знаменитый «Кинжал»; статья А. В. Луначарского «Гигант Пушкин», в которой давалось новое понимание творчества Пушкина.

Только благодаря советским ученым-пушкиноведам и критикам, вооруженным передовой большевистской теорией литературоведения, стало возможным выяснить действительный образ поэта и характер его творчества. И образ поэта предстал перед нами еще более величественным.

Мы теперь знаем, что Пушкин явился основоположником реализма

нового типа не только в русской, но и в мировой литературе. Пушкин был обращен лицом в будущее. Пушкин верил в человеческий разум и прогресс и боролся против «ложной мудрости». Пушкин первый осознал, что литература есть не личное дело писателя, а дело общественное и национальное.

Я рад, что могу сегодня на торжественном заседании Академии Наук Советского Союза, посвященном 150-летию со дня рождения великого русского поэта Пушкина, засвидетельствовать безграничную любовь и признательность болгарского народа к Александру Сергеевичу Пушкину, великому сыну русского народа, народа, который дважды освободил Болгарию.

Слава великому Пушкину!

Да здравствует новая советская социалистическая культура и литература!

Да здравствует лучший друг всех свободолюбивых народов товарищ Сталин!

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

*Английский писатель
Джек Линдсей*

Как английского писателя, или, точнее, как австралийского писателя, меня, естественно, интересует связь, существующая между Пушкиным и английской литературой, и в особенности его связь с Байроном и Вальтером Скоттом.

Пушкин — одна из тех гигантских фигур, которые запечатлели навеки целую эпоху в жизни своего народа в момент величайшего напряжения его национальных сил. В этом смысле он стоит в одном ряду с Гомером, Данте, Шекспиром, Сервантесом. В такие моменты наблюдается потенциальное стремление к глубокому национальному единству, хотя в последующий период назревают и углубляются серьезные классовые противоречия.

Эти великие гении являются провозвестниками единства, сплочения сил людей, и в то же время эти великие писатели вскрывают классовые противоречия, назревающие внутри народа. Мы знаем теперь, что социализм является единственным путем, который может привести к реальному воплощению в жизнь стремлений великих писателей к единению народа. В той степени, в которой они вскрывают существующие противоречия, раздирающие общество, состоящее из классов, они указывают путь к будущему через классовую борьбу, к будущему, в котором будет царить столь желаемая свобода и братство.

Это то, чего не может и не смеет понять буржуазное общество. Оно вульгаризирует понимание великих поэтов-гуманистов, всеми средствами

стараясь скрыть, что гуманистическая любовь к человеку заложена в самой логике развития их творчества.

Именно в Советском Союзе, где постоянным и могучим принципом освоения классического наследства является передача его народу, раскрыто истинное значение классической литературы. Советский Союз разбил в прах происки клеветников, доказав, что лишь при социализме может быть наиболее полно раскрыто жизненное значение классической литературы.

Мечта о братстве, которая всегда была могучим стимулом всякого творчества в прошлом, становится реальностью в обществе, которое обратило мечту в действительность. И социалистическое общество по праву считает своими союзниками, своими провозвестниками, с о и м и в полном смысле этого слова, великих писателей-творцов, которые не могли не хранить в своих сердцах мечту о братстве.

Я люблю и чту Пушкина за то, что он является одним из великих творцов, чье значение столь же велико для всего мира, сколько оно велико для России. Его неизменная любовь к правде, любовь к человеку является неотъемлемой частью социалистической культуры. «Секрет» Пушкина очевиден для каждого советского человека. Это «секрет» единения людей, братства и правды, которые возможны только при социализме. Будучи основателем русской литературы, уходящей своими корнями в народные традиции, Пушкин смотрел в будущее своего народа, ставшее сегодня радостным настоящим.

Я чрезвычайно горд, что имею возможность говорить здесь о Пушкине как о колоссальной силе, которая получила, наконец, возможность наиболее полного выражения. Поэт обретает своих наследников тогда, когда народ считает его наследие своим. Пушкин является теперь частью великолепного непобедимого мира — Страны Советов; Пушкин призван играть все большую и большую роль как в советской, так и в мировой культуре.

Американский общественный деятель

Поль Робсон

Мне выпала большая честь вместе с вами присутствовать на торжественном заседании, посвященном памяти великого поэта Пушкина.

Мы, представители негритянского народа, гордимся им, чтим память о нем и любим его великие создания.

Я помню его слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое. Не я увижу твой могучий поздний возраст...»¹

Конечно, Пушкин принадлежит именно великому народу, советскому

¹ А. С. П у ш к и н. «Вновь я посетил...». Соч., т. III, стр. 345.

народу, для которого не существует разницы в цвете кожи, для которого не имеет значения расовая принадлежность; он принадлежит народам, о которых он сам говорил в своем «Памятнике» и которые через десятилетия стали единым многонациональным народом, состоящим из полноправных и высокоразвитых граждан различных советских республик.

Если бы Пушкин жил сейчас, он бы так же гордился советским народом, как вы гордитесь им.

Мне трудно сказать, как глубоко я тронут и взволнован тем, что я снова на советской земле, в стране, где родился Пушкин.

Я приехал сюда от прогрессивной Америки, от миллионов угнетенных негров, от рабочих масс многих стран. Я еще недавно выступал на многочисленных митингах в Европе и в Америке, на митингах, посвященных борьбе за мир, и находил горячий отклик у многих тысяч людей, к которым я обращался.

Скоро я возвращусь в Америку для того, чтобы выступить свидетелем на суде над двенадцатью руководителями коммунистической партии, которых судят за их преданность американскому рабочему классу. Мы, представители прогрессивной Европы и прогрессивной Америки, будем продолжать борьбу, чего бы это нам ни стоило!

Мы знаем, что Страна Советов стоит во главе борьбы за свободу всех народов. Мы знаем, что Советский Союз своей мощью уничтожил фашизм, и мы полны решимости бороться за мир и дружбу с этой великой страной, давшей миру Пушкина, за дружбу с вами, советские люди, надежда всего мира, с вами, строящими полноценную и многообразную человеческую жизнь, опираясь на идеи и деяния ваших великих вождей Ленина и Сталина.

II

**ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
И ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

25—26 мая 1949 г.

В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

25 и 26 мая в Москве и Ленинграде происходили объединенные заседания Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии Академии Наук СССР.

В Москве заседание открыл академик Б. Д. Греков. На заседании были прочитаны доклады: доктора исторических наук М. В. Нечкиной «К вопросу о формировании политического мировоззрения молодого А. С. Пушкина»; доктора филологических наук И. Н. Розанова «Пушкин — певец свободы»; доктора филологических наук Н. Л. Степанова «Пушкин и Радищев»; академика И. Э. Грабаря «Внешний облик Пушкина».

В Ленинграде заседание открыл академик И. Ю. Крачковский.

На заседании были прочитаны доклады: академика Н. С. Державина «Пушкин в Болгарии», доктора исторических наук А. В. Предтеченского «Вопросы истории в произведениях Пушкина»; доктора филологических наук В. А. Десницкого «Пушкин и его эпоха»; академика В. А. Гордлевского «Кто такой Кирджали?»; кандидата филологических наук Б. П. Городецкого «Вопросы истории в произведениях Пушкина».

В МОСКВЕ

Академик
Б. Д. Греков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Пушкине всегда хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и никогда не скажешь всего, что следует», — это слова Ключевского.¹ Мне кажется, что они совершенно справедливы. Действительно, о Пушкине сказать все, что следует, очень трудно, потому что имя Пушкина будит в каждом из нас слишком много ассоциаций, слишком много волнующих мыслей и чувств. Без преувеличения можно сказать, что власть Пушкина над нашими современниками растет по мере нашего углубления в смысл его творчества, по мере осознания его удивительных прогнозов, не всегда понятых его современниками и раскрываемых только сейчас, и то не в полной мере.

Пушкин не только перерос свое время, но он и победил его. Ключевский говорил, что время идет мимо Пушкина, как оно идет мимо нестареющих античных статуй. В своей интеллектуальной жизни и творчестве сам Пушкин жил в весьма широко очерченных границах пространства и времени: далекое прошлое, настоящее и будущее представлялись ему как нечто единое, непрерывное, одно из другого вытекающее.

Пушкин много думал не только над настоящим, но и над прошлым и будущим своей Родины. Он всегда представлял ее целиком во всей ее протекающей и текущей жизни.

Не могу не вспомнить здесь знаменитого письма Пушкина по поводу незаслуженно оскорбительного отношения к истории России Чаадаева. «Что касается нашего исторического ничтожества, — пишет Пушкин, — я положительно не могу с Вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже войны удельного периода, разве это не та жизнь кипучей отваги и бесцельной и незрелой деятельности, которая характеризует молодость

---

¹ В. О. Ключевский. Евгений Онегин и его предки. Очерки и речи, М., 1913, стр. 89.

всех народов? Вторжение татар — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, рост ее могущества, ее движение к единству, ... оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и окончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, разве все это не история, а только бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история?.. клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы ни переменить отечества, ни иметь другой истории, кроме истории наших предков...».¹

Пушкин не представлял себе просвещенного человека, не знающего истории. О пренебрежительном отношении к знанию прошлого своего отечества он отзывался с исключительной резкостью.

Пушкин много и глубоко интересуется историей не только одной России. К истории как науке он предъявлял высокие требования, говорящие о том, что он стоял значительно выше всех своих современников историков. Карамзина, например, он не считал полноценным историком. Карамзин его не удовлетворял, потому что у Карамзина нет того самого главного, что, по мнению Пушкина, делает историю наукой. По убеждению Пушкина должен быть внесен «светильник философии в темные архивы истории».² И как раз этого «светильника философии» он у Карамзина не нашел.

Энгельс в своем письме к Николай-ону так оценивал понимание Пушкиным общественно-экономических отношений: «Когда мы изучаем таким образом реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века, хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Ваш Пушкин уже знал это, как и то, почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог».³

И Маркс писал:

«В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар—деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно».⁴ Конечно, тут Маркс имеет в виду прежде всего самого Пушкина.

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 597 (оригинал по-французски).

² Там же, стр. 95.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письмо Ф. Энгельса к Николай-ону (Н. Ф. Даниельсону) 29—31 окт. 1891 г. Соч., т. XXVIII, стр. 369—370.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. К критике политической экономии, т. XII, ч. I. Примечания Маркса на стр. 160.

Чернышевский сказал о Пушкине, что у него «во сто раз больше содержания, нежели у его современников, взятых вместе».

Французский писатель Проспер Мериме о Пушкине выразился так: «Каждый его стих — плод глубокого размышления».

Замечания эти абсолютно точны. Конечно, я не беру на себя задачу в какой бы то ни было мере представить эти глубокие и широкие мысли Пушкина по самым разнообразным предметам. Это отчасти сделают последующие докладчики.

Но мне все-таки хочется прибавить к уже сказанному, что Пушкин близок всем нам, не только русскому народу, но и всем народам нашего Союза. Он близок потому, что он справедливо, бережно и любовно относился ко всем народам, входившим в тогдашнюю Россию.

Белинский, пожалуй, ярче всех охарактеризовал значение Пушкина в литературной и общественной жизни. И эта его характеристика звучит сегодня для нас особенно ярко: «Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностью, обогатил идеями, пересоздал язык...».¹

Очистить русскую культуру от «незаконного владычества» иноземцев Пушкин мог потому, что был подлинным сыном своего народа, понимал и ценил свой народ, черпал из этого неиссякаемого источника образы, мысли и краски.

Пушкин всегда искал общения со своим народом. Он изучал крестьянский быт, записывал деревенские песни, слушал сказителей, вдумывался в значение русских пословиц. «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой пословице нашей! Что за золото!» — писал Пушкин. О сказках он замечает, что «каждая есть поэма!»²

Пушкин так относился к своему народу потому, что он верил в него. По его мнению, России определено было «свое особое предназначение».³

Если бы Пушкин сейчас был с нами, он мог бы убедиться в правильности своего предсказания и своей оценки.

Народы Советского Союза знают Пушкина как своего поэта: славянин, грузин, армянин, финн, якут, тунгус, да и все народы нашего необъятного Советского Союза имеют все основания считать Пушкина своим, как сам Пушкин не отделял себя от них, а старался пробуждать «чувства добрые» во всей семье народов нашей Родины.

¹ В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 г. Собр. соч. в трех томах, М., 1948, т. II, стр. 161.

² А. С. Пушкин. Письмо к Л. С. Пушкину. Письма. Соч., т. X, стр. 108.

³ Там же, стр. 597 (оригинал по-французски; перевод — стр. 866).

Если бы Пушкин был сейчас с нами, он, несомненно, стал бы в ряды борцов за мир, за создание таких условий, когда народы «распри позабыв, в великую семью соединятся».¹ Он был бы, несомненно, с нами и своим огненным словом поражал бы тех, кто на народной крови стремится увеличить свое благополучие.

Эта идейная близость Пушкина нам, современникам крупнейших исторических событий, делает Пушкина для нас, советских людей, особенно родным. Мы видим, что к нему действительно не заросла народная тропа.

---

¹ А. С. П у ш к и н. «Он между нами жил...». Соч., т. III, стр. 280.

Доктор исторических наук
М. В. Нечкина

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ПУШКИНА

(«Священная артель»)

Вопрос о формировании политического мировоззрения молодого А. С. Пушкина относится к числу важных проблем советского пушкиноведения. Материалов для изучения этой темы накоплено немало. Привлекала она и внимание буржуазно-либеральных пушкинистов, занималось ею и реакционное пушкиноведение. Вопрос этот был предметом острой борьбы в литературоведении. Нередко вопрос о разнообразных «влияниях» на Пушкина зарубежных философов и публицистов, преимущественно французских, подменял научное исследование этого крупнейшего вопроса в биографии великого русского писателя. Формировала мировоззрение Пушкина прежде всего русская действительность, русская жизнь, русское общественное движение, кипевшее вокруг поэта. Однако эта сторона дела недостаточно исследовалась, а подчас и прямо выпадала из поля внимания пушкинистов. Между тем ясно, что именно в сфере изучения этих данных можно найти важнейшие материалы для решения поставленного вопроса.

Изучение лица, столь значительно продвинувшееся в советское время, ясно показывает, что он был сотнями нитей связан с русской жизнью своего времени, — стены его не отражали юношей от впечатлений русской действительности. Тем интереснее для нас изучение одной из декабристских общественных организаций, которая была тесно связана с лицеем и идейные воздействия которой несомненно доходили до юного А. С. Пушкина. Я имею в виду «Священную артель», конспиративную организацию в предистории декабристского движения, существовавшую в Петербурге с 1814 г. и основанную не кем иным, как Александром

Муравьевым — будущим основателем тайного общества декабристов. В числе ее участников — немало будущих декабристов. С нею крепко связаны лицеисты — И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, В. Д. Вольховский,¹ А. А. Дельвиг. Уже этих имен достаточно для того, чтобы привлечь внимание пушкинистов к этому «собратству». Невозможно, чтобы идеи политического кружка, собрания которого посещали лучшие друзья молодого Пушкина, не доходили до поэта. Не приходится доказывать, насколько важно изучить русскую политическую преддекабристскую организацию, идеи которой воздействовали на сознание молодого Пушкина накануне и во время создания им таких произведений политического характера, как, например, надпись к портрету П. Я. Чаадаева и особенно «Вольность».

«Священная артель» была законспирированной организацией и осталась неизвестной следствию над декабристами. В следственных материалах она прямым образом не отражена, — для изучения ее приходится черпать из допросов на следствии лишь косвенные данные. Даже позднейшие воспоминания об «Артели» скупы, а подчас густо зачеркнуты в документальных материалах. Мы не располагаем данными для ответа на вопрос, посещал ли юный Пушкин собрания «Священной артели», и тем не менее тема о ней — насквозь «пушкинская» по смыслу: невозможно пройти мимо той русской общественной организации, политическая идеология которой доходила до Пушкина через его товарищей-лицеистов.

Скупые свидетельства о кружке Александра Муравьева до сих пор не подвергались специальному исследованию. Поэтому имеются все основания попытаться совершить первую разведку в эту чрезвычайно интересную, неизученную область.

Каковы же эти скудные, но бесспорные свидетельства, которые в данный момент необходимо положить в основу изучения вопроса, пока последующие исследователи не найдут новых материалов?

Мы располагаем четырьмя мемуарными свидетельствами высокой достоверности, из которых три (И. И. Пущина, Н. Н. Муравьева, В. К. Кюхельбекера) принадлежат членам артели, а четвертое их близкому другу — декабристу А. Е. Розену. Мы имеем и два документа идейной жизни самой артели, возникших в процессе ее внутреннего развития: памятку «Постоянство», данную артелью Н. Муравьеву, и стихотворение Мещевского «К артельным друзьям». К этому необходимо добавить эпистолярное свидетельство А. С. Шишкова, также относящееся к прямым свидетельствам о «Священной артели».

На первом месте среди перечисленных источников стоит ценнейшее свидетельство ближайшего друга молодого А. С. Пушкина — И. И. Пущина, находящееся в его известных «Записках о Пушкине».

¹ Транскрипция Вольховский, а не Вальховский, применена на основании личных подписей декабриста, имеющихя в его следственном деле (ЦГИА).

I

«Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Калошин и Семенов. С Калошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил».¹ Так описывает И. И. Пущин свое вступление в тайное общество декабристов.

Мы видим, что посредствующим звеном, соединившим И. И. Пущина с Союзом Спасения, была артель, основанная молодыми офицерами Генерального штаба. Упоминание на первом месте в ряду ее членов о с н о в а т е л я Союза Спасения Александра Муравьева и последующее участие в с е х упомянутых Пущиным членов артели в Союзе Спасения дает возможность прийти к выводу, что этот «мыслящий кружок» принадлежит к непосредственной предистории первой организации декабристов.

На втором месте среди первоисточников, кроме уже приведенного свидетельства И. Пущина, стоят «Записки» брата Александра Муравьева (основателя декабристского общества) — Н. Н. Муравьева-Карского, пока еще не привлекавшие внимания пушкинистов. Именно эти «Записки» и сохранили наименование содружества «Священная артель»: описывая свой отъезд из Петербурга, Н. Муравьев пишет: «Священная артель наша проводила меня до Средней Рогатки...»; «Святое братство» — говорится об артели в другом месте тех же «Записок» Н. Муравьева.² Свидетельство Н. Муравьева сложно по составу и будет нами приведено и разобрано ниже, по ходу развития темы.

¹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Ред. статья и примечания С. Я. Штрайха, Художественная литература, М., 1937, стр. 65.

² Записки Н. Н. Муравьева-Карского опубликованы в «Русском архиве», 1885, IX—XII; 1886, I, II, IV, V, XI. Записки эти приближаются по типу к дневнику. Они, собственно, и переделаны из дневниковых записей, причем записи 1812—1816 гг. переделывались автором в текст мемуарного характера в 1816—1817 гг., когда все события были еще свежи в памяти. Рукопись «Записок» носит следы большой авторской работы, испещрена поправками и главным образом многочисленными зачеркиваниями не только отдельных слов и строк, но и обширных абзацев и страниц. Как правило, зачеркивание осуществлено мелковолнистой чертой, налагаемой чрезвычайно частыми изгибами на рукописный текст, что делает его чрезвычайно трудным для чтения. Поправки и зачеркивания вызваны преимущественно подготовкой рукописи к печати.

Рукопись «Записок Муравьева» хранится в Рукописном отделении Государственного исторического музея в Москве. Она дает возможность восстановить некоторые дополнительные штрихи для истории «Священной артели», в частности упоминает эпитет артели «Священная» в зачеркнутых и изъятых для печати текстах.

В 1936 г. публикация работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» добавила новый материал для изучения интересующей нас темы. Ю. Н. Тынянову удалось прочесть в дневнике В. К. Кюхельбекера густо зачеркнутые строки, находившиеся в конце следующего текста, записанного в Свеаборгской крепости 11 января 1835 г.: «...В Военном Журнале прочел я описание Осады и взятия приступом Ахалцыха, статью покойного Ивана Петровича Бурцова, изданную по его смерти Вальховским. Оба они мне были хорошие приятели, особенно с Вальховским я был даже очень дружен: мы вместе выросли; в Лицее я почти одного его и слушал.¹ Где то время, когда у Бурцова собирался кружок молодых людей, из которых каждый подавал самые лестные надежды. Сам Бурцов, братья Колошины, Василий Семенов, молодой Пущин (Конно-артиллерийский), Жанно Пущин (одна фамилия не разобрана),² Александр Рачинский, Дельвиц, Кюхельбекер. Многие ли из них уцелели?»

Рассеянный Кюхельбекер запомнил отчество Бурцова (не Иван Петрович, а Иван Григорьевич) и Алексея Васильевича Семенова назвал Василием Семеновым (Алексей Семенов, прикосновенный к тайному обществу, был хорошо знаком с И. И. Пущиным). Приведенная выше запись обогащает нас новыми ценными сведениями о кружке Муравьева—Бурцова. Мы узнаем, что в кружке, кроме названных Пущиным лиц, участвовали еще Петр Колошин (брат Павла Колошина), Михаил Пущин (брат И. И. Пущина), Александр Рачинский, Дельвиц, Кюхельбекер и еще какое-то неизвестное лицо.

Кто же это может быть?

Судя по фотокопии, помещенной в указанном номере «Литературного наследства», фамилия его кончалась на «й». Отправляясь от этого факта, можно выдвинуть по меньшей мере два предположения. Сближим прежде всего указанное обстоятельство со следующим свидетельством декабриста А. Е. Розена в его «Записках»: «Не имея никакой помощи из родительского дома, жил он (Вольховский. — М. Н.) чрезвычайно умеренно и расчетливо в артели с Бурцевым, Семеновым, Искрицким и Калошинным...».³ Эти слова интересны, во-первых, как новое свидетельство о существовании артели Бурцова—Колошина; во-вторых, они доносят до нас данные о новом члене артели, фамилия которого как раз кончается на букву «й», — это Искрицкий (или Искритский, как пишется в следственных делах декабристов).

¹ Следующие далее 8 строк рукописи до конца цитаты густо зачеркнуты; см. воспроизведение фотокопии в «Литературном наследстве», 16/18, 1934, стр. 329.

² Повидимому, именно этот пропуск Ю. Н. Тынянов и обозначил знаком вопроса после имени «Жанно Пущин». Сличение приведенного им чтения зачеркнутого текста с фотокопией текста показывает, что одна фамилия осталась непрочтенной. Судя по фотокопии, воспроизведенной в «Литературном наследстве», фамилия эта кончалась на «й». «Литературное наследство», 16/18, стр. 329; ср. стр. 330.

³ А. Е. Розен. Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 241.

Имя декабриста Искритского неоднократно упоминается в следственном материале, имеется и особое следственное дело Искритского. Демьян Александрович Искритский, сын обер-секретаря Сената Александра Михайловича Искритского, также служил в гвардейском генеральном штабе. Он был принят в группу Ф. Глинка—Перетца в 1820 г., а накануне 14 декабря Рылеев поручил ему наблюдать за движениями полков, расположенных вдоль Фонтанки. После 14 декабря он около года содержался в крепости, затем был сослан в Оренбургский гарнизон с приказом ежемесячно доносить о поведении. По делу его видно, что он был хорошо знаком с Александром Бестужевым.

Но есть еще другое чрезвычайно важное документальное свидетельство, добавляющее еще одного человека к составу «Священной артели». Фамилия его, кстати сказать, тоже кончается на букву «й». Не принадлежал ли к «мыслящему кружку» еще офицер и поэт Мещевский, сосланный в Сибирь около 1817 г. или несколько ранее? В письме А. С. Шишкова к Александру I по поводу Госнеровской истории содержатся разъяренные тирады против «буйного духа времени», признаки которого становятся «день ото дня явнее».¹ Вспоминая при этом свою цензорскую деятельность, Шишков рассказывает императору, как удалось ему однажды в 1817 г. задержать и не допустить до печати одно явно крамольное стихотворение поэта Мещевского, носившее к тому же весьма подозрительное и непонятное заглавие:

К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Друзья! Вот стон души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта золотая ранних дней
Еще от нас далеко!
Еще в тумане скрыта пель
Возлюбленных желаний!
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов золотых,
Для счастья отчизны,
Кто, в шуме радостей пустых,
Мне заменит в сей жизни?
Я с Вами — и в душе горит
Добра огонь священный;
Без вас — иной все кажет вид,
Столь низкий, столь презренный.

¹ А. С. Ш и ш к о в. Записки, мнения и переписка, т. II. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 265 и сл. Благодарю И. Н. Розанова, обратившего мое внимание на этот текст. Мещевский, очевидно, был несколько старше прочих «артельщиков», так как уже печатался в 1809 г., — ему принадлежит превосходное стихотворение «Уединение», опубликованное в «Избранных сочинениях из „Утренней зари“» (1809, ч. 1, стр. 259—263). Наиболее подробная работа о Мещевском принадлежит Шипулинскому (Журн. «Искусство»).

Но час пробьет: услышим мы
 Отчества призыванье!
 Тогда появится из тьмы
 Душ пламенных желанье:
 Сплетенные рука с рукой,
 На-путь мы ступим жизни,
 И пылкой полетим душой
 Ко щастью отчизны.
 И кто возможет положить
 Преграды нам в полете?
 Кто для отчизны алчет жить,
 Тот выше бедствий в свете.¹

Это замечательное стихотворение, в идейном отношении перекликающееся с пушкинским посланием «К Чаадаеву», повидимому, приведено Шишковым не полностью, — он предваряет приведенные выше строки словами: «В стихах сих *между прочим* говорится следующее», иначе говоря — в них содержалось и еще нечто, им опущенное. Комментарий Шишкова полон ярости: «Не явно ли стихи сии заключают в себе воззвание к возмущению. Ибо что может быть яснее сих слов: друзья, артельщики!»² Слова «артельщики» нет в цитированном выше тексте стихов, но оно явно приведено на правах цитаты, с подчеркиванием, т. е. очевидно было в тексте, опущенном Шишковым. «Какая цель? Для чего скрыта?» — бушует далее Шишков. «О каком щасти и отчизны старается какая-то неизвестная, тайная высоких чувств артель?..»

Спрашивая себя, о какой артели может идти речь, обратим внимание, что идейных, политического значения «артелей» в те годы мы знаем только две: артель Семеновского полка, закрытую в 1815 г. по царскому приказу, и «Священную артель», которая существовала, как мы увидим ниже, до 1817 г. Все содержание стихотворения говорит о том, что воспоминание об артели, с которой автор разлучен, еще чрезвычайно свежо в его памяти. Едва ли в таких живых словах непосредственных, недавних переживаний отразил бы автор память об артели, которая прекратила свое существование уже два года тому назад. Кроме того, речь идет, повидимому, о распавшемся содружестве, невозстановимом как целое, — офицеры-однополчане Семеновского полка не могли бы так вспоминать о своей артели, так как продолжали ежедневно видеться между собой в полку. К упомянутым в стихотворении признакам более всего подходит «Священная артель», с которой мы предположительно и связываем Мещевского.

О Мещевском заботился В. А. Жуковский, напомилавший в 1817 г. в письме к А. И. Тургеневу о необходимости помочь ссыльному поэту, находящемуся в тяжелом положении.³

¹ А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 266—267.

² Там же, стр. 267. Следующий текст Шишкова — там же.

³ «Русский архив», 1868, стр. 938, 939. Заметка о Мещевском.

Итак, «Священная артель» состояла из братьев Муравьевых, Александра и Михаила, Ивана Бурцова, Петра и Павла Колошиных, Ивана и Михаила Пуциных, Владимира Вольховского, Вильгельма Кюхельбекера, Антона Дельвига, Алексея Семенова, Александра Рачинского, Демьяна Искритского и, повидимому, Мещевского. К этим четырнадцати лицам необходимо добавить пятнадцатого члена кружка — Николая Муравьева, позже названного за военные подвиги Карским, брата Александра и Михаила Муравьевых.

В числе основателей кружка мы видим, таким образом, трех братьев Муравьевых, сыновей известного в свое время ученого и военного деятеля, основателя училища колонновожатых, математика и агронома, генерал-майора Николая Николаевича Муравьева. Семья Муравьевых была связана отдаленным родством с Муравьевыми-Апостолами, давшими движению декабристов двух братьев — Сергея и Матвея, и с семьей Михаила Никитича Муравьева, отца декабриста Никиты Муравьева.

Хотя ученый математик и знаток сельского хозяйства Н. Н. Муравьев (отец) и был, повидимому, далек от каких бы то ни было политических преобразовательных планов, но его интерес к передовым идеям, широкий кругозор и дружеское обращение с молодежью поощрили развитие вольного духа в среде воспитанников училища колонновожатых: из их среды только за 7 лет муравьевского руководства (1816—1823) вышло двадцать три будущих декабриста.¹

Семьи Муравьевых и Колошиных познакомились между собой еще до войны 1812 г. Декабрист Александр Муравьев в своих неопубликованных записках рассказывает, что, приехав в Москву из Петербурга в 1811 г., «я очень обрадовался двум братьям своим, оканчивающим курс наук, особенно душевно обрадовался моему любезному брату Николаю, с которым мы были ближе по летам и понятиям. Занятия по математическому обществу шли с успехом; между членами оного познакомился я с достойными впоследствии товарищами Иваном Григорьевичем Бурцовым, Михаилом, Петром и Павлом Ивановичами Колошинами и еще некоторыми другими; сблизился с почтенным домом Колошиных».²

Близкая дружба братьев Муравьевых, Александра и Николая, с их родственниками Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами также началась еще до войны 1812 г. Александр Муравьев пишет в своих неопубликованных записках: «Когда дядя Николай Михайлович с семейством уезжал в деревню, то с согласия его перешли мы из флигеля в самый дом, где часто посещали нас дальние родственники наши Матфей и Сергей

¹ Н. П. Чулков. Москва и декабристы. Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 295—296.

² Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, рукопись записок Александра Муравьева, фонд Шаховских, Шах. (II, 18) 136, л. 8 об. Рукопись, к сожалению, сохранилась не в полном виде, уцелели только конец II части (1810—1811) и почти вся III часть, посвященная войне 1812 г.

Ивановичи Муравьевы-Апостолы, одних с нами лет, приехавшие с матерью своею из Парижа, где воспитывались. Прекрасные, благородные, ученые молодые люди сии после войны вошли в состав политического общества, о коем будет говорено в своем месте. Мы с ними проводили время отчасти в чтении и научных беседах, отчасти в дружеских разговорах. Характер двух братьев был различен: Матфей был веселый и приятный товарищ, Сергей же сурьезный; первый определился в Семеновский полк, а второй в корпус путей сообщения, который в то время только что начал возникать и стал в соперничество с корпусом колонновожатых».¹ О близкой дружбе с Муравьевыми-Апостолами пишет в своих записках и второй по старшинству брат — Николай Муравьев.² Поскольку Сергей Муравьев-Апостол вступил на службу по возвращении из-за границы в 1809 г., то дружба его с Муравьевыми должна быть отнесена примерно к этому же времени.

В предистории изучаемого нами кружка, а стало быть, и в предистории декабризма имеется любопытнейшая юношеская — по формам почти детская — тайная организация, основанная будущим членом «Священной артели» прапорщиком Николаем Муравьевым в Москве среди своих товарищей прапорщиков и юнкеров — будущих декабристов: она отмечена страстным увлечением идеей всеобщего равенства, республиканизмом и увлечением Руссо. О ней рассказывает Николай Муравьев в своих записках: Руссо попал к нему в руки, когда ему было всего 16 лет, т. е. около 1810 г., — едва ли старший его брат Александр познакомился позже с теми же произведениями. «...Чтение Руссо отчасти образовало мои нравственные наклонности и обратило их к добру; но со времени чтения сего я потерял всякую охоту к службе, получил отвращение к занятиям...», — пишет Николай Муравьев.³ Было основано тайное общество с целью образования республики на основе всеобщего равенства: «Как водится в молодые лета, мы судили о многом, и я, не ставя преграды воображению своему, возбужденному чтением Contrat social Руссо, мысленно начерчивал себе всякие предположения в будущем. Думал и выдумал следующее: удалиться чрез пять лет на какой-нибудь остров, населенный дикими, взять с собою надежных товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мне помощниками. Сочинив и изложив на бумагу законы, я уговорил следовать со мною Артамона Муравьева, Матвея Муравьева-Апостола и двух Перовских, Льва и Василия, которые тогда определились колонновожатыми; в собрании их я прочитал законы, которые им понравились. Затем были учреждены настоящие собрания и введены условные знаки для узнавания друг друга при встрече. Положено было взяться правою рукою за шею и топнуть ногой; потом, пожав товарищу руку, подавить ему ладонь средним паль-

¹ Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, фонд Шаховских, Шах. (II, 18), ч. II, л. 11.

² «Русский архив», 1885, № 9, стр. 11 и др.

³ Там же, стр. 12.

цем и взаимно произнести друг другу на ухо слово «Чока». Слово «Чока» означало Сахалин. Именно этот остров был выбран членами общества по совету Сенявина и Перовского-старшего для организации на нем республики по планам «Социального договора» Руссо. Николай Муравьев продолжает далее:

«Меня избрали президентом общества, хотели сделать складчину, дабы нанять и убрать особую комнату по нашему новому обычаю; но денег на то ни у кого не оказалось. Одежда назначена была самая простая и удобная: синие шаровары, куртка и пояс с кинжалом, на груди две параллельные линии из меди в знак равенства; но и тут ни у кого денег не оказалось, посему собирались к одному из нас в мундирных скуртуках. На собраниях читались записки, составляемые каждым из членов для усовершенствования законов товарищества, которые по обсуждении утверждались всеми. Между прочим постановили, что каждый из членов научился какому-нибудь ремеслу, за исключением меня, по причине возложенной на меня обязанности учредить воинскую часть и защищать владение наше против нападения соседей. Артамону назначено быть лекарем, Матвею — столяром. Вступивший к нам юнкер конной гвардии Сенявин должен был заняться флотом».¹ Как видим, все члены этого общества, за исключением основателя, позже оказались в рядах декабристов.

Война 1812 г. прервала жизнь тайного общества «Чока». И она же заставила сменить полудетские мечты о сахалинской республике на гораздо более зрелые планы, в которых местом деятельности тайного общества был уже не Сахалин — «Чока», а огромная крепостная Россия — родина.

II

Связанные родством или знакомые друг с другом с детства, многие участники будущего кружка встретились на полях Отечественной войны 1812 г. В ней участвовали, в сущности, все члены будущего «мыслящего кружка» за исключением лицейстов.

Младшие участники кружка — Иван Пущин, Вольховский, Кюхельбекер и Дельвиг — сидели в бурные дни 1812 г. еще на лицейской скамье, но и для них, как и для Пушкина, события войны были незабываемым впечатлением отроческих лет:

Вы помните? Текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...²

¹ «Русский архив», 1885, № 9, стр. 25—26. Артамон Муравьев был известен как лекарь и среди ссыльных декабристов в Сибири.

² А. С. Пушкин. «Была пора: наш праздник молодой...». Соч., т. III, стр. 382.

Таким образом, дружеский круг, позже соединенный артелью, был в значительной степени «детьми 1812 года», как сказал о декабристах Матвей Муравьев-Апостол в своих записках.¹

Форма офицерских «артелей» распространилась со времени заграничных походов; офицеры-однополчане объединялись, селились вместе, вместе обедали, занимались науками, проводили свободное время, развлекались. Эти артели были предшественниками тайных декабристских обществ. В декабристской литературе широко известна «семеновская артель», организованная в 1815 г. офицерами лейб-гвардии Семеновского полка. Участник артели декабрист И. Д. Якушкин пишет в своих «Записках»: «В Семеновском полку устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведение... Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашей артели и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семеновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся».² Семеновская артель, таким образом, была политически заподозрена и ликвидирована.

Такого же рода артелью и явилась артель Муравьева — Бурцова, возникшая среди офицеров квартирмейстерской части Генерального штаба. Зародилась она еще раньше семеновской артели — в 1814 г.

В 1814 г. был дан приказ по русским полкам о возврате в Россию.

Александр Муравьев вместе со своим старым другом И. Г. Бурцовым приехали на корабле из Любека и поселились сначала отдельно от Михаила. Но скоро возникла мысль поселиться всем вместе и зажить артелью. «Однажды, сидя с братом и Бурцовым, — рассказывает Николай Муравьев, — нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя. С другого же дня все отправились ходить по улицам для отыскания удобного помещения. Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая; в хозяйстве соблюдался порядок под моим управлением в звании артельщика».³ Так было положено основание артели — во второй половине 1814 г. Это была сразу и хозяйственная и идейная организация. Небогатые Муравьевы почти не получали денег от отца и были крайне стеснены в средствах; жить артелью было дешевле и удобнее. Но друзья посели-

¹ Матвей Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха, изд. «Былое», Пг., 1922, стр. 40.

² Записки И. Д. Якушкина, изд. 7-е, 1926, стр. 12—14.

³ Записки Н. Н. Муравьева. «Русский архив», 1886, № 2, стр. 131—132.

лись вместе и для дружеского идейного общения, для совместных занятий, «для образования себя». Лениность члена артели в занятиях самообразованием вызывала замечания товарищей. «Мы старались исполнять службу свою самым ревностным образом, занимались между тем и дома в свободные часы...», — продолжает свой рассказ об артели Н. Муравьев. — Мы постоянно обедали дома, имея за столом нашим всегда место для двух гостей. Стол был не роскошный, по ограниченности наших средств, но мы жили порядливо и соразмерно своим доходам. Когда брат Михайла приехал с Кавказских вод,¹ он поселился вместе с нами. Появились у нас учителя. Александр и Бурцов взяли турецкого учителя, но скоро бросили его; они же двое и я стали учиться по-итальянски. Михайла стал со мною учиться по латине».²

На этом этапе своего развития артель просуществовала всего несколько месяцев. Весной 1815 г. гвардия вновь спешно двинулась в заграничный поход, и жизнь артели на Средней Мещанской прервалась. Наполеон бежал с Эльбы и открыл свой триумфальный поход по Франции — начались знаменитые «Сто дней». Александр, Николай Муравьевы и Бурцов были прикомандированы ко второй колонне гвардейского корпуса, двинувшейся за границу.

Войска вернулись из второго (незаконченного) «заграничного» похода в том же 1815 г., и артель возобновилась сейчас же — как бы сама собой. Она одновременно и возросла численно. «По прибытии нашем в Петербург, я нашел брата Александра и Бурцова уже возвратившимися». (Николай Муравьев задержался в пути, чтобы заехать к родственникам по вопросу о предполагаемой женитьбе.) «Они уже наняли квартиру для нас всех вместе, на Грязной улице, в доме генеральши Христовской. Для порядка в обществе нашем были приняты правила с общего согласия; я избран в казначеи и артельщики. Мы обедали большей частью дома, жили порядливо, умеренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованием своим, мы проводили вечера вместе, в беседе... Общество наше состояло из старшего моего брата, меня, Михайлы, который возвратился с Кавказских вод, Бурцова и двух Колошиных. Я первый оставил дружное братство наше, дабы удалиться в Грузию».³ Заметим, что на следствии Колошин также показал, что жил вместе с Бурцовым на одной квартире.⁴

Адмирал И. С. Мордвинов, отказав Николаю Муравьеву в руке своей дочери, потребовал его отъезда из столицы, чтобы толки, разгласившиеся по городу, не компрометировали девушки. Этим объясняется спешный отъезд Николая Муравьева на Кавказ.

¹ Он лечился там от раны, полученной в 1812 г. при Бородине.

² «Русский архив», 1886, № 2, стр. 132.

³ Там же, стр. 142.

⁴ «Восстание декабристов» (Центрархив), III, стр. 31. В дальнейшем сокращается: ВД.

Кульм дружбы и идейной близости высоко стоял в артели, выражение «братья и товарищи» встречается у Николая Муравьева в применении к членам артели. Артель рассматривала себя как единое целое. Всем составом проводила артель отбывающего: «При выезде из Петербурга, братья и товарищи проводили меня до Средней Рогатки; сердце мое было сжато, когда я простился с друзьями». Рассказывая во второй раз в своих записках об этом отъезде, Николай Муравьев придает артели эпитет «Священная»: «Священная артель проводила меня до Средней Рогатки; тут мы простились; они не знали, что навек».¹

Исследователь имеет все основания предположить, что, не будь этих происшествий и вынужденного отъезда на Кавказ, — в Союзе Спасения одним членом было бы больше: так явственен в этот момент вольнодумный облик члена «Священной артели» Николая Муравьева.

Итак, «Священная артель» возникла в 1814 г., на короткое время прервала свое существование в связи с заграничным походом 1815 г. и возобновилась в 1815 г. До какого времени она существовала? О ней пишет Пущин, относя свои посещения артели ещё к лицейскому времени, через нее он и принят в 1817 г. в первую декабристскую организацию — Союз Спасения.

В 1817 г. осенью гвардия пошла походом в Москву, где оставалась, в связи с пребыванием там царя и его семьи, целый год, до осени 1818 г. Все члены артели (исключение представляет тут только Павел Колошин, но и то справедливость его наказания в этом отношении можно заподозрить)² переехали с гвардией в Москву. Хотя квартира Александра Муравьева в Хамовнических казармах в Москве и осталась центром сбора общества, но жизнь артели, повидимому, этим переездом была разрушена: петербургские завсегдашние артели уже не могли ее посещать, да и вообще сведений о ней после 1817 г. нет. Александр Муравьев вернулся из Москвы в Петербург в августе 1818 г. уже женихом, в сентябре женился и уехал в деревню. Бурцов в 1819 г., став адъютантом П. Д. Киселева, переехал на юг в Тульчин. Когда Павел Колошин приехал из Москвы в Петербург в декабре 1820 г., то остановился он уже не в артели, которой не существовало, а у И. И. Пущина, «у отца которого жил по связям близкого родства».³ Таким образом, «Священная артель», очевидно, прекратила свое существование осенью 1817 г. с уходом гвардии в Москву. Надо признать,

¹ В рукописи Исторического музея первоначально стояло: «Я первой оставил священное братство наше, дабы удалиться в Грузию...» При позднейшей подготовке рукописи к печати Н. Н. Муравьев уже дрожащей старческой рукой зачеркнул слово «священное», исправив: «дружное». Очевидно, слово «священное» уже стало казаться неподходящим по соображениям цензурного характера (Ист. М. ОПИ. Н. Н. Муравьев. «Собственные записки», ч. 6-я, 1815 — 1816, л. 17, стр. 1423 авторской нумерации).

² Павел Колошин доказывал Следственному комитету свое отсутствие в Москве в момент «Московского заговора 1817 года».

³ ЦГИА, фонд 48, д. 65, л. 4 об.

что она оказалась, таким образом, довольно стойкой организацией, просуществовав в общем около трех лет, т. е. столько же, сколько существовал, например, Союз Благоденствия.

«Священную артель» и лицейстов связывали также общие учителя. Учение в «Священной артели» не ограничилось занятиями турецким, латинским и итальянским языками; ее членов интересовали и общественные науки, и черпали они свои знания из того же источника, откуда и лицеисты, — из лекций А. П. Куницына. Бурцов показывал на следствии: «подобно многим гвардейским офицерам в свободные часы от службы я посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках».¹ Слушал эти же лекции и Павел Колошин: «В том же (1817) или следующем году (брал я уроки) у Куницына политической экономии в квартире Г. Фридрихса (лейб-гвардии Московского полка); для повторения служили тетради его».²

Естественно предположить, что и некоторые другие члены только что возникшего Союза Спасения были в числе слушателей Куницына.

В «Записках» Николая Муравьева отмечена важная особенность внутренней организации артели: молодежь устроила ее внутренний быт на республиканский манер; в одной комнате висел «вечевой колокол», по звону которого все члены артели собирались для решения общих дел. «Каждый член общества имел право в него звонить», — замечает Николай Муравьев: «По звуку все собирались и тогда решались требования члена». Расставаясь с «братьями и товарищами», Николай Муравьев горько оплакивал и этот колокол: «Зазвонит вечевой мой колокол, но по нем никто уже не соберется. Приятный звон сей проводит меня через места чужие, раздастся по обширной степи, эхо повторит его в горах: наконец, умолкнет он, когда строгий долг службы повелит мне оставить воспоминания».³

Преклонение перед новгородской вечевой «республикой» — яркая характерная черта декабризма. Любовь к отечеству, национальное чувство требовало того, чтобы желаемую форму политического бытия можно было освятить воспоминанием о славном историческом прошлом. И Пестель, и Никита Муравьев в своих конституционных проектах назвали будущий парламент революционной России «Народным Вечем». Высокая оценка Новгорода характерна для декабристов. «Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей», — говорил Пестель на следствии.⁴ Столь же серьезно думал над вечевой

¹ ЦГИА, фонд 48, д. 95, л. 6—6 об. (дело Бурцова).

² ЦГИА, фонд 48, д. 224 (дело Колошина Павла); заметим, кстати, что в числе учителей Павла Колошина встречается еще один лицейский преподаватель — Н. Ф. Кочанский.

³ «Русский архив», 1886, № 2.

⁴ ВД, IV, стр. 91.

формой управления Великого Новгорода один из основателей Союза Спасения — Никита Муравьев. В «Любопытном разговоре» — «вольнодумческом катехизисе», сочиненном Никитой Муравьевым, встречаем мы такие вопросы и ответы:

«Вопрос: Какое было на Руси управление без самодержавия?»

Ответ: Всегда были народные вечи.

Вопрос: Что значит вечи?

Ответ: Собрание народа. В каждом городе при звуке вечаго колокола собирался народ или выборные, они совещали об о б щ и х всех делах...; назначали, сколько где брать ратников; устанавливали сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новгороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

Вопрос: Почему же сии вечи прекратились и когда?

Ответ: Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствоваться тиранской их власти.¹

И позже, на каторге, в сибирской артели декабристов имитировались любимые формы новгородского веча. Начало этому увлечению положила, как видим, «Священная артель».

Артель притягивала гостей, распространяла свое влияние в более широком кругу, нежели круг непосредственных членов. Некоторые знакомства членов артели должны тут быть упомянуты. Конечно, проводниками влияния артели на Пушкина были прежде всего четыре лицеиста — его друга. Но этим не ограничивалось дело — общий круг знакомых был гораздо шире.

Никита Муравьев, родственник братьев Муравьевых, основателей «Священной артели», был старым знакомым Пушкина — они познакомились или до августа 1813 г., когда Никита Муравьев ушел в свой первый заграничный поход, или между сентябрем 1814 и апрелем 1815 г., когда он был в Петербурге между первым и вторым заграничными походами. «Что делает Пушкин? Бывают ли у вас Катенин, Гнедич, Крылов?» — спрашивает свою мать Никита Муравьев в письме из Вены от 7 мая 1815 г.²

В хранящейся в Пушкинском Доме «Ведомости о состоянии Лицея»,³ записано, что 21 ноября 1814 г. лицей посетил «прапорщик Муравьев». Чрезвычайно правдоподобно предположение, что это не кто иной, как Никита Муравьев. Ни один из известных нам Муравьевых не имел, кроме него, в тот момент чина прапорщика. Василий Львович Пушкин познакомил привезенного в Петербург племянника еще до поступления в лицей с целым рядом своих литературных знакомых. В числе московских литера-

¹ ВД, I, стр. 322.

² «Литературное наследство», 16/18, стр. 631.

³ Фонд 244, оп. 25, № 120. На эту книгу обратил мое внимание М. А. Цявловский. Он же указал мне на упоминание в этой книге фамилии Пестеля.

турных знакомств Василия Львовича, конечно, находилась семья близкого к литературе куратора Московского университета Михаила Никитича Муравьева, умершего в 1807 г. С Екатериной Федоровной Муравьевой и ее сыном Никитой Василий Львович, конечно, видался и в 1812 г. в Нижнем Новгороде, где оба нашли убежище во время пребывания Наполеона в Москве. Естественно предположить, что знакомство Пушкина с семьей Муравьевых, и повидимому близкое, могло завязаться через дядю. Среди лицейстов у Никиты Муравьева не было ни родственников, ни близких знакомых, и предположение, что он познакомился с Пушкиным именно в лицее, навещая какого-то другого своего знакомого лицейста, менее правдоподобно.

В той же «Ведомости о состоянии Лицея» неоднократно упоминается фамилия Пестелей. 17 мая 1814 г. лицей посетил «действительный статский советник Пестель с фамилиею». Сибирский губернатор Борис Иванович Пестель мог, по правдоподобию предположению М. А. Цявловского, посещать лицейста Илличевского, отец которого был помощником Пестеля по Сибирскому управлению. Семья Илличевских и Пестелей, очевидно, были знакомы домами. 18 октября 1814 г. лицей посетила «генерал-майорша Пестель», она же третий раз значится в записи от 14 декабря 1816 г. В «фамилию» Пестелей, конечно, могли входить и дети Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестель. Героя Бородина, раненного в сражении и награжденного Золотым оружием, любимейшего сына родителей — Павла Пестеля, семья усердно всюду «показывала» по его возвращении из заграничных походов; это входило в планы старика Пестеля, тщательно следившего за карьерой своих сыновей. Нет сомнений, что Пушкин видывал «фамилию» Пестелей в лицее, и возможно, был ей представлен.

Близкий Кюхельбекеру Федор Николаевич Глинка, в руках которого даже побывал заветный лицейский словарь, конечно, также старый знакомый Пушкина.

Но круг общих знакомств этим не ограничивается. Александр Муравьев был дружен с Александром Раевским; дружба возникла, повидимому, еще в 1812 г., когда братья Муравьевы на Бородинском поле защищали батарею Раевского (Михаил был ранен при батарее). Дружба окрепла в заграничных походах: в Париже в 1814 г. Александр Муравьев познакомил брата Николая «с товарищами своими. Один из них был Александр Раевский, капитан гвардии, молодой человек, сын генерала Раевского. Я с ним прежде видался, и он мне не нравился. Брат с ним был дружен, но я его никогда не любил. Заметно было, что он показывал брату такую дружбу единственно с целью, чтобы Александр его превозносил».¹ Как видим, своеобразные черты пушкинского друга подмечены и в этой характеристике. Александр Раевский с мая 1814 г. состоял адъютантом у генерала Васильчикова и был переведен в лейб-гвардии гусарский полк,

¹ Записки Н. Н. Муравьева. «Русский архив», 1886, № 2, стр. 114.

стоявший в Царском селе, где Раевский и познакомился с лицеистом Пушкиным в 1816 или 1817 г.¹ Павел Черевин — «давний приятель» И. И. Пушина (по его собственному определению)—был родственником Раевских.

Пушкин знал лично и Бурцова, о котором несколько раз упомянул в своем «Путешествии в Арзрум». По понятным причинам Пушкин был крайне сдержан в этом предназначенном для печати произведении, упоминая о лицах, замешанных в деле декабристов. Даты первого знакомства с Бурцовым в «Путешествии» не приведено, но не сказано и о том, что знакомство произошло на Кавказе; в свете только что изложенных фактов правдоподобно предположение о знакомстве Пушкина с Бурцовым во время существования артели, т. е. в 1815—1817 гг.

Нечего говорить о том, что брата своего друга — Михаила Пушина, входившего в число посетителей артели [В. Кюхельбекер пишет о нем в дневнике: «молодой Пушин (Конно-артиллерийский)»], Пушкин, конечно, давно и хорошо знал. Без риска можно предположить и знакомство с братьями Колошинными, близкими родственниками Пушиных, с которыми лицеист Пушкин, по собственному признанию, был очень дружен, — он показывает на следствии, что с Павлом Колошиным «по давнишему дружеству и родству был очень откровенен».² Таков был круг дружеских знакомств членов артели, связывающих ее с Пушкиным.

Никита Муравьев познакомился с Пестелем в 1816 г. и по собственному свидетельству «сблизил его с Александром Муравьевым»: «В это время познакомился я с Пестелем и, найдя в нем те же мысли, сблизил его с Александром Муравьевым, который в то же время вступил в связь с князем Трубецким».³ В «Записках» Якушкина рассказано о частых встречах декабристов — имена определяют круг близких знакомств членов «Священной артели»: «В это время (в 1816 г. — М. Н.) Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем... В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство, и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».⁴

Таким образом, «Священная артель» теснейшим образом связана со всем пушкинским окружением этих лет и вместе с тем со всем декабристским кругом. Она органически вплетена в историю общественного движения времени и стоит на пороге первой тайной декабристской организации.

¹ См. А. С. Пушкин. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 189. Примечание Б. Л. Модзалевского.

² ЦГИА, фонд 48, д. 65, л. 7 об. (дело Павла Колошина).

³ ВД, I, стр. 305.

⁴ Записки И. Д. Якушкина, изд. 7-е, 1926, стр. 15.

III

Что же можно сказать об идейной жизни и политических настроениях членов этого «мыслящего кружка», как назвал его И. Пущин?

Необходимо прежде всего обратить внимание на политический характер и конспиративные черты «Священной артели». В ней велись разговоры не только о «зле существующего порядка вещей», но и о «возможности изменения, желаемого многими втайне» (Пущин). Артель ждет, что «час пробьет», жаждет услышать затем «Отечества призыванье», а потом и «появиться из тьмы» на зов отечества «сплетенные рука с рукой» (Мещевский). Охранитель самодержавных устоев А. С. Шишков имел основание всполошиться, прочтя эти строки. Обратим также внимание на факт непосредственной передачи членов артели в тайное общество (Пущина, Вольховского), а также и на то, что «Священная артель» существовала и после того, как артель Семеновского полка уже была запрещена Александром I. Учтя все это, мы поймем, почему В. Кюхельбекер, записав через много лет несколько, внешне совершенно невинных строк, содержащих в сущности только перечень фамилий «кружка молодых людей, подававших самые лестные надежды», немедленно припомнил об этом кружке нечто такое, что заставило его густо зачеркнуть написанные строки.

В истории «Священной артели», повидимому, можно наметить два переломных момента. Первый относится к 1815 г. и связан с ликвидацией семеновской артели. Если учесть, что артель семеновских офицеров, возникнув в 1815 г., просуществовала, по свидетельству Якушкина, всего «несколько месяцев» и была закрыта по требованию Александра I, надо признать, что «Священная артель» по меньшей мере с конца 1815 г. вела, так сказать, полулегальное, а может быть и нелегальное существование: «такие сборища» Александру I «очень не нравились», и не может быть, чтобы офицеры Главного штаба не знали об этом недовольстве царя и о закрытии семеновской артели. С конца 1815 г. «Священная артель», следовательно, не чувствовала себя в политическом смысле вполне безопасной. В 1816 г. организовалось первое тайное общество декабристов—Союз Спасения, возникшее по инициативе основателя артели Александра Муравьева. Большинство участников артельного кружка стало членами строго конспиративной организации, поставившей перед собой политические цели. «Священная артель», как уже было указано, явилась некоторым образом колыбелью Союза Спасения. Таким образом, политическая жизнь «Священной артели» с момента возникновения до конца существования протекает все более и более напряженно.

Лицейсты становятся посетителями артели и втягиваются через нее в политическую организацию, повидимому, в период наибольшего обострения ее политических интересов. С 1816 г. Союз Спасения и «Священная артель» сосуществуют. Указанные обстоятельства открывают возможность изучить идейную жизнь артели не только на основании «Записок»

И. Пущина, дневника Кюхельбекера и «Записок» Н. Н. Муравьева-Карского, но и на основании следственных дел декабристов, входивших в состав кружка. На следствии нередко шла речь об истоках декабристского вольномыслия. Ответы на этот вопрос дают драгоценный материал для суждения об идейной жизни изучаемого кружка.

«Зло существующего у нас порядка вещей» с предельной ясностью расшифровывается всей последующей историей декабристской идеологии. Лицейсты Пущин, Вольховский и Кюхельбекер беседовали в «мыслящем кружке» о зле всей системы крепостного строя. Союз Спасения в основу своей программы положил лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием, — это основные требования декабристов, которые и остались основными на всем протяжении существования тайного общества. Бурцов принял Ивана Пущина в Союз Спасения летом 1817 г. — как раз во время отъезда Пушкина в деревню. К этому времени тайная организация уже имела свой устав, написанный главным образом Пестелем.¹ Таким образом, Пущина и Вольховского приняли в тайное общество на основе устава. Отсюда следует, что оба они разделяли основную цель Союза Спасения — борьбу с крепостным правом и самодержавием — и дали клятву (и даже не одну, а по меньшей мере две)² — хранить тайну общества, быть верными его уставу и действовать в его духе.

Общая напряженная атмосфера идейного кипения характерна для этих лет. Все резче проявляется деление общества на два лагеря — на «староверов», защитников старого, и сторонников нового, убежденных противников старой жизни, уже заметивших, говоря словами Чацкого, «прошедшего житья подлейшие черты» и вышедших на битву с ними во имя торжества «свободной жизни». В эти годы задумано «Горе от ума», где столкновение молодого, убежденного сторонника нового с лагерем старого мира положено в основу замысла. Сами декабристы говорили о мощной силе «духа времени», которая двигала их на борьбу со старым, косным миром. «Дух времени» повелительно требовал от передового лагеря стать на защиту молодых ростков нового в жизни своей любимой родины, угнетенной крепостным правом и самодержавием. Широко известно замечательное определение «духа времени», данное Пестелем в ответе на вопрос следствия: «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах и кто, где начал и продолжал внушать и распространять оные в Государстве?» Пестель, один из основателей Союза Спасения, писал:

«На сей вопрос весьма трудно отвечать: ибо ответ мой должен будет уже выходить из круга суждений о Тайном обществе. Не менее того во исполнение приказания Комитета постараюсь объяснить, как могу.

¹ М. В. Нечкина. Союз Спасения. «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137—184.

² Там же, стр. 162. Первая клятва — клятва о неразглашении узванного, вторая — в верности уставу.

Политические книги у всех в руках; политические науки везде преподаются, политические известия повсюду распространяются. Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей... Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах.¹

Пушкин показывает на следствии о том же «духе времени»: «Свободный образ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовал я от чтения политических книг, коим занимался по выходе из Лицея...»² Говорит о «духе времени» и сам основатель «Священной артели» и Союза Спасения — декабрист Александр Муравьев, горько каясь на следствии: «Пагубный дух времени заразил нас еще в иностранной земле, и мы, как чумные, внесли заразу сию в Отечество наше».³ Передовая лицейская молодежь также была носителем «духа времени» — освободительных идей, политического протеста и разоблачающей крепостнический строй критики, — идейные истоки декабристского вольномыслия и «лицейского духа» были едины. Булгарин в своем известном доносе о «лицейском духе» метко схватил его основные черты, сближавшие лицейскую молодежь с декабристскими настроениями: «Молодой вертопрах должен... порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных... знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться неверующим христианским догматам... Верно поданный значит укоризну на их языке, европеец и либерал — почетные названия».⁴ «Лицейский дух» и «дух декабристский» совпадали в основном — в отрицательном отношении к существовавшему самодержавно-крепостническому строю.

¹ ВД, IV, стр. 94, 105.

² ВД, II, стр. 208.

³ ВД, III, стр. 16.

⁴ «Былое», 1918, № 1, стр. 16.

Из «Записок» И. И. Пущина мы уже знаем, на какие темы велись беседы в артели. От резкой, передовой критики до желания революционным образом переделать мир окружающего крепостного рабства и самодержавного деспотизма был уже только один шаг... Недаром Бурцов, хорошо знавший лицейских гостей артели, решил, что они готовы «для дела», и принял в общество Пущина и Вольховского.¹

Повидимому, Вольховский после выхода из лицея вскоре поселился в «Священной артели»; это видно из показания на следствии полковника П. В. Аврамова, так же как и Бурцов, бывшего адъютантом П. Д. Киселева: он показал, что Бурцов в Петербурге «жил вместе с Вальховским на квартире».² Привязанность же И. И. Пущина к Бурцову была исключительной. На следствии Пущин до последней возможности скрывал имя Бурцова, чтобы не выдать друга. Сначала он заявил, что «никто не способствовал» укоренению в нем свободного образа мыслей, и твердо назвал некоего штабс-капитана Беляева, как человека, принявшего его в тайное общество. Лишь в самом конце следствия (показание об этом от 19 мая 1826 г. — последнее в деле И. И. Пущина),³ уличенный показаниями Оболенского, Нарышкина и ряда других декабристов, Пущин вынужден был признать, что «Беляев есть вымышленное лицо», что принял его в общество Бурцов и что ввел он в заблуждение Комитет «из некоторого чувства сострадания к Бурцову». (В Комитете раздраженно ставили Пущину в вину «излишнее и неприятное» затруднение, устроенное Комитету этим его вымышленным показанием).⁴ Важно отметить, что, сидя в Петропавловской крепости, Пущин с 31 января 1826 г. и даже ранее наверняка знал, что Бурцов уже арестован и допрашивается, но все-таки не хотел назвать его имени.⁵ Лицейсты крепко сдружились с членами артели.

¹ Любопытно, что И. И. Пущин применял слово «артель» и для обозначения всего лицейского товарищества. В письме его к Энгельгардту от 8 мая 1845 г. из Сибири он пишет о своем дне рождения: «Бывало, в Лицее, в этот день, в столовой, вместо казенного чая, стоят чашки, наполненные кофею, со стопкой сухарей, и вся артель пьет с поздравлением приготовление Левонтия Кемерского. С тех пор много воды утекло...» (И. И. Пущин и в. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Под ред. С. Я. Штрайха, М., 1925, стр. 202). Слово «артель» вообще было довольно ходовым словом того времени в связи с артелями в армии. В Сибири декабристы тоже, как известно, образовали артели, преследовавшую хозяйственные цели. Характерно, что эта артель считалась действующей и после возврата декабристов из Сибири (см. там же, стр. 268 и др.). Отметим, что артель — народное и для той эпохи в некоторой степени «солдатское» слово. Так, Шишков глубокомысленно поясняет, что в стихотворении Мещерского приведено слово «артель» нарочно, «дабы под словом «артельщик» разуместь вместе и солдат» (А. С. Пушкин. Записки, мнения и переписка, т. II, Берлин, 1870, стр. 267).

² ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 2.

³ ВД, II, стр. 232. Таким образом, Пущин около полугода не называл на следствии имени Бурцова. Так как следствие уже шло к концу и о Бурцове все было известно, показание Пущина не нанесло ему вреда и не ухудшило его положения.

⁴ ВД, II, стр. 232—233.

⁵ ВД, II, стр. 395.

Заметим, что на следствии Пущин выгораживал и своего товарища Вольховского, утверждая, что он в обществе якобы никакого участия не принимал.¹ Дружба была обоюдной. Вольховский на допросе вынужден был упомянуть в числе своих знакомых по обществу брата Пущина Михаила («конной артиллерии Пущин»), но скрыл имя лицейского товарища Ивана Пущина.

Отличительная черта «Священной артели» — любовь к отечеству. Члены артели были страстными патриотами, любящими Россию. Патриотизм их резко отличался от официального охранительного «патриотизма» правительства Александра I, был ему антагонистичен. Это был патриотизм преобразовательный, революционный, стремившийся переделать положение угнетенного отечества. Недаром и первое тайное общество декабристов называлось «Обществом истинных и верных сынов отечества». Название подчеркивало, что «сыны отечества» бывают разные — встречаются и не истинные и не верные; патриотизмов в александровской России было два — официально-правительственный и революционный, преобразовательный. В тайное общество Александр Муравьев вступил «по ложной ревности, по ложному и безрассудному понятию о любви к отечеству», «из ложного и превратного понятия о любви к отечеству».² Тут отчетливо видно противопоставление двух патриотизмов. И лицейство привела в «Священную артель» и сомкнула с прочими единомышленниками такая же — истинная — любовь к отечеству. Именно так объясняет И. И. Пущин свое вступление в тайное общество, происшедшее в «Священной артели» в 1817 г.: «Убеденный в горестном положении отечества моего, я вступил в общество с надеждою, что в совокупности с другими могу быть России полезным слабыми моими способностями и иметь влияние на перемену правительства оной».³ Это же чувство страстного патриотизма идейно объединило с артелью и второго друга Пушкина — Кюхельбекера. О своей любви к родине и патриотизме Кюхельбекер говорит яркими словами: «...взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принесши никакого плода в нравственном мире!»⁴

Мы узнаем, таким образом, какой характер имела в «Священной артели» и в тайном обществе декабристов любовь к отечеству. Это был не казенный, а революционный, преобразовательный патриотизм,

¹ ВД, II, стр. 225.

² ВД, III, стр. 16, 17.

³ ВД, II, стр. 210.

⁴ ВД, II, стр. 166.

желание коренным образом изменить, говоря словами И. Пущина, «г о р е с т н о е положение отечества». В этом свете комментируется любопытный документ «Священной артели» — памятка, присланная ею уехавшему на Кавказ Николаю Муравьеву через его брата Александра. «Он привез мне лист от артели нашей, — пишет Николай Муравьев, — за подписанием всех членов. Содержание оно следующее:

Постоянство.

Почтенный друг и товарищ! Дружба, постоянство и правота, сущность и основание артели, коея ты еси член, понудили нас, твоих братьев, лист сей тебе послать и тем нашу любовь к тебе и доброжелательство изъяснить. Да будет он тебе воспоминанием святого братства и верным залогом дружбы нашей! И тако, пребудь здрав и, сколько творцу угодно, благополучен. Бог да благословит тебя, честная душа, и любовь к отечеству да руководствует тобою, а воспоминание о неразрывной артели да усладит тебя во всех твоих трудах и начинаниях!

Подписи

В Святом
Петрограде

30 июня 1816 года.

Обратим внимание на то, как ярко выражена в этом документе духовная связь членов артели, — ясно, что артель не была только хозяйственной организацией. Она рассматривала себя как «святое братство», «неразрывную артель», и отъезд товарища не лишал его звания члена артели — за тысячи верст от артели он оставался принадлежащим к «братству». Характерно и шутивное приложение к этому листу. «Артель мне прислала в подарок зрительную трубку, дабы в нее я мог видеть собратью свою из отдаленнейших стран». Важнее же всего в документе — «любовь к отечеству», упомянутая как **руководитель** члена артели. Мы только что расшифровали, какой характер она носила, как отрекались от **т а к о й** любви к отечеству кающиеся арестанты Петропавловской крепости. Понятно и замечание Николая Муравьева по поводу полученной памятки: «Я сей лист высоко чту и никогда ни на какие аттестаты не променяю».¹

Отметим, что в пушкинском стихотворении, посвященном В. К. Кюхельбекеру в момент расставания с лицом, также содержится только что упомянутое в «памятке» выражение «святое братство»: «святому братству верен я...».²

IV

Каково было отношение членов и посетителей артели к политическому строю, к самодержавию? Этот вопрос был самым тяжелым для декабристов на следствии. Сосредоточенное на разборе отношения к царевубийству,

¹ «Русский архив», № 4, стр. 448, 449.

² А. С. Пушкин. Разлука. Соч., т. I, стр. 259.

следствие над декабристами относило все конституционные помыслы к разряду наиболее тяжелых преступлений. Даже разговоры об освобождении крестьян были в его глазах менее криминальными, чем какое бы то ни было посягательство на неприкосновенность неограниченной царской власти. Но тем не менее показания членов, входивших в «мыслящий кружок», оказавшийся колыбелью первой тайной организации, дают немало материала для ответа на эти вопросы.

В показаниях основателя общества Александра Муравьева мы встречаем покаянную тираду о его политических мнениях, которая явно намечает требования раннего общества: «Я тогда еще не верил, что цари от бога поставляются; что царства и правления богом учреждаются, а не людьми; что подданные обязаны повиноваться Государю и учрежденным властям и правлению, каково бы оно ни было».¹ Отсюда ясно, что в период своей революционной деятельности Муравьев и его единомышленники считали, что не бог, а люди «поставляют царей» и учреждают царства и что от людей зависит изменить порядок правления в царствах и переменить царей, и что подданные не обязаны повиноваться царю и властям, если признают их распоряжения неправильными. Эти политические принципы играли большую роль в «мыслящем кружке». Характер политических замыслов раннего общества ярко подтверждается покаянными тирадами Михаила Муравьева: он клянется, что совершенно отстранился «от политических замыслов» с 1821 г., — стало быть, до 1821 г. в обществе политические замыслы были; он клянется, что с 1821 г. «никакие политические соединения для меня более не существовали», — стало быть, до 1821 г. таковые для него существовали. Он клянется, что с 1821 г. «в сердце и душе своей бытие свое соединил с существующим порядком вещей» или «слил свое бытие с существующим порядком вещей и лишь в совершенной тишине и спокойствии Государства находил прочное щастие семейной своей жизни»,² — иначе говоря, признавался, что до 1821 г. был противником «существующего порядка вещей» и придерживался таких мнений, которые влекли к нарушению тишины и спокойствия в государстве.

Мы не располагаем большим количеством свидетельств для суждения о том, какой именно политический строй представлялся членам «Священной артели» наилучшим, — республиканский или конституционно-монархический. С одной стороны, перед нами факт явного преобладания конституционно-монархических воззрений в Союзе Спасения. Если исходить из предпосылки идейной преемственности, то необходимо заключить, что и в «Священной артели» политические настроения были конституционно-монархическими. Основатель артели и основатель первого декабристского общества Александр Муравьев придерживался конституционно-монархических взглядов; то же можно сказать на основании следственного

¹ ВД, III, стр. 17.

² ЦГИА, фонд 48, д. 189, л. 19—20.

дела о Бурцове. Оба Колошина также стояли на точке зрения конституционной монархии вплоть до собрания Коренной Управы Союза Благочестивия в 1820 г. в Петербурге, когда общим голосованием по докладу Пестеля конституционная монархия была заменена в программе республикой. Павел Колошин принимал участие в собрании и также голосовал за республику. Бурцова не было на съезде 1820 г., и он узнал о республиканском решении только на юге от вернувшегося из Петербурга Пестеля. Последний показал: «Никто не противоречил сему (республиканскому. — М. Н.) заключению Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывал сомнение ввести в Россию республиканское правление».¹ Лицеисты, примкнувшие к артели, также стояли на конституционно-монархических позициях и, повидимому, остались на них и в дальнейшей их деятельности в Северном Обществе. Назимов показывал о Вольховском: «Вообще к(аппитан) Вольховский был всегда кроток и воздержан в словах, и сколько я принимал его, то политические мнения его клонились к монархическому конституционному правлению».² Сам Вольховский, представивший следствию общество, как совершенно не имевшее цели политической («Общество, имевшее целью благотворение и нравственное усовершенствование членов с условием ничего не делать противного правительству»),³ ничего, разумеется, не сказал о своем сочувствии конституционной монархии. Но Назимову, повидимому, можно верить в этом вопросе. И. И. Пущин также стоял за конституционную монархию, считая, как и все остальные, необходимым принять решение об образе правления не через малочисленное тайное общество, а через собрание всенародных депутатов: «Я всегда был того мнения, что отечество наше должно быть управляемо ограниченной Монархией и что общество, составленное из нескольких лиц, не может решительно определить, так или иначе должно быть управляемо государство, заключающее сорок миллионов жителей. Оно должно по произведении переворота предоставить собраным от всех сословий депутатам назначить тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным».⁴

Иначе говоря, Пущин, как и другие, не предрешал формы правления, но лично стоял за конституционную монархию, так сказать, голосовал бы за нее в будущем учредительном собрании, повидимому испытывая опасения, «готова ли» Россия к республике. Это ни в малейшей мере не исключает общего политического убеждения, что поистине наилучшей является республиканская форма правления. В силу этого я не усматриваю глубоких, принципиальных противоречий между последующей программой Союза Спасения и предшествующими республиканскими настроениями «Священной артели» («вечевой колокол» и пр.).

¹ ВД, IV, стр. 177

² ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 10 об.

³ ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 7 (дело Вольховского).

⁴ ВД, II, стр. 225.

Но из указанного выше с несомненностью следует, что в артели происходили жаркие споры на эту тему.

Общее сочувствие республике мне представляется возможным усмотреть, например, из неоднократного наименования Пушциным цели тайного общества, его «общего дела» — латинскими словами «*res publica*»; слово «дело» для краткого условного наименования подготовки переворота неоднократно встречается и у Пущина и у других декабристов: Пущин замечает, например, в своих «Записках о Пушкине», что Бурцов, принявший его в тайное общество, «нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела».¹ Замечательно далее употребление латинских слов: «Первая моя мысль была открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил в деле общем (*res publica*)». Едва ли употребление латинских слов — здесь простой перевод русских «общее дело»: этим словом ясно определилась вся совокупность мнений тайного общества. В своей сибирской переписке Пущин горько замечает, что дело 14 декабря было делом «горсточка людей»,² и в письме к своему брату, горько осуждая ход Крымской войны, тяжелые «нынешние обстоятельства», в которых оказалась Россия, пишет: «Ты очень справедливо трунишь надо мною, но согласишься, что пока дело общее (*res publica*) будет достоянием не многих, до тех пор ничего не будет. Доказательство — нынешние обстоятельства».³ Письмо это переслано И. И. Пушциным брату не «казенным путем», через III отделение, а нелегально, через знакомого адъютанта барона Крюднера, что дало возможность выражаться более свободно. Таким образом, латинские слова «*res publica*» для обозначения революционного общего дела Пущин пронес через всю свою жизнь, от лицейских времен до конца сибирской ссылки. Это, конечно, отражало и положительное общее отношение к республиканским идеалам при отстаивании на определенном историческом этапе именно конституционной монархии для России.

Из всего сказанного выше следует диктуемая существом дела логическая необходимость сопоставлять идеологию пушкинской «Вольности» не с французскими политическими брошюрками жалкой эпохи Реставрации и реакционной «Бесподобной палаты», а с идеями живого русского общественного движения, которыми столь тесно и глубоко — и через дружеские связи, и через общую идейную атмосферу лицейского братства, и через кипевший в умах молодой России «дух времени» — был связан Пушкин. Он призывает в «Вольности» «грозу царей» и «свободы гордую певичу»,

¹ И. И. Пушцин. Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 65. Подчеркнуто мною. — М. Н.

² Неопубликованное письмо к Н. П. Свистуну от 6 сентября 1851 г. ЦГИА, фонд 48, оп. 3, д. 12.

³ И. И. Пушцин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. и биографический очерк С. Я. Штрайха, М., 1925, стр. 234.

он ясно и с великим чувством возмущения видит вокруг себя «зло существующего порядка вещей»:

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...¹

Ода «Вольность» пишется уже во время существования Союза Спасения, в его поустановный период. В силу этого приобретает особое значение свидетельство Пущина о том, что Пушкин одинаково с ним мыслил о «деле общем», хотя и не принадлежал к тайной организации. Это сходство идей, поистине, поразительно. Детальный разбор вопроса не может входить именно в данную тему, — он явно относится не только к ней, но и к Союзу Спасения, первой декабристской организации. Но все же напомним о высокой оценке конституционной монархии — политическом лозунге и оды «Вольность» и Союза Спасения:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье...²

Но идеология членов артели и зарождающегося Союза Спасения все же не исчерпывается отрицательным отношением к крепостному праву, защитой конституционной монархии и пылкой любовью к родине, освящавшей эти преобразовательные идеалы. Мы можем отметить еще и дополнительные черты. Идейная жизнь «Священной артели» характеризовалась еще религиозным «безверием», увлечением идеями Радищева, ярко выраженной передовой национальной идеологией, защитой русской национальной культуры, преклонением перед историческим прошлым России, борьбой против «русских немцев». Остановимся на этих любопытных чертах, начав с последней.

Эпоха 1789—1871 гг. была временем буржуазно-демократических движений во всемирной истории.³ В России существовало свое внутреннее иго, тормозившее национальное развитие, иго крепостного права и самодержавия. Лозунги национально-освободительного освобождения, насыщенные буржуазным содержанием, были передовыми, революционными лозунгами в условиях крепостной России: формирующуюся нацию давила и стесняла феодально-крепостная оболочка.

Отсюда — положительное, прогрессивное содержание национальных русских лозунгов в устах первых представителей дворянской революционности. Выдвинутые ими национальные лозунги шли по той же исторической линии, что и движение в целом.

¹ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

² Там же, стр. 315.

³ См. В. И. Ленин. Под чужим флагом. Соч., т. 21, изд. 4-е, стр. 126.

В «Священной артели» отстаивались русские национальные формы жизни. Недаром артель связала свои «республиканские» формы с «новгородским» «вечевым колоколом». И. Д. Якушкин в своих «Записках» упоминает, что Александр Муравьев и его братья «были враги всякой немчизне».¹ Но с этим сильно выраженным стремлением ко всему русскому хорошо уживалось и уважение к революционному Западу. Интересно свидетельство Якушкина, что Александр Муравьев (и даже не один, а со своей невестой) пел «Марсельезу».²

Любовь ко всему русскому проявилась у членов артели еще в ранней молодости. Проявлялась она у будущих членов артели и до войны 1812 г. Декабрист Александр Муравьев в своих еще не опубликованных записках рассказывает, как он со своим приятелем еще в 1811 г. возмущался преимущественным положением в правительстве и в русской армии иностранцев, «русских немцев». Друзья даже не то сочинили, не то выискали некий «указ царя Алексея Михайловича», который запрещал немцам занимать в России должностные места. «Между шутками нашими мы Русские поддразнивали наших товарищей немцев домашних будто бы чтением одного указа царя Алексея Михайловича: „Учали находить на царство наше разные еретики и немцы, и мы, собрав свои бояре, архиереи и думные люди положили оных... немцев в нашу царскую службу не принимать, селить их на Грязной речке и считать их на черной доске“. Указ этот кто-то из наших, кажется, Колычев нашел, но сколько мне известно, он не находится в собрании законов, хотя действительность его несомненна. Добрые товарищи немцы подсылали послушать наши чтения и с некоторым неудовольствием отходили, но ссоры между нами никогда не происходило».³ В этой же рукописи записок А. Н. Муравьева рассказывается о розни между «русскими» и «немцами», которые, хотя и не ссорились между собой, но разделились на «партии» в 1811 г., работая над заданиями Генерального штаба. «Общество наше состояло из весьма порядочных людей Русских и немцев и хотя все мы были в дружеских между собою отношениях, тем не менее немецкая партия мало-помалу отделилась от Русской, так что обе стороны стали собираться отдельно каждая и работать в особых местах больших чертежных зал».⁴ В «Записках» его брата Николая Муравьева-Карского рассказывается о столкновениях последнего с «русскими немцами»; в этих столкновениях он отстаивал честь русских, их национальное достоинство. Все эти случаи вырисовывают ясно линию Муравьевых, а с ними, очевидно, и всего их кружка, линию, близкую к отношению Чацкого к «французику из Бордо»: она выражалась в любви ко всему передовому

¹ И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е, М., 1926, стр. 16.

² Там же, стр. 27.

³ Неопубликованная рукопись записок декабриста А. Н. Муравьева, ч. II, л. 8 (8 об). Библиотека им. Ленина, Рукописное отделение, фонд Шаховских. Шах. (II, 18) 13 б.

⁴ Там же, л. 7.

национальному, в защите достоинства русских, их права на преобладающую роль в управлении страной и в армии, — русские должны управлять Россией. «Жалкая тошнота по стороне чужой» и «пустое, рабское, слепое подражанье», очевидно, находили в них решительных противников. Эта линия была передовой новиковско-радищевской линией борьбы против дворянской галломании и слепого преклонения перед всем иностранным, линией на национальную самостоятельность, которая позже нашла такое яркое воплощение как в конституционных проектах декабристов, так и во всей идеологической системе Северного и Южного обществ. Национальная идеология этого зарождающегося общества тесно связана с характерной для него «радищевской» любовью к Отечеству.

Именно радищевская традиция является характерной чертой как «Священной артели», так и Союза Спасения. Вопрос о влиянии Радищева на декабристов вообще мало изучен. Вопрос о радищевской традиции в «Священной артели» не оставил после себя каких-либо резко ощутительных следов в документальном материале, но отблеск этой традиции лежит на деятельности кружка, что будет сейчас показано. То, что вольнолюбиво настроенная молодежь вообще была знакома с Радищевым, не подлежит сомнению. Прямое свидетельство этому есть, между прочим, в деле Кюхельбекера. Горько каясь и выгораживая себя, Кюхельбекер пытается доказать, что запретные книги Радищева или Княжнина привлекают-де любопытство читателей только потому, что запрещены. Защищая свободу печати и возражая против цензурных стеснений, Кюхельбекер пишет о чрезвычайном распространении «рукописной словесности», причем упоминает, что читал и «Вадима» Княжнина и «Путешествие» Радищева, в котором я мало что понял. Между тем их переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них». ¹ Оставим на совести кающегося узника даваемые им характеристики: для нас в этом свидетельстве важно, во-первых, прямое указание на знакомство лицейстов с Радищевым; во-вторых, свидетельство о наличии рукописных экземпляров его книги; в-третьих, ценна и характеристика отношения к нему — его переписывали с жадностью и дорожили каждым дерзким словом. Неудивительно, что лицеисты были знакомы с этим запретным произведением. По меткому выражению болгаринского доноса, лицей был прямо складом запретных изданий и рукописей: если что из них надобилось начальству, то «относились прямо в Лицей», где всегда и находили искомое. Кюхельбекер был очень в курсе «рукописной словесности»: заверяя следствие, что он никогда не написал ни одного стихотворного политического пасквиля, он попутно ярко и наивно обнаружил широкое знакомство с такого рода литературой: «ни одного из всех известных и неизвестных правительству пасквилей не признаю своим». ²

¹ ВД, II, стр. 167.

² ВД, II, стр. 157.

Остановимся еще на одной черте идеологии «Священной артели» — на неверии. Самый термин «неверие» принадлежит Александру Муравьеву, основателю артели, и неоднократно им употребляется в показаниях на следствии. Он считает религиозное неверие даже одной из причин образования Союза Спасения. Это место уже цитировалось выше: тайное общество составилось после возвращения из-за границы «по ложной ревности, по ложному и безрассудному понятию о любви к Отечеству, по неверию и невежеству нашему».¹ Книги Монтескье и Руссо, как говорит кающийся Александр Муравьев, писаны «под влиянием собственного поврежденного разума человеческого, лишённого света веры».² Члены первого тайного общества, по его же показаниям, «кружились вне религии» («я не знал также, что истинно полюбить Отечество свое невозможно, ежели кружиться вне религии»³). Муравьев ставит себе в заслугу то, что, отойдя в 1819 г. от тайного общества, он старался «изводить и их из заблуждения и обращать к святой религии»,⁴ что уже само по себе свидетельствует об отходе членов тайного общества от «святой религии». Особенно характерно свидетельство А. Муравьева, что, разорвав с обществом, он «много однако потерпел в публике, ибо выставлен был как ханжа, святоша, лицемер и религиозный фанатик».⁵

«Безверие» Пушкина, отмеченное лицейским начальством, было, как видим, свойственно не ему одному: это была характерная черта передовой молодежи того времени, нашедшая себе выражение, например, в «Священной артели». Выросшее в самом Пушкине, во внутреннем процессе его развития, его неверие питалось из общих идейных источников эпохи. Оно находило разнообразные поддерживающие его влияния и в окружавшей его среде. Прежде всего это была среда его товарищей, а между ними находились и члены «Священной артели». Написанное по заказу начальства лицейское стихотворение «Безверие» 1817 г. перекликается с настроениями первых представителей декабризма. Образ неверующего дан в «Безверии» лишенным каких бы то ни было колебаний; его положение обрисовано в заказном стихотворении как прочно безвыходное: его душа — «увядшая» душа, «ужасная пустота» его томит, искать божества в природе для него «напрасно»; его слезы — слезы «отчаянья» и «ожесточенья»; «Он бога тайного нигде, нигде не зрит», и тихому моленью он внимает «с досадой». Финал дает дополнительную формулу:

... нет, нет! не суждено
 Ему блаженство знать! Безверие одно,
 По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
 влечет несчастного до хладных врат могилы.

¹ ВД, III, стр. 16; ср. стр. 17.

² ВД, III, стр. 8.

³ ВД, III, стр. 17.

⁴ ВД, III, стр. 20; ср. стр. 22.

⁵ ВД, III, стр. 24.

Обрисованный конфликт в стихотворении не разрешен, выхода нет, — ясно, что неверующий, какого бы сожаления он ни был достоин, не верит и не будет верить. Заключительные строки стихотворения об ожидающем его «в пустыне гробовой» покое, в котором он, измученный, столь нуждается, звучат как условное разрешение конфликта, но отнюдь не в пользу веры. Под формулой Пушкина: «Ум ищет божества, а сердце не находит»¹ подписался бы не один «неверующий» декабрист. Утром 6 марта 1821 г. Пушкину было о чем говорить с Пестелем на религиозные темы: «Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse», — сказал ему Пестель. У него тоже ум искал божества, а сердце не находило.

Мы не имеем прямых данных о посещении «Священной артели» Пушкиным и должны выбирать поэтому между двумя предположениями. Первое: живой и общительный Пушкин, дышавший в лицее воздухом свободолюбия, рвавшийся к общению с людьми («Безбожно молодого человека держать взаперти...»), — жаловался он П. А. Вяземскому в письме из лицея в марте 1816 г.),² не бывал там, где «частым гостем» был его ближайший, душевный, кровный друг — Иван Пущин, куда тянулись еще три лицеиста — друг Вильгельм Кюхельбекер, друг Дельвиг, хороший приятель Вольховский. Другое предположение противоположно: возможно, что и бывал. Если пришлось бы выбирать между двумя гипотезами, я, колеблясь, выбрала бы вторую, как наиболее правдоподобную. Если же учесть еще и то, что Пушкин, несомненно, был знаком с братом своего лучшего друга Ивана Пущина — Михаилом и, очевидно, знал также и родственников Пущина — Колошиных,³ если учесть, что Кюхельбекер «всегда был приятелем»⁴ Пущину, то основания для такого выбора дополнительно укрепятся.

Но дело, разумеется, не исчерпывается вопросом о том, посещал ли Пушкин «Священную артель». Вопрос гораздо глубже и значительнее. Тема о «Священной артели» значительно расширяет наше представление об идейной атмосфере, которая окружала молодого Пушкина в последние лицейские годы и после выхода из лицея. Друзья и товарищи, «частые посетители» артели, не могли не доносить эту идейную атмосферу до Пушкина. Она не могла не отражаться в их разговорах, в спорах, в самом поведении, в суждениях о постоянно волновавшем их «зле существующего порядка вещей». Без этой атмосферы невозможно понять вольнолюбивой поэзии Пушкина и прежде всего «Вольности».

¹ А. С. Пушкин. Безверие. Соч., т. I, стр. 240—242.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 9.

³ Петр Колошин на допросе по делу декабристов показал, что знал «двух Пущиных, с которыми нахожусь в родстве» (ЦГИА, фонд 48, д. 224, л. 1 об.).

⁴ ВД, II, стр. 189.

Обычное представление о том, что идеология «Вольности» родилась только в тургеневском кругу под идейным воздействием Николая и Александра Тургеневых, представляется в силу изложенного выше слишком узким. Этот круг и это воздействие — лишь один из компонентов окружавшей Пушкина гораздо более широкой среды, в которой он сам был столь значительной активной силой. Русская общественная жизнь окружила молодого Пушкина сложным кругом явлений, и в этом кругу одно из важнейших мест занимает колыбель первого тайного декабристского общества, преддверие Союза Спасения — «Священная артель».

Доктор филологических наук

И. Н. Розанов

ПУШКИН — ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

Никто из русских поэтов не был в такой степени «певцом свободы», как Пушкин. Он был певцом независимости народов, врагом религиозных предрассудков, певцом свободы личности, свободы творчества, гениальным певцом политической свободы.

Лирика Пушкина чутко отражала общественные настроения; она была боевым оружием, которым вел борьбу с самодержавием Пушкин. Лирика его подвергалась преследованию со стороны самодержавия; широкое распространение вольнолюбивых стихов Пушкина в рукописных списках было причиной его ссылки.

История пушкиноведения еще не написана. А это прежде всего история постепенного публикования всего пушкинского литературного наследия и тем самым раскрытие борьбы величайшего русского поэта с царизмом. Это история длительной борьбы за подлинного Пушкина, не запрещенного, не урезанного, не изуродованного царской цензурой; это история борьбы за Пушкина — друга декабристов, врага самодержавия, выразителя народных чаяний, борца за грядущую революцию.

Среди современников у Пушкина были почитатели двух типов. Представителем первых из них можно считать поэта-паредворца Жуковского, представителем вторых — любого из декабристов.

Жуковский, признав себя побежденным своим учеником, писал ему: «Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею б л а г о п р и о б р е т е н н о ю славою: ибо умею уважать Позию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение)... познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый...»¹

¹ Письмо В. А. Жуковского к А. С. Пушкину 12 апреля (1826).— Переписка Пушкина, под ред. В. Сантова, т. I, 1906, стр. 340.

и концы световые каковы
 Душа моя маю подвину
 брава, ах, ах, ах, ах, ах, ах
 Руки, предвзвешен каковы
 Великого, ах, ах, ах, ах, ах, ах
 Кем, ах, ах, ах, ах, ах, ах
 Кадры, ах, ах, ах, ах, ах, ах
 Кому, ах, ах, ах, ах, ах, ах
 (+)

АВТОГРАФ ПУШКИНА. ИЗ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ» (С КАРИКАТУРОЙ НА ПАВЛА I).

Жуковский был представителем той дворянской монархической России, которая держалась за «благоприобретенное», у которой было прошлое, но не было будущего. Иначе воспринимали творчество Пушкина и его «буйные, одетые прелестью поэзии мысли», те передовые дворяне, взоры которых были устремлены вперед.

Из декабристов ближе всех к Пушкину был его сверстник и лицейский товарищ Пущин.

Вот что писал он в своих воспоминаниях о популярности Пушкина в начале 20-х годов: «Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов».¹

Огарев, который в эти годы был отроком, представителем «зреющего поколения» (он был на 14 лет моложе Пушкина), вспоминал впоследствии, в своем лондонском изгнании, о том же времени и тех же произведениях Пушкина, и прежде всего об оде «Вольность».

«На современников она произвела огромное влияние, так сильна была у читателей потребность в поэтическом отголоске своих стремлений и надежд... Мы лично были свидетелями этого влияния, оно доказывается и самой ссылкой Пушкина, которая по времени совпадает с первым распространением рукописи... Впечатление, произведенное одой, было не менее сильно, чем впечатление «Деревни», стихотворения, выстраданного из действительной жизни, ... и не менее «Послания к Чаадаеву», где так звучно сказалась юная вера в будущую свободу. Кто во время оно не знал этих стихотворений? Какой юноша, какой отрок не переписывал?»²

Здесь обращают внимание слова «во время оно». Это значит, до неудачи восстания 14 декабря, до разгрома декабристов. А потом начались жесточайшие репрессии. Рукописи с вольнодумными стихами повсюду уничтожались.

Цензурным запретам, сокращениям и искажениям произведения Пушкина подвергались с самого их возникновения.

Из певца свободы его делали поэтом-созерцателем. Слово «свобода» заменяли словом «природа».

У Пушкина было:

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить ...³

¹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 67.

² Н. П. Огарев. «Предисловие к сборнику „Русская потаенная литература“, Лондон 1861 г.». Стихотворения и поэмы, М., 1937, стр. 314—315.

³ А. С. Пушкин. «На лире скромной, благородной»..., Соч., т. I, стр. 333.

А в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» появился такой текст:

Природу лишь умея славить,
 Стихами жертвуя лишь ей,
 Я не рожден людей забавить ...

То, что из лирики Пушкина было напечатано при его жизни, давало совершенно ложное представление о его политическом лице.

Недостаточное знакомство с рукописными произведениями Пушкина, невозможность свободно высказываться о них, а также усиленное старание прислужников самодержавия показать Пушкина раскаявшимся и образумившимся — все это создало еще при жизни поэта долго существовавшее и медленно потом изживаемое представление о нем, как о поэте «чистого искусства», поэте-созерцателе.

И после смерти Пушкина продолжалась борьба за Пушкина.

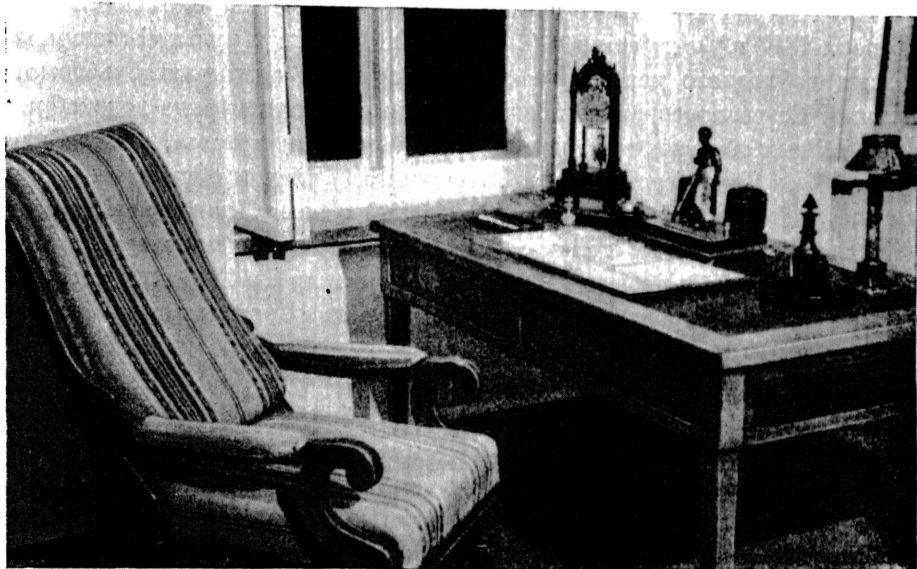
Нелегальное рукописное наследство Пушкина впервые стало публиковаться в нелегальной заграничной печати. Впервые раскрывать подлинного Пушкина, друга декабристов, начали продолжатели дела декабристов — Герцен и Огарев. Через 30 лет после «Полярной Звезды» Рылеева и Бестужева начали выходить в Лондоне сборники «Полярная Звезда» Герцена и Огарева, в которых были напечатаны революционные стихи Пушкина. Только в 1856 г., через 29 лет после того, как было написано «Послание в Сибирь», оно появилось в печати, а «Вольность» — через 37 лет после написания.

В 1861 г. вышла в Лондоне с большой вступительной статьей Огарева замечательная книга, быстро ставшая библиографической редкостью, — «Русская потаенная литература XIX столетия. Стихотворения», в которой, по возможности, собрано было все, что было в русской поэзии запрещенного или не предназначавшегося для печати в России, начиная с Державина и кончая Добролюбовым; сюда вошло до 80 стихотворений Пушкина.

В России борьба за опубликование нелегального Пушкина была трудной и упорной. В год первой революции, в 1905 г., т. е. через 88 лет после того, как была написана пушкинская ода «Вольность», она была напечатана в России целиком. В 1910 г. была расшифрована X глава «Онегина». И только после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным печатание всего пушкинского наследства. Теперь советские пушкинисты, вооруженные марксистско-ленинской методологией, имея в своем распоряжении пушкинские рукописи, могут оценить по-настоящему значение Пушкина.

Лирика Пушкина делится на три периода: первый — до ссылки, второй — лирика поэта-изгнанника и третий — лирика Пушкина после подавления восстания декабристов.

Лицейские годы были прекрасной подготовкой для Пушкина — будущего певца политической свободы и друга декабристов. Уже с первых шагов лицейского творчества Пушкин обнаруживает жажду независи-

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ. УГОЛОК КАБИНЕТА.
ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ, ЗА КОТОРЫМ РАБОТАЛ ПОЭТ.

мости. Судя по самым ранним из дошедших до нас стихотворений — посланиям «К Наталье» (1813) и «К сестре» (1814), в лицейской обстановке он чувствует себя, как в монастыре или как в тюрьме, и называет себя «монахом» и узником:

... гляжу на свет
Как узник из темницы...¹

Придирки цензуры коснулись и этих самых ранних произведений Пушкина. В печати они появились после смерти поэта в сильно сокращенном виде. Из ста строк в послании «К Наталье» цензура выбросила 34, т. е. треть. Она обвинила Пушкина в непочтительном отношении к религии.

К 1814 г. относится сказка «Бова», где Пушкин впервые проявляет особенный интерес к Радищеву, сохраняя его потом в течение всей жизни.

Уже в лицее Пушкин обнаруживает гораздо большее понимание народности, чем поэты-декабристы. Два стихотворения пятнадцатилетнего поэта «Казак» и «Под вечер осенью ненастной» вошли в русский песенный фольклор. Ничего подобного не находим мы у его предшественников и современников.

В 1815 г. Пушкин создает свое первое политическое стихотворение «Лицинию» с многозначительной концовкой: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен!»²

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. I. К сестре, стр. 41.

² Там же. Лицинию, стр. 111.

Три года пребывания Пушкина в Петербурге, после окончания лицея (9 июня 1817 г.) и до ссылки (6 мая 1820 г.), были в русской литературе годами небывалого дотоле расцвета рукописной антиправительственной лирики. Ее распространение связано было с наличием ряда додекабристских тайных обществ, как, например, «Священная артель», «Союз Спасения», «Союз Благоденствия» и др. Пушкин был членом общества «Зеленая Лампа», которое было одним из ответвлений «Союза Благоденствия».

Основной программы тайных обществ была борьба против абсолютизма и борьба против крепостного права. Александр I в 1818 г. на открытии сейма в Варшаве произнес речь, в которой обещал конституцию. Это оживило надежды некоторых членов тайных обществ, другие отнеслись к царским обещаниям недоверчиво.

Эти три года Пушкин работал главным образом над созданием своего первого крупного произведения — поэмы «Руслан и Людмила», начатой им еще в лицее и оконченной за месяц до ссылки. Лирических стихотворений в это время он писал сравнительно мало и только шесть опубликовал. Но это время было периодом создания антиправительственной лирики. Самым крупным его лирическим произведением за эти годы была ода «Вольность» (96 строк), широко распространившаяся в рукописи. Особенно волновали такие строки:

Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певича?

или:

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

или:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

В этой нелегальной оде, доставившей Пушкину широкую известность раньше, чем его напечатанная в 1820 г. поэма «Руслан и Людмила», Пушкин шел «вслед Радищеву». В политическом отношении «Вольность» Пушкина умереннее «Вольности» Радищева. В конце концов пушкинская «Вольность» только угроза дурным царям, «увенчанным злодеям». Царям рекомендуется не нарушать законов, не быть «самовластительными злодеями» и тогда все будет хорошо. Кончается ода обращением к царям:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.¹

Одновременно с «Вольностью» Пушкина ходило по рукам в Петербурге стихотворение Вяземского «Петербург» (1818). Когда Вяземский сочи-

¹ А. С. Пушкин. Вольность, Соч., т. I, стр. 314—317.

нил это стихотворение, он писал друзьям: «Такую взгромоздил штуку, что только держись. Так Сибирью на меня и несет!»,¹ т. е. допускал возможность ссылки за вольнодумство. В произведении Вяземского были строки о необходимости уничтожения цензуры, выражалась надежда на освобождение крестьян:

Нешастный раб земли, отвергнутый от братий,
В свободе примет мзду страдальческих занятий...
С чела орастая сотрется пот неволи ...»²

Через год после «Петербургга» Вяземского широкое распространение получила пушкинская «Деревня», где мысль о рабстве, которое должно пасть, выражена с такой силой, что «Петербург» Вяземского сразу потерял свою актуальность, должен был восприниматься как риторическое произведение. У Пушкина не изложение программы реформ, выраженной в стихах, как у Вяземского, а потрясающая картина положения крепостных:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.³

Широкой популярности «Деревни» способствовал простой и ясный язык стихотворения: у Пушкина немислимо было бы такое выражение, как «мзда страдальческих занятий». У него не «раб земли» и не «оратай», а просто «земледелец».

Откликом Пушкина на речь Александра, произнесенную в Варшаве, явилось иронически-шутливое стихотворение, где основная мысль выражена в заключительных словах: «...царь-отец рассказывает сказки».⁴

Самым лучшим из всех нелегальных стихов Пушкина, написанных им до ссылки, является бесспорно послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»), где поэт прямо ставит себя в ряды участников разрушения «самовластья», т. е. самодержавия:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!⁵

¹ Письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу.— Остафьевский архив, т. I, стр. 116.

² П. А. Вяземский. Петербург. Избр. стихотворения. Изд. «Academia», 1935, стр. 138.

³ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 352.

⁴ Там же. «Ура! в Россию скачет...», стр. 335.

⁵ Там же. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

В этом стихотворении передано настроение не только Пушкина и Чаадаева, а всех, мечтавших о свержении самодержавия. Стихи, выражающие такие настроения, писал не только Пушкин. От Катенина, который был членом тайного «Военного Общества», дошла до нас одна революционная песня «Отечество наше страдает», в которой некоторые строки звучали как революционные лозунги («свергнем мы трон и царей!», «Лучше смерть, чем жить рабами»).¹ Песню эту пели потом ссыльные декабристы в Сибири.

Еще ближе к пушкинскому посланию было послание «К артельным друзьям», принадлежавшее малоизвестному поэту А. Мещевскому. Мещевский учился в Московском благородном пансионе, а потом по не известным нам причинам был отдан в солдаты и сослан в Сибирь.

В 1817 г. он жил в Оренбурге и оттуда прислал в Петербург свое «Послание к артельным друзьям», которое Воейков собирался напечатать, но оно не разрешено было цензурой. До нас оно дошло, так как приведено было министром народного просвещения адмиралом Шишковым в его доносе царю и снабжено его комментариями.

«Слово: артельные друзья, — писал в своем доносе Шишков, — показывает, что послание сие относится не ко всем читателям, но к какой-то артели, т. е. неизвестному или тайному обществу». ² Можно предполагать, что Мещевский принадлежал к тайному обществу «Священная артель», существование которой открыла М. В. Нечкина.

В приводимых Шишковым стихах Мещевского есть много общего с посланием Пушкина «К Чаадаеву»; это еще раз доказывает, что в политической своей лирике величайший русский поэт был «эхом русского народа». И в Петербурге у Чаадаева и в далеком Оренбурге у бедного ссыльного те же мысли, те же желания, но иначе выраженные: у Пушкина «души прекрасные порывы», у Мещевского — «возлюбленные желанья», «добра огонь священный», «мечта златая».

...Мечта златая ранних дней

Еще от нас далеко!

Еще в тумане скрыта цель

Возлюбленных желаний!

.....

Но час пробьет! Услышим мы

Отечества призыванье!

Тогда появится из тьмы

Душ пламенных желанье:

Сплетенные рука с рукой

На путь мы ступим жизни

И пылкой полетим душой

Ко частию отчизны ...³

¹ П. Катенин. Стихотворения. Б-ка поэта (малая серия). Сов. писатель, 1937. Цит. по вступит. статье В. Орлова, стр. 8.

² А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 265 и сл.

³ А. Мещевский. Уединение. «Избранные сочинения из „Утренней Зари“». 1809, ч. 1, стр. 259—263.

«Не явно ли, — писал в своем доносе Шишков, — стихи сии заключают в себе воззвание к возмущению? Ибо, что может быть яснее сих слов: *друзья артельщики!* Может быть, не сказано: товарищи, дабы под словом артельщики разуместь вместе и солдат. Цель наших желаний скрыта еще в тумане. Какая цель? Для чего скрыта?.. Надежда их на единомышленников так велика, что они посылают печатать стихи, в которых смело пророчествуют: «но час пробьет, услышим мы отечества призванье»...

Шишков требовал усиления цензуры, но сам сомневался, сможет ли это остановить политическое движение, «широко разлившуюся реку», как он писал. А когда восстание декабристов произошло, он сравнивал себя с человеком, который хотел «ладонью своей руки остановить быстрое течение потока».¹

Послание Мещевского не имело сколько-нибудь заметного распространения. Судьба пушкинского послания была исключительно своеобразна. Первоначально в печати появилось только четыре строки с прибавлением пятой, не принадлежащей Пушкину; эта пятая строка написана Бестужевым-Рюминым и приписывается им грибоедовскому Чацкому.

Пушкинские строки появились в придуманной Бестужевым-Рюминым переписке действующих лиц комедии «Горе от ума», помещенной в его альманахе «Сириус» 1826 г. Чацкий выведен поклонником Пушкина. Он не называет Пушкина, но цитирует его переиначенные стихи, считает их «прекрасными».

Нетерпеливою душой

. . . . .
Я жду, с томленьем упованья,
Подруги, сердцу дорогой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.²

Получалось любовное стихотворение. У Пушкина же было: «Мы ждем с томленьем упованья минуты вольности святой...» Через тридцать лет в издании сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова послание Пушкина было напечатано в сильно сокращенном виде, без обозначения адресата, но с сохранением строчки Бестужева-Рюмина, выдаваемой за пушкинскую. Самыми опасными словами для цензуры были «обломки самовластья». С этими словами стихотворение появилось в России впервые в 1903 г. в издании под редакцией Ефремова, т. е. через 85 лет после того, как было написано.

Годы ссылки Пушкина (с мая 1820 по август 1826) были годами наибольшего сближения его с декабристами и знаменовали новый этап в его вольнолюбивой лирике. На произведениях этого периода не могли не отразиться два обстоятельства.

¹ А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II.

² «Сириус», альманах. 1826, стр. 31.

Во-первых, историческая обстановка этих лет. В 1820 г. было восстание Семеновского полка. Революционные настроения в России усилились. Начался подъем революционного движения в Испании, в Неаполе, в Греции. Это не могло не отразиться и в литературе. Осенью 1820 г. привлекло внимание русских читателей стихотворение Рылеева «К временщику», направленное против Аракчеева. В 1825 г. Рылеев помещает в альманахе «Полярная Звезда» самое сильное из своих революционных стихотворений «Исповедь Наливайки». Кюхельбекер в своих стихах выражает желание отдать жизнь за свободу Греции.

Во-вторых, в изгнании Пушкин на собственном опыте испытал отсутствие личной свободы, что не могло не усилить настроений протеста. В своих откликах на революционные события Пушкин показал себя еще более энергичным и решительным певцом политической свободы, чем был раньше. Наиболее ярко это выразилось в «Кинжале» и в послании к декабристу Василию Давыдову, которое заканчивается словами: «...мы счастьем насладимся, кровавой чаши причастимся...»¹ («кровавая чаша», т. е. «революция»). Он все время живет в ожидании революции:

Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ свободы?²

Певцом политической свободы показал себя Пушкин в годы ссылки во многих стихотворениях. Некоторые из них появились в печати с пропуском мест, наиболее острых в политическом отношении. Так было с одой «Наполеон», с элегией «К морю», с элегией «Андрей Шенье», первоначально имевшей заглавие «Андрей Шенье в темнице», ряды точек в печатных текстах заинтриговывали, многие читатели старались добыть полный рукописный текст. Сам Пушкин заявлял, что полный текст элегии «Андрей Шенье» разошелся в списках в большом количестве. С другими своими политическими стихами Пушкин и не пытался выступать в печати. Из всех стихотворений Пушкина-изгнанника (1820—1826) самым революционным является «Кинжал».

Декабрист И. Д. Якушкин в своих «...Записках» вспоминал: «...в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал... «Кинжала»... наизусть».³

Это стихотворение читал декабрист М. П. Бестужев-Рюмин на собрании Общества соединенных славян, когда оно присоединилось к Южному тайному обществу. В тысячах списков ходило стихотворение по России. Герцен впоследствии рассказывал в своих воспоминаниях «Былое и думы», как он мальчиком переписывал «Кинжал», «Оду на свободу» «Думы Рылее-

¹ А. С. Пушкин. В. Л. Давыдову. Соч., т. II, стр. 39.

² Там же. «Кто, волны, вас остановил...», стр. 147.

³ И. Д. Якушкин. Записки, М., 1925, стр. 51.

ва» в свою тетрадку: «я их переписывал тайком... (*а теперь печатаю явно!*)».¹ Герцен первым опубликовал «Кинжал» в издававшейся им «Полярной Звезде» в 1856 г. Так наглядно обозначалась преемственность русского революционного движения — от декабристов к Герцену.

И в легальной своей лирике Пушкин служил делу свободы. Таковы его стихотворения кишиневского периода «Птичка» и «Узник», ставшие хрестоматийными. Декабристски настроенные читатели могли вкладывать в эти стихи желательный им смысл. Даже пушкинская «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...»), во избежание опасных толкований, была снабжена при печатании таким пояснением от редактора: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников и пр.»²

Еще опаснее мог казаться «Узник», где был стих, звучавший как призыв к началу действий: «Мы вольные птицы; пора, брат, пора!»³ Написано это стихотворение в 1822 г., а опубликовано было только через 10 лет, в 1832 г. В 1822 г. Жуковский напечатал свою балладу «Узник» и перевод «Шильонского узника» Байрона. Герой баллады Жуковского не испытал радости, когда его выпустили из темницы, потому что умерла его возлюбленная и он мечтал только о том, чтобы скорее встретиться с ней в лучшем мире. Узник Байрона так привык к цепям, что, выходя из темницы, «он о тюрьме своей вздохнул». Такие романтические узники должны были казаться надуманными, нежизненными русский людям. Это была литература, далекая от русской жизни. А как раз в этом году в русской действительности произошло немаловажное событие: был посажен в тюрьму «первый русский декабрист» Владимир Раевский. Этот действительный, а не вымышленный узник написал стихотворение «К друзьям в Кишиневе», где предлагал Пушкину изобразить положение томящихся в темнице. Ответом на это послание и был пушкинский «Узник», нашедший живой отклик в русском фольклоре и вызвавший потом целый ряд стихотворений, вошедших в песенный фольклор («Не слышно шуму городского» Федора Глинки, «Ночь темна. Лови минуты» Огарева и др.).

Разгром декабристов произвел на Пушкина потрясающее впечатление.

Узнав, что царское правительство требует у Англии выдачи Николая Тургенева и что его будто бы везут морем в Петербург, Пушкин в ответ на стихотворение Вяземского, воспевавшее море, написал негодующее восьмистишие:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, гл. III, Гослитиздат, 1946, стр. 33.

² См. примеч. в т. II. Соч. Пушкина, стр. 419.

³ А. С. Пушкин. Узник. Соч., т. II, стр. 127.

Не славь его. В наш гнусный век
 Седой Нептун земли союзник.
 На всех стихиях человек—
 Тиран, предатель или узник.¹

За два года до этого море было для Пушкина олицетворением свободы («Прощай, свободная стихия!»), теперь же стало «душегубцем».

Это было первым откликом поэта на крушение декабристов. Затем последовали и другие. Пушкиным было написано три обращения к сосланным декабристам. В одном — «Бог помочь вам, друзья мои», — к декабристам относилась только одна, но знаменательная строчка: Пушкин упомянул и тех друзей, которые находятся «...в мрачных пропастях земли». ² Стихотворение это появилось в печати под заглавием «К товарищам молодости» («Славянин», 1830). В другом стихотворении, в послании к Пущину Пушкин старался ободрить своего «первого», своего «бесценного друга». ³ Третье — знаменитое революционное послание «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд»), где выражена страстная мечта:

Оковы тяжкие падут,
 Темницы рухнут — и свобода
 Вас примет радостно у входа
 И братья меч вам отдадут⁴

Не царь помилует и простит, а «братья», т. е. единомышленники, вернут им меч для наступления на общего врага.

Ободряя друзей, пострадавших за участие в восстании, Пушкин в том же 1827 г. постарался осознать свою роль в движении декабристов.

Нас было много на челне;
 Иные парус натягали,
 Другие дружно упирали
 В глубь мощны весла. В тишине
 На руль склонясь, наш кормщик умный
 В молчаньи правил грузный чолн ...

Принимая во внимание сохранившийся восторженный отзыв Пушкина о Пестеле, надо думать, что под «умным кормщиком», который «в молчаньи правил грузный чолн», поэт подразумевал его.

О себе, как о певце декабризма, Пушкин говорил предельно кратко и выразительно:

А я — беспечной веры полн —
 Пловцам я пел ...

¹ А. С. Пушкин. К Вяземскому. Соч., т. II, стр. 333.

² А. С. Пушкин. 19 октября 1827 г. Соч., т. III, стр. 34.

³ А. С. Пушкин. И. И. Пущину. Соч., т. II, стр. 343.

⁴ А. С. Пушкин. Послание в Сибирь. Соч., т. III, стр. 7.

Далее о неудаче восстания и о своей верности «прежним гимнам»:

... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный ...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозюю,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.¹

«Зашифрованность» этого стихотворения Пушкина вводила в заблуждение даже некоторых пушкинистов. «„Арион“ Пушкина, — заявлял впоследствии Сумцов, — можно рассматривать без какого бы то ни было отношения к декабристам». Именно благодаря такой «зашифрованности» стихотворения Пушкину удалось напечатать его в 1830 г. в «Литературной газете», хотя и без подписи, но подписчики газеты легко могли догадаться, о ком тут идет речь.

Ценнейшим откликом Пушкина на декабрьское восстание должна была быть десятая глава «Евгения Онегина», до нас не дошедшая. По отрывкам ее мы видим, что Пушкин давал тут широкую картину всего освободительного движения в России, возникшего после победы над Наполеоном. Тут и резкая характеристика Александра I («Плешивый щеголь, враг труда») и изображение тайных обществ:

Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.²

Конечно, нелепы предположения, что в десятой главе Пушкин выразил отрицательное отношение к движению декабристов. Этого никак не могло быть. Пушкин в последние годы жизни пытался двумя своими статьями пропагандировать Радищева, а в «Памятнике» заявил, что шел вслед за Радищевым или в другой редакции — в жестокий век «восславил свободу».

«Я гимны прежние пою», — заявил Пушкин в «Арионе» после разгрома декабристов. Однако так радикально изменилась обстановка, что петь попрежнему стало почти невозможно. Количество нелегальных рукописных стихотворений у Пушкина, естественно, уменьшилось. Лучшим из них является знаменитое послание «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье»). Отправка его по назначению была для Пушкина исключительно рискованным шагом. Если бы оно было обнаружено при обыске кого-либо, Пушкину бы не сдобровать!

¹ А. С. Пушкин. Арион. Соч., т. III, стр. 15.

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

Пришлось Пушкину или не договаривать своих мыслей, как это было в стихотворении «Кавказ», где Пушкин при печатании сам зачеркнул конец («Так буйную вольность законы теснят ...»), или прибегать к маскировке.

Одним из высших достижений его легальной гражданской поэзии являются «Пророк» (1826), где назначение поэта определяется словами: «Глаголом жги сердца людей»,¹ и «Анчар» (1828), где носители зла — «древо яда» и царь.

«Анчар», как известно, был напечатан с дозволения цензуры в «Северных цветах», но Бенкендорф сделал Пушкину выговор, зачем он не представил его предварительно царю. Характерно, что Николай нашел стихотворение неопасным, так как не относится к России, в которой «рабов нет». Тем не менее при перепечатке «Анчара» в III томе стихов Пушкина, в 1832 г. строка «А царь тем ядом напичал»² заменена была, по совету Жуковского, строкой: «А князь тем ядом напичал».

Оправдать Пушкину свое заявление, высказанное в «Арионе», «Я гимны прежние пою» стало делом невероятно трудным не только потому, что радикально изменилась обстановка, но и потому, что поэту необходимо было вдуматься в смысл неудачи декабрьского восстания.

С предельной четкостью сформулировал причину неудачи декабристов Ленин: «страшно далеки они от народа».³ Пушкин, конечно, не мог дать такого исчерпывающего объяснения, но вся последующая его литературная деятельность показывает, что он приближался к пониманию причин поражения восстания. В этом понимании ему помогал и Радищев, которого он знал больше, чем декабристы, считавший, что революция должна быть делом всего народа.

Три основных устремления находим мы в деятельности Пушкина последних десяти лет его жизни: повышение интереса к русской истории, повышение интереса к народности, еще большее стремление изображать современную действительность. Он задумывается над проблемой государственности, над взаимоотношениями самодержца и народа. Четыре исторических лица привлекают его внимание. Петр I и три врага самодержавия — Степан Разин, Емельян Пугачев и Александр Радищев. Петром и Пугачевым он занимается легально как историк («История Пугачева», «История Петра») и как писатель-художник («Капитанская дочка», «Полтава», «Медный всадник»). Разиным и Радищевым он тоже хотел бы заниматься легально, но цензура не позволила. Сочувствие Пугачеву, любованье им выразил Пушкин в послании к Денису Давыдову 1836 г.: «в передовом твоём отряде урядник был бы он лихой!»⁴ Свои три песни

¹ А. С. Пушкин. Пророк. Соч., т. II, стр. 341.

² А. С. Пушкин. Анчар. Соч., т. III, стр. 81.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

⁴ А. С. Пушкин. Д. В. Давыдову. Соч., т. III, стр. 367.

о Степане Разине Пушкину не удалось напечатать, но важно, что он первый обратил внимание на этого популярнейшего народного героя. Рылеев прошел мимо него.

Пушкин все более и более обращается к народу, его жизни, его творчеству. Нагляднее всего это отразилось на четырех частях «Стихотворений Александра Пушкина», первые две части которых вышли в 1829 г., третья в 1832, четвертая в 1835 г. Произведения расположены в хронологическом порядке, но в каждой части не все датированы.

Просмотр этих четырех книг должен привести всякого читателя к следующему выводу.

У Пушкина постепенно увеличивается интерес к народному творчеству: в первой части характерны в этом отношении стихотворения «Домовому», «Русалка» — 1819; во второй части он помещает две великолепные баллады, которые называет «простонародными песнями» — «Жених» (1825) и «Утопленник» (1828), в третьей части — «Бесы» (1830) и «Сказка о царе Салтане». А четвертая часть поражает тем, что почти целиком посвящена произведениям в духе народного творчества как русского, так и славянского вообще: три сказки (о мертвой царевне, о золотом петушке, о рыбаке и рыбке), песни западных славян, переводы польских баллад. В книге 26 произведений. Из них только три относятся к интимной лирике.

Третья и особенно четвертая части были, как известно, холодно приняты современной Пушкину критикой и читателями. Заговорили об угасании пушкинского гения; в действительности же было обратное: Пушкин в своем движении к реализму и народности обогнал свое время и своих читателей.

Скрывали от народа подлинного Пушкина не только его явные враги вроде Бенкендорфа, но и «благонамеренные» друзья. Таков был «добрейший» поэт Жуковский, который, желая помочь вдове поэта в ее денежных затруднениях, сам придумал предсмертные слова Пушкина о примирении его с царем. Он же изуродовал одно из великолепнейших стихотворений Пушкина — его «Памятник», заменив «александрийский» столп «наполеоновым», а стих «что в мой жестокий век восславил я свободу» — стихом «что прелестью живой стихов я был полезен». Такой обедненный Пушкин, без какого-либо намека на его свободолюбие и политическую борьбу, преподносился читателям в течение полувека, а в учебниках для гимназий даже дольше.

Только в советское время был восстановлен подлинный текст Пушкина на пьедестале его памятника.

Пророчества «Памятника» сбывались не сразу. В царской России они и не могли сбыться. «Народная тропа» к Пушкину не сразу была проторена.

В 1880 г., когда ставился рукотворный памятник Пушкину на Тверском бульваре, многие жаловались, что сочинения Пушкина из-за своей

дороговизны недоступны для небогатых людей. В юбилей 1887 г. появились дешевые издания, но и они были предназначены только для интеллигенции и городского населения.

Юбилей в 1899 г. был организован сравнительно широко, но по анкете «Сельского вестника» обнаружилось, что многие из деревенских жителей знали о Пушкине только понаслышке. Юбилей носил официальный характер. Революционное значение Пушкина всячески затушевывалось.

Только в советское время подлинный Пушкин стал доступен для всех, только теперь его читают «по всей Руси великой», все народы нашей многонациональной Родины.

Доктор филологических наук
Н. Л. Степанов

ПУШКИН И РАДИЩЕВ¹

мена Пушкина и Радищева, которыми гордится наш народ, могут быть с полным правом названы вместе. Идейная и творческая встреча этих писателей была исторически закономерна. Радищев — вершина передовой русской культуры XVIII в., Пушкин — родоначальник новой русской литературы:

Пушкин был и главным источником знакомства с Радищевым для читателей XIX в. Статья Пушкина о Радищеве, ставшая известной лишь в 1857 г., после появления VII тома анненковского издания, привлекла внимание к Радищеву революционных демократов.

Пушкин гордился тем, что он «вслед Радищеву» «восславил» «свободу». Великий поэт справедливо считал себя продолжателем его дела, однако он жил и творил в эпоху, во многом отличную от той, когда раздался смелый, но одинокий голос Радищева.

Говоря о роли Радищева в идейном и творческом становлении Пушкина, следует иметь в виду не разрозненные, частные сопоставления, не отдельные цитаты, которыми обычно оперируют исследователи, а общность и вместе с тем своеобразие исторических путей каждого из них.

В своей статье «О национальной гордости великороссов» Ленин призвал нас гордиться Россией Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев.

У истоков этой традиции справедливо поставлено В. И. Лениным мужественное и прекрасное имя Радищева. «Мы гордимся тем, — писал Ленин, — ...что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал

¹ В сокращенном виде доклад напечатан отдельной брошюрой в серии лекций Общества по распространению политических и научных знаний.

в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик в то же время становится демократом, начал свергать попа и помещика».¹

Пушкин и декабристы продолжили дело Радищева, подхватили его революционный призыв.

Естественно, что Пушкин не мог пройти мимо Радищева. Начиная с юношеских, лицейских лет и кончая последними годами жизни поэта, Радищев всегда стоял перед его глазами как величественный пример выполнения писателем своего долга перед народом. У Радищева, в его революционных произведениях, овеянных горением подлинно передовой мысли, Пушкин черпал уверенность в своем свободолобивом пути, учился смелому обличению деспотического и крепостнического режима, которое так страстно и правдиво проповедывал этот замечательный писатель-революционер.

Радищев, великий представитель русской литературы и общественной мысли, отличался последовательностью своих революционных выводов, бесстрашием материалистических взглядов, жизненной правдивостью и самобытностью своего творчества.

Открывая новую страницу в развитии русской литературы, Радищев утверждал ее дальнейшее развитие как самой передовой, идейной и правдивой литературы в мире. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, напечатанное им летом 1790 г., замечательный памятник русской общественной мысли и литературы конца XVIII века.

По смелости и широте мысли, по решению основных социальных и политических вопросов, и, прежде всего, вопроса о государственной власти и правах народа, — Радищев стоял на гораздо более передовых и революционных позициях, чем западные просветители и радикальные буржуазные мыслители вроде Вольтера или Монтескье, полагавшие, что миром правят «мнения», и не понимавшие значения народа как основной движущей силы истории.

«Путешествие» Радищева — произведение глубоко самобытное и национальное, русское по самому своему духу и характеру. В основе его лежит правдивое и смелое изображение тех невыносимых социальных условий, которые мешали плодотворному развитию талантливого, умного и свободолобивого русского народа, жестоко эксплуатировавшегося помещиками-крепостниками и царской бюрократией. На протяжении всего повествования Радищев смелой и беспощадной кистью художника-реалиста рисует картину чудовищного угнетения, насилия, издевательства помещиков над своими крепостными. Не смягчая красок, он показывает бесчисленные жестокости помещиков.

Радищев — подлинный патриот, горячо любящий свое отечество, стремившийся к его величию и славе. Непременным условием этого величия он считает свободу своего народа. В призыве к освобождению народных

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 85.

масс от крепостной зависимости, в ненависти и презрении к правящему паразитическому классу выражалась подлинная любовь Радищева к родине.

Для Радищева самое «порабощение» человека «есть преступление». Однако вопрос о «порабощении» Радищев ставил не в общем отвлеченно-гуманистическом плане (как это делали западноевропейские просветители), а во всей его социальной конкретности, как вопрос о борьбе с помещиками-крепостниками. «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи?— спрашивает Радищев.— Земледелец! кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада; тот, кто дает нам здоровье, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».¹

Для Радищева крестьянин является основой благосостояния общества. И именно этот класс, на чьем труде держится государство, кому обязаны своим благополучием туенядцы-помещики, не только был лишен права распоряжаться тем, что производит, но и подвергался неслыханной эксплуатации и бесчеловечному угнетению. «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженным?»² Один лишь «ненасытитель кровей», алчный и жестокий помещик может это сказать,— говорит Радищев, стремясь «опровергнуть... сии зверские властителей правила».³

Буржуазное литературоведение пыталось представить Радищева либералом-просветителем, тенденциозно искажая его подлинный облик. Но именно Радищев первый из русских мыслителей понял неизбежность и необходимость народной революции. Он первый смело и открыто высказал требование об освобождении трудящихся масс от самодержавно-крепостнического гнета. Этим уже протягиваются нити от Радищева к декабристам и далее к революционным демократам 60-х годов. Предупреждая дворянство о грозящем ему возмездии, Радищев писал в «Путешествии»: «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие».⁴

Для Радищева народная революция не является лишь разрушительным крестьянским «бунтом», она несет и новые созидательные начала, она выдвигает прогрессивную интеллигенцию — людей из народа, — которые

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотиллов», т. I, изд. АН СССР, 1938, стр. 314.

² Там же, стр. 315.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 320.

призваны будут создать новую, подлинно народную культуру, взамен крепостнической: «Скоро бы из среды их (т. е. восставших крестьян.— Н. С.) исторгнулись великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены.— Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую, я зрю сквозь целое столетие».¹

Радищев считал, что настоящий патриотизм присущ народным массам. Кичливости вельмож и придворных их мнимыми заслугами перед отечеством Радищев противопоставляет бескорыстную преданность интересам родины со стороны простых, ничем не примечательных людей, которые «равняются или председательствуют служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя ради отечества ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».²

Следует коренным образом пересмотреть и распространенную точку зрения на Радищева, как на представителя сентиментализма. Радищев не может быть отнесен к этому течению: он, по сути дела, являлся зачинателем реализма в русской литературе.

Суровая правдивость изображаемых им в «Путешествии» картин тогдашней российской действительности, жизненность и убедительность созданных им образов, революционный обличительный пафос — все это не имеет ничего общего с сентиментализмом и, тем более, содержанием «чувствительных путешествий» Стерна и Дюпати, с которыми сравнивали «Путешествие» Радищева некоторые исследователи.

Радищев первый в русской литературе показал жизнь как она есть, без прикрас, без моралистического резонерства, без той преувеличенной чувствительности, которые считались обязательными для прозы в XVIII в. «Путешествие» Радищева — это не завершение традиций дворянского классицизма или сентиментализма, а качественно новое явление в русской литературе, устремленное далеко вперед, намечающее пути последующего литературного развития.

Реализм Радищева — не в бытовых зарисовках, не в отдельных метко схваченных чертах действительности — реалистично у него само восприятие и понимание этой действительности. Радищевский реализм предваряет критический реализм русских писателей XIX в., и прежде всего Пушкина. Радищев видел окружающую жизнь в ее противоречиях и не только правдиво показал основное зло русской действительности своего времени — самодержавие и крепостничество, но и впервые поставил перед русским обществом как главную задачу — ликвидацию их революционным путем.

Несокрушимая вера в народ, понимание закономерности исторического развития позволили Радищеву прийти к выводу о неизбежности рево-

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Городня», т. I, стр. 368.

² Там же, гл. «Выдропуск», т. I, стр. 327.

люционного переустройства общества. Радищев видит выход в победе народной революции, которую он и предсказывал в своей книге: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим... главы бесчеловечных своих господ...»¹

Радищев показывает русских крестьян не забитыми и смиренными, а протестующими против крепостнического гнета, восстающими против помещика. В главе «Зайцово» он рассказывает, как возмущенный насилием над его невестой жених и заступившиеся за него односельчане убили своих господ. «Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве».² Никто до Радищева с такой последовательностью и ясностью мысли не показал свободолюбивый характер русского народа. Радищев не сомневается, что русский народ имеет в себе достаточно сил, чтобы сбросить иго эксплуататоров: «Русский народ, — писал Радищев, — очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать...»³

Радищев не страшится грозы народной революции. Он считает революционное насилие справедливым и единственно возможным путем освобождения народа. В этом он намного опередил свое время, указав путь последующим поколениям революционеров. В предисловии к изданию «Путешествия» Радищева Герцен писал: «А. Радищев смотрит вперед... Его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в Думах Рылеева, и в собственном нашем сердце».⁴

Имя Радищева, его смелый протест против деспотизма были свежи в памяти передовых русских людей в годы молодости Пушкина. Недаром Пушкин, прочитав в «Полярной Звезде» в 1823 г. «Взгляд на старую и новую словесность в России» декабриста А. Бестужева, упрекал его за отсутствие упоминания о Радищеве: «как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простиительно...»⁵

Пламенный призыв к борьбе с самодержавием и крепостничеством в произведении Радищева сделал «Путешествие» одной из тех книг, которые содействовали формированию идеологии декабристов. Ода «Вольность» и «Путешествие» воспитывали у декабристов чувство подлинного патриотизма.

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Городня», т. I, стр. 368.

² Там же, гл. «Зайцово», т. I, стр. 274.

³ Там же, стр. 272.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, П., 1919, т. IX (Предисловие), стр. 270.

⁵ А. С. Пушкин. Письмо к А. А. Бестужеву. Письма. Соч., т. X, стр. 61.

Гневное послание Рыльева «К временщику», его революционные стихи «Гражданское мужество», «Гражданин» и другие многим обязаны оде «Вольность» Радищева. В ней заключен не только образец действенной гражданской поэзии, но и впервые выражены те революционные идеи, та жажда свободы, ненависть к деспотизму, которые так вдохновенно и мужественно прозвучали в стихах поэтов-декабристов.

Мы не можем точно датировать, когда именно познакомился Пушкин с «Вольностью» и «Путешествием» Радищева. Можно, однако, с уверенностью предположить, что Радищев был хорошо известен лицеистам. Во всяком случае уже в 1814 г. Пушкин упоминает его имя в поэме «Бова», написанной под непосредственным влиянием одноименной поэмы Радищева. Несомненно, что обращение к этой поэме было связано с общим интересом к Радищеву и с знакомством с его одой «Вольность» (а возможно, и «Путешествием»). Ведь все последующие высказывания Пушкина о Радищеве как «враге рабства» предполагают знание его основных произведений. Следует также добавить, что и лицейский друг Пушкина В. Кюхельбекер в показаниях на следствии по делу декабристов указывал на свое знакомство с «Путешествием» Радищева. О чтении радищевского «Путешествия» говорит в дневнике 1807 г. декабрист Н. И. Тургенев, являвшийся одним из политических «наставников» молодого Пушкина.¹

«Богатырская повесть» Радищева «Бова» являлась первым опытом русской поэмы, написанной на сюжет лубочных сказок, народным нерифмованным стихом. В своей поэме Радищев высмеивал псевдонародность дворянской литературы XVIII в.

В первоначальный период своего творчества Пушкин обращается к Радищеву в поисках реалистического пути:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?²

При этом Пушкин с едкой иронией говорит о «немце Клопштоке» и других западноевропейских писателях, отвергая их произведения за отвлеченность, за незнание народной жизни. Подобно Радищеву, Пушкин в своей поэме-сказке дает едкую сатиру на самодержавие.

В пушкинском «Бове» появляется и царь Дадон — «тиран неусыпный», знакомый по поэме Радищева, и засыпающие от непривычных размышлений царские советники. Сатирическое изображение царей и вельмож, а также народный стих и сказочный колорит пушкинской поэмы сближают ее с поэмой Радищева.

Значение радищевского «Бовы» для молодого Пушкина, однако, этим не исчерпывается. Создавая в 1817—1820 годах одно из основных своих произведений этого периода — «Руслана и Людмилу», Пушкин и здесь воспользовался опытом Радищева. Шуточно-иронический характер поэмы,

¹ Архив бр. Тургеневых. Дневники и письма, т. I, стр. 64, СПб., 1911.

² А. С. Пушкин. Бова (Отрывок из поэмы). Соч., т. I, стр. 61.

ее фольклорный сюжет и образы перекликаются с радищевским «Бовой». Это тем более важно отметить, что в литературе о «Руслане и Людмиле» усиленно распространялись версии о «влияниях» на Пушкина Ариосто, Вольтера и других западноевропейских писателей и в то же время «забылась» русская традиция шуточных богатырских поэм, прежде всего — «Бовы» Радищева.

Сразу же после окончания лицея молодой Пушкин входит в сферу революционной деятельности декабристов. Его ода «Вольность» (1817), направленная против «тиранов мира» и призывавшая «на тронах поразить порок», стала одним из поэтических документов декабризма, выражением нараставших революционных настроений.

Недаром она нелегально распространилась в сотнях рукописных копий, и власти, изымавшие и преследовавшие революционные стихи, буквально всюду находили пушкинскую «оду на свободу», как она называлась в полицейских донесениях.

Не меньшей популярностью пользовалось и полное грозного негодования, бичевавшее крепостное рабство, стихотворение Пушкина «Деревня».

Пушкин своими стихами продолжал дело Радищева, пропагандируя в литературе революционные идеи. Благодаря этому передовая русская литература в годы декабристского движения приобрела тот боевой политический характер, который пытался придать ей Радищев. В этом отношении Пушкин и декабристы явились непосредственными продолжателями его революционной традиции. «Литература у народа, не имеющего политической свободы, — писал впоследствии Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести. Влияние литературы на общество, сложившееся таким образом, разрастается до размеров, которые литературой других стран Европы давно утеряны. Революционные стихотворения Рыльева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи».¹

На заседаниях общества «Зеленая Лампа», фактически являвшегося литературным филиалом тайного общества, Пушкин читал друзьям свои вольнолюбивые стихи и язвительные эпиграммы против царя, — «кочующего деспота». Деятельность молодого поэта проходит под знаком борьбы с «самовластьем» и «рабством диким». Его душа, как ранее у Радищева, «страданиями человечества уязвлена стала»,² и Пушкин, «друг человечества», подобно своему предшественнику «печально замечает везде невежества губительной позор».³

Радищев являлся подлинным патриотом, горячо любившим Родину, и именно поэтому стремившимся к ее освобождению от деспотического

¹ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 350.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Посвящение, Соч., т. I, стр. 227.

³ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 352.

произвола. В своей замечательной статье «Беседа о том, что есть сын Отечества» (напечатанной анонимно), Радищев писал, что «величественного наименования сына Отечества (патриота)» достоин лишь свободолюбивый человек, заботящийся не о личных интересах, а о «преуспевании своего Отечества».¹

Декабристы также называли себя «сынами отечества», противопоставляя свой патриотизм, свою любовь к отечеству — антинародной политике правящей феодальной верхушки. Пушкин, подобно Радищеву и декабристам, выступает как писатель-патриот, исполненный истинной любви к отчизне, неразрывно связанной с ненавистью к ее угнетателям.

Пушкину, как и декабристам, приходилось действовать в очень трудной и сложной обстановке. Аракчеевская реакция свирепо преследовала каждое проявление свободной мысли, насаждала раболепие и покорность. Тот идеал свободы, тот активный гуманизм, который проповедывал Пушкин в своих стихах, постоянно приводил поэта к столкновению с тогдашней социальной действительностью.

Пушкин своим творчеством утверждал новое отношение к жизни, призывал к освобождению народа от деспотической власти царских прислужников — «холопов венчанного солдата», от «барства дикого».

В «Вольности» Радищева намечалась широкая революционная программа. В своей оде он бичует рабство, призывает народ к восстанию, прославляет революцию, требует соблюдения справедливых законов, устанавливаемых самим народом после ниспровержения тирании. Во всей мировой литературе, современной Радищеву, мы не найдем произведения, которое содержало бы такую всестороннюю программу социального переустройства общества.

То обстоятельство, что Пушкин назвал, вслед за Радищевым, свою оду — «Вольность», подчеркивало преемственность этой радищевской традиции.

Уже первая строфа радищевской оды с ее прославлением вольности, как бесценного дара, как освобождения от оков рабства и деспотической тирании царизма, должна была вдохновить Пушкина, подсказать ему основное направление его мыслей:

О! дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел,
 О, вольность, вольность, дар бесценный,
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом
 Во свет рабства тьму претвори,
 Да Брут и Телль еще проснутся,
 Седяй во власти да смятутся
 От гласа твоего цари.²

¹ А. Н. Радищев. Беседа о том, что есть сын Отечества. Соч., т. I, стр. 215.

² А. Н. Радищев. Вольность, Соч., т. I, стр. 1.

Пушкин в своей «Вольности» также хочет «воспеть свободу», также обращается с угрозой к «тиранам», обещает «на тронах поразить порок». Основная тема пушкинской оды — борьба с рабством и тиранией, гневное возмущение против «неправедной власти» и «неволы», — и сближает пушкинскую «Вольность» с одой Радищева:

Увы! куда не брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В стуженной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.¹

Прославление «вольности» соединяется и у Пушкина и у Радищева с ненавистью к «тирану». Радищев обращается к царю с предупреждением:

Но мститель, трепещи, грядет...²

Радищев призывает народ радоваться тому, что царя возводят на плаху: «Ликуйте, склепанны народы». Пушкин в своей оде также бросает вызов самодержавным властителям:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!³

Сближаясь с радищевской одой в своем негодующем отрицании деспотической власти царя и крепостного рабства, Пушкин, однако, не разделяет одобрения Радищевым революционного террора, противопоставляя ему «сень надежную закона».⁴

Стихотворение Пушкина было написано в 1817 г., в то время, когда создавалась декабристская программа, — в год организации Союза Благороденствия. Оно явилось одним из тех агитационных произведений, которые, презрев печать, расходились во множестве списков.

Идея революционного возмездия тиранам, высказанная Радищевым, вдохновила Пушкина и на такие стихи, как широко распространенный среди декабристов «Кинжал»:

...Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд...⁵

¹ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

² А. Н. Радищев. Вольность, Соч., т. I, стр. 4.

³ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

⁴ Там же, стр. 317.

⁵ А. С. Пушкин. Кинжал. Соч., т. II, стр. 33.

Идейное развитие Пушкина на первом этапе его творчества, его смелые, взволнованно-вольнолюбивые стихи, его гневное обличение царя, его призыв к свободе — являлись прямым претворением в жизнь заветов Радищева.

Призывая к свержению «самовластья», Радищев предвидел будущее. Свою «Вольность» он закончил пророческими строками о грядущей свободе, когда:

... яркий свет пустил свой луч,
И ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.¹

Пушкин в своем послании к Чаадаеву тоже мечтал о том времени, когда будет рассеяна сгущенная мгла самовластья:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!²

Этот призыв Пушкина был услышан его современниками и вдохновлял и декабристов и последующие поколения революционеров на борьбу с самовластьем.

В «Деревне» в сжатых и точных поэтических формулах передано то отношение к крепостному угнетению, те черты крепостнической действительности, которые отразились в соответствующих эпизодах радищевского «Путешествия». Потрясающую картину «барства дикого, без чувства, без закона», присвоившего себе «насильственной лозой» и «труд, и собственность, и время земледельца»,³ рисовал Радищев в главе «Любань», в рассказе о барине, заставляющем своих крепостных работать на себя шесть дней в неделю. В главе «Зайцово» он говорит о жестокости изверга помещика, который «посадил на пашню» всех своих крепостных, «отнял у них всю землю, скотину... заставил работать всю неделю на себя». Упоминание о «девах», «цветущих для прихоти бесчувственной злодея», прямо отсылает нас к сценам чудовищного беспутства и зверства помещиков, с такой гневной силой обличаемых в «Путешествии». Сыновья помещика (в главе «Зайцово») «бесчинничали с девками и бабами и никакая не избегала их насилия».⁴

Радищев для Пушкина прежде всего «рабства враг», как он называет его в 1822 г., в «Послании к цензору», не предназначавшемся для печати.

¹ А. Н. Радищев. Вольность. Соч., т. I, стр. 17.

² А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

³ Там же. Деревня, стр. 352.

⁴ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Зайцово». Соч., т. I, стр. 272.

Упомянув в этом послании, что «Радищев, рабства враг, цензуры избежал», Пушкин указывал на значение примера Радищева для писателей, которые, подобно автору «Путешествия», минуя цензуру, смело нападают на «правительство, закон иль нравы»¹ (естественно, Пушкин имел в виду и свои собственные революционные стихи).

Но вольнолюбивой и протестующей была не только политическая лирика Пушкина. Идеи революционного просветительства и патриотизма, свободолюбие и чувство национальной гордости определяют все творчество Пушкина. Они рождались из тесной связи поэта со своим народом, из глубокого проникновения Пушкина в жизнь русского народа.

В период общественного подъема — перед 1825 г. — все эти черты выступают в форме боевых политически заостренных произведений.

В дальнейшем, после разгрома движения декабристов, Пушкин вынужден был изменить свою тактику. Он не имеет возможности прямо и открыто высказывать свои политические взгляды. Но отрицание им крепостнической действительности, ненависть его к самодержавию не затухает, а лишь приобретает новые формы. И здесь, на этом новом этапе, пример творчества Радищева сохраняет для него всю свою силу и значение.

Неудача декабристов, разгром их царским правительством явились, как известно, результатом того, что они действовали изолированно от народа, не были поддержаны крестьянской и солдатской массой. «Узок круг этих революционеров. — писал Ленин о декабристах. — Страшно далеки они от народа».²

Характеризуя политическую обстановку в России, создавшуюся после подавления восстания декабристов, Герцен писал в своей статье «О развитии революционных идей в России»: «Невозможны были никакие иллюзии: народ остался равнодушным зрителем 14 декабря. Всякий добросовестно мыслящий видел ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией обьевропеизованной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь — необходимо было ее восстановить, но как, каким образом? Вот в чем основной вопрос... Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».³

¹ А. С. Пушкин. Послание к цензору. Соч., т. II, стр. 119.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

³ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собр. соч., т. VI, стр. 364.

В условиях реакции, наступившей после восстания декабристов, когда многие представители передовой дворянской интеллигенции отошли от прогрессивных позиций, впали в пессимизм и скептицизм, Пушкин остался верен своим вольнолюбивым идеалам. Он отнюдь не «примирился» с существовавшим порядком вещей, как это пытались утверждать некоторые горе-исследователи. Пушкин в это время начинает напряженно искать исторического объяснения причин неудачи декабристов. Он остро ощущает необходимость преодоления разрыва между народной Россией и дворянскими революционерами. Осуществить связь между двумя лагерями, между передовым, «просвещенным» дворянством и народом и ставит своей задачей Пушкин. Поэтому он и призывает к «просвещению», видя в нем залог дальнейшего политического развития народа и преодоления разрыва между народом и дворянской интеллигенцией.

Пушкин стремился преодолеть разрыв между дворянской революционностью и революционностью демократической, между просвещенным, передовым дворянством и пробуждающимися к политической жизни народными массами. В условиях политического безвременья 30-х годов, когда для Пушкина стала ясна недостаточность усилий декабристов, не имевших опоры в народе, а новая демократическая революционность еще только зарождалась, поиски Пушкина направляются по тому пути, по которому в дальнейшем пойдут Белинский и Герцен.

Оставаясь верным вольнолюбивым заветам декабристов, Пушкин, однако, не остановился там, где остановились декабристы. Он шел с ними вместе в их борьбе с самодержавным деспотизмом, но ему было тесно в рамках дворянской революционности. Стремление к уничтожению самодержавия и крепостничества сочеталось у Пушкина с мыслью о судьбах народа, с мечтой о полном и совершенном освобождении личности, не осуществимой не только в условиях крепостнического строя, но и в рамках буржуазных отношений, основанных также на эксплуатации масс, пример чему он видел в Европе и Америке.

Пушкин шел к пониманию решающей роли народа в исторических судьбах страны. В преодолении ограниченности дворянской революционности Пушкин обратился к Радищеву, справедливо видя в его взглядах на народную революцию большую широту и последовательность, выражение подлинно народных чаяний.

Если в двадцатые годы, в период нарастания революционных декабристских настроений, для Пушкина характерно обращение к радищевской «Вольности», с ее призывом к свержению деспотической власти, то в тридцатые годы Пушкина в большей мере интересует «Путешествие» Радищева, в котором ставится вопрос о положении широких народных масс, о крепостническом рабстве.

Отзвуки радищевского «Путешествия» мы видим уже в «Истории села Горюхина», написанной Пушкиным в Болдине осенью 1830 г. Безотрадные картины крепостной действительности, нарисованные здесь обличительной

А. Н. РАДИЩЕВ.
Гравюра И. Вендрамини.

кистью сатирика, во многом перекликаются с «Путешествием» Радищева, в особенности последняя глава — «Правление приказчика». В ней говорится о рекрутчине и окончательном обнищании горюхинцев, оказавшихся в таком же положении, как и разоренные помещиком крестьяне, описанные в «Путешествии» Радищева. «История села Горюхина», не доведенная Пушкиным до конца, должна была завершиться крестьянским бунтом (в сохранившихся планах заключительная глава названа «Бунт»).

Неудача восстания декабристов показала невозможность победы революции без участия народных масс. В то же время стихийные крестьянские бунты, вспыхнувшие в 30-х годах, не освещенные политическим сознанием масс, являлись разрозненными вспышками народного гнева и в силу своей стихийности также были обречены на неудачу. Именно поэтому вопрос о крестьянской революции встал перед Пушкиным с такой остротой. В 1832 г. Пушкин писал роман «Дубровский», в котором пытался показать крестьянский бунт, руководимый дворянином. Но Пушкин вскоре понял историческую неоправданность и, следовательно, нетипичность подобного изображения (в котором «бунтарь»-дворянин Дубровский превращался в условный романтический образ) и оставил роман незавершенным.

В 1833 г. Пушкин обратился к изучению подлинных событий крестьянской революции 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. Он предпринял поездку на Урал и в Поволжье, записывая рассказы и предания о Пугачеве, сохранившиеся в народной среде. Результатом явилась «История Пугачева» (переименованная по требованию Николая I в «Историю пугачевского бунта») и замечательная историческая повесть «Капитанская дочка».

Несмотря на препятствия цензуры, Пушкин в обоих этих произведениях показал подлинно народный характер пугачевского движения, нарисовал правдивый образ самого Пугачева как представителя народных масс. «История Пугачева» разрушала трактовку Пугачева реакционными дворянскими историками как «злодея». Она разрушала также иллюзию о «гармонии интересов» помещиков и крестьян. Пушкин показал здесь противоречие интересов помещичьей монархии и народа, противоречие, которое может быть разрешено только путем революции.

Пугачев показан Пушкиным как вождь, выдвинутый крестьянской массой. Это выдающийся представитель народа, талантливый самородок, который «осаждал крепости и потрясал государством».¹ Пугачев в глазах Пушкина олицетворение народной смелости, ума, природной талантливости. Его воззвания Пушкин считал образцом народного красноречия, а в его действиях видел и военные познания и необыкновенную дерзость. Пугачев в изображении Пушкина не «вор» и не «разбойник», как его изображали дворянские историографы, а народный полководец, умеющий

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. VIII. Соч., т. VI, стр. 474.

подняться до сознания общегосударственных интересов. Это положительное отношение к Пугачеву как представителю русского народа особенно явно сказалось в знаменитой сказке об орле и вороне, которую Пугачев рассказал Гриневу: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года?— Оттого, батюшка,— отвечал ему ворон,— что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой крови, а там что бог даст!»¹

Несомненно, Пушкин восхищается борьбой Пугачева, но в то же время он подчеркивает непрочность и кратковременность успехов крестьянской революции. Этот образ вождя крестьянских масс Пушкин противопоставляет развращенной, корыстолюбивой, эгоистической верхушке крепостнического государства. В «Капитанской дочке» Пушкин вынужден был ограничиться официальным портретом «доброй» Екатерины II, однако в не предназначенных для печати записях (относящихся еще к 20-м годам) поэт дает истинный облик этой развратной и жестокой императрицы. Эти записи, показывающие действительное отношение Пушкина к Екатерине II, заставляют вспомнить о сходной оценке ее Радищевым.

В заметках по русской истории Пушкин дает резкую разоблачающую оценку Екатерины II и ее царствования: «...со временем история... откроет жестокую деятельность ее деспотизма, под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками...». ² Говоря об «отвратительном фиглярстве» Екатерины в ее «сношениях с философами», Пушкин перечисляет список жертв ее «любви к просвещению»: Новикова, томившегося до самой ее смерти в темнице, Радищева, сосланного ею в Сибирь.

Пушкин подчеркивает все это, чтобы еще больше оттенить особенности народного движения, которое при всей своей беспощадности по отношению к дворянству характеризовалось истинно гуманным стремлением к освобождению угнетенного большинства населения страны.

Пушкин к 30-м годам понимал не только несостоятельность дворянской революционности, но и крах иллюзий, связанных с буржуазной демократией на Западе. «Благонамеренный» либерализм отнюдь не вызывал его симпатий. Он разочарованно и иронически-равнодушно следит за июльской революцией 1830 г. во Франции, когда буржуазия, боясь народного движения и сколько-нибудь значительных социальных и политических

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XI. Соч., т. VI, стр. 508.

² А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 124.

перемен, спешит в страхе перед парижскими пролетариями выдвинуть «своего» короля. В январе 1831 г. Пушкин пишет в письме к Е. М. Хитрово: «Французы почти перестали меня интересовать... Их король с зонтиком под мышкой слишком уж мешанин».¹

Новая сила, пришедшая к власти в Западной Европе, — буржуазия, сменившая феодальное дворянство, — глубоко враждебна Пушкину. Он уже различает под маской ее лицемерной демагогии новые, не менее жестокие и циничные, чем при феодализме, методы угнетения народа.

Все это заставляло Пушкина задумываться над судьбами народной революции.

Если Радищев под свежим впечатлением крестьянского восстания 1773—1775 гг., едва не опрокинувшего дворянское государство, приходил к выводу о необходимости насильственной ликвидации власти эксплуататоров, то перед Пушкиным в 30-е годы этот вопрос во многом вставал иначе.

Учитывая опыт пугачевского восстания и крестьянских «бунтов» 30-х годов, Пушкин видел безрезультатность крестьянских выступлений, стоивших тяжелых жертв, но не улучшивших положения народа. Напомним, что В. И. Ленин, характеризуя крестьянские революции, воспользовался именно пушкинскими словами из «Капитанской дочки». «Наличность революционных элементов в крестьянстве, — писал Ленин, — не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы несколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стираем разницы между „русским бунтом, бессмысленным и беспощадным“ и революционной борьбой...».²

Исторические и политические взгляды Пушкина зависели от той общественной обстановки, которая сложилась в России в первой трети XIX в. Эти годы характеризовались ростом народного недовольства, нашедшего свое выражение в «бунтах» крестьян против помещиков и восстаниях в военных поселениях. Пушкин, конечно, не мог научно обосновать невозможность победы стихийных изолированных крестьянских восстаний. Объяснение этому дала только марксистско-ленинская теория. «Отдельные крестьянские восстания, — указывал товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими „разбойными“ и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями».³

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 335 (оригинал по-французски; перевод — стр. 827).

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 4, стр. 223.

³ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Соч., т. 13, стр. 112—113.

Скептически относясь к возможности коренных политических изменений при помощи стихийных «бунтов», Пушкин, вместе с тем, во всех своих произведениях, посвященных проблеме крестьянской революции: в «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачева», оправдывал действия крестьянских масс. Он правдиво показал те нестерпимые условия существования, которые обусловили как самые восстания, так и жестокость расправы крестьян со своими угнетателями.

Рассказывая в «Истории Пугачева» о переправе войск Пугачева через Волгу около Казани, Пушкин отмечал: «Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались... Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».¹

Эта широкая картина крестьянского восстания, нарисованная Пушкиным, приводит на память гневные призывы Радищева к мести помещикам-кровопийцам. Напомним и кузнеца Архипа в «Дубровском», без колебаний поджигающего дом с ненавистными ему «приказными» — исполнителями неправогo судебного решения.

«Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла трещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «горим, помогите, помогите!» — Как не так, — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. — Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец».²

История и современная Пушкину действительность не давали ему материала для показа, кроме разрушительного, также и созидательного характера революции.

Пушкин далек от идеализации крестьянского движения, показывая в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» его разрушительный характер и его слабые стороны, сказавшиеся в анархии, царившей в войсках Пугачева, в противоречивости интересов его сторонников, которые приводили к спорам и ссорам среди руководителей движения и явились одной из причин поражения Пугачева. Именно отсюда и родилась у Пушкина его формула: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»³

Правдивые и суровые в своей реалистической выразительности картины Пугачевского движения, гнева крестьянских масс, «черного народа», против своих угнетателей, безжалостной расправы с ними, изображенные Пушкиным в «Капитанской дочке», во многом сходны с картинами народного гнева в радищевском «Путешествии», когда Радищев рисует расправу

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 247.

² А. С. Пушкин. Дубровский, гл. VI. Соч., т. VI, стр. 255.

³ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. «Арест». Соч., т. VI, стр. 524—525.

крестьян над помещиками. «Смерть и пожигание», «пагуба зверства», о которых Радищев предупреждал дворян-крепостников в своем «Путешествии», показаны Пушкиным в ярких картинах крестьянского «бунта», справедливость которого он признает.

Свидетельством обостренного интереса Пушкина в эти годы к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву»¹ является пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург» (печатавшееся ранее под редакторским заглавием «Мысли на дороге»). Эта публицистическая книга, над которой Пушкин работал с декабря 1833 по апрель 1834 г., осталась незаконченной. Убедившись в невозможности опубликования книги, посвященной «Путешествию» Радищева, Пушкин прекратил работу над нею (хотя главу «Москва» он приписал уже в январе 1835 г.). Знаменательно, что даты работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург» совпадают с работой над «Капитанской дочкой», а начальная дата непосредственно следует за окончанием «Истории Пугачева».

Пушкинское «Путешествие» является своеобразным ответом на «Путешествие» Радищева и, вместе с тем, изложением этого обвинительного акта против крепостного права. У Пушкина рассказчик путешествует в обратном направлении—из Москвы в Петербург, читая книгу Радищева от конца к началу и как бы проверяя его впечатления своими. Своим «Путешествием» Пушкин хотел показать, что положение крестьянских масс оставалось таким же невыносимым, как и во времена Радищева.

Так, Пушкин всецело присоединяется к словам Радищева (глава «Черная грязь»), который «горько порицает самовластие господ»,² обрекающих крепостных на подневольные браки. Из главы «Пешки» Пушкин целиком приводит «замечательное описание» Радищевым русской избы, рисуящее нищету и тяжесть крестьянского быта, отмечая, что «ничто, кажется, не изменилось в русской деревне и в 1833 году!»³ Полностью солидаризируется Пушкин и с негодующим описанием Радищевым продажи крестьян в рекруты в главе «Городня». Приведя несколько страниц радищевского текста, Пушкин заключает, что указанная повинность — самая «тягчайшая из повинностей народных».⁴

Пушкин приводит начало одной из самых сильных антикрепостнических глав радищевского «Путешествия» — главы «Медное», обличающей гнусную

¹ Пушкину принадлежал редчайший экземпляр радищевского «Путешествия...» с пометками Екатерины II. На книге рукою Пушкина написано: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачен — двести рублей». См. «Рукою Пушкина», Academia, 1935, стр. 603.

² А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Браки». Соч., т. VII, стр. 287.

³ Там же, гл. «Русская изба», стр. 288—289.

⁴ Там же, гл. «Рекрутство», стр. 294.

и бесчеловечную продажу крепостных, и в заключение замечает: «Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...».¹

Естественно, что Пушкин вынужден был прервать свою выписку из Радищева, не имея возможности — из цензурных соображений — привести всю главу, и тем более «ужасную картину» помещицкой жестокости. Но Пушкин солидаризируется как раз с той главой радищевского «Путешествия», которая заканчивается утверждением Радищева, что «свободы... ожидать должно... от самой тяжести порабощения»,² которая неминуемо должна привести к свержению народом власти помещиков.

Свое «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин заканчивал Вышним Волочком, то-есть главой, соответствующей той главе, в которой Радищев делал свои решительные выводы относительно крепостнических порядков. Отмечая, что Радищев: «Мрачными красками рисует состояние русского земледельца»,³ Пушкин приводит рассказ о тиране-помещике, заставившем «всех крестьян, жен и их детей во все дни года работать на себя». Пушкин не имел возможности привести в печати заключение и этой главы, в которой Радищев обращался с гневным призывом к возмездию этому «кровопийце», к лишению его «богатства», «нажитого грабежом», и к революционному насилию над «общественным злодеем»: «Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалось его мучительство...».⁴ Пушкин отнюдь не полемизирует с Радищевым, но и сам приводит известную ему аналогичную историю такого же тирана-помещика. Помещик этот привел своих крепостных в «совершенное разорение», лишив их всякой собственности. «Словом, — заключает Пушкин, — статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика».⁵ И Пушкин с полным одобрением сообщает, что этот помещик-тиран «был убит своими крестьянами во время пожара».⁶

Таким образом, Пушкин полностью присоединяется к Радищеву в его страстном обличении крепостничества. Включая в свою статью целые страницы его «Путешествия», поэт тем самым подчеркивал их актуальность и для своего времени. Пушкин протестует в этой главе не только против крепостничества, как главного зла русской жизни. Он видит уже

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Медное». Соч., т. VII, стр. 299.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Медное». Соч., т. I, стр. 352.

³ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Шлюзь». Соч., т. VII, стр. 353.

⁴ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Вышний Волочок». Соч., т. I, стр. 326.

⁵ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Шлюзь». Соч., т. VII, стр. 305.

⁶ Там же.

и то зло, которое приносит капитализм. Он разоблачает лицемерную «свободу» в странах буржуазной Европы, где предприниматели создали новое рабство, экономически закабалив народ: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность!.. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона».¹ Позднее, в 1836 г., Пушкин в своей статье «Джон Теннер» разоблачает лицемерие американской «демократии», в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве, «неумолимый эгоизм», «рабство негров посреди образованности и свободы»!² Это враждебное отношение Пушкина к показавшей свою эксплуататорскую сущность западноевропейской и американской буржуазной «демократии» полностью соответствует позициям Радищева.

Радищев восставал не только против крепостного права. Он — враг всякой эксплуатации человека человеком, враг национального порабощения. С глубокой пронизательностью он уже тогда обличал хищнический общественный строй капиталистической Америки, вскрывал корни ее агрессивной политики, основанной на порабощении народов: «Заклав Индейцов единовременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею».³

Радищев с гневом говорит об этих лицемерных «проповедниках миролюбия», строящих свое благополучие на безжалостной эксплуатации невольников: «Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутыя своих домов и семейств, переселенныя в неведомыя им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною, — с горькой иронией восклицает Радищев, — для того, что поля ея не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнообразными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи неимеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова».⁴ Радищев уже тогда разглядел отвратительное лицемерие американской буржуазной «демократии», обеспечивающей господство привилегированной верхушки «ста гордых граждан» Америки, которые утопают в роскоши за счет огромной массы людей, работающих на них и не имеющих ни пропитания, ни крова!

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург, гл. «Русская изба». Соч., т. VII, стр. 290.

² А. С. Пушкин. Джон Теннер. Соч., т. VII, стр. 449.

³ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотиллов». Соч., т. I, стр. 316.

⁴ Там же, стр. 317.

Мысль о Радищеве сопровождает Пушкина на всем протяжении 30-х годов. Борьба Радищева с деспотизмом и крепостничеством, суровая правда радищевского «Путешествия», идейная устремленность в будущее — помогли Пушкину в оценке явлений современной ему действительности.

Приступив к изданию «Современника» в 1836 г., Пушкин пытается напомнить читателям о писателе-революционере, написав с этой целью большую статью: «Александр Радищев». Памятуя о цензурно-полицейских рогатках, помешавших опубликованию его предшествующей статьи о Радищеве, Пушкин был вынужден облечь статью в полемическую форму, подчеркивая якобы беспочвенность, «надутость» и устарелость политических и философских установок запретного автора. Однако подлинный смысл и цель статьи заключались в том, чтобы вновь напомнить о Радищеве и поставить вопрос о революции. Пушкин очень верно и метко определил радищевское «Путешествие» как «сатирическое воззвание к возмущению», каковым оно в действительности и было.

Самый «поступок» Радищева — издание им «Путешествия» — Пушкин справедливо рассматривал как акт беспримерной, почти безумной дерзости и как смелый и мужественный вызов деспотическому режиму Екатерины II: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!»¹ И даже вынужденный говорить о «поступке» Радищева «эзоповым языком», Пушкин не скрывает своего глубокого уважения к этому «политическому фанатику», к этому смелому и последовательному революционеру, мужественному борцу с «самовластьем»: «но со всем тем, — продолжает Пушкин, вынужденный оговорить свое несогласие с «поступком» Радищева, — не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью».²

Напомним, что для Пушкина это являлось условным названием человека, ведущего непреклонную борьбу с самодержавием и крепостничеством: «я уже не фанатик, но все еще набожен», — писал Пушкин Вяземскому в 1825 г., подразумевая под своей «набожностью» ненависть к тогдашнему политическому порядку.³

Характеризуя Радищева как самоотверженного «фанатика», Пушкин тем самым оправдывал его. Он замечает, что в своем «Рассуждении о человеке» «Радищев, хотя и вооружается противу материализма... но ... охот-

¹ А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 354.

² Там же, стр. 355. В черновом варианте: «политического Дон-Кихота, действующего с энергией и по совести» слово «заблуждающегося» Пушкин, несомненно, должен был добавить позднее). см. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XII, стр. 353.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 181.

нее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»,¹ т. е. безбожия. По этому принципу и Пушкин написал свои статьи о Радищеве, в сущности не столько опровергая, сколько излагая Радищева, который «носит власть господ, как явное беззаконие». Свидетельством подлинного антиправительственного значения пушкинской статьи является ее за-прещение цензурой, сразу разглядевшей ее истинную цель: пропаганду идей Радищева.

Осуждающие Радищева фразы, конечно, не выражали подлинного мнения о нем Пушкина. Называя Радищева «представителем полупросвещения», обвиняя его в «слепом пристрастии к новизне», Пушкин этим хотел напомнить читателям о замечательном писателе-революционере, о мужественном гражданском подвиге, каким являлась вся деятельность Радищева. Статьи Пушкина о Радищеве стали известны читателям лишь после смерти Пушкина и вызвали широкий интерес. Однако критика уже тогда, в 50—60-х годах, поставила вопрос о том — являлись ли эти статьи выражением подлинной точки зрения Пушкина или же он вынужден был смягчить и зашифровать свое отношение к Радищеву из-за политических и цензурных причин.

Добролюбов, ознакомившись с впервые опубликованным в 1857 г. текстом статьи Пушкина о Радищеве, указал на противоречивость данных в ней оценок, на то, что Пушкин, говоря о «полупросвещенности» Радищева, противоречил своему же признанию в нем «искренних и честных убеждений». «Еще яснее выражается, без ведома автора, — продолжает Добролюбов, — уважение его к Радищеву в самом оправдании, решительно противоречащем строгому приговору, произнесенному относительно всей деятельности этого человека вообще». Добролюбов указал также, что Пушкин в своей статье умышленно «хочет непременно подвести себя под известные, заранее принятые определения», в то время как «в частных суждениях, в фактах, представленных в отдельности, постоянно виден живой, умный взгляд Пушкина».²

«Маскировочный» характер статьи Пушкина о Радищеве подчеркнул и Герцен, почерпнувший из пушкинской статьи основные сведения о Радищеве. Герцен при этом отметил, что Пушкин даже несколько «перехитрил» свою статью «из цензурных видов».³

Располагая теперь гораздо большими сведениями об условиях работы Пушкина в период издания «Современника», мы можем еще лучше понять необходимость столь сложной маскировки подлинного отношения Пушкина к Радищеву.

Однако сложность этой статьи еще и в том, что Пушкин полемизировал здесь с Радищевым не только по цензурным причинам, но и потому, что

¹ А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 358.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 320—321.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, П., 1919, стр. 275.

он не разделял некоторых его взглядов и суждений, прежде всего его призыва к крестьянской революции. Этим объясняется трудность понимания статьи, подлинный смысл которой возможно уяснить, лишь исходя из анализа всей идейной позиции Пушкина этих лет.

Пушкину всегда были близки и дороги вольнолюбивые идеалы Радищева. Подобно Радищеву, Пушкин видел выход из жестоких противоречий действительности не в уходе из нее в замкнутый, узко личный мир, не в индивидуалистической «свободе», а в борьбе за свободу всего народа.

В своих раздумьях о судьбах страны Пушкин в последекабрьский период внимательно изучает государственную деятельность Петра I. При этом весьма существенно отметить, что образ Петра I, понимание его роли в истории России, самая его характеристика, данная Пушкиным в «Медном Всаднике», «Полтаве», «Пире Петра Первого» — непосредственно связаны с Радищевым. В «Письме к другу, жительствующему в Tobольске», Радищев, давая описание открытия памятника Петру I в 1782 г., отметил как раз те черты деятельности и личности Петра I, которые потом с такой выразительностью показал в своих произведениях Пушкин. Петр I как исторический деятель, как основатель Петербурга, «властелин судьбы», каким он показан Пушкиным в поэме «Медный Всадник», уже угадывается в описании фальконетовской статуи у Радищева: «И се явился паки взорам нашим сидящ на коне борзом в древней Отцов своих одежде Муж, основание града сего положивший и первый, которой на Невских и Финских водах воздвиг Российский флаг доселе несуществовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда в первые трепещущая его рука, младенцу ему сушу, прияла Скипетр обширных России, пределы коея он расширил столь славно...».¹

Радищев, отмечая положительную роль Петра в развитии русской государственности, в мощном преобразовании страны, вместе с тем подчеркивает и другую сторону его деятельности — его самовластие, утверждение деспотизма. «И хотя бы *Петр* не отличился различными учреждениями, к Народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться...», — пишет далее Радищев. «Да не уничижуся в мысли твоей, любезной друг, превознося хвалами столь властного Самодержавца, который изстребил последние признаки дикой вольности своего отечества... И я скажу, что мог бы *Петр* славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную...» Радищев указывает при этом: «нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы Царь упустил добровольно что либо из своая власти, седей на Престоле».²

¹ А. Н. Радищев. Письмо к другу, жительствующему в Tobольске. Соч., т. I, стр. 148.

² Там же, стр. 150—151.

Это понимание двойственного характера деятельности Петра передает и Пушкин в «Медном Всаднике», изображая его «кумиром на бронзовом коне», великим государственным преобразователем, и в то же время, разрушившим «вольность частную», попиравшего в своем деспотическом самовластии права множества маленьких людей.

Как уже указывалось, в 30-е годы Пушкин продолжал свою борьбу с крепостнической монархией, но иными средствами, чем раньше.

«Просвещенное дворянство», по мнению Пушкина, является выразителем интересов народа, а народная свобода представляет неминуемое следствие просвещения. Пушкин отстаивает необходимость освобождения крестьян в России и предоставления народу политических прав. Просвещение для него является не абстрактным культом разума, как для большинства просветителей XVIII в., и не либеральным «улучшением», как для дворянских либералов, а именно политическим просвещением народа, подготовкой решительных перемен в его положении.

Следует подчеркнуть, что мысль о таком просвещении народа и просветительской роли литературы была высказана еще Радищевым. В своем «Путешествии» он писал о том, что «весьма полезной был бы труд писателя», показавшего «шествие разума человеческого», так как «...обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель».¹

Путь «просвещения» был для Пушкина не отступлением, а той тактикой борьбы, которую он считал единственно возможной и целесообразной в новых исторических условиях. «Просвещение» масс означало их приобщение к передовым идеям, воспитание в них духа протеста. Недаром «История Пугачева» вызвала ожесточенные нападки со стороны реакционного дворянского историка Броневского, который относил Пугачева к «извергам, вне законов природы рожденным», и утверждал, что «история сего злодея... может вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах». Пушкин, отвечая Броневскому, иронически писал: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы...».²

В 1834—1836 годы Пушкин уже подошел к пониманию ограниченности «просвещенного дворянства», недостаточности этой узкой социальной базы в разрешении стоявших перед страной проблем, пришел к пониманию решающей исторической роли народа и неизбежности коренных социальных перемен. Этим и объясняется его огромный интерес к Радищеву, который он вновь проявляет к нему в это время. Радищев является

¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Подберезье». Соч., т. I, стр. 261..

² А. С. Пушкин. Об истории Пугачевского бунта (разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 г.). Соч., т. VIII, стр. 393—394.

теперь для Пушкина не только врагом деспотизма и рабства, но политическим мыслителем и писателем, прозорливо и со всей смелостью поставившим вопрос о крестьянской революции, о будущем России. Таков был итог идейного пути Пушкина, преждевременно прерванного его трагической гибелью. Накануне ее Пушкин обращается к Радищеву и протягивает дружескую руку молодому Белинскому, приглашая его в «Современник».

Радищев для Пушкина был не только провозвестником грядущего освобождения родной страны от ига самодержавия. Он был предшественником Пушкина в создании реалистического искусства.

Радищев показал пример сочетания публицистичности с широким художественным обобщением. Радищевское новаторство предшествовало тому своеобразию жанров, которым отмечена и публицистика Пушкина, прежде всего его «Путешествие из Москвы в Петербург», а также и в таких произведениях, как «История села Горюхина».

Пушкин пошел неизмеримо дальше Радищева, открыл новую страницу в истории русской прозы. Произведения Радищева написаны еще несовершенным языком; он не всегда мог облечь свои идеи в реалистические образы. Пушкин создал произведения огромной художественной силы, достиг полнейшей естественности, жизненности своих художественных образов при огромном богатстве идейного содержания.

Следуя Радищеву, Пушкин поставил своей целью служение народу. Как и Радищев, он был поэтом-гражданином, борцом за свободу, провозвестником наиболее передовых для своей эпохи, наиболее прогрессивных идей. Пример Радищева, смелое и беспощадное разоблачение им деспотизма, всегда воодушевляли Пушкина.

Пушкину был близок и дорог Радищев и в период революционного подъема перед восстанием декабристов и в период политических раздумий и исканий 30-х годов.

В 1836 г., почти одновременно со статьей «Александр Радищев», Пушкин пишет свое знаменитое стихотворение: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в котором как бы подводил итоги всей своей предшествующей деятельности. В первоначальном, бесцензурном варианте этого стихотворения поэт писал:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что звуки новые для песен я обрел,
 Что вслед Радищеву восславил я свободу
 И милосердие воспел.¹

Радищев навсегда остался для Пушкина врагом рабства и певцом свободы, защитником угнетенного народа, показавшим путь его освобождения, далеко опередив этим свою эпоху.

¹ А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг...». Соч., т. III, стр. 479.

Академик
И. Э. Грабарь

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ПУШКИНА

Существует значительное число портретов Пушкина до такой степени разноречивых, что человек, не занимавшийся специально иконографией великого поэта, временами становится втупик, какому же из них верить, какой правдивее передает его черты.

Для того чтобы ближе всего подойти к истине, надо прежде всего отбросить посмертные портреты Пушкина, являющиеся либо прямыми копиями известных прижизненных портретов, либо их вариациями и комбинациями. Чем ближе они к лучшим из портретов, писанным бесспорно с натуры, тем они приемлемее, и, напротив того, чем худший оригинал лежал в основе его пересказа, тем он дальше отводит нас от подлинного изображения Пушкина. Таким образом, весь вопрос сводится к тому, какой же из его прижизненных портретов передает лучше, вернее дорогие нам черты поэта, какому из них можно более других доверять?

Прижизненных портретов Пушкина дошло до нас немного. До недавнего времени их насчитывалось свыше 20, сейчас 11—12, причем портретов, писанных прямо с натуры, для которых Пушкин позировал, я склонен признать не более шести. Но и эти шесть далеко не равноценны как в художественном отношении, так и в смысле сходства.

Спрашивается, можем ли мы, опираясь на них, воссоздать перед собой подлинный внешний облик Пушкина? На этот вопрос надо без колебания ответить положительно: да, сопоставляя все портреты, исполненные с натуры, дополняя их оттенками, подмеченными другими художниками, современниками Пушкина, собирая воедино черты, неизменно в них повторяющиеся, и отбрасывая явно противоречивые, мы безусловно в состоянии близко воссоздать перед нашими глазами верный, точный образ поэта.

ГРАВЮРА Е. ГЕЙТМАНА

Самый ранний из дошедших до нас портретов Пушкина — известная гравюра Егора Гейтмана, изображающая поэта в юности и приложенная к первому изданию «Кавказского пленника».

Полудетские, полуюношеские черты лица Пушкина должны были вызвать у читателя некоторое недоумение, ввиду чего, выпуская в свет в сентябре 1822 г. книгу, издатель Н. И. Гнедич счел нужным сопроводить ее следующим разъяснением:

«Издатели присовокупляют портрет автора в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».

Но почему друзьями поэта, издававшими вместе с Гнедичем поэму Пушкина, был помещен именно этот портрет? Потому, что другого не было, а сам Пушкин был с 1820 г. в ссылке, и нельзя было заказать кому-нибудь из художников срисовать с него новый портрет, который давал бы его читателю таким, каким он был в то время в действительности.

Кто же автор портрета? Этот вопрос до сих пор оставался невыясненным, а многочисленные попытки разрешить его обволокли историю портрета такой корой хитроумно построенных теорий, рассуждений и домыслов, что под нею окончательно затерялись те крупицы сведений, которые судьба все же нам сохранила и которых почти достаточно для восстановления истины, если только помнить, что последняя столько же страдает от излишней доверчивости, сколько и от необузданного скепсиса.

Вот эти сведения.

В 1837 г., после смерти Пушкина Нестор Кукольник решил дать в своей «Художественной газете», в виде приложения, тот же юношеский портрет, для чего заказал с гейтмановской доски новые оттиски.

Рассылая портрет подписчикам, он сопроводил его заметкой, в которой указывал, что портрет «нарисован наизусть без натуры, К. Б. и обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание всех тогочременных любителей».¹

Инициалы «К. Б.» в 1837 г. означали только «Карл Брюллов». Подписанные этими двумя буквами листы с его рисунками ходили в то время по Петербургу, ценимые на вес золота любителями и поклонниками ново-явленного гения, за год перед тем прибывшего из Италии, оваянного славой, какой ни до того, ни после не удостаивался ни один из русских живописцев. Инициалы «К. Б.» особенно много говорили сердцу Кукольника, интимнейшего друга и собутыльника Брюллова как раз в 1837 г. И если он в столь категорической форме свидетельствует, что Карл Брюллов приложил руку к гейтмановской гравюре, то сомневаться в этом не при-

¹ Н. Кукольник. «Художественная газета», 1837, № 9—10, стр. 160—161. Письмо в Париж от 8 мая.

ходится. Поместил же А. И. Сомов именно этот портрет в свой список брюлловских произведений.

Надо, однако, попытаться уяснить, как мог 23-летний юноша Брюллов, не знавший и не выдавший Пушкина до 1836 г., нарисовать его портрет, да еще «наизусть», «без натуры»? Уяснить до некоторой степени этот загадочный факт помогает нам еще одно сведение, которое хотя и появилось значительно позднее, но все же не может быть отменено.

Племянник Пушкина, Л. Павлицев, заявил неожиданно, что автором рисунка-оригинала, с которого делал свою гравюру Гейтман, был не кто иной, как учитель рисования и гувернер Александровского лицея, С. Г. Чириков.¹

То же было подтверждено семьей незадолго перед тем умершего Чирикова. На этом заявлении необходимо остановиться, особенно ввиду того, что, по словам Чирикова, в его портрете «роль играла рука».

Попробуем пока принять без особых возражений оба эти сведения: «портрет рисован Чириковым» и «портрет нарисован наизусть, без натуры Карлом Брюлловым».

Кем был Карл Брюллов в 1822 г., мы знаем достаточно хорошо. Он только что окончил Академию художеств, получив в 1821 г. первую золотую медаль и право на заграничную поездку за программную картину «Явление Аврааму трех ангелов у дуба Мамврийского».

Бывший ключом талант Брюллова был отмечен в числе других одним из самых известных «тоговременных любителей» — П. А. Кикиным, милостиво допустившим юношу до писания собственной персоны. Портрет Кикина Брюллов писал как раз в 1822 г. Уступая позднейшим брюлловским портретам, он все же говорит о портретной хватке художника.

А что представлял собой другой «автор» пушкинского портрета, Чириков? Его мы знаем по единственно достоверному его портрету пушкинского лицейского товарища С. Ломоносова.

Это — рисунок, хранящийся в Третьяковской галлерее, исполненный итальянским карандашом, изображающий юношу во фраке, за круглым столиком, и датированный 14 апреля 1816 г. Чириков прошел академическую выучку у Степана Щукина, возглавлявшего после Левицкого портретный класс, и был рисовальщиком среднеграмотным для своего времени.

Портрет Ломоносова рисован скромно, добросовестно и честно. В нем много любви и искренности, и потому ему веришь. Мог ли нарисовать Чириков портрет Пушкина, достаточно грамотный для издания? Конечно, мог. А мог ли Чириков вообще рисовать в лицее Пушкина? Он его, несомненно, рисовал, это вытекает из всей тогдашней лицейской обстановки. Почему же к рисунку Чирикова или другого художника, имевшемуся в распоряжении пушкинских друзей для издания «Кавказского пленника», понадобилось приложить руку Брюллова?

¹ С. Ф. Л и б р о в и ч. Пушкин в портретах, 1890, стр. 6.

Пушкина не было в Петербурге, а друзьям его во что бы то ни стало хотелось выпустить книжку с портретом. Его принялись искать, и кто-нибудь напомнил о портрете Чирикова.

Брюллов, учившийся в Академии вместе с Гейтманом, заменил, вероятно, прозаический фрак поэтической сорочкой с эффектно накинутым плащом, и получился ни дать ни взять — юный Байрон. Таким образом, впредь до находки новых материалов, нет причин просто скидывать со счета имена К. Брюллова и Чирикова, и, пока нет иного решения, приходится условно принять в качестве автора портрета С. Г. Чирикова, а в качестве его байронизатора безусловно К. П. Брюллова.

Получив уже изданный портрет, Пушкин, впервые его увидевший, писал Гнедичу: «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли...».¹ Между тем рецензент «Сына Отечества» отзывался о нем как о «весьма похожем».

Пушкину портрет явно пришелся не по душе, он не утверждает, но и не отрицает сходства, однако вид этого маленького «уродца» не мог его радовать. Рецензент «Сына Отечества» был, вероятно, прав, подчеркивая большое сходство, и это было, видимо, мнением и пушкинских друзей.

Внешний облик Пушкина между 1820 и 1824 годами мы должны себе рисовать примерно в типе гейтмановской гравюры, прибавив лишь несколько лет на возмужалость. Таким мы видим его и на автопортретах той поры, например на том великолепном образце, который связан с началом работы над строфой XV первой главы «Евгения Онегина». У Пушкина не было еще бакенбард, появившихся у него только в 1826 г. Бакенбарды неслыханно удивили его друзей, знавших его безбородым. Один из них, П. Яковлев, писал А. Е. Измайлову 21 марта 1827 г.: «Пушкин очень переменялся и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение».²

Это полностью подтверждается и автопортретами: до 1826 г. они все безбороды, в этом же году появляются первые с бакенбардами. Таков автопортрет 1829 г. Ни одного портрета безбородого Пушкина, кроме гейтмановского, до нас пока не дошло, все остальные с бакенбардами и уже по одному этому признаку должны быть отнесены ко времени более позднему, никак не ранее чем к 1826 г.

Потому-то столь сомнительны баки на псевдолицейском портрете Пушкина. Анализ всей сюиты портретов лицейстов избавляет раз навсегда исследователей пушкинской иконографии возвращаться к этому вконец опороченному материалу.

Хотя портрет Гейтмана не сделан прямо с натуры, а переработан, но все же в основе его лежит рисунок, исполненный с натуры.

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 46.

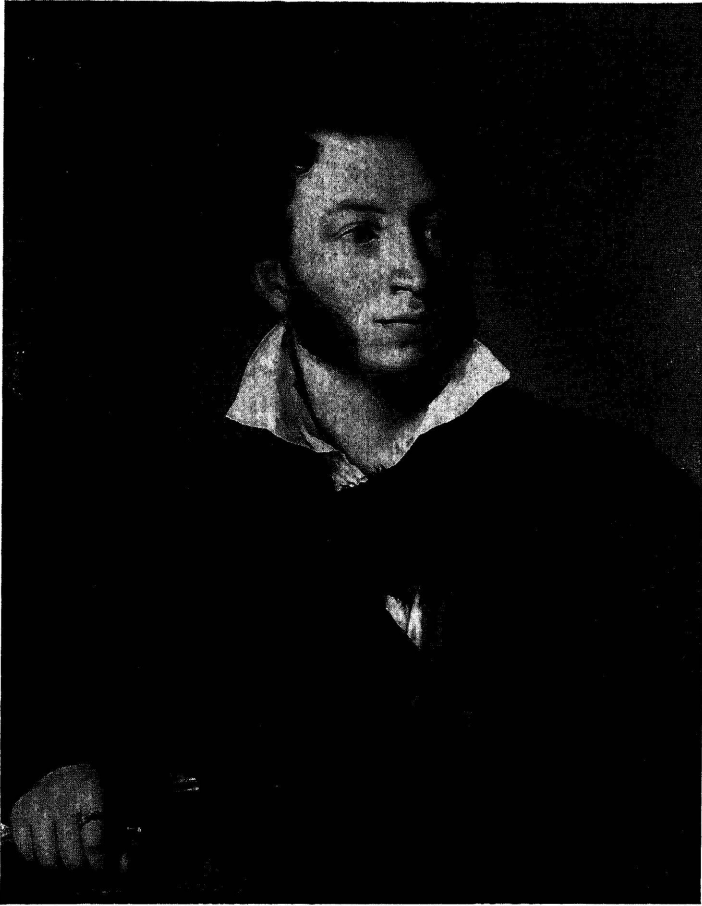
² Сб. «Памяти акад. Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 49.

А. С. ПУШКИН.
Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

А. С. ПУШКИН.
Рисунок художника Жана Вивьена. 1826 г.

А. С. ПУШКИН.
Портрет работы художника В. Тропинина. 1827 г.

А. С. ПУШКИН.
Анварель художника П. Соколова. 1830 г.

А. С. ПУШКИН.
Литография Г. Гиппиуса. 1828 г.

А. С. ПУШКИН,
П. И. ГНЕДИЧ, В. А. ЖУКОВСКИЙ, И. А. КРЫЛОВ.
Картина работы художника Григория Чернецова. 1832 г.

А. С. ПУШКИН.
Рисунок и гравюра Т. Райта. 1837 г.

ПОРТРЕТ ЖАНА ВИВЬЕНА

Следующим по времени портретом Пушкина с давних пор считался тот карандашный рисунок, который изображает поэта в повороте вправо, с легкой улыбкой на губах и в глазах, с большими бакенбардами.

Французская монограмма J. V. расшифровывалась в 1880-х годах как подпись Жюль Вернэ (Jules Vernet), и рисунок датировался 1820 годом. Эта традиция прочно установилась и передавалась из поколения в поколение до 1921 г., когда в «Казанском музейном вестнике» появилась статья покойного В. Я. Адарюкова, впервые выяснившая действительного, а не мнимого автора портрета, — притом с непререкаемой убедительностью, — и тем самым одновременно натолкнувшая на иную, более верную датировку.

Оказалось, что миниатюрист Жюль Вернэ никогда в России не работал, а монограмма J. V. принадлежит скромному, малоизвестному московскому художнику, тоже французу Жану Вивьену (Jean Vivien), работавшему в 1810—1820-х годах в Москве.

Уже одного взгляда на лицо вивьенского портрета, густо обросшее бакенбардами, достаточно для того, чтобы признать, что портрет не мог возникнуть до 1826 г. Кроме того, в Москву, где жил и работал Вивьен, Пушкин попал только 8 сентября 1826 г. Здесь он пробыл почти два месяца в кругу своих московских друзей, после чего, 2 ноября, уехал в Михайловское. Около того времени и сделан портрет.

Пушкину вивьенский портрет, видимо, нравился, иначе он не заказал бы повторения. Мы знаем, что Пушкин не любил своего лица и меньше всего хотел, чтобы оно было предано «бессмертию во всей своей мертвой неподвижности», как он писал жене 14 мая 1836 г.¹

ТРОПИНИНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В Третьяковской галлерее с давних пор находился небольшой портрет Пушкина, писанный на деревянной дощечке, размером 19 × 16. Хотя он не подписан, но всегда считалось, что это подлинная работа В. А. Тропинина, представляющая собой первый этюд к большому портрету поэта, приобретенному в галерею в 1909 г.

В 1913 г., когда мне привелось стать во главе Третьяковской галлерей, я вскрыл наглухо заделанную заднюю сторону портрета и обнаружил на обороте доски две надписи, подтверждавшие как его атрибуцию, так и ту таинственную легенду, которой был окутан тропининский портрет устной молвой и воспоминаниями современников. Эта молва и эти воспоминания настолько разноречивы и даже противоречивы, что нелегко пзвлечь из них одну, наиболее правдоподобную версию.

Портрет писался зимою 1826/27 г. В первый приезд Пушкина в Москву в сентябре — октябре 1826 г. длительные сеансы едва ли могли состояться,

¹ А. С. Пушкин. Письма, Соч., т. X, стр. 581.

во второй его приезд их было легче организовать: Пушкин успел уже освоиться с московской обстановкой и мог найти время для позирования. Единственное, что могло быть сделано еще осенью или в конце 1826 г., — это односеансный этюд — набросок, самый же портрет писался долго. Во всяком случае, в мартовском номере «Московского телеграфа» 1827 г. о нем сообщается как уже о законченном. При этом издатель журнала Полевой говорит, что портрет предназначался автором для осенней академической выставки.

На выставку он, однако, не попал, и где он находился в течение последующих нескольких десятков лет, установить сейчас трудно. Несомненно одно: он был украден у Соболевского при обстоятельствах, различно описываемых его современниками в своих поздних мемуарах.

Вот что рассказывает М. П. Погодин: «С. А. Соболевский, один из самых близких людей к Пушкину, заказал на память его портрет Тропинину в тридцатых годах, и написанный портрет долго красовался у него в великолепной золоченой раме. Выезжая за границу, Соболевский оставил портрет вместе с библиотекой одному общему нашему приятелю, имевшему собственный дом. Этот приятель, оставляя свой дом, передал библиотеку и портрет другому, также общему нашему приятелю. У кого-то из них — первого или второго — крепостной живописец (я помню, его звали Александром) выпросил портрет для снятия копии и возвратил не портрет, а копию. Приятелю, тому и другому, не пришлось взглянуть на возвращенный портрет, и он оставался у них не на глазах. С. А. Соболевский возвратился через пять лет из-за границы. Плутня объяснилась вскоре. Копию он бросил».¹

Портрет исчез между 1828 и 1835 годами. Канув, словно в воду, он выплыл на поверхность только в 50-х годах, когда после смерти какого-то бедняка-живописца очутился в лавке не то московского менялы Г. Г. Волкова, не то торговца И. Бардина, где его купил за 150 рублей тогдашний директор архива Министерства иностранных дел кн. М. А. Оболенский. Он показал его Тропинину, тотчас же признавшему в нем свою работу.

Все это в основном подтверждается теми двумя надписями, которые имеются на обороте портрета-этюда Третьяковской галереи, открытого мною в 1913 г. Одна надпись французская, другая русская. На нижней половине оборота доски наклеена бумага, на которой пером рукой Соболевского по-русски изложена подробно судьба портрета. Вот эта надпись:

«Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который и подарил Соболевскому. Этот портрет украли. Он теперь у князя Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву, после Алексеева был куплен Н. М. Смирновым. а после Смирнова (около 3 марта 1870 г.) подарили его Соболевскому».

¹ В. В. Згур а. Портреты Пушкина работы Тропинина, «Московский пушкинист», 1930, II, стр. 75.

С левой стороны этой надписи, боком к ней, тем же почерком написано: «Апреля 1870 Соболевский». От М. А. Оболенского портрет перешел к его племяннику Н. Н. Оболенскому, продавшему его в 1900 г. при посредстве антиквара Н. С. Кокурина Третьяковской галлерее за 6000 рублей.

Кроме этого портрета, в Третьяковской галлерее находился бесспорный оригинал тропининского портрета, — холст размером $0.68.2 \times 0.55.8$ и рисунок к этому портрету, сделанный итальянским карандашом, размером $0.24.3 \times 0.22.1$.

Написав с Пушкина свой портретный этюд, Тропинин начал искать в карандаше композицию. Рисунок итальянским карандашом, перешедший из Цветковской галлерей в Третьяковскую и ныне вместе с масляными портретами переданный в Пушкинский музей, является только наметкой портретной композиции. Рисунок этот сделан, конечно, не с натуры, а от себя, по памяти. Лицо не имеет портретного характера, а дано лишь в целях композиционных. Халат также сделан от себя, либо — самое большее — намечен по манекену, на который художник его накинул. Этот халат фигурирует на многих тропининских портретах.

Тропинин значительно смягчил резкие черты, намеченные им в беглом наброске кистью.

На этюде есть одна подробность, пропавшая на портрете: на нем видно, что Пушкин брил только самый подбородок и губу, оставляя на шее, под подбородком, волосы, соединявшие внизу правую и левую бакенбарды. Эти последние на портрете аккуратно причесаны, тогда как на этюде растрепаны. Такие же бакенбарды на шее видны и на скульптурных бюстах Пушкина, хотя они исполнены вскоре после смерти поэта.

Как относились к портрету современники Пушкина? Как мы знаем, портрет исчез довольно скоро после его окончания. Его видел только узкий круг ближайших друзей Пушкина. Отражением их мнения о портрете может служить отзыв Полевого, появившийся в мартовском номере «Русского телеграфа» 1827 г. Портрет он находил «очень похожим», хотя и оговаривался, что художнику не вполне удалось схватить быстрый взгляд поэта.

ПОРТРЕТ КИПРЕНСКОГО

В том же 1827 г. ближайший друг Пушкина, поэт барон А. А. Дельвиг заказал его портрет другому знаменитому портретисту того времени, О. А. Кипренскому, жившему с 1824 г. безвыездно в Петербурге, куда он приехал из Италии, увенчанный славой одного из лучших живописцев тогдашней Европы. Его автопортрет висел в прославленной галлерее автопортретов во дворце Уффици, — честь, которой удостоивались лишь немногие избранники в истории мировой живописи.

В 1827 г. Кипренский был в зените славы. Все лучшие его создания были уже позади. Он был баловнем петербургских светских кругов.

Мы знаем, что портрет написан в 1827 г., ибо на нем есть подпись и дата: О. К. 1827. Кроме того, мы знаем, что Кипренский выставил свой портрет на выставке в Академии художеств зимой 1827/28 г.

В стихах, посвященных Кипренскому, Пушкин не скрывает, что ему приятно быть увековеченным, ему портрет явно нравится, он даже признается, что художник ему польстил:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастия важных аонид.¹

После смерти А. А. Дельвига в 1831 г. Пушкин через П. А. Плетнева купил портрет для себя и повесил его в своей квартире на самом видном месте.

После смерти Пушкина портрет перешел к его старшему сыну Александру Александровичу, у которого и висел до его кончины в 1916 г., когда был приобретен мною в Третьяковскую галерею.

Благодаря тому, что портрет был, начиная с 1827 г., все время на виду и в следующем уже году был гравирован Уткиным, он пользовался исключительной известностью и любовью. Это — самый популярный из портретов Пушкина. В течение почти целого столетия публики, художники, скульпторы, пушкинисты жили и дышали именно этим образом. Портрет Кипренского и до сегодняшнего дня наиболее определяющий наше представление о внешнем облике поэта. Портрет многократно копировался, то точно, то с различными модификациями, гравировался и перегравировывался. Всевозможные будто бы оригинальные и прижизненные портреты варьировали почти исключительно именно этот образ Пушкина, запечатленный в века Кипренским.

Какое счастье, что два лучших портретиста — современники Пушкина — сохранили нам его черты так, как каждый из них представлял их себе. Но какое несчастье, что ни тот, ни другой не передали этих черт с полной объективностью, а напротив того, в своей художнической, весьма субъективной интерпретации. В результате мы имеем двух совершенно различных Пушкиных, и для того, чтобы воссоздать себе подлинный образ Пушкина, надо попытаться извлечь из обоих черты наиболее правдоподобные.

О портрете Кипренского сам Пушкин свидетельствует, что художник ему польстил.

Превосходно нарисованы и пластически выражены губы, сильно выступавшие у Пушкина вперед.

Глаза, пропорционально к лицу взятые верно, излишне стандартизованы по романтической моде: взгляду дано направление вверх и сильно влево. Правый глаз при этом построен правильно и зрачок поставлен верно.

¹ А. С. Пушкин. Кипренскому. Соч., т. III, стр. 19.

но левый не согласован с правым ни конструктивно, ни в смысле параллельности осей взгляда.

Непонятно, как мог такой блестящий рисовальщик, как Кипренский, допустить столь бросающуюся в глаза ошибку в построении левого глазного яблока, опущенного книзу почти на половину своей ширины.

Портрет писался долго, и Пушкин, как видно, усидчиво позировал, — об этом говорит основательная моделировка головы, проработанная столь внимательно, дробно и иллюзорно, что любой скульптор может использовать этот портрет для статуи.

Ни Тропинин, ни Кипренский не дали того лучшего, что было в их искусстве, но из двух этих портретов Пушкина все же удачнее портрет Кипренского. Как уже было упомянуто выше, мы будем, по всей вероятности, очень близки к подлинному образу Пушкина, если попытаемся объединить черты маленького тропининского этюда и портрет Кипренского. Вместе взятые, они дают достаточно полное представление о действительном облике поэта.

Вскоре после окончания портрета Кипренским тот же А. А. Дельвиг заказал лучшему тогдашнему русскому гравюру Н. И. Уткину гравюру с этого портрета, предназначавшуюся заказчиком для подготовленного к печати альманаха «Северные цветы».

Уткин сделал прежде всего точный рисунок с портрета, в размере будущей гравюры. Этот рисунок, исполненный карандашом, сохранился и находится сейчас в гравюрном кабинете Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве. Клетки, на которые он разграфлен, свидетельствуют о том способе, при помощи которого рисунок сделан: оригинал Кипренского был также разбит на клетки, при помощи сети ниток; и затем контур был механически повторен в нужном Уткину уменьшении. Совершенно естественно, что при этом способе на уткинском рисунке, а вслед за тем и на гравюре повторен ошибочно опущенный вниз левый глаз оригинала. Ошибочно это потому, что на посмертной маске этой деформации нет. На рисунке нет изменений по сравнению с оригиналом, в гравюре же Уткин срезал весь низ, не дав руки. Нет также и статуэтки на фоне — доказательство ее позднейшего происхождения.

Едва ли стоит останавливаться над описанием тех многочисленных, вновь и вновь появляющихся на рынке, в музеях и частных собраниях портретов Пушкина, которые с первого же взгляда выдают свою природу. отраженную от портрета Кипренского. Правда, иногда это более или менее искусно вуалируется, но заимствование, а следовательно комбинаторство, расшифровывается все же без особого труда.

К числу их относится и акварельный портрет Петра Федоровича Соколова (1791—1848). Он известен в двух акварельных экземплярах. Это произведение большого мастера, но портрет, несомненно, писан не с натуры, а скомбинирован с портрета Кипренского, о чем мне говорил сын Петра Федоровича А. П. Соколов.

О лже-Пушкине из собрания Кочубея, скомбинированном из портрета Кипренского, вовсе не стоит говорить, как незачем было бы останавливаться на портрете Ваньковича, не имеющем вообще ничего общего с Пушкиным, если бы с ним не были связаны любопытные мемуары польского доктора Станислава Моравского «В Петербурге 1827—1838», вышедшие в Познани в 1924 г. Моравский описывает в них внешность Пушкина с брезгливостью и пренебрежением аристократа-иностранца, чванного своим происхождением и не могущего простить русскому поэту, к тому же старого дворянского рода, его внешность разночинца, поношенную одежду и стоптанную обувь.

Надо ли говорить, как мало веры можно придавать этим «свидетельствам» зазнавшегося иностранца.

ПОРТРЕТ ГУСТАВА ГИППИУСА

Вокруг этого портрета скопилось также немало недоразумений и противоречий, распутанных окончательно только в 1934 г. В. Борским в его превосходной статье «Иконография Пушкина до портретов Кипренского и Тропинина».¹

Портрет этот — известная литография Густава Гиппиуса, выпущенная им в его большой серии литографий, носивших общий французский заголовок «Современники» и рисованных им с натуры прямо на камне.

Портрет слаб в художественном отношении и едва ли очень похож. Гиппиус был художником весьма умеренных способностей. Он только в 1831 г. получил от Академии диплом на право преподавания рисования в низших учебных заведениях — право быть захудалым учителем рисования, обучать рисованию малолетних школьников в общеобразовательных школах первой ступени. Незавидное право, но, очевидно, большего Академия не сочла возможным ему дать.

ПОРТРЕТЫ ГРИГОРИЯ ЧЕРНЕЦОВА

В 1831 г., после кровавого усмирения польского восстания, в Петербурге, на «Царицыном лугу», получившем впоследствии название «Марсова поля», был устроен один из тех эффектных военных парадов «с молебствием», до которых такой охотник был Николай I.

Для увековечения этого парада в картине был избран старший из двух братьев Чернецовых, Григорий Григорьевич. Он полюбился царю за свои пейзажи и виды Петербурга, оживленные обычно военными патрулями, и был назначен в 1829 г. придворным живописцем.

¹ «Литературное наследство», № 16—18.

Где следует, был выработан список «лично известных персон», и после его утверждения таковой был дан Чернецову, тотчас же принявшемуся делать зарисовки со всех намеченных лиц. Часть этих зарисовок сохранилась, и — что для нас особенно важно — сохранился и подлинный рисунок, сделанный с Пушкина, ибо Пушкин попал в список «персон, лично известных», вместе с «литераторами» Жуковским, Крыловым и Гнедичем.

Размер этого драгоценного листка бумаги, хранищегося в музее А. С. Пушкина в г. Пушкине, $0,26.5 \times 0,18.5$. На рисунке изображена фигура Пушкина во весь рост, в повороте $\frac{3}{4}$ влево. На нем цилиндр, он во фраке, стоит, опираясь на левую ногу, согнувши слегка правую. Левая рука засунута в карман, устроенный не в левой стороне брюк, а ближе к середине. На том же листе одним контуром намечена фигура В. А. Жуковского, прибавленная, как кажется, позднее.

На рисунке есть авторская надпись: «Александр Сергеевич Пушкин, рисовано с натуры 1832-го года Апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 вершков с половиной». Этой записью решительно опровергается свидетельство Моравского о маленьком росте Пушкина: 166.5 сантиметров — рост средний, а не малый.

В том же 1832 г., когда Чернецов еще только приступал к своей картине, сочиняя на огромном холсте ее композицию, он пишет небольшую картину масляными красками, изображающую главную группу литераторов, вошедших вслед за тем в картину, — Крылова, Пушкина, Жуковского и Гнедича. Можно наверно сказать, что эта картина была ему заказана кем-либо из «высоких покровителей», уже знакомых с идеей большой картины и, конечно, прежде всего заинтересовавшихся писательской группой. Быть может, заказчиком был Свиньин, после смерти которого картина перешла в собрание крупнейшего петербургского коллекционера Быкова. У этого последнего и купил ее П. М. Третьяков для своей галлерей.

Это, конечно, никоим образом не этюд, сделанный для картины, а самостоятельное произведение, скомбинированное Чернецовым из его зарисовок с натуры.

ПОРТРЕТ РАЙТА

Известная гравюра Томаса Райта, — повидимому, последний прижизненный портрет Пушкина.

В 1836 г. Райт был в зените своей славы. Бесспорно крупнейший гравер своего времени, он одновременно был блестящим рисовальщиком и акварелистом. Но особенной популярностью он пользовался в Петербурге, где члены царской фамилии и вельможи заказывали ему гравировать свои портреты.

Обычно он их сам рисовал, чаще всего в один тон — сепией. Таких рисунков дошло до нас немало, и все они свидетельствуют о большом уменье, опыте и вкусе этого художника. Существует мнение, что именно

к нему обратился Пушкин, хотевший приложить свой новый портрет к задуманному им в 1836 г. собранию своих сочинений, но мнение это до сих пор не нашло своего подтверждения в документах, имеющих характер первоисточника. Напротив того, есть известие, что Райт делал пушкинский портрет для своей серии знаменитых современников.

Об этом свидетельствует не кто иной, как Нестор Кукольник, вскоре после смерти Пушкина давший в своей «Художественной газете» обзор существующих портретов поэта. А в этих делах Кукольник был осведомлен лучше кого-либо.

Райт предварительно, конечно, сделал для своей гравюры рисунок. На Пушкинской выставке в Москве 1880 г. такой рисунок был, он воспроизведен в каталоге, в котором его собственником значился М. А. Веневи-тинов, но был ли то действительно оригинал, с которого портрет гравирован, неизвестно. Ввиду того что рисунок этот не очень похож на обычные райтовские рисунки и является точной копией гравюры, закрадывается сомнение в его подлинности.

Но если бы этот рисунок вновь появился на горизонте и если бы даже было доказано, что он именно и есть оригинал, то далеко не выяснено, сделал ли его Райт с натуры или и он также, подобно стольким другим, есть не что иное, как «комбинация».

Уже Кукольник в той же заметке о пушкинских портретах ставит этот вопрос как бы под сомнение: «наверное не знаем, с натуры ли рисован портрет сей?»¹

Кукольник, конечно, знал хорошо, с натуры или без натуры рисовал Райт, и уже в самой постановке вопроса выражено сомнение, близкое к утверждению. Даже поверхностное сравнение райтовской гравюры с портретом Кипренского не оставляет сомнения в том, что последний есть его первоисточник. Об этом говорят не только поворот головы и ее общая схема, но и тот дефект не в меру опущенного левого глаза, который Райт повторил с Кипренского.

У Райта все петербургские магнаты выглядели чистокровными английскими лордами, — на то он и англичанин, имевший свой взгляд на «благородство крови и изысканность манер». Так же он изобразил и Пушкина.

Каким образом внес Райт свои изменения в образ Кипренского? Он, несомненно, видал Пушкина не раз и, быть может, был с ним знаком. В свой уже подготовленный рисунок он мог внести черты, наблюдаемые в жизни, а возможно и зарисовку с натуры, для которой Пушкину не надо было позировать. Райт был в родне с Джорджем Дау, который его и выписал в Петербург и который, возможно, брал его с собой в те светские салоны, куда бывал вхож сам и где бывал и Пушкин.

Если бы райтовский портрет был только повторением портрета Кипренского, он не имел бы никакого значения.

¹ «Художественная газета», 1837, № 9—10, стр. 160—161.

ПОРТРЕТ МАЗЕРА

Вот портрет, никогда не возбуждавший особых споров. Прошло без малого 50 лет с тех пор, как им впервые занялся Либрович, а, по словам М. Д. Беляева, мы и теперь знаем о нем почти только то, что знал Либрович. М. Д. Беляев склонен был датировать этот портрет 1835 годом на основании парного портрета Натальи Николаевны, работы того же Мазера. одеждой как раз по моде этого года.

Насколько, однако, шаток материал модных журналов, видно из того, что эта дата сразу изменилась, как только, после промывки портрета, удалось открыть полную подпись и дату, сделанные красной краской на фоне с левой стороны портрета. Ее читали так: «Ch. P. Mazer 1832».

Подпись и дата, казалось бы, окончательно решали вопрос о том, является ли мазеровский портрет прижизненным или посмертным. Однако я решил пристальнее заняться этой датой. Внимательное рассмотрение ее привело меня к убеждению, что ее последняя цифра не двойка, а девятка.

Но так как по вопросу о начертании цифр можно, при желании, еще долго спорить, то пришлось искать подтверждение датировки 1839 г. в биографии Мазера.

Вот справка из словаря Тиме-Беккера: Карл Петер Мазер родился в Стокгольме в 1807 г., умер в Неаполе в 1884 г. Ученик Стокгольмской академии, он с 1825 г. занимается у Гро в Париже, в 1833—35 г. работает в Италии, в 1835—37 гг. — в Швеции. (В 1836 г. выставляет здесь на академической выставке 25 масляных картин.) 1837 г. проводит в Финляндии, где пишет портрет Рунеберга, а в 1838 г. переезжает в Россию, где работает в Петербурге, Москве, Ярославле (1841 г.) и Сибири.

Итак, писать Пушкина при жизни Мазер не мог.

Существует еще один портрет столь же дурной славы, приписываемый некоему Линеу. На нем вовсе не следовало бы останавливаться, если бы он не был незаслуженно превознесен М. Д. Беляевым и Голлербахом, считающими его «одним из самых примечательных», а в смысле сходства и документальности просто «изумительным».

Однако при ближайшем рассмотрении он оказывается прямо скомбинированным с рисунка неизвестного художника, изобразившего Пушкина в гробу.

В заключение можно упомянуть рисунок-шарж, изображающий Пушкина на прогулке, или «Пушкин и граф Хвостов». Как удалось доказать И. С. Зильберштейну, рисунок принадлежит художнику-любителю Челищеву. Хотя он сильно шаржирован, но в нем выражено нечто от той стремительности, изменчивости и неуловимости, которых не передает ни один длительно исполнявшийся портрет, о чем сетовали пушкинские современники.

Портрет Кипренского, дополненный этюдом Тропинина и рисунком Челищева (в котором надо отбросить карикатурность), дает нам наиболее близкое представление о внешнем облике Пушкина.

Доктор филологических наук

Д. Д. Благой

ПУШКИН В 1826 ГОДУ

ошедшее до Михайловского к концу года известие о восстании на Сенатской площади, о роковой неудаче, его постигшей, об аресте и начавшемся следствии над его участниками, как и пришедшие через некоторое время сообщения о крушении попытки восстания на юге, произвели на Пушкина исключительно тягостное, подавляющее впечатление.

Чтобы судить о степени и характере этого впечатления, достаточно сравнить его письма к друзьям от 1825 и 1826 гг.

1825 год занимает в переписке Пушкина особо видное место. Заточенный в глухое и далекое деревенское захолустье, оторванный от столичной жизни и от жизни литературной, поэт, естественно, стремится хоть как-то возместить все это оживленной перепиской с друзьями. И, действительно, никогда за 20-е годы Пушкин не писал так много писем, обращенных к такому большому количеству лиц, как в 1825 г. В то же время письма 1825 г. поражают бодрой, кипучей энергией, разносторонностью интересов. Здесь и неудержимо страстные любовные признания и призывы (письма к А. П. Керн), и непрерывные просьбы к брату о присылке все новых и новых книг, и жадные расспросы о петербургских новостях. Но центральное место в письмах 1825 г. занимает литература. Мы находим в них оживленные оценки Пушкиным последних литературных новинок (вспомним хотя бы письмо к Александру Бестужеву о только что прочитанном «Горе от ума» или подробный и внимательный — из строки в строку — стилистический разбор присланного Вяземским стихотворения «Нарвский водопад»); находим целые теоретические трактаты по волновавшим Пушкина литературным проблемам (письмо Н. Н. Раевскому о трагедии как об особом «роде поэзии»); в них и обсуждение задач литературной критики, и энергичная литературная полемика с друзьями (письма к Александру Бестужеву и Рылееву в связи с первой главой «Евгения Онегина»), и острые

эпиграмматические стрелы по адресу литературных врагов, и сообщения о своей текущей творческой работе и т. п.

Ссылка все сильнее и сильнее тяготит и раздражает поэта; все резче и настойчивее то прямо, то косвенно жалуется он друзьям на свое подневольное существование. И в то же время, читая письма 1825 г., наглядно видишь, что это все никак не сломило Пушкина. «Богатырь духовный», он живет в эту пору всей полнотой бытия, всем разнообразием мыслей и чувств, всем избытком своих достигших полной зрелости творческих сил.

Совсем иную картину рисуют перед нами письма из того же Михайловского в 1826 г. Дело не только в том, что их гораздо меньше (всего 18 писем с января по август, против 58 за тот же период в 1825 г.), что самый круг пушкинских адресатов сильно сузился и поредел. Поэт и в особенности его друзья, по понятным причинам, примолкли и затаились после декабрьской катастрофы и последовавших за нею правительственных репрессий.

«Что делается у вас в Петербурге? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске»,¹ — жалуется Пушкин П. А. Плетневу в первом же своем письме, написанном примерно лишь месяц спустя после получения известия о декабрьском восстании.

«...переписка моя отсюда прекратилась»,² — сетует он через некоторое время Дельвигу. «...ты молчишь, и я молчу», — пишет он почти три месяца спустя Вяземскому, выразительно добавляя при этом: «и хорошо делаем...».³

Существеннее, что письма 1826 г. резко разнятся и содержанием и общим своим тоном. Порой и в них вспыхивает былая пушкинская шутливость, мелькнет литературное суждение или оценка. Но все это — редкие проблески. В центре помыслов и чувств Пушкина теперь отнюдь не литература, а страшный удар, обрушившийся на лучших представителей его поколения, в том числе и на ряд ближайших друзей и сверстников поэта. По понятным причинам Пушкин вынужден проявлять и здесь весьма большую сдержанность, дабы не подвести и самого себя и своих адресатов (действительно, все письма этой поры и его самого и его корреспондентов, направляемые по почте, а не оказией, неизменно, как мы теперь знаем, перлюстрировались). Но и того, что он пишет, достаточно, чтобы представить себе картину его душевного состояния в эту пору. «Я не писал к тебе, во-первых, потому, что мне было не до себя»,⁴ — так начинается первое же последекабрьское обращение Пушкина к Жуковскому. В последующих письмах к друзьям Пушкин снова настойчиво поднимает вопрос и о себе — о возможности прекращения своей ссылки. Но неотступно владеет им все усиливающаяся тревога за судьбу участников восстания. «С нетерпением

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 197.

² Там же, стр. 199.

³ Там же, стр. 205.

⁴ Там же, стр. 198.

ожидаю решения участи несчастных...»,¹ — пишет он в уже упоминавшемся письме к Дельвигу. Плетневу сообщает, что ему «страшно... распечатывать газеты»² (письмо от 3 марта). «Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте»,³ — читаем во втором февральском письме к Дельвигу. Участь декабристов решилась значительно позже, только 13 июля. Все это время Пушкин высказывал надежды на смягчение ее, на «милость царскую». Но, видимо, надежды его были не слишком сильны, и во всяком случае чувство глубокой скорби, вытеснявшей все остальное из его души, его не оставляло. «Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю»,⁴ — читаем в значительно более позднем письме к Вяземскому. А несколько ранее в письме к нему же Пушкин дает весьма красноречивый образ некоей мрачной силы, тяготеющей над людьми: «Судьба не перестает с тобою проказить... Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто». ⁵ Слова эти — отклик на личную потерю Вяземского — смерть ребенка, но их столь не свойственная светлomu жизнелюбию Пушкина безнадежно зловещая окраска, несомненно, отражает его общее самочувствие в этот страшный период.

Все это не могло не сказаться и на пушкинском творчестве. Творческая энергия, только что бывшая в Пушкине таким небывало могучим ключом, несомненно, оказалась как-то ослабленной или, во всяком случае, ограниченной в своем размахе. Теперь нет того необыкновенного разнообразия поэтических тем, жанров, произведений, которое характеризовало конец 1824 и в особенности 1825 г. За весь 1826 г. Пушкин не написал ни одного нового сколько-нибудь крупного произведения не только масштаба «Бориса Годунова», но и «Графа Нулина», или хотя бы даже таких крупных стихотворных произведений, как «Разговор книгопродавца с поэтом», «Андрей Шенье», «19 октября». К 1826 г. относится, правда, повидимому, зарождение замыслов «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери»; тем характернее, что ни один из них реализовать в эту пору Пушкин не смог. Продолжалась лишь работа поэта над «Евгением Онегиным»: 3 января 1826 г. была закончена четвертая глава; сейчас же вслед за этим начата — 4 января — пятая, в значительной своей части написанная только в самом конце года; наконец, также скорее всего к концу года, написана шестая глава.

Работа над романом в стихах, и тоже достаточно интенсивная, шла, как мы знаем, и в 1825 г. Но тогда это ни в какой мере не мешало всему остальному. Теперь работа над «Онегиным» оказалась почти единственной.

Еще существеннее то новое, что возникает именно в эту пору в пушкинском стихотворном романе: именно в пятой и шестой главах фабула

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 200.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 201.

⁴ Там же, стр. 210.

⁵ Там же, стр. 206—207.

«Онегина», рисующего жизнь и судьбы сверстников самого поэта — поколения передовой дворянской интеллигенции 20-х годов — приобретает трагический и глубоко грустный характер. В пятой главе (сон Татьяны) предугазана роковая судьба Ленского; в шестой (дуэль) — гибель «юного поэта», «вольнолюбивого» идеалиста и мечтателя, определившая и дальнейшую безрадостную участь его «убийцы».

Сам Пушкин относился к пламенной мечтательности Ленского, к его простодушным верованиям и пылким речам, к его наивно-молодой влюбленности, ко всему его восторженному и благородному романтизму с несомненной «онегинской» иронией. Но, как и у самого Онегина, ирония эта была одновременно окрашена в особые тона. Пусть вместе с Онегиным Пушкин не верил в длительность и устойчивость «юного жара и юного бреда» Ленского; он вместе с ним же любовался еще не охлажденной грустными опытами действительности девственно-возвышенной душой молодого поэта. И безвременно-трагическую смерть «младого певца» Пушкин рисует как гибель чего-то необыкновенно чистого и прекрасного, как увядание некоего чудесного цветка, убитого суровым дыханием бури:

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!¹

И дальше следует одна из самых надрывающих сердце строф романа, дающая нарочито сниженными, буднично-обыденными метафорами (закрытые ставни, забеленные мелом окна) такое точное и страшное изображение смерти, превращения живого человека в труп, подобного какому мы, может быть, не найдем во всей мировой литературе:

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навылет ранен;
Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь;
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.²

И так же, как самим Пушкиным, смерть Ленского была пережита и воспринята современниками. Недаром Ленский, что на первый взгляд может показаться даже несколько неожиданным, оказался одним из

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VI. Соч., т. V, стр. 132.

² Там же, стр. 132—133.

наиболее дорогих литературных образов для Лермонтова — образом, о котором автор «Демона» и «Героя нашего времени» упоминал с особой нежностью и теплотой. Вспомним его стихотворение на смерть самого Пушкина, где поэт прямо сравнивается с Ленским:

И он убит — и взят могилой,
 Как тот певец, неведомый, но милый...
 . . . . .
 Воспетый им с такою чудной силой,
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой.¹

Особенно длительное и глубокое впечатление на Лермонтова произвела «чудная сила» описания Пушкиным гибели Ленского. Стихи Лермонтова вообще, как известно, изобилуют перекличками с пушкинскими стихами, но особенно много — больше чем из любого другого места того или иного пушкинского произведения — творческих реминисценций у Лермонтова именно из строф «Онегина», связанных со смертью Ленского.

Недаром Герцен, говоря о безвременной смерти одного из самых обаятельных людей пушкинского времени, молодого и вольнолюбивого поэта Дмитрия Веневитинова, называет его «другим Ленским», «чистой поэтической душой, задуманной в двадцать два года грубыми тисками»² николаевской реакции.

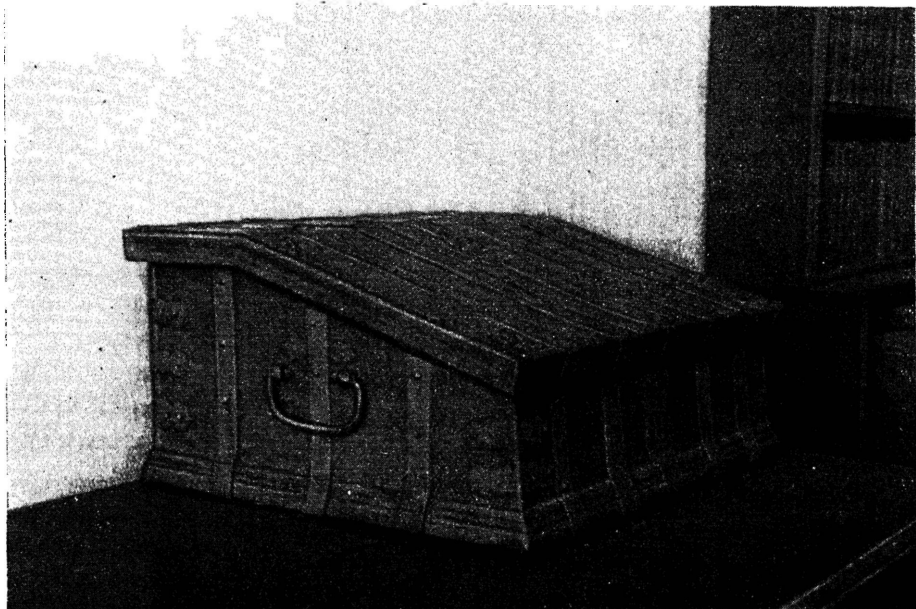
Все это показывает, что гибель Ленского воспринималась не только как фабульная ситуация пушкинского «романа в стихах», но и как выражение на языке поэтических образов неких реальных и существенных процессов, происходивших в жизни и мысли передовых кругов тогдашнего общества, как крушение свойственного им додекабрьского идеализма и романтизма.

Насколько эта ситуация соответствовала каким-то потаенным помыслам и чувствам, глубоко, хотя, вероятно, неосознанно для самого Пушкина, связанным с общей его настроенностью этого времени, свидетельствует то, что эта же ситуация лежала в основе другого его произведения, окончательно реализованного значительно позднее, но задуманного и, видимо, частично осуществленного в том же 1826 г., — его драматического этюда «Моцарт и Сальери».

Трагический оборот фабулы «Евгения Онегина» сопровождается и соответственным изменением «голоса» автора — общего тона, колорита всего повествования. Пушкин сознательно строил свой стихотворный роман как лирический эпос, дающий не только широкую картину современности, но и раскрывающий душевный мир самого поэта. Он прямо подчеркивал это при первом же появлении «Онегина» в свет (при издании первой главы романа в 1825 г.): «Несколько песен или глав „Евгения Онегина“ уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора

¹ М. Ю. Лермонтов. На смерть поэта. Полн. собр. соч., Л., 1939, стр. 262.

² А. И. Герцен. Избр. произв., 1937, стр. 395.

МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ. ЛАРЕЦ, В КОТОРОМ ПОЭТ ХРАНИЛ СВОИ РУКОПИСИ.

„Руслана и Людмилы“». ¹ Три года спустя, выпуская в свет четвертую и пятую главы романа, Пушкин называл их уже «полусмешными, полупечальными». Действительно, эти главы того отпечатка «веселости», который был свойствен первой главе, уже не имеют. Но особенно усиливается колорит грусти, тень трагической обреченности, начиная с шестой главы. Смешанный тон полшутливости-полупечали продолжает и в дальнейшем оставаться основным и в высокой степени своеобразным тоном пушкинского «романа в стихах». Но примесь грусти, доля печали отныне становится все сильнее и сильнее. Даже сама шутливость поэта начинает все явственнее окрашиваться в тона подчас глубоко затаенной, а подчас и прямо неприкрытой тоски.

Добролюбов пронипительно отмечал нарастание «грусти», «настроения вечного неудовлетворенного беспокойства» в качестве одного из существенных признаков творчества зрелого Пушкина. Конечно, глубоко не случайно, что процесс этот становится впервые так сильно ощутимым в пятой и в особенности в шестой главах «Евгения Онегина», написанных непосредственно вслед за декабрьской катастрофой. Не случайно и то, что шестая глава, повествующая о гибели Ленского, заключается своеобразными похоронами поэтом «весны» своих дней, своей «легкой юности», обращением его к «суровой прозе», к «другим, хладным мечтам» и «другим, строгим заботам», к «иным желаньям» и «новой печали».

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. V, стр. 509.

Характерны и самые эти эпитеты: «суровая», «хладные», «строгие»...

К величайшему сожалению, до нас не дошел черновик рукописи шестой главы; сохранились черновики только трех строф конца ее (строфы XLIII—XLV), да совсем небольшие черновые же наброски, видимо к ней примыкающие. Не сохранился и беловой ее автограф. И можно думать, что это тоже не случайно: рукописи всех остальных глав «Онегина» сохранились, и притом обычно в очень большом числе. П. В. Нащокин, со слов самого Пушкина, рассказывает, что при неожиданном появлении в Михайловском в ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. фельдъегеря, приехавшего за поэтом, Пушкин, не ожидавший для себя ничего доброго, поспешно бросил в огонь часть своих рукописей, в частности свои автобиографические записи. Очевидно, сжег он и рукописи шестой главы, к чему, видимо, имел основания. А какие драгоценные материалы для исследователя могли бы представить эти рукописи, лучше всего показывает только случайно (в позднейшей записи, сделанной, вероятно, со слов Пушкина В. Ф. Одоевским) дошедшие до нас строки, заключающие в себе один из вариантов возможной судьбы Ленского: не будь он убит Онегиным, Ленский мог бы умереть «в ссылке, как Наполеон, или быть повешен, как Рылеев», причем это как значит, вероятно, здесь и вместе с Рылеевым, т. е. вместе с повешенными декабристами. Вариант этот, кстати, показывает, что строфы, связанные с убийством Ленского (XXX—XLII) были скорее всего (поскольку под XLV и предпоследней строфой шестой главы стоит дата — «10 августа») написаны как раз в ближайшие 10—15 дней после получения Пушкиным известия о казни пяти декабристов.

Еще непосредственное страшное потрясение трагедией 14 декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. проступает в пушкинской лирике этой поры. Лирика по самому своему существу больше чем какая-либо другая из всех областей словесного творчества представляет собой зеркало души поэта. Мы видели, как необычайно ярко расцвела, какой исключительно многоцветной и многострунной была пушкинская лирика в последние месяцы 1824 и в течение всего 1825 г. В первую половину 1826 г. она внезапно и почти полностью затухает.

Не считая двух-трех мелочей, за все первое полугодие 1826 г. Пушкин не написал ни одного стихотворения. Первое последекабрьское лирическое стихотворение Пушкина «Под небом голубым страны своей родной» написано им лишь в самом конце июля 1826 г., значит целых семь месяцев спустя после того, как до него дошли первые известия о трагическом исходе восстания.

Позднее сам Пушкин придал было этому своему стихотворению название «Элегия» (см. его письмо к Дельвигу от 31 июля 1827 г.). Но написанное, действительно, на одну из исконных элегических тем (смерть любимой женщины) и окрашенное в глубоко лирические тона, стихотворение Пушкина решительно противостоит всему, что когда-либо писалось в этом роде поэтами-элегиками.

К. Ф. РЫЛЕЕВ.
Портрет работы неизвестного художника.

Пушкин узнал о смерти в Италии год тому назад своей одесской возлюбленной Амалии Ризнич. Тем характернее, что именно в таком, казалось бы, вполне интимно-личном стихотворении, совершенно далеком и от политики и от декабристов, отозвались политические переживания Пушкина, притом непосредственно связанные с самым зловещим и кульминационным моментом декабрьской катастрофы.

Поэт горько поражен тем, как странно и неожиданно-непонятно для него самого воспринята им весть о смерти молодой и прекрасной женщины, в которую еще столь недавно он был так «безумно» и «мучительно» влюблен.

Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть.
И равнодушно ей внимал я.
.....
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.¹

Психологическое состояние, переданное в этих стихах с такой беспощадной искренностью и прямоотой, действительно странно, особенно если мы вспомним, что четыре года спустя, осенью 1830 г., воспоминание о той же Ризнич продиктовало Пушкину провизанные тоскующей нежностью строки элегии «Для берегов отчизны дальней» и единственные в своем роде по страстной напряженности чувства любовные призывы «Заклинания». «Сердце наше — вечная тайна для нас самих...»,² правильно подчеркивая исключительную «художническую добросовестность» Пушкина, писал по поводу этого стихотворения Белинский.

Однако он не знал, что в данном случае к этой «тайне» имеется не столько психологический, сколько политический ключ, который к тому же прямо и был нам оставлен самим поэтом. Под текстом стихотворения, как стало позднее известно, Пушкиным была сделана без особого труда расшифрованная помета: «Усл. о см. 25», и строкой ниже «Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24», что, несомненно, значит, что 25 июля Пушкин услышал о смерти Ризнич (стихотворение, как прямо показывает его первоначальное заглавие-дата, было написано четыре дня спустя, 29 июля), а накануне, 24 июля, услышал о повешении Рыльева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина. Неудивительно, что громадное впечатление от беспощадной расправы нового царя с лучшими и самыми героическими людьми эпохи заполнило всю душу поэта, поглотив все остальное, личное и, в частности, не оставив места для слез и сожаления о смерти недавней возлюбленной.

¹ А. С. Пушкин. «Под небом голубым страны своей родной». Соч., т. II, стр. 332.

² В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая. Избр. соч., т. III, М., 1941, стр. 277—278.

Поводом к написанию стихов «Под небом голубым страны своей родной» послужила смерть любимой женщины, однако на стихи упала злоеющая тень от виселицы с пятью казненными декабристами. Тень эта надолго омрачила душу Пушкина, наполнив ее, однако, не только скорбью, но и гневным негодованием. И вот в Пушкине снова воспрянул примолкший было на многие месяцы поэт-лирик, живо и непосредственно откликающийся на переживания и впечатления данной минуты, сегодняшнего дня. 14 августа он набрасывает стихотворный ответ Вяземскому «Так море, древний душегубец», с резко выраженной политической окраской; примерно в эту же пору создается один из величайших перлов гражданской лирики Пушкина — стихотворение «Пророк».

Наконец, повидимому около этого же времени, Пушкин пишет замечательный лирико-эпический цикл песен о Степане Разине.

Одно из ярчайших проявлений народности во всем творчестве Пушкина — три его «Песни о Стеньке Разине» — как это ни странно, до самого последнего времени не привлекали к себе надлежащего внимания исследователей. В результате многое в отношении «Песен» является недостаточно изученным и установленным. Прежде всего не определено точное время их написания, хотя они, несомненно, созданы в период михайловской ссылки. В вышедшем третьем томе академического издания сочинений А. С. Пушкина они широко датированы границами почти всего михайловского периода (сентябрь 1825 г. — август 1826 г.).

Равным образом не установлено окончательно отношение пушкинских песен к фольклору о Разине. Так, Н. Л. Бродский в своей широко популярной биографии Пушкина прямо считает их записями народных песен. Среди народных песен, записанных Пушкиным из уст няни в Михайловском еще в конце 1824 г., действительно имеются, как мы знаем, две песни о Разине и его сыне, однако их никак не следует смешивать с тремя песнями о Разине, написанными самим поэтом. Наоборот, в одном из последних комментированных полных собраний сочинений Пушкина вовсе отрицается связь этих пушкинских песен с фольклором о Разине: «Сюжетно две первые песни Пушкиным связаны с печатными материалами о Разине; третья является, вероятно, вольной композицией традиционных песенных и сказочных мотивов, не восходящих непосредственно к разинскому фольклору».¹ Между тем, если бесспорно, что песни Пушкина не являются записями народных песен о Разине, то абсолютно неправильно вовсе отрывать их от фольклора о Разине, как это делают новейшие комментаторы. Равным образом, никак нельзя согласиться и с той оценкой, которая дается им некоторыми исследователями. Так, например, Б. В. Томашевский в примечаниях к редактированному им однотомнику сочинений Пушкина замечает лишь, что «настоящие песни любопытны с литературной стороны,

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., 1936, т. I, стр. 750.

как одна из ранних попыток Пушкина писать размером народных песен.¹ На самом деле значение пушкинских песен о Разине далеко выходит за эти только узко «литературные» пределы.

Прежде всего мне кажется, что можно значительно сузить датировки написания Пушкиным его песен. Едва ли, если бы Пушкин писал и в особенности написал свои песни в конце 1824 или даже в 1825 г., он бы никак не упомянул о них в письмах к брату или к друзьям, с которыми, почти как правило, неизменно делился всем, что им было в эту пору создано; тем более это было бы естественно именно в отношении песен о Разине, представляющих собой существенно новое явление в его творчестве. Между тем первое упоминание о них мы имеем только по приезде Пушкина в Москву (в известном рассказе Погодина о чтении поэтом 12 октября 1826 г. «Бориса Годунова»). Видимо, не были написаны «Песни» и в первую половину 1826 г. (до середины июля). Иначе Пушкин, конечно, познакомил бы с ними Языкова во время его приезда в Тригорское в июне — июле 1826 г., когда оба поэта, непрерывно встречаясь в самой дружески-непринужденной обстановке, по свидетельству третьего участника этих встреч А. Н. Вульфа, поперебой читали свои стихи: «Сестра Euphrosine, бывало, заваривает всем нам, после обеда, жженку... и вот мы... из этих самых звонких бокалов, о которых вы найдете не мало упоминаний в посланиях ко мне Языкова, — сидим, беседуем, да распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку».²

О том же «поэтическом союзе» с Пушкиным рассказывает и сам Языков в известном цикле своих стихов 1826 г., связанных с его пребыванием в Тригорском («А. С. Пушкину», «П. А. Осиповой», «Тригорское»). Эти стихи могут дать некоторое представление и о вольнолюбивом характере этих «несмолкаемых речей», в которых оба поэта «звали свободу в нашу Русь» и вспоминали о «славной старине». Ну, как было бы в этой обстановке «непобежденному судьбой», «опальному певцу свободы», — как величал его в своих стихах, описывающих эти встречи, Языков, — Пушкину не прочесть своих разинских песен, да еще вдобавок уроженцу Волги, той самой реки, «где Разин воевал», как скажет о ней сам Языков в своем вскоре написанном им послании к П. А. Осиповой. Между тем Пушкин, по всем данным, Языкову во время пребывания его в Михайловском «Песен о Стеньке Разине» не читал; не читал же, очевидно, потому, что они еще не были написаны. Языков не только никак об них в эту пору не упоминает, но значительно позже, в начале 1828 г., в качестве последней новости сообщает о распространившихся в Дерпте слухах, «что Пушкин написал много нового — между прочим поэму Стенька Разин». «Поэма

¹ А. С. Пушкин. Сочинения, 1936, стр. 880.

² А. Н. Вульф. Дневники. Под ред. П. Е. Щеголева. М., 1929, изд. «Федерация», стр. 39. Статья М. И. Семева «Прогулка в Тригорское».

Стенька Разин» — это, конечно, и есть «Песни о Стеньке Разине», неточное известие о которых, очевидно в связи с неудавшейся попыткой Пушкина в июле — августе 1827 г. их опубликовать, дошло только теперь до Языкова. Таким образом, написание песен о Разине надо датировать временем после отъезда Языкова из Тригорского и до отъезда в Москву самого Пушкина, т. е. августом 1826 г.

Мало того, нельзя не обратить внимания на то, что первая и, пожалуй, особенно яркая из песен о Разине как-то перекликается (конечно, отнюдь не тематически, а по своему внутреннему пафосу) с элегией «Под небом голубым». Поэтому естественно предположить, что и написана она была примерно в то же время, что как раз вполне соответствует и всему сказанному выше.

В «Песне» повествуется о том, как Разин бросил в Волгу плененную им персидскую царевну.

Эту песню, предвещающую в какой-то мере некоторые из «Песен западных славян» и стоящую вместе с ними в ряду замечательнейших поэтических созданий Пушкина, приводим целиком:

Как по Волге реке, по широкой
 Выплывала востроносая лодка,
 Как на лодке гребцы удалые,
 Казаки, ребята молодые.
 На корме сидит сам хозяин,
 Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
 Перед ним красная девица,
 Положенная персидская царевна.
 Не глядит Стенька Разин на царевну,
 А глядит на матушку на Волгу.
 Как промолвил грозен Стенька Разин:
 «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
 С глупых лет меня ты воспоила,
 В долгу ночь баюкала, качала,
 В волновую погоду выносила.
 За меня ли молодца не дремала,
 Казаков моих добром наделила.
 Что ничем еще тебя мы не дарили».
 Как вскочил тут грозей Стенька Разин,
 Подхватил персидскую царевну,
 В волны бросил красную девицу,
 Волге-матушке ею поклонился.¹

После известной песни «Из-за острова на стрежень», написанной Д. Н. Садовниковым в 1883 г. и получившей с начала 90-х годов широчайшую популярность, эпизод с «персидской княжной» стал общеизвестным. Однако во времена Пушкина он таким отнюдь еще не был. В народных песнях о Разине он и вовсе не обнаружен. Но если не песни, то рассказы,

¹ А. С. Пушкин. Песни о Стеньке Разине. Соч., т. II, стр. 335.

предания этого рода бытовали и в устной народной традиции. Так, Н. Костомаров, автор известной исторической монографии «Бунт Стеньки Разина» передавая эпизод потопления персиянки со слов Иоганна Стрюйса, который был свидетелем взятия Разиным Астрахани и, как очевидец, рассказывает о потоплении красавицы персиянки, добавляет: «достойно замечания, что история несчастной пленницы... сохранилась до сих пор в темных сказочных преданиях». Действительно, этнографом-собирателем П. И. Якушкиным, родственником декабриста И. Д. Якушкина, был записан, правда значительно позднее, со слов донских казаков, подробный рассказ о потоплении Разиным «дочки султана персидского».

Запись эта, можно думать, и послужила Садовникову непосредственным источником его песни. Мы знаем, что Пушкин, как и один из его ближайших друзей периода южной ссылки, Николай Раевский, издавна интересовался личностью Разина. Поэтому нет ничего невероятного в том, что рассказ, подобный записанному Якушкиным, поэт мог сам услышать от донских же казаков во время своего путешествия с Раевским по югу России. Вместе с тем Пушкину был, вероятно, известен и рассказ Стрюйса. Позднее Пушкин, несомненно, интересовался Стрюйсом и, надо полагать, даже штудировал его: в библиотеке Пушкина имеется описание путешествия Стрюйса в Россию во французском переводе, но в издании 1827 г., следовательно, попавшем в руки поэта уже после написания им «Песен о Стеньке Разине». Однако рассказ Стрюйса о Разине и до этого публиковался в русской печати. В середине 1824 г., т. е. сравнительно незадолго до создания Пушкиным его песни, он был опубликован декабристом А. О. Корниловичем в журнале «Северный архив» 1824 г. (ч. 10-я, цензурное разрешение 1 апреля). Именно эта-то публикация, конечно известная Пушкину, внимательно следившему в годы своей ссылки за всеми столичными журналами, и явилась для поэта своего рода историческим источником. Вот как опубликован рассказ Стрюйса Корниловичем:

«В другой раз мы видели его (Разина.— Д. Б.) на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотою, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядывая на реку, вдруг вскрикнул: «О Волга славная! ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву». С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорилась буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем Стенька приходил в подобное исступление, только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние».

При сопоставлении стихов Пушкина и публикации «Северного архива» сразу же видно, с какой творческой свободой подошел Пушкин к рассказу Стрюйса. Прежде всего с исключительным художественным тактом и мастерством он перенес эпизод с потоплением персиянки в мир народного творчества, превратил довольно сухое историческое свидетельство заезжего путешественника-очевидца в высокопоэтическую народную песню.

В самом деле, со стороны лексики, образности, общего своего величаво-эпического тона песня Пушкина находится в органической и теснейшей связи с духом и формами народного творчества вообще, а в частности и непосредственно с песенным разинским фольклором. Несомненно, связана она и с михайловскими записями Пушкиным песен Арины Родионовны о Разине и его сыне.

Так, сразу же бросается в глаза сходство зачинов первой же песни разинского цикла Пушкина и второй песни Арины Родионовны.

У Пушкина:

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин...

В песне Арины Родионовны:

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
В лодочке гребцов ровно двести молодцов.
Посреди лодки хозяин Стенька Разин атаман.

Пушкинский эпитет «гребцы удалые» настойчиво встречаем и в первой песне Арины Родионовны о сыне Разина: «Вы сходите — приведите удалого молодца», «Приводили удалого к губернатору на двор», «Рассердился губернатор на удалого молодца».

В то же время надо сказать, что образы реки или моря и плывущей по ним лодки (или струга) с Разиным и его товарищами являются не только своего рода общим местом, но и отличительной приметой именно разинского песенного фольклора. В рассказе Стрюйса лодка не плывет по реке, а стоит на причале у Астрахани. Столь же обычен для разинского фольклора и эпитет «у д а л ы й молодец», вообще, как известно, являющийся одним из постоянных эпитетов русского народного творчества, но в песнях о Разине приобретающий свое особое значение. Выражение «молодец удалой» встречаем и в третьей песне Пушкина о Разине. Помимо того, весьма близок зачин той же первой пушкинской песни о Разине очень известной народной песне «Что пониже было города Саратова»:

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала, пролежала мать Камышенка река...
 Она устьием впадала в Волгу матушку реку;
 Что по той ли быстрине, по Камышинке реке
 Как плывут тут выплывают два снарядные стружка...
 На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все донские казаки...

Песня эта вошла в состав широко популярного в то время чулковского песенника и была, вероятно, уже тогда хорошо известна Пушкину. Позднее он включил ее в число одиннадцати народных русских песен, совсем незадолго перед смертью (в 1836 г.) переведенных им прозой на французский язык по просьбе писателя Лёве-Веймара.

Выражение «матушка Волга» («глядит на матушку на Волгу») издавна приобрело в народно-песенном творчестве характер постоянного словосочетания, неразделимой словесной спайки. Достаточно напомнить хотя бы знаменитую песню «Вниз по матушке по Волге», также входившую в состав чулковского песенника (в нем находим и еще две схожие в этом отношении песни: «Ах ты Волга, Волга матушка» и «Ах ты Волга, ты Волга, Волга матушка река»). Пушкин эту песню, конечно, прекрасно знал. Кстати, строка его первой песни о Разине: «На корме сидит сам хозяин» прямо повторяет строку из «Вниз по матушке по Волге»: «На корме сидит хозяин». Из этой же песни, видимо, взято Пушкиным и выражение «волновая погода» («в волновую погоду выносила»): «Разыгралася погода, погодушка верховая, погодушка волновая».

В одной из народных песен о Разине «Как по морю, морю синему» на легкой лодочке, на которой плывет атаман, находится, как в первой песне Пушкина, и «красна девица». Песня эта представляет для нас особый интерес потому, что как раз один из вариантов ее, несомненно, лег в основу планов и заготовок южной пушкинской поэмы о разбойниках. Один из дошедших до нас черновых набросков поэмы представляет, как это очевидно из планов, переложение этой песни в строки пушкинской поэмы:

На Волге, в темноте ночной
 Ветрило бледное белеет,
 Бразда сверкает за кормой,
 Попутный ветер тихо веет,
 Недвижны веслы, руль заснул,
 Плывут ребята удалые —
 И стоя . . . . . Есаул
 . . . . . песню . . . . .¹

Если сопоставить этот набросок, сделанный поэтом в 1821—1822 гг., т. е. в самый разгар его романтизма, с указанной народной песней, с одной стороны, и с началом его первой песни о Разине 1826 г. — с другой,

¹ А. С. Пушкин. Братья-разбойники (из ранних редакций). Соч., т. IV, стр. 499.

особенно наглядным становится, как гигантски вперед по пути к народности шагнул за эти пять лет Пушкин. От фольклора в наброске 1821—1822 гг. сохранилось только одно словосочетание «ребяты удалые». Вся остальная лексика отрывка — обычная лексика пушкинской романтической поэмы, не имеющая никакого отношения к народно-песенному творчеству, как и традиционный стихотворный размер пушкинской поэмы — четырехстопный ямб.

Наоборот, первая песня Пушкина о Разине вся фольклорна. Причем фольклорна она не только по своей поэтике и стилю, но и по всей обрисовке образа народного героя — Разина, по всему своему отношению к нему. Особенно заметно это в даваемой песней мотивировке поступка Разина с прекрасной персиянкой. Даже, несомненно, сочувствовавший Разину Стрюйс был потрясен, по его словам, «бесчеловечностью» этого поступка. Это особенно явственно сквозит не в сглаженной, с рядом характерных, возможно вынужденных цензурой, купюр публикации рассказа Стрюйса в «Северном архиве», а в полном его тексте, где решительно подчеркивается, что Разин потопил персидскую княжну в состоянии полного опьянения, граничащего с умоисступлением. «Только в припадке сумасшествия он мог совершить подобную жестокость: до этого случая он казался более справедливым, нежели бесчеловечным». Но и в публикации «Северного архива» достаточно ясно выдвигается та же причина — опьянение: Разин был «распален вином»; «Стенька приходил в подобное исступление только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти».

Приводя рассказ Стрюйса, Н. Костомаров предполагает возможность и еще одного смягчающего обстоятельства. Разин мог бросить в реку красавицу под влиянием ропота — «укоров и негодования» — со стороны товарищей, которым сам же он запрещал «возиться с бабами». Характерно, что именно мотив ропота против «обабившегося» атамана выдвигается в качестве основной причины поступка Разина и в записи казацких преданий о нем Якушкина: «Облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил!.. Стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки с первого начала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все со своей полюбовницей султанкой возится...» Казаки даже угрожают выбрать себе другого атамана: «Хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди. А мы себе атамана выберем настоящего. Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится».

На этом же мотиве ропота казаков полностью построено и стихотворение-песня Садовникова. В песне Пушкина ничего не говорится о ропоте казаков. Но ни единым словом не упоминается и об опьянении Разина. Атаман не пьян, а всего лишь «грозен» — эпитет, подчеркиваемый характерно фольклорным троекратным повторением:

На корме сидит сам хозяин,
 Сам хозяин грозен Стенька Разин...
 Как промолвил грозен Стенька Разин...
 Как вскочил тут грозен Стенька Разин...

Вообще в песне Пушкина отсутствует прямая мотивировка поступка Разина. Но суровый смысл его проступает вполне отчетливо. Соблазну красоты, любовных усад («не глядит на царевну») противопоставляется верность Разина своей вольнице, свободному содружеству со своими «удальными казаками», символом чего является вскормившая и воспевшая их всех могучая и раздольная Волга-матушка, которой «кланяется» Разин царевной. Любовное влечение к женщине отступает и меркнет здесь перед тем чувством, которое оказывается гораздо сильнее и значительнее.

Но поступок Разина в изображении Пушкина не только исполнен грозно-размашистой удали и ни с чем не сравнимой, хотя и дикой, поэзии. Пушкин очеловечивает образ Разина. В этом отношении замечательно то художественное развитие, которое приобретает в песне Пушкина традиционно-фольклорное выражение «Волга-матушка». Этот весьма выразительный «постоянный» эпитет в обращении пушкинского Разина к Волге, подобного которому не находим ни в рассказе Стрюйса, ни в записи Якушкина, наполняется живым образным содержанием, развертываясь в большую и яркую картину:

Не глядит Стенька Разин на царевну,
 А глядит на матушку на Волгу.
 Как промолвил грозен Стенька Разин:
 «Ой ты гой еси, Волга мать родная!
 С глупых лет меня ты воспоила,
 В долгу ночь баюкала, качала,
 В волновую погоду выносила,
 За меня ли, — молодца, не дремала...

«Воспоила с глупых лет», «баюкала», «качала», «не дремала» и т. д. — за всем этим стоит образ матери над колыбелью сына, представляющий художественное раскрытие, живую реализацию эпитета «матушка». Это как бы подымает поступок Разина с царевной, являвшийся для буржуазных историков наглядным подтверждением его «необузданности и жестокости», на некую особую высоту. Поступок Разина — не проявление необузданной свирепости, а своеобразный отказ от возлюбленной во имя сыновнего долга — сыновний дар вскормившей и воспевшей его родной матери, могучей и богатырской русской реке.

Образ грозного и могучего русского народного удальца Разина, так ярко показанный в первой из пушкинских песен, дорисовывается в двух последующих.

Вторая песня связана с одним из наиболее ярких моментов биографии Разина — взятием им Астрахани. О самом взятии города в песне ничего не говорится, а повествуется о некоем эпизоде, ему предшествовавшем и его по-своему объясняющем.

Алчный астраханский воевода, не довольствуясь богатыми подарками, которыми, по его требованию, наделяет его Стенька Разин, явившийся в город «торговать товаром», хочет снять у него с плеча драгоценную шубу.

Сдержан и немногословен, в противоположность суетливой и жадной скороговорке наглого стяжателя-воеводы, ответ Стеньки Разина:

«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».¹

Но в этих взвешенных и неторопливых словах, которыми и заканчивается песня, явственно слышится закипающая ярость, произносится продуманно-грозный и неотвратимый приговор над бессовестным и корыстным царским воеводой: вскоре, действительно, Астрахань была взята Разиным и воевода убит — сброшен с крепостного раската.

Скупой и грозно-многозначительный финал песни, как бы размыкающий рамки данного произведения, дающий почувствовать неизбежность заслуженного возмездия, в какой-то мере перекликается со знаменитым финалом «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует».

Комментаторы, как мы видели, склонны считать, что и эта песня была подсказана Пушкину книжным источником — восходит к хронографу о Разине. Однако эпизод с шубой также имеется в записи Якушкина. Мало того, заключительные слова Разина: «Возьми себе шубу, да не было б шуму» издавна приобрели характер пословицы. Так что в данном случае имеются серьезные основания предположить, что этот эпизод мог быть слышан Пушкиным от казаков на юге.

Особенно характерно и существенно, что в этом эпизоде вина за жестокую расправу Разина над астраханским воеводой явно возложена на самого же воеводу. Такой же смысл оправдания Разина и осуждения царского воеводы полностью сохранен и в пушкинской песне. И есть свидетельство, что именно это-то и показалось позднее особенно предосудительным «высочайшему цензору» — царю Николаю I. «В „Стеньке Разине“, — записывает А. Н. Вульф со слов Пушкина в своем дневнике, — не прошли стихи, где он говорит воеводе астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: „Возьми с плеч шубу, да чтобы не было шуму“».² Запись эта не вполне точна.

¹ А. С. Пушкин. Песни о Стеньке Разине. Соч., т. II, стр. 336.

² А. Н. Вульф. Дневники. Под ред. П. Е. Щеголева. М., 1929, изд. «Федерация», стр. 136.

Не только эти стихи, но и все «Песни о Стеньке Разине» в целом были признаны царем недопустимыми к печати. Именно в такой общей форме это и было сообщено Пушкину Бенкендорфом. Однако до поэта могли дойти косвенные сведения, дополняющие и уточняющие это общее решение. Наконец, возможно, что Вульф здесь записал весьма правдоподобную и вместе с тем очень выразительную догадку на этот счет самого Пушкина.

В третьей песне образ Разина раскрывается с не меньшей, если не с большей художественной выразительностью. В написанном года за два до того прощальном обращении Пушкина к морю с «могущим, глубоким, мрачным» и «ничем неукротимым» океаном сравнивался «певец» его Байрон. Здесь то же самое, но гораздо образно-нагляднее сделано по отношению к Разину, душа которого настроена в лад с «буйной» и «разгульной» морской «погодушкой»:

Что не конский топ, не людская молвь,
 Не труба трубача с поля слышится,
 А погодушка свищет, гудит,
 Свищет, гудит, заливаясь.
 Зазывает меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по синему:
 «Молодец удалой, ты разбойник лихой,
 Ты разбойник лихой, ты разгульный буйан,
 Ты садись на лады свои скорые,
 Распусти паруса полотняные,
 Побегии по морю, по синему...¹

Как первые две песни, и эта последняя не является литературной обработкой какой-либо определенной народной песни. Но она не менее фольклорна.

Мы указывали, что в первой песне о Разине имеется ряд слов, выражений, образов, которые прямо перенесены в нее из разинского фольклора. Подобные же примеры можно привести и из второй и из третьей песни. Обычно, например, в разинском песенном фольклоре выражение: «думу думати» (см. вторую песню Пушкина о Разине) или: «погулять по морю по синему» (третья песня). То же — в одной из песен о Разине («У нас то было, братцы, на тихом Дону»), также вошедшей в состав чулковского песенника и равным образом переведенной Пушкиным для Лёве-Веймара: «Поедем мы, братцы, на сине-море гулять» — похоже в записи одного из преданий о Разине: «вздумал выехать на берег Волги разгуляться».

Это отнюдь не значит, что пушкинские песни являются своего рода мозаикой лексических и стиливых элементов, заимствованных из фольклора о Разине. Но, думается, можно смело сказать, что в песнях Пушкина нет ни одного слова, ни одного образа, ни одного эпитета, который бы выпадал из стиля и тона русского народного творчества в целом, включая

¹ А. С. Пушкин. Песни о Стеньке Разине. Соч., т. II, стр. 336—337.

сюда не только песни о Разине и вообще исторические песни, но и былины, и весь песенный фольклор. Причем и не совпадающие собственно с песнями о Разине места входят не менее органично в общую художественно-словесную ткань пушкинских песен, чем то, что в них с разинским фольклором прямо совпадает. Как глубоко органично и в контексте и в общей тональности всей первой песни звучит, например, обращение Разина к Волге: «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!» или эпитет «с глупых лет» в значении — с младенческих лет, или концовка: «Волге-матушке ею (персидской царевной) поклонился». Кстати, в уже известном нам предании о Разине, записанном П. И. Якушкиным, в котором содержится и эпизод с потоплением персиянки, встречаем подобное выражение, вложенное в уста Разина: «Кланяюсь этими городами».

Сопоставление пушкинских песен о Разине и разинского фольклора убеждает, что поэт, создавая свои песни, проявлял полную творческую свободу и самостоятельность. Он отнюдь не механически включал в их контекст выражения и образы из разинского фольклора, а подвергал их необходимой, с его точки зрения, художественной переработке.

Так, например, в народных песнях о Разине постоянно подчеркивается его необычно-громкий, исключительно мощный голос, приравниваемый к звуку трубы: «Он выговорил, как в трубу протрубил», «он речь говорит, братцы, как в трубу трубит», «атаман-от говорит, как во трубы трубит», «атаманушка речь возговорит,— как в трубу струбит». Пушкин усваивает этот образ, но применяет его в третьей песне о Разине не к нему самому а к разбушевавшемуся морю:

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается...

Причем опять-таки соответственно измененный элемент разинского фольклора вводится Пушкиным в общефольклорный контекст. Так, выражения «конский топ» и «людская молвь» заимствованы им из русских сказок. Интересно, что он вводит те же выражения и в пятую главу своего «романа в стихах» (описание сна Татьяны), написанную, как мы знаем, в том же Михайловском и в том же 1826 г., что и песни о Разине: «Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, людская молвь и конский топ!» В последующих изданиях Пушкин дает к этому месту и специальное примечание: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» («Сказка о Бове Королевиче»). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*:

Он шип пустил по змеиному
(Древние русские стихотворения)

ДОМ № 4 В КРИВОКОЛЕННОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ. В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛ ПОЭТ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ, У КОТОРОГО 12 ОКТЯБРЯ 1826 г. А. С. ПУШКИН ЧИТАЛ СВОИМ ДРУЗЬЯМ ТРАГЕДИЮ „ВОРИС ГОДУНОВ“.

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.¹

Понятно, что еще естественнее и органичнее эти «коренные русские» слова входят и в лексическую ткань замечательных песен о народном герое Степане Разине.

В первой песне о Разине Пушкин придает его лодке эпитет «востроносая». Ни в одной из народных песен разинского цикла этот эпитет не падается; в них фигурируют чаще всего «легкая», иногда «быстрая», лодка. Пушкин передает своим эпитетом эту легкость, быстроту с гораздо большей непосредственной изобразительностью, картинностью. И в то же время этот эпитет, несомненно, выдержан им в народном духе: даже не «остроносая», а «востроносая». При чтении Пушкиным своих песен о Разине в доме Веневитиновых этот эпитет, видимо, особенно врезался в память слушателей.

Вспомним рассказ Погодина: «Он начал нам, поддавая жару, читать

¹ А. С. Пушкин. Примечания к «Евгению Онегину». Соч., т. V, стр. 195.

песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на Волге на востроносой своей лодке».¹

Мы уже указывали и на то замечательное поэтическое развитие, которое Пушкин сообщает постоянному и в сущности достаточно стершемуся словосочетанию — «Волга-матушка».

Не менее выразителен, чем стиль «Песен о Стеньке Разине», их стих, стихотворный размер. Мы знаем, что еще в самом начале своей литературной деятельности, в лицее, в 1815 г. Пушкин уже задумал писать русским народным размером свою поэму о Бове. Однако, видимо, тогда ему был еще неизвестен или, во всяком случае, мало известен «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова, в котором впервые дано было правильное определение тонической природы русского народного стиха («Опыт» был опубликован в 1812 г. в журнале «Санктпетербургский вестник» и только через два года после пушкинского «Бовы», в 1817 г., вышел в дополненном виде отдельным изданием). Подобно большинству современников, Пушкин поверил, как мы знаем, на-слово Карамзину, утверждавшему, что наиболее типичным народным размером является размер, которым он написал свою «богатырскую сказку» «Илья Муромец» («почти все наши старинные песни сочинены такими стихами»). Именно этот-то размер и взял Пушкин для своего «Бовы». На самом деле, хотя среди народных русских песен и можно найти такие, которые сложены размером «Ильи Муромца», размер этот ни в какой мере не является характерным для народного творчества и, наоборот, наиболее близок к привычным в литературе того времени метрическим нормам. Именно потому, конечно, и взял его Карамзин. Народность стиха карамзинского «Ильи Муромца» была такой же народностью от «пичужечки», как и все остальные элементы его «богатырской сказки».

Пушкин, конечно, и сам скоро понял это. В последующие годы он, безусловно, немало думал о русском народном стихосложении, внимательно читал сборник «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова, несомненно, штудировал «Опыт» Востокова, недаром отозвавшись о нем позднее в «Путешествии из Москвы в Петербург» с такой большой похвалой («Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большой ученостию и смелливостию...»²). Делал Пушкин и некоторые новые попытки писать народным стихом. Таков, например, один из набросков его поэмы о Вадиме. Но ни одна из них не была осуществлена.

Несомненным толчком к новым попыткам в этом роде, стоявшим в теснейшей связи с тем стремлением к народности, которое вообще так усилилось у Пушкина в михайловский период, послужили сделанные им записи песен Арины Родионовны. Именно в эту пору создается им песня крепостных девушек для третьей главы «Евгения Онегина». Две песни о Разине

¹ М. П. Погодин. Из воспоминаний о Пушкине. «Русский архив», 1865, стр. 97.

² А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 299.

и его сыне, записанные со слов Арины Родионовны, были для Пушкина непосредственным образцом и для стиховой формы его разинских песен. Однако и здесь Пушкин подошел к своему образцу отнюдь не в порядке механического копирования, а с полной творческой свободой. Тонический принцип, лежащий в основе народного стихосложения, отсутствие, как правило, рифмы при наличии подчас созвучных окончаний (в первой песне: удалые — молодые; хозяин — Разин; во второй: новы — боброва, думу — шубу — шуму и т. п.), — все это было полностью воспринято Пушкиным. Тем не менее на этой основе Пушкин дал свои метрические узоры, используя для этого весь теоретический и практический опыт, накопленный к тому времени в литературе. Как указывает С. М. Бонди в своей работе, специально посвященной народному стиху Пушкина, размер первой песни о Разине, особенно интересный в том отношении, что таким же размером позднее Пушкин будет писать «Песни западных славян» и «Сказку о рыбаке и рыбке», сходен с той схемой русского народного размера, которая дана Востоковым в его «Опыте». В какой-то мере родственен он и размеру переводов Востоковым сербских песен, которые начали с 1825 г. печататься в «Северных цветах». Вторая песня Пушкина о Разине метрически связана с некоторыми образцами песен, имеющих в сборнике Кирши Данилова, и только третья песня близко подходит по своему размеру к песням о Разине Арины Родионовны, однако и она полностью с ними не совпадает.

Попытки писать в манере русских народных песен неоднократно делались в нашей допушкинской поэзии, начиная еще с Сумарокова, но в лучшем случае это были или более или (что гораздо чаще) менее удачные стилизации. Даже на замечательной в своем роде песне дворовых девушек в третьей главе «Евгения Онегина» все же ощутим, пусть почти неуловимый, отпечаток некоторой литературности.

Песни Пушкина о Разине — первые произведения не только в творчестве Пушкина, но и вообще во всей новой русской художественной литературе, в которых народности содержания соответствует абсолютно тождественная — народная — художественная форма. И своим явно сочувственным отношением к личности Разина, и своим величаво-эпическим тоном, особенно ярко выступающим на фоне глубокого драматизма содержания, и своим метрическим строем, лексикой, фразеологией, образностью, всей своей поразительной, в своем роде единственной и вместе с тем высокопоэтической простотой пушкинские песни о Разине полностью сливаются с миром народной песни (в этом отношении указанная выше ошибка Н. Л. Бродского вполне понятна), отличаясь только еще большим художественным совершенством — неизгладимой печатью пушкинской гениальности. О песнях о Разине — одной из несомненных вершин в овладении Пушкиным духом, средствами и приемами народного творчества — можно сказать, слегка перефразируя слова Пушкина же о Крылове, что они самое народное во всех отношениях из всего, что было до той поры

создано не только в допушкинской нашей книжной литературе, но и самим Пушкиным. Пушкинские песни о Разине и глубоко национальны, и органически слиты с художественной мыслью и чувством широких народных масс. Недаром в центре их стоит образ подлинно народного героя, проникнутого жаждой воли, духом мятежа, борьбы с исконными народными угнетателями. Разин дан Пушкиным с неприкрытой симпатией в качестве «единственного поэтического лица в русской истории».¹ Это, естественно, придавало «Песням о Стеньке Разине» характер явной и резкой политической неблагонамеренности. Поэтому неудивительно, что когда Пушкин после своего возвращения из ссылки с некоторой наивностью представил их на царскую цензуру, они не только были запрещены, но и запрещение это было сопровождено недвусмысленным выговором поэту, осмелившемуся взяться за такую непозволительную тему. «Песни о Стеньке Разине, — писал Пушкину Бенкендорф, «изъясная» «заклЮчение» самого царя, — при всем поэтическом своем достоинстве (как видим, оно дошло до сознания даже Бенкендорфа и Николая I. — Д. Б.), по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». В печати «Песни о Стеньке Разине» смогли появиться только спустя пятьдесят лет, в 1881 г. (были опубликованы по копиям, сделанным М. П. Погодиным; авторская рукопись «Песен» до нас не дошла; возможно, она была уничтожена). Авторы «заклЮчения», сами того не зная, попадали не в бровь, а прямо в глаз. Ведь мы-то по письмам Пушкина к друзьям знаем, что интерес к Разину шел у него как раз параллельно и одновременно с интересом к Пугачеву. Самое усиление этого интереса именно в михайловский период, в свою очередь, в высшей степени знаменательно с точки зрения общей идейно-политической эволюции Пушкина. Начав все сильнее сомневаться в эту пору в возможности успеха движения передовых дворянских революционеров, оторванных от народа, Пушкин, внимание которого к проявлениям стихийного народного протеста возникало уже и ранее (вспомним замысел его разбойничьей поэмы), не случайно вплотную занимается теперь личностью и деятельностью вождей народных восстаний. Особенно знаменательным становится это, если, — как мне представляется почти бесспорным, — «Песни о Стеньке Разине» написаны Пушкиным в конце лета 1826 г. Восстание дворянских революционеров, «страшно далеких от народа», кончилось предвиденным Пушкиным крушением — и вот поэт снова обращается, причем на этот раз творчески плодотворно, — к разинской теме, дает впервые в русской литературе великолепное художественное воплощение грозному и бурно-мятежному образу излюбленного народом героя.

«Песни о Стеньке Разине» составляют весьма важный этап и во всем творческом развитии Пушкина, не только параллельный, но по-своему и аналогичный этапу «Евгения Онегина». Подобно тому как от «Кавказского

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X. Письмо Л. С. Пушкину, стр. 108.

пленника» — первой и еще мало удачной попытки дать обобщенный образ молодого человека начала XIX столетия, передового дворянского интеллигента — идет Пушкин к замечательным художественным обобщениям русской жизни в «Евгении Онегине», так от «Братьев Разбойников», где «разбойничья» и даже прямо едва ли не разинская (планы и наброски поэмы) тема разрабатывалась еще в весьма далеком от действительности, отвлеченно-романтическом духе, восходит он к своим песням о Разине, также исполненным и особого героического реализма, и подлинной народности.

В свою очередь, от песен о Разине — прямая линия к разработке Пушкиным пугачевской темы, которая займет, несмотря на весьма недвусмысленное, как мы видели, предупреждение поэта царем и Бенкендорфом, столь видное место в его творчестве тридцатых годов.

Нечего говорить, что этот повышенный и все усиливающийся и углубляющийся в Пушкине интерес к вождям крестьянских восстаний, интерес к тому же, независимо от трактовки самих восстаний, явно сочувственный (Разин — «единственное поэтическое лицо русской истории»,¹ Пугачев в «Капитанской дочке» обрисован многими, несомненно, положительными чертами), сам по себе в высшей степени знаменателен. И здесь, как и во многом другом, Пушкин, говоря словами Герцена, подает голос отдаленному будущему — перекликается с нашей современностью.

В элегии «Под небом голубым» тяжелые переживания Пушкина, вызванные известием о казни декабристов, непосредственно не даны, а вынесены как бы за скобки стихотворения. В небольшом стихотворном наброске, обращенном к П. А. Вяземскому, «Так море, древний душегубец», они прямо введены в самый текст стихов. Из Ревеля, где Вяземский в ту пору находился, он прислал Пушкину чрезвычайно большое (около ста строк) стихотворение «Море». В сопроводительном письме (от 31 июля 1826 г.) он писал: «Ты скажешь, qu'il faut avoir le diable au corps pour faire des vers par le temps qui court. Это и правда. Но я пою или визжу стгоряча, потому что на сердце тоска и смерть, частное и общее горе».² Потерявший незадолго до того сына, Вяземский очень тяжело переживал казнь декабристов. Намеки на это рассеяны по всему его стихотворению. К воспеванию красот моря, на «девственной лазури» которого «не дымится кровь братьев», он прибегает для того, чтобы забыть «от существенности лютой» «в песнях и мечтах», где «еще живы мертвецы».³

На это весьма растянутое и многословное и вместе с тем расплывчатое стихотворение (недаром сестра Пушкина, через которую Вяземский и переслал ему свои стихи, назвала их «тарабарщиной» и призналась,

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X. Письмо Л. С. Пушкину, стр. 108.

² А. С. Пушкин. Переписка. Под ред. В. И. Сайтова, т. I, 1916, СПб., стр. 361—362.

³ П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. М.—Л., изд. «Academia», 1935, стр. 175.

что не смогла одолеть больше первых четырех строф) и дает Пушкин, который сам еще так недавно славил море в прощальном обращении к нему, мрачно-лаконичный и вместе с тем вполне недву­смысленный ответ:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.¹

Тут же Пушкин раскрывает и смысл своих стихов (кстати, письмо к Вяземскому, датированное 14 августа, — вообще первое письмо, написанное Пушкиным после получения им известия о казни декабристов. До этого в течение двадцати с лишним дней поэт никому и ничего не писал — явно рука не поднималась). «Сердечно благодарю тебя за стихи, — пишет он Вяземскому. — Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое!»² Около этого времени распространились слухи, дошедшие и до Пушкина, что давнего вдохновителя его послепелицеских «вольных стихов» Н. И. Тургенева, который был заочно (он находился в эту пору в Англии) приговорен по делу декабристов к смертной казни, замененной ему царем вечной каторгой, выдали русскому правительству. Это-то и послужило непосредственным поводом к стихотворному отклику Пушкина. Но, как легко видеть, восьмистишие Пушкина отражает и общее крайне тяжелое его душевное состояние этого периода.

В эпилоге «Цыган» Пушкин писал:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.³

В строках стихотворения «К морю», написанных примерно тогда же, Пушкин снова повторял этот же мотив, придав ему, однако, некоторую более отчетливо выраженную общественно-политическую формулировку:

Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещение, иль тиран.⁴

Скованной «берегами» судьбе людей Пушкин романтически противопоставлял здесь морскую «свободную стихию».

¹ А. С. Пушкин. К Вяземскому. Соч., т. II, стр. 333.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 211.

³ А. С. Пушкин. Соч., т. IV, стр. 234.

⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. II, стр. 197.

Теперь, под влиянием декабрьской катастрофы, он приходит к горестно-трагическому выводу, что в общественно-исторических рамках его времени условий для подлинно человеческого существования нет человеку нигде:

На всех стихиях человек —
Тиранин, предатель или узник.¹

Строки эти принадлежат к числу наиболее пессимистических и безнадежных строк во всем творчестве Пушкина.

Как мы только что видели из письма к Вяземскому, Пушкин приветствует его «порыв» из столь мрачной и возмущающей душу «вещественности». Однако уход в традиционно-лирические «песни и мечты» для самого Пушкина в эту пору немислим. Наоборот, в своих стихах этого времени он решительно отходит от личной лирики. Стихотворением «Под небом голубым» им, в сущности, подсекается под самый корень традиционная любовно-элегическая тема. В стихотворном ответе Вяземскому уже совсем открыто отводится им другая, не менее каноническая тема — любование красотами природы. Совершенно в унисон с этим, в особенности в устах Пушкина, столь много внимания всегда уделявшего литературе, в частности, столь живо и активно откликнувшегося на новые стихи друзей, звучат его слова Вяземскому: «Критику отложим до другого раза».

Зато тягчайшие переживания Пушкина этой поры находят свое выражение и исход в лирическом произведении совсем другого рода, не отводящем поэта от «вещественности», а, наоборот, толкающем его в самую ее гущу. Примерно в ту же пору, что и ответ Вяземскому, и во всяком случае до приезда в Москву, Пушкиным создается его «Пророк».

Несмотря на то, что «Пророк», в противоположность «Песням о Стеньке Разине», породил о себе большую критическую и исследовательскую литературу, это изумительное произведение Пушкина и по сию пору не может считаться окончательно разъясненным.

В своих истолкованиях и оценках «Пророка» многие авторы пошли по ложному, компаративистскому пути, пытаясь непосредственно связать его не только с Библией, но даже с Кораном! Стихотворение Пушкина, действительно, несколько напоминает шестую главу из книги пророка Исаии, ни в какой мере не являясь, однако, ее переложением. Вместе с тем Пушкин с удивительным, в высшей степени присущим ему мастерством не стилизации, а подлинного и глубокого проникновения, передал библейский стилизованный колорит и даже самый склад библейской речи.

Этот слишком очевидный библейский колорит пушкинского «Пророка», видимо, дезориентировал даже Белинского. «Пророк» при первом ознакомлении с ним Белинского, несомненно, произвел на него весьма сильное впечатление: он вписал его в свою студенческую тетрадь. Но в своих позднейших знаменитых статьях о Пушкине критик ограничился только

¹ А. С. Пушкин. К Вяземскому. Соч., т. II, стр. 333.

беглым о нем упоминанием. Правда, Белинский относит «Пророка» к величайшим произведениям пушкинского «гения-протейя», но не усматривает никакой разницы между ним и такими стихотворениями, как «В крови горит огонь желанья» или «Вертоград моей сестры». И то и другое — всего лишь «представляют красоты восточной поэзии». Идейного же смысла «Пророка» Белинский и вовсе не касается.

Пытаясь раскрыть этот смысл, некоторые из последующих критиков и исследователей пришли в общем к правильному выводу, что в лице пушкинского пророка дан некий высокий образ вдохновенного истинного поэта.

Отмечу, кстати, что синонимическое употребление слова «пророк» в значении «поэт» как раз в ту пору было в ходу и у Пушкина и среди его друзей: «...муз возвышенный пророк», — пишет Пушкин о Дельвиге в своем первом послании к Языкову из Михайловского в 1824 г.¹ Языков «пророком изящного» называет самого Пушкина в послании к нему, написанном вскоре после возвращения из Тригорского. Вспоминая в другом своем стихотворении этого же времени «Тригорское», как известно, особенно полюбившемся Пушкину, свои недавние с ним беседы, Языков восклицает:

Что восхитительнее, краше
Свободных дружеских бесед,
Когда за пенистой чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства!
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!²

О своем поэтическом даре как о даре «пророчесственном» неоднократно говорит Языков и позднее (см., напр., его послания к А. М. Языкову 1827 г. — «Теперь, когда пророчесственный дар...» и 1828 г. «Ты прав, мой брат, давно пора...»)³ Особенно заметна прямая переключка с пушкинским «Пророком» в стихотворении Языкова 1831 г. «Поэту»:

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар,

¹ А. С. Пушкин. К Языкову. Соч., т. II, стр. 187.

² Н. М. Языков. Поля. собр. стихотворений, М. — Л., изд. «Academia», 1934, стр. 270.

³ Там же, стр. 298, 306.

Могучей мысли свет и жар
 И о г н е д ы ш у щ е е слово:
 . . . . .
 Иди ты в мир: да слышит он пророка...¹

Это настойчивое сопоставление Языковым поэта и пророка, встречающееся в его стихах, написанных после летних месяцев 1826 г. — поры пребывания его в Тригорском, — думается, не случайно, а отражает в какой-то мере круг мыслей, которыми обменивались в это время Языков и Пушкин.

Подчеркивалась критиками и автобиографичность для Пушкина образа пророка-поэта его стихотворения.

Однако идейное значение этого образа истолковывалось если и не прямо в реакционном (были и такие интерпретации), то в весьма отвлеченном, либерально-идеалистическом духе. Весьма характерно, например, в этом отношении высказывание проф. Н. Ф. Сумцова, который считал, что в «Пророке», как и в ряде других стихотворений Пушкина, изображена «Победа Ормузда добра, истины и поэзии над Ариманом зла, житейской суеты и пошлости».²

Однако на самом деле, пушкинский «Пророк», несомненно, имеет гораздо более конкретный смысл и весьма непосредственно связан с событиями самой жгучей пушкинской современности.

Авторская рукопись пушкинского «Пророка», как и авторская рукопись «Песен о Стеньке Разине», до нас не дошла, и мы знаем его текст только по первой публикации в «Московском вестнике» в 1828 г. Между тем имеются весьма веские основания считать, что первоначальный текст 1826 г. отличался — и притом очень существенно — от текста позднейшей публикации.

Прежде всего, подготавливая план нового издания своих стихов, вышедшего в 1829 г., Пушкин в перечне-оглавлении дал иное чтение первой строки «Пророка»: «Великой скорбью томим». Нельзя сразу же не признать, что чтение это гораздо более отвечает душевному состоянию поэта в ту пору, когда им был написан «Пророк», чем привычное каноническое. Поэтому закономерно предположить, что именно так в одном из первоначальных вариантов «Пророк» и мог начинаться. Мало того, как раз такое начало полностью соответствовало бы тому первоначальному же концу «Пророка», память о котором твердо сохранил ряд многих и многих современников — друзей и близких знакомых Пушкина.

Так, в биографическом очерке о Пушкине, составленном под редакцией П. А. Ефремова и опубликованном в «Русской старине» в 1880 г., впервые был приведен со слов одного из ближайших московских приятелей Пушкина С. А. Соболевского такой «первоначальный, впоследствии

¹ Н. М. Языков. Полн. собр. стихотворений, М.—Л., «Academia», стр. 394 (разрядка моя.— Д. Б.).

² А. С. Пушкин. Соч., изд. Академии Наук, 1916, Примечания, стр. 367.

измененный» текст последних четырех стихов «Пророка» (Соболевский и прямо называл его «стихотворением на 14 декабря»):

Восстань, восстань, пророк России!
Позорной ризой облекись,
Иди — и с вервием на выи

и пр.

Совершенно очевидно, что последняя строка не была приведена здесь не потому, что она совпадала с известным текстом (ведь рифма тут другая), а из-за ее нецензурности в политическом отношении.

Действительно, месяц спустя в той же «Русской старине» появилась заметка А. П. Пятковского, в которой он приводит, со слов брата ближайшего сотрудника «Московского вестника», поэта Дмитрия Веневитинова, А. В. Веневитинова, более полный текст той же последней строфы:

Восстань, восстань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вокруг смиренной выи
К царю... явись.

Точки и здесь обозначают, несомненно, политически нецензурное слово, может быть «душителю» или «губителю», или что-нибудь в этом роде.

Итак, первоначально «Пророк», если верить рассказам Соболевского и Веневитинова, был не просто гениальным стихотворением на весьма важную и значительную, но несколько отвлеченную тему о поэте и его назначении, а имел острейший политический смысл, непосредственно связанный со столь потрясшей Пушкина царской расправой над декабристами. Неудивительно, что те многие и многие дореволюционные критики и литературоведы, которые всячески стремились вытравить из творчества Пушкина живое политическое содержание, оторвать его от реально-исторической почвы, вознеся в отвлеченные сферы борьбы мирового добра и зла, «Ормузда и Аримана», попытались решительно пресечь возможность такой интерпретации. Тот же Н. Ф. Сумцов, не отрицая принадлежности Пушкину этих четырех стихов, в то же время столь же категорически, сколь и голословно, считал их не имеющими никакого отношения к «Пророку», ибо де Пушкин, при его уме, не мог допустить такого нелепого (!) окончания в «Пророке». Реакционные же критики, вроде Черняева, и вовсе отказывались признать авторство Пушкина в отношении этого, по выражению редактора старого академического издания, «в техническом отношении совершенно плохого» четверостишия.

Между тем уже в советское время стало известно новое подтверждение свидетельств Соболевского и А. В. Веневитинова, пожалуй, особенно веское и авторитетное, поскольку оно исходит от самого редактора «Московского вестника», где, как уже указывалось, и был позднее впервые опубликован «Пророк». Среди записей первого биографа Пушкина П. И. Бартенева, неутомимо собиравшего все, что сохранилось о поэте в

лично знавших его современников, было обнаружено все то же, уже хорошо известное нам четверостишие:

Встань, встань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди и с вервием вокруг шеи
К У. Г. явись.

В примечании Бартенев указывает, что это четверостишие, и именно как окончание «Пророка», он услышал от Погодина и что «то же сообщил ему» также весьма близкий в ту пору к кругам «Московского вестника» Хомяков.

Много позже сам Хомяков писал И. С. Аксакову, как о чем-то общеизвестном в их кругу: «Пророк», — бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии, — получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда).¹

Текст последних четырех строк «Пророка», записанный П. И. Бартеневым, как видим, несколько отличается от прежних его публикаций, что и неудивительно, поскольку он нигде и никем, ввиду крайней его политической предосудительности, не был, очевидно, записан, а хранился только в памяти разных лиц, которая, естественно, могла и изменять. В частности, в записи Бартенева вместо слова «выи» стоит нерифмующееся «шей», но рядом рукой Соболевского (по предположению М. А. Цявловского) приписано в скобках и со знаком вопроса слово «выи». Поэтому можно думать, что ни одна из указанных записей не отражает с абсолютной точностью авторского текста, и во всяком случае можно колебаться в окончательном его выборе. Но следует вместе с тем признать, что независимо от этих мелких текстовых отличий общий смысл четверостишия полностью совпадает. М. А. Цявловский предлагает и чтение двух обозначенных только начальными буквами слов, как «убийце гнусному» — так называет здесь Пушкин все того же «душителя» или «губителя» — царя. Расшифровка весьма вероятная. Вспомним, кстати, что именно тот же эпитет «гнусный» Пушкин только что перед этим употребил в стихах к Вяземскому — «В наш гнусный век...»

Политическая нецензурность первоначального текста «Пророка» подтверждается и ближайшим московским другом Пушкина, П. В. Нащокиным, рассказ которого об этом был записан тем же Бартеневым. Косвенно это же подтверждается свидетельством и еще одного ближайшего участника кружка, группировавшегося вокруг Пушкина по приезду его в Москву в 1826 г., С. П. Шевырева.

Однако и М. А. Цявловский, который подробно изучил всю историю с опубликованием политически нецензурного четверостишия и правильно считает, что в достоверности показаний шести столь близких в этот период

¹ А. С. Хомяков: Соч., т. VIII, 1904, стр. 366.

к Пушкину лиц сомневаться не приходится и что подобное четверостишие было действительно Пушкиным написано, — оставляет открытым вопрос о том, какое отношение имеет четверостишие «Восстань» к стихотворению «Пророк».

Позднее, в 1936 г., М. А. Цявловский опубликовал письмо М. П. Погодина к П. А. Вяземскому, написанное вскоре после смерти Пушкина, в котором Погодин, между прочим, пишет: «Пророк» он написал, ехавши в Москву в 1826 году. Должны быть четыре стихотворения, первое только напечатано («Духовной жаждою томим»)¹. Это свидетельство Погодина было охотно принято новейшими комментаторами «Пророка». В соответствии с этим в вышедшем третьем томе нового академического издания Пушкина и сам М. А. Цявловский, в качестве редактора тома, дает политически-нецензурное четверостишие не среди «других редакций и вариантов» к «Пророку», а в разделе «Отрывков», т. е. как некий самостоятельный опус — часть утраченного стихотворения.

Показание Погодина о четырех стихотворениях, входивших в цикл «Пророка», несомненно, интересно и как-то должно быть учтено, тем более что оно было сделано, так сказать, по горячим следам, вскоре после смерти Пушкина. Но в то же время, в противоположность сообщениям о четверостишии «Восстань», оно совершенно одиноко и не подтверждается никем из современников. Между тем, мало вероятно, если бы действительно существовали целых четыре стихотворения, объединенные темой пророка, что никто из друзей Пушкина, кроме Погодина, об этом бы не знал, а если знал, то никак и никогда не упомянул бы о них. Но пусть даже Погодин прав, и целый цикл стихов о пророке Пушкиным действительно был написан. Главное в данном случае не в этом. Ведь и Соболевский, и А. В. Веневитинов, и Хомяков, наконец, — и это главное — сам же Погодин единогласно указывают, что четверостишие «Восстань» является не чем иным, как окончанием о б щ е и з в е с т н о г о «Пророка». Помимо того возникает естественный вопрос, почему Пушкин, если уже в 1826 г. у него имелся тот текст «Пророка», который он опубликовал только в начале 1828 г., так долго, в течение почти целых двух лет, не отдавал его в печать? Мало того, если бы он сам, по малопонятным причинам, и не торопился с этим, редакция того же «Московского вестника», который начал выходить уже с 1827 г., и в первую очередь сам же его редактор, Погодин, конечно, выпросили бы его для журнала. Надо думать, что это произошло потому, что текста стихотворения, как оно было опубликовано в 1828 г., у Пушкина еще не было. Тот же текст, который имелся, содержал в себе, в соответствии с согласными свидетельствами современников, большинство которых принадлежало как раз к ближайшему кругу «Московского вестника», известный нам политически нецензурный конец.

¹ Письмо от 29 марта 1834 г. «Звенья», т. VI, 1936, стр. 153.

Именно потому-то Пушкин не только так долго не печатал своего «Пророка», но и скрывал самое его существование. По возвращении из ссылки поэт, натосковавшийся в своем михайловском одиночестве по широкой и сочувственной аудитории, как известно, очень охотно знакомил друзей и вообще литературные круги со всем, что им было написано за последнее время.

Вспомним хотя бы знаменитое второе чтение «Бориса Годунова» в доме Веневитиновых в присутствии Погодина, когда воодушевившись восторгом слушателей, Пушкин после «Бориса» принялся читать «У лукоморья дуб зеленый» и даже «Песни о Стеньке Разине», стал рассказывать о своих литературных планах и замыслах. Однако даже и в этом тесном дружеском кругу Пушкин не решился прочесть своего «Пророка». И вообще до опубликования «Пророка» в «Московском вестнике» ни у кого из современников нет ни одного упоминания о нем, словно бы его и вовсе не было. Это лучше всего показывает, что Пушкин решился доверить это свое стихотворение только самым ближайшим друзьям, а те в свою очередь не решались промолвить о нем ни одного слова. Объясняется это, конечно, только крайней криминальностью конца, который делал все стихотворение совершенно непозволительным и даже прямо опасным.

Эта криминальность конца подтверждается и еще одним, особенно убедительным и, как мне кажется, окончательно и раз навсегда решающим вопросом фактом. В бумагах Погодина нашелся сделанный рукой Шевырева список «Пророка», несколько отличающийся от публикации «Московского вестника» (в частности, распорядком некоторых строк) и опубликованный в том же третьем томе академического издания в качестве «предположительной ранней» редакции стихотворения. В список Шевырева внесен ряд поправок, сделанных уже самим Погодиным. Совершенно очевидно, что список этот был сделан еще до публикации стихотворения в «Московском вестнике» (после нее делать такой список Шевыреву, конечно, не было бы решительно никакого смысла). И вот особенно замечательной и многозначительной особенностью этого списка является отсутствие в нем последних четырех строк стихотворения, причем после предшествующей им строки, на которой список характерно и обрывается: «И бога глас ко мне воззвал», поставлено двоеточие, прямо показывающее, что дальше и должно следовать обращение бога к пророку. Почему же эти заключительные четыре строки не были вписаны Шевыревым (их вписал Погодин, но уже в позднейшей редакции «Московского вестника»? Конечно, только в силу совершенной их политической нецензурности и ввиду этого самой реальной опасности доверить их бумаге.

Это столь очевидно, что М. А. Цявловский не только с явной непосредственностью, но и в прямом противоречии с указанной выше трактовкой им четверостишия «Восстань» как отрывка самостоятельного стихотворения, в примечании к списку пишет: «Заключительное четверостишие Шевыревым не записано, возможно, что здесь должны были следовать

нецензурные стихи политического содержания». Мне кажется, что вся совокупность дошедших до нас и указанных выше фактов, как и простая логика, говорят за то, что не только «возможно», а и совершенно бесспорно, в качестве заключительного четверостишия должны были следовать именно нецензурные стихи политического содержания и что стихи эти представляют не что иное, как именно то, может быть и не совсем текстуально точное, четверостишие, которое в качестве конца известного нам «Пророка» и указывало столько ближайшим образом осведомленных во всем этом современников и в том числе как раз Погодин и Шевырев.

Мы слишком привыкли к могучим чеканным строкам конца «Пророка» в публикации 1828 г., дающим замечательную, исполненную огненного пафоса формулу высокой общественной роли гражданского призвания поэта-пророка. Конец редакции 1826 г., поскольку он связан с отдельным и совершенно определенным политическим фактом, значительно уже, как несомненно менее совершенен он и в чисто формальном отношении. Именно этим, повидимому, объясняется упорное нежелание комментаторов, вопреки все усиливавшемуся напору фактов, признать органическую связь «Пророка» и первоначально заключавшего его четверостишия. Но все это свидетельствует лишь о том, что Пушкин пришел к своим обобщениям далеко не сразу и, главное, что шел он к ним не отвлеченным, а глубоко жизненным конкретно-историческим путем, толкаемый реальными событиями современности. Вернувшись к своему стихотворению через полтора с лишком года после казни декабристов, Пушкин смог поднять его на высоту «грандиозных обобщений», но в конце июля — августа 1826 г., мы видели, ему было не до того. Наоборот, в том душевном состоянии, в каком он тогда находился, поэт и должен был написать своего «Пророка» именно в его первоначальном виде.

Великая скорбь о гибели «друзей, братьев, товарищей»,¹ как настойчиво будет Пушкин называть декабристов (в этом смысле он сказал о них даже в официальной записке, непосредственно адресованной Николаю I), скорбь, перед которой меркло все остальное, соединялась в ту пору в душе поэта с жгучим негодованием по отношению к царю-убийце. Языков назвал Пушкина «пророком изящного». Однако таким пророком менее всего ощущал себя в эти дни Пушкин. Оплакивать умершую возлюбленную, петь о природе, стараться забыться в поэтической мечте от потрясений «вещественности» Пушкин, мы видели, не мог, как не мог он давать и спокойный критический разбор стихотворений друзей, этому посвященных («Критику отложим до другого раза»). Иные чувства волновали его сердце, иные слова сходили с его пера. И вот в сознании Пушкина возникает образ не «пророка изящного», а другого — библейского, ветхозаветного пророка.

Пушкин и здесь следует давней и устойчивой традиции нашей литературы. Издавна, начиная еще с переложений псалмов Ломоносова, со знаме-

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X. Письмо П. А. Вяземскому, стр. 211.

никого «якобинского», по определению Екатерины II, псалма Державина, некоторые места Библии с имеющимися темами обличений «злых царей» и неправых земных «владык» давали русским поэтам возможность более или менее легального выхода для их оппозиционных настроений. Еще больше, чем псалтырь, эту возможность открывали книги пророков. Пророки, по Библии, бесстрашно вещали правду в лицо царям, обличали их несправедливость, и потому большинство из них было казнено. Именно так кончил жизнь и пророк Исаия: был распилен деревянной пилой.

Мы знаем, что Пушкин усиленно читал Библию, которую он считал одним из замечательных памятников мировой художественной литературы, и в Одессе в 1824 г., и в Михайловском. Но если в период до ссылки и в кишиневский период она служила ему больше объектом для пародий, если в 1825 г. стала служить материалом для страстных любовных излияний на мотивы «Песни песней», теперь он обрел в ней другие образы и другие мотивы.

С этим вполне совпадает и дошедшее до нас настойчивое утверждение друзей Пушкина о том, что листок со стихотворением «Пророк» он по приезде в Москву захватил с собой во дворец, чтобы в случае неблагоприятного исхода встречи с царем лично вручить его «гнусному убийце» «богатырей» и «героев» 14 декабря.

Новым пророком — пророком России, пророком — смелым глашатаем правды, пророком-обличителем, пророком — грозным мстителем, являющимся перед царем-убийцей в последней позорной одежде казненных им декабристов, чтобы предречь неизбежную гибель торжествующей твердыне насилия и зла, — так ощущал себя Пушкин в эти первые страшные минуты после получения известий о трагедии 13 июля.

Кандидат филологических наук

С. М. Петров

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Характеризуя одну из важнейших особенностей умственного движения своего времени, Белинский писал: «Век наш — по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии».¹

Начало XIX столетия ознаменовалось бурным ростом национально-исторического самосознания народов. Огромные события, происшедшие на рубеже XVIII и XIX вв., связанные с ломкой феодального порядка, повлекли за собой большие социальные и политические сдвиги в жизни народов Европы, втянули в водоворот истории миллионы людей, участников и свидетелей грандиозных общественных потрясений. История вторглась в частную жизнь человека и многие стали понимать, что их жизнь зависит от общих событий в истории отечества и во всемирной истории.

Интерес к историческим вопросам был тесно связан и с развитием национально-освободительного движения, охватившего Россию и ряд стран Западной Европы. Могучим фактором подъема общеевропейского национально-освободительного движения явился подвиг русского народа, разгромившего полчища Наполеона и освободившего Европу от его владычества.

Понятно, что развитие исторической мысли, в частности проблемы философии истории, выдвигаются на одно из первых мест в идейной жизни первых десятилетий XIX столетия. «Такой век, как наш, обильный всякими событиями и потрясениями, должен был породить совершенно новый дух исторического развития», — замечает французский журнал «Универсальная библиотека».

---

¹ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. XII, стр. 332.

Еще в 1829 г. Иван Киреевский, делая обзор русской литературы, подчеркнул в качестве характерной черты своего времени «у в а ж е н и е к д е й с т в и т е л ь н о с т и, составляющее средоточие той степени умственного развития, на которой теперь остановилось просвещение Европы и которое обнаруживается историческим направлением всех отраслей человеческого бытия и духа».

«История,— писал он,— в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития; направление историческое обнимает в с е».¹

Бурный рост национально-исторического самосознания характеризовал и русскую общественную жизнь эпохи, начавшейся 1812 годом. Историзм был характерен для революционно-патриотической идеологии декабристов. В героических страницах национального русского прошлого декабристы искали обоснование своей борьбы с феодально-крепостническим строем.

После 14 декабря 1825 г. интерес к вопросам истории, к проблемам исторического развития России еще более возрос. Поражение декабристов с большой остротой поставило перед мыслящими людьми русского общества проблему исторических судеб России в прошлом и перспектив ее дальнейшего исторического развития. Полевой, Киреевский, Чаадаев уже в конце 20-х годов обсуждают вопросы философии истории, стремятся создать концепции русского и всемирного исторического процесса.

Интерес к истории по своему содержанию имел, разумеется, различный политический характер и смысл. Реакционные дворянские круги, обращаясь к истории, пытались утвердить и обосновать при ее помощи господство феодально-крепостнического строя. С другой стороны, интерес к истории отражал неудовлетворенность русской крепостнической действительностью передовой дворянской интеллигенции, молодежи, искавшей пути прогрессивного развития страны. Часто героические страницы исторического прошлого противопоставлялись мрачной, отсталой русской действительности последекабрьской поры.

Вполне понятно, что Пушкин не мог не оказаться одним из идейных центров этого всеобщего интереса к истории. Интерес Пушкина обуславливался, прежде всего, глубоким пониманием необходимости разрешить те политические вопросы, которые ставила русская и западноевропейская жизнь начала XIX в.

В частности, со всей остротой возникла перед поэтом проблема своеобразия исторического развития России, ее отношений к Западу, и мысль Пушкина во многом поставила те вопросы, которые стали потом предметом споров западников и славянофилов. Из бурных исторических потрясений своей эпохи наиболее глубокие философско-исторические выводы сделал после 14 декабря именно Пушкин.

¹ И. В. Киреевский. Обзорение русской словесности за 1829 г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1914, стр. 18—19. — Разрядка Киреевского.

В советском пушкиноведении давно признана важность проблемы историзма мировоззрения и творчества Пушкина. Невозможно правильное освещение идейно-политической эволюции Пушкина без выяснения особенностей его исторического мировоззрения, его философско-исторических взглядов, его концепций всемирного и русского исторических процессов. Не меньшее значение освещение вопроса об историзме Пушкина имеет и для понимания особенностей пушкинского реализма, его творческого метода.

Художественные произведения великого поэта, проникнутые глубоким историзмом, являются, как это правильно заметил Горький, верной и яркой иллюстрацией к русской истории. Если рассмотреть одно за другим такие произведения Пушкина, как «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Рославлев», «Евгений Онегин», «Роман в письмах», если эти произведения прокомментировать многочисленными историческими заметками и высказываниями Пушкина, то возникнет грандиозная, поражающая и сейчас глубиной и верностью мысли, картина исторического развития русского общества от Петра I до 1812 г., до движения декабристов и дальше до середины 30-х годов XIX в. В то же время работ, выясняющих особенности исторического мировоззрения Пушкина, немного, и они главным образом касаются взглядов Пушкина на историческое развитие допетровской Руси (работы акад. Грекова, проф. Юшкова и др.).

Что касается философско-исторических взглядов Пушкина, составляющих главную тему моего доклада, то в этой области еще и сейчас можно найти остатки буржуазно-либеральной (восходящей к работам Энгельгардта, отчасти Сакулина и др.) фальсификации мировоззрения поэта. Можно напомнить, например, утверждения о том, что историзм противопоставляется в сознании Пушкина, начиная с середины 1820-х годов, революционной смелости декабристов, что Пушкин в своем понимании исторического процесса был якобы чистейшим объективистом и т. п.

В одной из своих работ «Пушкин и Радищев» акад. П. Н. Сакулин настойчиво доказывал, что исторические события 1820-х годов, катастрофа 14 декабря привели Пушкина к отказу от идей просвещения и направили мысль поэта в сторону философско-исторических концепций немецкого идеализма (Гердер, Шеллинг). Такое освещение вопроса было естественным для П. Н. Сакулина с его преклонением перед романтическим идеализмом. Однако оно совершенно не соответствовало действительному развитию пушкинской мысли. Бесспорно, что рационалистическая точка зрения на историю, свойственная просветителям XVIII в., непонимание ими национально-исторического принципа были решительно отвергнуты Пушкиным, но он полностью сохранил враждебное отношение просветителей к идеалистическим концепциям, столь пышно расцветшим после французской буржуазной революции, как проявление аристократической на нее реакции. Как известно, идеалистическая метафизика, царившая на страницах «Московского вестника», была одной из причин охлаждения Пушкина к журналу-

Поэт видел одну из заслуг Вольтера в том, что он впервые внес «светильники философии в темные архивы истории»,¹ отдавая этим дань деятелю века просвещения. Заметим здесь, что философский подход к историческому процессу Пушкин считал обязательным для историка. «История требует мысли», — писал Пушкин.

Ни в малой степени Пушкин не разделяли того недоверия к силе разума, точного и ясного познания, которое охватило многих представителей западноевропейской философской мысли начала XIX в. Все положительное, что было свойственно просветительству, Пушкин сохраняет. В своей знаменитой «Вакхической песне» он провозглашает неизбежность торжества разума над ложной мудростью, проявлением которой были в глазах поэта идеализм и мистика.

Философско-исторические взгляды Пушкина отчасти развивались в русле передовой западноевропейской исторической мысли его времени, но во многом опережали ее и глубже проникали в закономерности действительности. Это было отражением исторического развития России и той остроты социальных и политических противоречий, которые характеризуют эпоху поэта. В самом деле, мыслью, которая должна была особенно мучить Пушкина при изучении русской истории, была мысль о причинах, в силу которых Россия, сыгравшая столь значительную роль в исторических судьбах человечества, и в эпоху нашествия монголов, и в период столкновения России и Швеции, и, наконец, в особенности, в разгроме Наполеона, когда русские люди своею «кровью искупили Европы вольность, честь и мир»,² — так долго сама оставалась отсталой крепостнической страной.

Обостряли историческую мысль Пушкина и события внутренней политической жизни России его времени. В своих заметках 1822 г. Пушкин стремится исторически обосновать политическую программу своих друзей-декабристов. Он энергично развивает идею о том, что Россия, вступившая со времен Петра I на путь просвещения, неминуемым следствием которого должна явиться политическая свобода, находится накануне ликвидации феодально-крепостнического строя. Пушкин в этих заметках констатирует «твердое мирное единодушие» всех состояний «противу общего зла»,³ т. е. крепостного права, и высказывает уверенность в близком торжестве свободы.

Но прошло всего три года, и этим надеждам поэта жизнь нанесла страшный удар. Пушкин был прав, считая, что в своих требованиях ликвидации крепостного права и самодержавия декабристы действительно выражали не только стремление широких масс народа, но также и объективный ход исторического развития, потребность нации в коренной перемене социально-политических условий ее жизни. Но декабристы погибли, почти

¹ А. С. Пушкин. Соч., Письма, т. X, стр. 95.

² А. С. Пушкин. Клеветникам России. Соч., т. III, стр. 223.

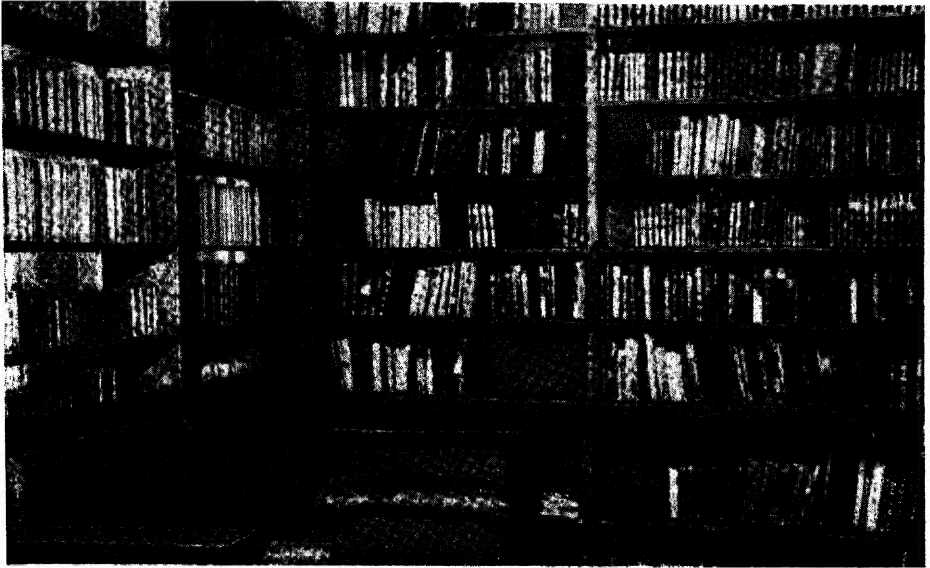
³ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 423.

ником не поддержанные, и этот факт вступал в явное противоречие с пушкинской исторической концепцией 1822 г. Невозможно было определять ни путей дальнейшего развития России, ни свою собственную политическую позицию, не поняв и не объяснив этого противоречия. Или следовало признать, что оценка настроения «всех состояний» была ошибочной, или искать причину катастрофы во внутреннем содержании и связях движения декабристов. В Записке о воспитании, составленной в 1826 г., Пушкин объяснял неудачу восстания 14 декабря недостаточной подготовкой к выступлению и силой правительства. Но, конечно, такое решение вопроса не могло полностью удовлетворить и самого Пушкина.

Еще до декабрьских событий Отечественная война 1812 г., а также опыт национально-освободительного движения в странах Западной Европы обратили Пушкина к мысли о народе, как решающей силе в историческом процессе. Однако, трактуя в трагедии «Борис Годунов» народ как могучую силу, всегда склонную к мятежам, Пушкин в дальнейшем неизбежно должен был столкнуться с вопросом о том, почему же эта мятежная сила, столь дружно вставшая на защиту Родины в 1812 г., давшая свободу другим народам, не поддержала восстание декабристов, не освободила себя, почему две исторические силы — народ и передовая дворянская интеллигенция, воодушевленные общим стремлением к уничтожению крепостного права, — не могли объединиться и осуществить тот идеал, ту программу, которая диктовалась всем предыдущим историческим развитием России и ее национальными потребностями. Это был чисто русский вопрос, отразивший особенности и противоречия дворянского периода русского освободительного движения.

Одна из особенностей обстановки состояла в том, что в России идеологи и организаторы борьбы с феодально-крепостническим порядком находились внутри дворянства, являлись, по словам Ленина, его «ничтожным меньшинством», боровшимся с крепостническим большинством. И эта классовая нечеткость политической борьбы, в России 20-х годов не могла не осложнить раздумий Пушкина над русской историей. По мнению поэта, передовое дворянство выражало стремление всех состояний, то-есть народа. Вот почему к размышлениям Пушкина о судьбах России всегда присоединялись его мысли о судьбах дворянства и главным образом о судьбах того ничтожного вольнолюбивого меньшинства, к которому принадлежал он сам и представители которого в эту пору действительно являлись, как указывает Ленин «лучшими людьми», разбудившими народ.

Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет, почему Пушкин, как на это указал еще Белинский, стоял на позициях помещичьего класса. Отказаться от этого классового принципа — значило признать, что *все* дворянство полностью сыграло свою историческую роль, что оно целиком не является прогрессивной силой, а это в глазах Пушкина не соответствовало исторической действительности, характеризовавшейся восстанием против самодержавия революционеров, вышедших из дворянской среды.

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ. БИБЛИОТЕКА В КАБИНЕТЕ ПОЭТА. СПЕВА — ДИВАН, НА КОТОРОМ УМЕР ПУШКИН.

Я остановился на этом вопросе потому, что, как мне кажется, именно сложность политической обстановки настойчиво обращала мысль Пушкина к определению своеобразия русского исторического процесса и путей дальнейшего развития России. Пушкин твердо знал, что «одна только история народа может объяснить истинные требования онога».¹ Стало быть, история народа интересовала Пушкина не столько как предмет искусства и поэзии и тем более не являлась для поэта средством ухода от действительности в «чистую» науку. Постоянный интерес к истории был проявлением его активного вмешательства в жизнь, история была одним из средств разрешения тех противоречий, которые вставали перед Пушкиным как гражданином и патриотом.

Патриотизм Пушкина, выраженный также и мыслью о том, что «гордиться славой своих предков не только можно, но и должно»,² всегда сочетался со свободолюбием, сочетался с надеждами поэта на освобождение русского народа от ига деспотизма и рабства.

Одну из заслуг Ломоносова Пушкин видел в том, что он «первый углубляется в историю отечества».³ Внимание к историческому прошлому было в глазах Пушкина признаком здоровья нации, залогом ее великого

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений Георгия Кониского. Соч., т. VII, стр. 335

² А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 58.

³ Там же. О предисловии г-на Лемонте..., стр. 28.

будущего. «Греки в самом своем унижении, — писал поэт, — помнили славное происхождение свое, и тем самым уже были достойны своего освобождения».¹

Отсутствие интереса к национальной истории Пушкин рассматривал как полное равнодушие к судьбам родины или проявление, как он говорил, «дикости, подлости и невежества».² С презрением писал Пушкин о большинстве дворян: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке».³

Одним из самых основных положений пушкинской философии истории является идея, что национальная история каждого народа — часть всемирной истории. Проблемы исторического развития России всегда осмысливались Пушкиным во всемирно-историческом аспекте. Так, время Петра I он сопоставляет с Францией времен регентства, движение декабристов, чьим первым историком он сам был, Пушкин связывает с национально-освободительным движением в Европе и т. д.

Пушкин всегда был чужд популярной тогда в реакционных кругах Запада концепции немецкой идеалистической философии об исторических и неисторических нациях. Когда Чаадаев, пришедший в отчаяние от казавшегося ему незыблемым царства жандармов и помещиков-крепостников, противопоставил Западную Европу с ее историей историческому прошлому России с ее якобы неподвижностью и отсутствием великих достижений, Пушкин энергично запротестовал: «...клянусь честью, — страстно писал он другу своей юности, — что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»⁴

Заметим кстати, что Пушкин решительно отверг космополитическую идею Чаадаева о положительном значении католической церкви в ходе мировой истории. По вопросу о влиянии католической церкви на жизнь Западной Европы Пушкин еще в 1822 г. писал, что оно было «пагубно в землях римско-католических. Там оно, — указывал поэт, — признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению».⁵

Буржуазно-дворянское литературоведение не раз пыталось представить Пушкина «западником», а его деятельность как борьбу за «европеиза-

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 58.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 61.

⁴ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 597. Подлинник по-французски, перевод стр. 867.

⁵ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 126.

цию» русской жизни. Это была одна из попыток фальсифицировать взгляды Пушкина, оторвать великого русского поэта от национальной народной почвы, взрастившей его гений. Исторический путь развития России, ее культуры Пушкин считал общеевропейским в том смысле, что и в России должен был быть уничтожен феодально-крепостнический строй, однако поэт не раз указывал на своеобразие русского исторического процесса. Полемизируя с Н. Полевым, пытавшимся «приноровить систему новейших историков» и к России, Пушкин пишет, что «история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».¹

В истории России Пушкин находил не одно доказательство того, что русскому народу определена была высокая историческая миссия: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и вздыхающей Россией...»²

«Высокий жребий» русского народа Пушкин видел и в разгроме Россией Наполеона, а войну 1812 г. называл «величайшим событием новейшей истории».³ В существовании в историческом прошлом России таких деятелей; как Минин, Петр I, Ломоносов, Суворов, Кутузов, Пушкин усматривал проявление могучих сил нации. Силу и стойкость русского народа, как черты национального характера, Пушкин видел и в том, что ни татарское иго, ни войны литовские не уничтожили самобытности русской культуры и русского языка, который тогда «один оставался неприкосновенной собственностью несчастного нашего отечества». «Какое действие имеет на поработенный народ сохранение его языка?»⁴ — спрашивает Пушкин. Он не дал ответа на этот свой вопрос, но нельзя сомневаться в том, что Пушкин, который считал, что русский язык «имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими»,⁵ ответил бы на этот вопрос примерно так, как впоследствии Тургенев в своем знаменитом стихотворении в прозе «Русский язык».

Таким образом, современность обратила мысль Пушкина к истории. Историческое прошлое поэт понимал как предисторию своей современности. Проблема отношения к Западной Европе и ее культуре, взаимоотношения дворянства и крестьянства, роль и значение дворянской интеллигенции, роль царской монархии — все эти вопросы были весьма важны для понимания исторического прошлого России. Но они были и наиболее

¹ А. С. Пушкин. История русского народа, сочинение Николая Полевого. Соч., т. VII, стр. 145, 147.

² А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской, Соч., т. VII, стр. 306.

³ А. С. Пушкин. Объяснение. Соч., т. VII, стр. 485.

⁴ А. С. Пушкин. О предисловии г-на Лемонте..., Соч. т. VII, стр. 28.

⁵ Там же, стр. 27.

острыми вопросами русской жизни 30-х годов XIX в. Для Пушкина история закономерно переходила в современность, и сам поэт никогда не стал бы отрицать теснейшей связи политической жизни своего времени с теми проблемами, которые должна была разрешать историческая наука. Недавно восхищался он теми томами истории Карамзина, которые повествовали об Иване Грозном, не потому, что находил правильной точку зрения Карамзина на значение деятельности Ивана Грозного, а потому, что это было, по словам поэта, ненавидевшего деспотизм, «также животрепещуще, как вчерашняя газета». Такими же животрепещущими темами были в творчестве и размышлениях Пушкина темы, связанные с именами Петра, Пугачева, с эпохой 1812 г. Размышляя над историей и современностью, Пушкин стремился заглянуть и в будущее. «Ум человеческий... — заметил поэт, — видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем...»¹

Какой же философией истории был вооружен Пушкин для того, чтобы видеть «общий ход вещей» и «выводить из одного глубокие предположения» о грядущих судьбах своей родины?

Пушкину было в высшей степени присуще понимание непрерывности и закономерности развития жизни. С необыкновенной силой и глубиной раскрыты им в стихотворении «К вельможе» движение и смена больших исторических эпох. В статье «Александр Радищев», характеризуя смену идей, подготовлявших французскую революцию конца XVIII столетия, новыми мыслями и идеями, Пушкин пишет: «Другие мысли... заменили мысли и мечты учеников Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими».²

Конечно, Пушкин не был релятивистом и подчеркивал здесь лишь непрерывность процесса познания жизни. Вечное ее движение и изменчивость — таков всеобщий закон жизни, выраженный Пушкиным и в чудесных, так высоко оцененных Белинским строках «Евгения Онегина» о смене поколений, и в стихотворении «Вновь я посетил» и о Лицейской годовщине 1836 г. и во многих других произведениях. Однако было бы совершенно неправильно сводить эту идею Пушкина к плоскому эволюционизму в понимании исторического процесса, столь свойственному, например, современной ему легитимистской школе французских историков. Для исторической мысли легитимистов с их ненавистью к революции, история это — тихий, незаметный, естественный «органический» рост; всемирно-исторические перевороты трактуются как зло.

Пушкин, напротив, всегда был полон интереса к тем периодам в истории, когда решались судьбы народные, его привлекали эпохи переворотов и

¹ А. С. Пушкин. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Соч., т. VII, стр. 147.

² А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 352.

потрясений. В историческом прошлом России его интересует рубеж XVI и XVII столетий, который он характеризует как «одну из самых драматических эпох новейшей истории».¹ И это понятно. Пушкин был передовым современником эпохи, которая сама характеризовалась большими потрясениями и политическими переворотами. Ее противоречия и породили философско-историческую концепцию Пушкина.

Историческому мышлению Пушкина были, несомненно, свойственны элементы диалектики, и этот важный вопрос во всяком случае должен быть поставлен в пушкиноведении. Не раз Пушкин размышляет о «вечных противуречиях сущности»,² которые характеризуют развитие жизни. В одной заметке Пушкин спрашивает: «Устойчивость — первое условие общественного благополучия. Как согласуется она со способностью к бесконечному совершенствованию?» Пушкина поражала «времен превратность». В стихотворении «Андрей Шенье», а затем и в послании декабристам в Сибирь Пушкин выражает глубоко верную диалектическую мысль о том, что завоеванная народом свобода может потерпеть поражение, но оно будет временным: победа свободы неизбежна.

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...
Так — он найдет тебя...³

Пушкин внес в русскую литературу, и следует добавить — не только в русскую, но и первым — в мировую литературу, — изображение личности, как порождение определенной исторически развивающейся общественной среды. Это было величайшим завоеванием русского социального реализма. Пушкин применил этот плодотворный принцип и к изображению исторического прошлого. Достаточно указать на такие образы, как отец и сын Гриневы; личность старика Гринева раскрывается Пушкиным как порождение событий 60-х годов XVIII в., в частности, переворота 1762 г. Характер сына Гринева формируется в зависимости от среды и событий, участником которых он стал. Стойкий и мужественный характер Маши Мироновой воспитан в честной патриархальной семье, не владевшей «крещеной собственностью».

Но как понимал Пушкин среду, какие факторы действительности он считал определяющими в развитии жизни, в ходе истории? Пушкин чрезвычайно большое внимание уделяет воспитанию своих героев, нравам и быту данного времени, роли идей и просвещения, обычаям и предрассудкам. В заметке о народности в литературе поэт подчеркивает, что «особенную физиономию» каждому народу придают «образымыслей и чувствований», обычаи, поверья, привычки, присущие этому народу, «образ правления,

¹ А. С. Пушкин. Наброски предисловия к «Борису Годунову», III. Соч., т. VII, стр. 164.

² А. С. Пушкин. О стихотворении «Демон». Соч., т. VII, стр. 37.

³ А. С. Пушкин. Андрей Шенье. Соч., т. II, стр. 258.

вера».¹ Нетрудно видеть, что в решении этого вопроса Пушкин считал основными факторами развития истории народа культуру, нравы, развитие идей, законодательство. Эти идеи были свойственны и таким предшественникам Пушкина в истории русской общественной мысли, как Фонвизин, отчасти Радищев, придававшие чрезвычайно большое значение вопросам воспитания, просвещения и состоянию нравов и умов.

Маркс в третьем тезисе о Фейербахе называет материалистическим учение о том, что люди есть продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты новых обстоятельств и изменившегося воспитания.² В мировоззрении Пушкина эта материалистическая идея сочетается с национально-историческим принципом, с принципом своеобразия и закономерности исторической жизни народа, что решительно отделяло его как от просветительской мысли XVIII в., так и от романтической философии истории.

Во второй период идейной эволюции Пушкина национально-исторический принцип сочетается в его мировоззрении с мыслью о сословных, а затем классовых антагонизмах. Пушкин усваивает социологическую точку зрения. В своих многочисленных заметках по русской истории Пушкин стремится к определению позиций каждого сословия в ходе исторического развития России. Постепенная дифференциация понятия нации переходит у Пушкина в признание наличия социальных антагонизмов, классовой борьбы в обществе. Как известно, теорию классовой борьбы Маркс находил у французских буржуазных историков времен Реставрации — Гизо, Тьерри и других. Пушкин был хорошо знаком с их трудами. Однако французские буржуазные историки 30-х годов XIX в. с точки зрения классовой борьбы рассматривали только прошлое, период борьбы с феодальным строем. Они забывали об этом принципе, когда дело касалось их современности — капиталистического порядка, казавшегося им вечным и неизблемым. Признавая, в отличие от историков-легитимистов, французскую революцию конца XVIII в. всемирно-историческим событием, они руководствовались мыслью, что это была последняя революция, и, подобно легитимистам, утверждали, что дальше история будет совершаться путем «органического» роста. Это было отражением того важнейшего обстоятельства, что буржуазная революционность в ту пору с каждым годом слабела.

Пушкин был выразителем другой исторической действительности. В России только начиналось революционное движение, и Пушкин был певцом свободы. Восприняв идею социальных, классовых противоречий, он применял эту идею не только к историческому прошлому, но и к действительности своей эпохи. «Дубровский», «История села Горюхина», «Пиковая дама» — очевидные тому доказательства. Пушкин пошел дальше фран-

¹ А. С. Пушкин. О народности в литературе. Соч., т. VII, стр. 39—40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 590.

цузских буржуазных историков и в том, что обратился к рассмотрению крестьянских движений как проявлению социального антагонизма. Это было приближением к той последовательно демократической точке зрения на исторический процесс, принятой Радищевым, которая потом будет развита революционными демократами и явится крупнейшим завоеванием русской общественной мысли.

Пушкин отверг необходимость и неизбежность крестьянско-революционного разрешения противоречий русской жизни и в этом отношении не смог подняться над дворянско-просветительской точкой зрения. Но от буржуазных историков Запада его отличало и резко критическое отношение к той буржуазной демократии, апологетами которой являлись Гизо и другие.

Идея закономерности исторического процесса отнюдь не приводила Пушкина к фатализму. Восторженный поклонник Петра I, современник наполеоновской эпопеи, Пушкин чрезвычайно большую роль и значение придавал исторической личности, активному вмешательству политики в исторический процесс. В начале 20-х годов Пушкин был даже склонен рассматривать роль личности несколько идеализированно, в духе романтического субъективизма. В его исторических заметках 1822 г. Петр I выступает как могучая индивидуальность, определившая дальнейший ход русской истории. «Петр I... доверял своему могуществу и презирал человечество»,¹ — писал Пушкин. Но в 1830-е годы распространение в России просвещения Пушкин рассматривает как длительный постепенный процесс, уходящий своими корнями в допетровскую Русь.

Существенное изменение в этом плане получила и трактовка Пушкиным личности Наполеона. Ода «Наполеон» (1821 г.) противоречиво сочетает в себе и попытки исторического истолкования роли Наполеона и романтическую идеализацию его личности как «вершителя судеб». Однако в дальнейшем Пушкин воспринимает личность Наполеона и его деятельность как закономерное и подготовленное событие исторической жизни Франции.

В середине 20-х годов Пушкин решительно рвет с субъективизмом романтиков. В известной заметке о «Графе Нулине» Пушкин высмеивает романтическую теорию роли исторической личности. В драме «Борис Годунов» Пушкин показывает, как, несмотря на всю свою талантливость и силу, Борис Годунов не в состоянии был противодействовать объективным обстоятельствам, определившим его падение, и прежде всего «мнению народному».

Пушкин считал, что в истории народ является фактором огромной силы, но это вовсе не означало, что исторические деятели, герои теряли для него всякое значение. Заметка Пушкина о Вальтер-Скотте, в которой поэт восхищается изображением истории не со стороны ее «фасада», а в проявлениях ее повседневной «домашней» жизни, не всегда правильно трактуется. Замечания Пушкина вовсе не означали, что он не придает

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 122.

значения деятельности монархов и полководцев. В «Борисе Годунове» народ рисуется как окончательный судья совершившихся событий, однако на видном плане в трагедии — царь, бояре, полководцы и пр. В изображении исторической действительности Пушкин был далек от будущей ошибки Писарева, который восхищался историческими романами Эркмана-Шатриана за то, что в них фигурирует только народ и нет никаких исторических деятелей.

Свое понимание связей личности и среды, личности и истории Пушкин применял и в области своих эстетических требований, и в художественном отображении исторического прошлого. Он считал, что, воссоздавая образ исторического деятеля, поэт должен развить и объяснить его индивидуальный характер, показать его как выразителя своего времени, определить его историческую роль, раскрыть его образ в аспекте тех или других черт национального характера.

Возможно ли при обрисовке характера данной исторической личности «своевольное искажение» вполне индивидуальных, но отмеченных историей его черт? Пушкин, как впоследствии и Белинский, не считал этого возможным. Он поставил себе в вину то обстоятельство, что в «Борисе Годунове» вопреки истине изобразил глупцом патриарха Иова, на что ему указал Грибоедов. В письме к Лажечникову Пушкин решительно выступает в защиту Третьяковского, который в смешном и оскорбительном виде изображен в «Ледяном доме». Искажение индивидуального облика исторического лица неизбежно влечет за собой преувеличение или преуменьшение исторической его роли и значения. В том же «Ледяном доме» Волынский обрисован как носитель всех добродетелей. По мнению Пушкина, Лажечников своей идеализацией Волынского исказил историю. В письме к Дмитриеву он отстаивал свой образ Емельяна Пугачева, которого некоторые критики поэта желали видеть «Байроновым Ларою».¹ Индивидуальные особенности исторической личности должны быть воспроизведены в соответствии с историей. Однако, не допуская романтического своевольства, Пушкин считал возможным дополнять историю изображением таких деталей и фактов в жизни и поведении исторической личности, какие, являясь поэтическим вымыслом, вполне соответствовали данному характеру и времени. Такого рода «вольностей» много в «Борисе Годунове».

Но чем же определяется роль личности? Чем же она, эта личность должна руководствоваться в своих действиях? «Духом времени», — отвечает Пушкин. Напоминаю о его полемике с Лажечниковым по поводу Бирона, чья деятельность была в глазах Пушкина отражением эпохи, его оценку Ивана III при разборе трагедии Погодина «Марфа Посадница».

Отсутствие объективистского отношения Пушкина к действительности вовсе не означало отказа поэта от принципа объективности в понимании и изображении жизни.

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 528.

Требование строгой объективности было одним из важнейших в оценке Пушкиным произведений на историческую тему. В статье о народной драме и драме «Марфа Посадница» Пушкин выдвигал эти требования, характеризуя их как «первоначальные необходимые условия»¹ подлинно художественного воссоздания истории. За нарушение принципа объективности поэт резко критиковал французскую романтическую школу. «Благодаря французам, — писал он, — мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге».²

Прежде всего художник должен быть беспристрастным. «Истинное просвещение беспристрастно»,³ — говорил Пушкин.

Но объективность художника вовсе не тождественна равнодушию, беспристрастие — безразличию. Пушкин это прекрасно понимал. Оуждая политические «применения», поэт допускал политические «намекы». Больше того: Пушкин считал, что сочувствие поэта той исторической личности, которую он изображает, помогает ему дать более яркий и живой образ. Указывая в письме к Погодину на недостатки его изображения Ивана III, Пушкин пишет: «Сердце Ваше не лежит к Иоанну».⁴

Киреевский писал о Пушкине, что он «слишком объективен».⁵ Мицкевич, напротив, весьма справедливо указывал, что поэт «презирал авторов, не имеющих никакой цели, никакого направления. Он не любил философского скептицизма и художественной бесстрастности Гете».

И это правильно было не только в отношении Пушкина-поэта, но и Пушкина-историка. Можно напомнить «Стансы», обращенные к Николаю I, и весь образ и трактовку Пушкиным Петра, противоречивого характера его личности и деятельности. Можно напомнить оценку, данную поэтом Робеспьеру и Мирабо, их роли в истории французской революции.

В понимании Пушкина личность исторического деятеля должна быть не воплощением авторской идеи, как у романтиков, не «политикой, опрокинутой в прошлое», а образом, раскрывающим существенные стороны исторической действительности данной эпохи. Пушкин, высоко ценивший революционно-патриотическое отношение декабристов к русской истории, не мог одобрить их модернизацию облика русских исторических деятелей. Известна та критика, которой подверг в этом плане Пушкин «Думы»

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 218.

² Там же. Письмо к издателю «Московского вестника», стр. 75.

³ Там же. О предисловии г-на Лемонте ..., т. VII, стр. 30.

⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. X. Письма, стр. 321.

⁵ И. В. Киреевский. О поэзии Пушкина. Полн. собр. соч., т. II, М., 1911, стр. 13.

Рылеева. Пушкинское решение этой проблемы было в условиях начала 1820-х годов огромным шагом вперед в развитии русской литературы.

Романтическая философия истории полагала, что в основе исторического процесса лежит воля провидения. Некоторые русские романтики-идеалисты, как, например, В. Ф. Одоевский, весьма иронически критиковали тогда стремление «выдумывать законы».

Пушкину были совершенно чужды какие бы то ни было элементы мистики. Пушкин был скорее склонен приподнять роль личности, чем ссылаться на провидение. Великие перемены в жизни Пушкин объяснял, главным образом, разумным законодательством, деятельностью государственной власти. Это не являлось решением проблемы, но сила мысли Пушкина для того времени заключалась в том, что он, не понимая классового характера государственного законодательства и продолжая размышлять в этом вопросе в традициях просветительства, не дал увлечь себя ни теорией стихийности народной жизни, ни романтической теории героя. Понятие народности вовсе не совпадало у Пушкина с романтической идеализацией стихии народной жизни. Пушкин высоко ценил роль законодателя, однако отличие его взгляда от взглядов просветителей XVIII в. состояло в утверждении того, что законы должны соответствовать нравам, обычаям, истории народа. Пушкин всегда боролся за наилучшее управление жизнью нации и считал, что общественный идеал не должен быть абстрактным, а должен соответствовать духу времени. «Дух времени является источником нужд и требований государственных», — писал он.

Идея необходимости — чрезвычайно важный элемент пушкинской философии истории. Она ясно выражена уже в «Борисе Годунове», где Пушкин в драме Бориса поставил проблему свободы и необходимости. Утверждая значение необходимости, легко было бы тогда скатиться к апологии действительности. Как известно, на Западе это случилось с Гегелем, а в России это произошло в 40-х годах со славянофилами. Но Пушкину, повторяем, никогда не был свойственен объективизм. Это обстоятельство чрезвычайно ярко раскрывается во всей деятельности Пушкина после катастрофы 14 декабря. Известно, что неудачу восстания декабристов Пушкин был склонен объяснить исторической необходимостью и даже готов был «в душе простить оной», но это вовсе не означало, что Пушкин подчинился ей и отказался от политической борьбы с самодержавием и крепостным строем, поскольку и после 14 декабря поэт остался верен идеям своих друзей-декабристов. Если поражение декабристов было исторически обусловлено, то победа их дела в будущем была для Пушкина в еще большей степени исторической необходимостью. В этом убеждали его не только антикрепостнические настроения народа, но и ход русской и мировой истории.

Некоторые исследователи ошибочно изображают декабристов как деятелей, революционные позиции и нравственные принципы которых вытекали не из исторической обстановки, ими осознанной, а из чисто субъек-

тивно-романтических стремлений и абстрактно понятого идеала свободы. Однако декабристы опирались в своих действиях на правильно в основном понятое ими направление исторического процесса. Рылеву, например, принадлежат глубокие размышления о ходе европейской истории, о том, что со времен реформации народы стали стремиться к свободе, завоевание которой и составляет, по мнению Рылеева, задачу XIX в., его «предназначение», как писал поэт-декабрист в своем стихотворении «Гражданин».¹

Если представление декабристов о древнем Новгороде в самом деле страдало романтической отвлеченностью, то их убеждение в том, что Россия жаждет свободы от тирании и крепостной неволи, отражало реальные, вполне осознанные ими потребности русской действительности той эпохи. Это прекрасно понимал и Пушкин.

После катастрофы 14 декабря Пушкин учел опыт поражения национально-освободительного движения в России и на Западе и стал искать объяснения не только причин неудачи восстания декабристов, но и те силы, которые способны были бы в дальнейшем осуществить «великие перемены».² Если бы Пушкин остановился только на раскрытии тех исторических причин, которые повлекли за собой неудачу декабристов, то он легко мог бы притти к примирению с действительностью и стать созерцателем жизни, бесстрастно познающим и отображающим ее. В том-то и состоит величие Пушкина и могучая сила его мировоззрения, что он никогда не был и не мог стать апологетом действительности. В его мировоззрении, а стало быть и в творчестве всегда жили активное начало, неутомимое стремление к пересозданию действительности, неизменный интерес к политике. И после 14 декабря Пушкин мечтал об уничтожении крепостнического строя. И он напряженно искал путей и общественных сил для осуществления этой задачи. Пушкин, как это показывают его размышления в конце 1820-х — начале 1830-х годов над историей дворянства в России, задумался над возможностью воспитания такого поколения, которое, подобно декабристам, смогло бы стать силой общественного прогресса.

В последние годы жизни Пушкин подходил к выводу о тщетности своих упований и надежд на возможность воспитания такого поколения в среде дворянства. И неуклонно сквозь все эти временные иллюзии Пушкин шел ко все более глубокому пониманию того, что решающей силой исторического прогресса являются народные массы. Еще в «Борисе Годунове» поэт указывает на большую роль в исторических событиях мнения народного. Огромную силу народного движения Пушкин подчеркнет в «Рославлеве», указав на то, что война 1812 г. была победой прежде всего народного патриотизма. Но и в «Борисе Годунове» и в «Рославлеве» народ выступает еще как некая общность, не расчлененная, социально не дифференцированная стихия, более пассивная в «Борисе Годунове» и активная в «Рославлеве».

¹ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Биб-ка поэта (малая серия) Л., Сов. писатель, 1938, стр. 66.

² А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 291.

В 30-е годы Пушкин более углубленно раскрывает для себя понятие народа. Сильно помогло ему в этом изучение истории восстания Пугачева. В «Капитанской дочке» Пушкин показывает народ в различных проявлениях его общественного самосознания — от Савельича, почувствовавшего в своей обиде на господ, что он не раб, а человек, до Пугачева, как высшего выражения стихийного народного сознания, ненависти народа к угнетателям. Однако Пушкин не дошел до конца. Как дворянский просветитель, он воспринял народ как грозную и могучую, но главным образом разрушительную силу. Народу нехватало просвещения. Пушкин утверждает в мысли, что могучим фактором прогрессивного подъема нации является развитие просвещения, неминуемым следствием которого будет политическая свобода, т. е. освобождение крестьян. Исторический пример этого Пушкин мог видеть во Франции конца XVIII в., где в подготовке революции политическое просвещение третьего сословия сыграло огромную роль. Ход русской истории убеждал Пушкина, что Россия уже идет по пути просвещения, особенно благодаря реформам Петра I.

Проповедь «чувств добрых» к народу, пропаганда просвещения, как средства достижения политической свободы и были проявлением активной политической деятельности и мысли Пушкина после 14 декабря. Соединение идеи просвещения с идеалом политической свободы для всего народа глубочайшим образом отличало дворянского революционного просветителя Пушкина от его друзей типа просвещенного дворянского либерала Вяземского и было одной из причин ненависти и недоверия к Пушкину со стороны Николая I и его приспешников.

Впоследствии идея просвещения была опошлена либералами, придавшими ей узко культурнический, убудочный смысл. В мировоззрении Пушкина эта идея была сильной стороной. Пушкин не видел в конце своей жизни вокруг себя никакой общественной силы, которая была бы способна осуществить «мирную» революцию, но был глубоко уверен в том, что без развития просвещения идея политической свободы вообще не может быть осуществима для народа.

Пушкин во многом надеялся на литературу, на дружину писателей, которые «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности».¹ Но таких писателей была незначительная кучка, а время разночинцев, время Белинского и его кружка, сыгравшего огромную роль в политическом просвещении общества, тогда еще не настало. И это было одним из источников трагедии Пушкина.

---

¹ А. С. Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Соч., т. VII, стр. 198.

Доктор филологических наук
Л. И. Тимофеев

ПУШКИН — РЕФОРМАТОР РУССКОГО СТИХА

I

Вопрос о реформе русского стиха, произведенной Пушкиным, на первый взгляд может показаться странным. Реформа русского стиха была совершена задолго до Пушкина Тредиаковским и Ломоносовым, и Пушкин не привнес в русское стихосложение каких-либо новых стихотворных форм. Стих его в основном остается в пределах возникшей в конце 30-х годов XVIII в. силлабо-тонической системы стихосложения.

Однако такая постановка вопроса возможна лишь при узко формальном подходе к стиху как ритмически организованной речи. Но так рассматривать стих нельзя.

На самом деле стих целостная и многогранная речевая система, сложный комплекс элементов речевой выразительности, подчиненных определенному идейному заданию. Это содержательная форма, понять структуру которой мы можем лишь поняв ее связь с содержанием и ее обусловленность им.

Выбор слов (лексика), их сочетание (синтаксис), использование таких элементов речи, как пауза, темп, интонация, ритм, звуковые повторы и пр., — все это в стихе своеобразно, образует целостную речевую систему, обусловленную в своей структуре особенностями поэтического содержания данного произведения.

Все эти элементы в стихе неразрывно друг с другом связаны и только в единстве получают определенный выразительный смысл.

Характер выразительных особенностей стиха как определенного типа повествования, его лексика, богатство и своеобразие пауз, особый темп речи и др. позволяют определить его как повествование повышено-эмоционального типа. Стих как бы концентрирует, обобщает в себе свойства эмоциональной речи, т. е. такой речи, в которой внутреннее содержание

(определяемое характером произнесения слова) превалирует над непосредственным значением слова. Если в научном термине значение слова устраняет возможность его иного осмысления при помощи интонации, пауз и т. п., то в эмоционально произнесенном слове, наоборот, его внутреннее содержание может придать ему смысл, полностью или частично устраняющий непосредственное его значение. Фраза «какой ты... умный», придает благодаря паузе и особой интонации — слову «умный» смысл, обратный его непосредственному значению. Это превалирование привносимого смысла над значением слова, существующее, конечно, как тенденция, как возможность, а не как постоянное явление, — и служит основным признаком эмоционально организованной речи. Понятно, что качество эмоции есть величина переменная, определяется содержанием речи в целом. Отсюда эмоциональность речи будет иметь самые различные показатели: от трагического до комического, от оживленной разговорной речи до страстного потрясающего переживания, от разговора графа Нулина с Натальей Павловной до монологов Сальери, Скупого рыцаря, Годунова.

Поскольку эмоциональность речи определяется ее объективным содержанием, постольку основой оценки выразительной организации речи является то — в какой мере она отвечает своим строением этому содержанию. Поскольку в литературе это содержание раскрывается через изображение характеров (в эпосе в форме «самородно» развивающегося действия (Энгельс), в лирике — в форме субъективированного переживания) — постольку мы в ней имеем дело с характерностью речи, с тем, что она мотивирована состоянием изображаемых в ней характеров, ибо язык и есть «практическое сознание человека»¹ (Маркс). Эта характерность художественного повествования, а следовательно, и повествования стихотворного, определяется или свойствами персонажей, или свойствами повествователя (авторская речь), его отношения к тому, о чем он повествует.

Чем полнее отвечает структура речи изображаемым при ее помощи характерам (их основным чертам, качествам и состояниям), тем больше помогает она раскрытию содержания произведения в целом. Мастерство поэта и обнаруживается в том, — в какой мере оказывается он в состоянии подобрать для изображаемых им характеров отвечающие им выразительные средства речи.

Индивидуальное, своеобразное звучание стиха зависит от целого ряда условий: 1) от величины интонационного периода, включающего в себя то или иное число ритмических единиц-строк; 2) от количества и качества пауз (enjambement); 3) от темпа речи, зависящего в значительной мере от количества пауз; 4) от строфической организации, связанной с интонационной организацией речи; 5) от расположения ударных и безударных слогов в строке, т. е. от количества в ней значимых слов; 6) от сочетания, в пределах интонационного периода, ритмических единиц, различного или

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 20.

однородного строения, создающего различного рода ритмические движения — повторения, контрасты и т. п.; 7) от чередования стиховых окончаний — клаузул и взаимоотношения их с рифмами; 8) от звуковой организации речи, зависящей в значительной мере от ее темпа, придающего слову то большую, то меньшую весомость; 9) от характера интонации: вопросов, восклицаний и т. п. и их соотношения: нагнетания их, урегулированности и т. д. и т. п.

Не следует, однако, представлять себе стих как «сумму» всех этих элементов. Он представляет собой выразительное единство, в котором каждый элемент тесно связан с другим. В этом единстве есть своя иерархия, поскольку одни из элементов речи зависят от других, ими определяются.

Смысл речи, ее объективное содержание, характер переживания, изображаемого поэтом, — определяет тот или иной тип интонаций, они определяют характер пауз, отсюда вытекает темп речи и ее звуковая окраска, величина интонационных периодов реализуется в том или ином соотношении ритмических единиц и т. д. и т. д.

Искусство поэта в том и состоит, что он находит для данного переживания наилучшие, т. е. наиболее полно отвечающие ему, интонации и вытекающий из них весь выразительный строй стиха, точно так же как прозаик находит для изображаемых им характеров наиболее полно обнаруживающие их сюжетные ситуации.

Очень точно определил эту основную особенность стихотворной речи, передающую в наиболее сконцентрированной, типизированной форме те или иные переживания, В. В. Маяковский. В своем выступлении на диспуте в Малом театре в 1924 г. он сказал: «Месяц тому назад во время работы, когда Брик начал читать „Евгения Онегина“, которого я знаю наизусть, я не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям... тысячи раз учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли».¹

Сущность стиха в том и состоит, что он в наиболее типической речевой форме закрепляет определенное переживание, дает ему «верную формулировку», и она доставляет нам «бесконечное удовлетворение» именно

¹ В. Маяковский. Собр. соч., т. XII, ГИХЛ, 1937, стр. 74.

потому, что мы видим в ней речевую форму, адекватную тому содержанию, которое она выражает.

Эта полнота слияния содержания и формы в стихе, естественно, не сразу возникает в литературе; лишь в процессе нарастания стихотворного мастерства и, главное, развития самого поэтического содержания, требующего все более богатой и разносторонне развитой формы для своего воплощения, стих становится действительно содержательной поэтической формой.

До Пушкина русская поэзия не нашла еще путей для такого полного проникновения стихотворной формы тем поэтическим содержанием, которое она выражает. Достигнуть этого можно было лишь на основе глубокого реалистического подхода к действительности, определявшего «истину страстей» в изображении человека и тем самым «правду диалога». Пушкин — родоначальник русского реализма — явился и родоначальником реализма в области поэтического языка и, тем самым, стиха. Именно поэтому стих его и осуществил впервые в истории русской поэзии принцип единства содержания и формы, являющийся одним из основных принципов реалистического искусства.

Реформа Пушкина в области стиха и состояла в последовательном подчинении стихотворной формы задаче реалистического изображения характеров, передаче в интонации, ритме, звуке всех тончайших оттенков их переживаний средствами, почерпнутыми в живой речи.

Принцип глубокой жизненной правды Пушкин проводил во всех областях поэтического творчества. Ее-то и почувствовал Маяковский, говоривший о бесконечном удовлетворении, которое мы испытываем, воспринимая стихи Пушкина.

II

Русская литература XVIII в. стояла еще на подступах к реализму. Это сказывалось, в частности, и в том, что она не могла в достаточной мере полно и всесторонне рисовать характеры.

Схематизированные, логизированные характеры у представителей классицизма, односторонне психологизированные характеры у представителей сентиментализма определяли соответствующую ограниченность языка, а тем самым и условность стихотворной формы. В эпоху классицизма она в большей степени являлась знаком эмоциональности, а не конкретным ее выражением, структура ее не передавала тех состояний характера, которые определялись сюжетной или лирической мотивировкой.

Особенно ярким примером в этом отношении может служить стих драматургов классицизма — Сумарокова и других. Характеры в их пьесах строго логизированы, соответственно с этим и речь их строится как речь строго логическая. По ходу действия переживания персонажей могут быть

очень бурными, но в их правильной, спокойной речи они почти не отражаются:

На сердце у меня лежит тяжелый камень:
 Не истреблен во мне, любовь, твой пламень.
 Всей силою моей я днесь тебя борю:
 Но ни малейшего успеха я не зрю¹ и т. д.

Равным образом не передавал стих классицизма ни социальных, ни возрастных особенностей говорящего. Пример из «Андромахи» Катенина характеризует устойчивость стиха такого типа: мальчик Астианакс обращается к своей матери со следующими словами:

Берегись, о мать, берегись, да брак сей не свершится
 Страхуся, тень отца им в гробе раздражится.
 Но как противиться возможешь ты судьбе?
 О, если бы уже я мог помочь тебе!²

Очевидно, что здесь стихотворная форма (интонация, ритм) не ставит себе задачу конкретизировать средствами живой речи переживания говорящего, перед нами «алгебра» человеческого переживания вместо конкретной «арифметики» этого переживания, данной в отвечающей ему системе речи.

С появлением Державина в поэзию входит несравненно более разносторонний облик лирического поэта с его радостями и горестями; тем самым система выразительных средств стиха заметно расширяется. Но это расширение весьма односторонне. Державин, а за ним сентименталисты создают образ человека, характер которого сведен к весьма небогатому кругу чисто личных переживаний, его чувства к природе, любовь, дружба преувеличены. Его свойства переносятся и в лирику. В предисловии ко 2-й книге альманаха «Аонида» (1797) Карамзин писал: «Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен природы... молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы».³ Соответственно с этим и стих сентименталистов строился на интимных интонациях.

Логизированно-схематическое изображение характеров в первой половине XVIII в. сентименталисты заменили психологизированно-схематическим. Стих уже в большей мере отвечал движениям изображавшихся в нем характеров, но однобокость характеров придавала стиху и однобокую выразительность, что определяло его как очень условную речевую форму, во многом далекую от формы живой речи. Характерно в этом от-

¹ А. Сумароков. Мстислав. Полн. собр. соч., ч. IV, 1787, изд. 2-е, стр. 166.

² П. Катенин. «Андромаха», Спб., 1827, стр. 39.

³ «Аониды, или собрание разных новых стихотворений», кн. 2, 1797, стр. V—VI.

ношении стихотворение Карамзина «К прекрасной», интонационно-синтаксическая структура которого типична для сентиментализма:

Где ты, Прекрасная, где обитаешь?
 Там ли, где песни поет Филомела,
 Кроткая ночи певича,
 Сидя на миртовой ветви?
 Там ли, где с тихим журчаньем стремится
 Чистый ручей по зеленому лугу,
 Душу мою призывая
 К сладкой дремоте покоя?
 Там ли, где юная пышная роза,
 Утром кропимая, нежно алеет,
 Скромно с Зефиром лобзаясь
 Сладостью воздух питая?
 Там ли, где солнечный луч освещает
 Гор неприступных хребет разноцветный,
 Где обитатели издревле
 Вышние силы и боги?
 Глас твой божественный часто внимаю;
 Часто сквозь облако образ твой вижу —
 Руку к нему простираю —
 Облако, воздух объемлю!¹

Организация стиха здесь художественно мотивирована переживаниями, изображаемыми поэтом. Тонким и нежным чувствам любви, природы и т. д. отвечает система соответственных интонаций: восклицания, вопросы, обращения, паузы, эмоциональные междометия и т. п. Но вместе с тем, самое чувство выражено искусственно, условно, это определяет и крайнюю искусственность интонаций, они назойливо повторяются, создают утомительную эмоциональную монотонию, за ними уже не чувствуется действительно глубокое реальное человеческое переживание, они становятся неестественными. Жуковский развивает стих в этом же направлении.

С другой стороны в конце XVIII в. живет еще и традиция «логизированного» стиха в гражданской лирике («Вольность» Радищева), противопоставляющей интимной интонации сентименталистов ораторскую декламацию трибуна.

Наконец, по третьей линии шло развитие вольного стиха, басен и комедии, сближавшегося с бытовым языком и в этом смысле, опять-таки кодностороннего.

III

Ранний Пушкин испытывает на себе влияние и той и другой стихотворной традиции. У него звучат и интимные интонации эпикурейской лирики и риторика высокой гражданской лирики. Но постепенно у него оформляется стих совершенно иного интонационного диапазона. Не ставя вопрос о

¹ Н. М. Карамзин. Соч., т. I, изд. 4-е, СПб., 1834, стр. 20—21.

пушкинском стихе в его развитии, мы хотим определить новое качество стиха Пушкина в его принципиальной основе.

Новаторство стиха Пушкина являлось производным от его общих реалистических творческих принципов. Принцип «правдоподобия характеров и положений»¹ (письмо к Раевскому), стремление к «истине страстей, правдоподобию чувствований»² («О народной драме») — эти принципы реализма переносились Пушкиным и в область языка. Выдвигая принцип «истины страстей», Пушкин, естественно, приходил к применению этого принципа к языку персонажей. Критикуя три единства, он указывал и на четвертое — единство слога, «...сею четвертого необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру».³ Задача «приблизить поэтический слог к благородной простоте»⁴ («В зрелой словесности приходит время») ощущение необходимости «создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных» («О предисловии г-на Лемонте...»),⁵ стремление «выучиться наречию, понятному народу» («О народной драме...»)⁶ все это являлось осуществлением принципов реализма в работе Пушкина над языком и стихом. Люди должны были говорить так, как это вытекало из их характеров и из тех положений, в которых они находились. Это определяло выбор слов и оборотов, и синтаксическое строение речи, и введение интонаций живой речи и т. д. и т. п. Язык персонажей Пушкина становился частью их характера, он отражал реальные языковые явления самой жизни по всей их дифференцированности — социальной и психологической. «Правдоподобие чувствований» необходимо требовало и правдоподобия языка, а это ставило перед стихом совершенно новые задачи.

Поскольку связь стиха, как определенной системы речи с изображаемым при его помощи характером, отчетливее всего обнаруживается в собственной речи персонажа, постольку анализ стиха Пушкина удобнее всего начать со стиха драматического, с речи персонажей его пьес.

В драматическом допушкинском стихе фраза, как правило, совпадает с концом строки, речь распадается на отдельные замкнутые единицы. Господствует монологическое построение. У Сумарокова, например, всего 12% строк приходится на краткие реплики (не более трех строк) и менее трех процентов строк дает перебой, т. е. членится на реплики персонажей. Что бы ни совершали, что бы ни чувствовали герои, — в структуре стиха это почти не отражается.

Стихи такого строения крайне далеки от естественной речи, от живого

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 161—163. Подлинник по-французски. Перевод, стр. 774—776.

² А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 213.

³ Там же. Письмо к издателю «Московского вестника», стр. 72.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 31.

разговора, от истины страстей и правды диалога. Даже обмен репликами не представляет собой реального разговора: настолько монологично построение строк-фраз.

Фингал: Остановите вы, о воины, его!

Стары: Иль ты пришел во храм над святостью ругаться?

Фингал: Иль за крамольного Стары может здесь вступаться?

Стары: Почти, Фингал, почти его священный сан!

Фингал: К сплетенью ль хитростей ему был оный дан?

Стары: Он дан ему на то, чтоб слышать глас небесный...¹ („Фингал“).

Даже, когда строка членится на части соответственно кратким репликам, которыми обмениваются персонажи, условность диалога остается, так как реплики при всей их краткости интонационно настолько замкнуты, что сохраняют свою монологичность. Вот несколько примеров:

Белозерский: Димитрий!

Боярин: Государь!

Тверский: Что вижу!

Ксения: Оживаю...

(«Димитрий Донской», д. V, явл. V)²

Гекуба: Дочь милую!

Кассандра: Сестру!

Поликсена: О, боги!

Улисс: Ах, я сам...

(«Поликсена», д. II, явл. III)³

Фингал: Кто смеет приступить?

Воины: Умри!

Стары: Разите!

Колла: Страх!⁴ („Фингал“).

Совершенно иную картину дает драматический стих Пушкина, характеризующийся чрезвычайно гибкой сменой и больших монологических построений в 70—100 строк и кратких реплик. Процент перебоев повышается настолько, что в «Каменном госте» достигает 28 (в 9 раз больше, чем у Озерова!), тем самым соотношение реплик передает движение живой речи. Перебои, появляясь в особенно напряженных местах, звучат как живой разговор, реплики интонационно не замкнуты:

Барон: ... Меня...

Герцог: Что?

Барон: Обокрасть.

Альбер: Барон, вы лжете.⁵

Или:

Лепорелло: ... Шутить и с кем!

Дон Гуан: Ступай же

Лепорелло: Но...

Дон Гуан: Ступай.⁶

¹ Д. Озеров. Соч., ч. 1. СПб., 1828, стр. 99.

² Там же, ч. 2, стр. 82.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, ч. 1, стр. 114.

⁵ А. С. Пушкин. Скупой рыцарь. Соч., т. V, стр. 352.

⁶ А. С. Пушкин. Каменный гость. Соч., т. V, стр. 398.

Стремление Пушкина к тому, чтобы живая речь стала основой стиха, выразилось в его обращении к пятистопному белому ямбу, который, благодаря ему, получил господство в стихотворной драме и полностью вытеснил распространенный до Пушкина шестистопный ямб. Необходимость этой реформы была осознана Пушкиным именно потому, что была глубоко содержательна, открывала новые пути для реалистической передачи живой речи действующих лиц. «...если меня оставят в покое, — писал он Жуковскому в 1825 г., — то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм».¹ Интересуясь одним из первых опытов русского драматического белого стиха у Жуковского в его переводе «Орлеанской девы», Пушкин писал брату 4 сентября 1822 г.: «С нетерпением ожидаю успеха «Орлеанской... Но актеры, актеры! 5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации».²

Смысл этой «новой декламации» в том и заключался, что структура стиха подчинялась задаче передать все многообразие естественной речи, обусловленной в своем строении состоянием персонажа. Он должен был говорить так, как это вытекало из его психологического состояния, из «правды чувствования», с той «жизненной непринужденностью», которую Пушкин так ценил у Шекспира. Тем самым стих становился одной из форм раскрытия характера, участвовал в создании образа, получал содержательное значение.

Строка «...смешно? а? что? что ж не смеешься ты?» (Борис Годунов)³ с точки зрения ее ритмического своеобразия характеризуется тем, что в ней имеются сверхсхемные ударения (◡////◡◡/◡/). Эти ударения обусловлены структурой фразы, распадающейся на ряд кратких восклицаний. Такая структура фразы обусловлена характером интонации, передающей крайне взволнованное состояние говорящего. Необычность ритма обусловлена целым комплексом условий и получает определенный выразительный смысл. По самой структуре пушкинского стиха мы получаем представление о состоянии характера, ибо она представляет собой его живое речевое выражение. Если язык есть «практическое сознание человека» (Маркс), то, основывая свой стих на максимальном приближении к нормам живой речи, Пушкин и его делает формой раскрытия сознания, придает ему глубину содержательности. По существу незначительная реплика Сальери:

Постой,
Постой, постой!.. Ты вынул!.. без меня?⁴

раскрывает для нас его переживания именно своим строением. Троекратное повторение слова «постой», мучительные паузы, представляющие собой

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 141.

² Там же, стр. 43.

³ А. С. Пушкин. Соч., т. V, стр. 266.

⁴ А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери. Соч., т. V, стр. 367.

почти открытое признание («постой — это яд») — все это противоречит внешней мелочной мотивировке фразы («выпил без меня»), — и это-то обнаруживает полнее всего внутреннее потрясение Сальери. Таким образом, у Пушкина звучание стиха передает внутреннюю жизнь персонажа, движение его переживаний. Смена интонаций, структура фразы, характер пауз, расположение ударений и т. д. и т. д. — все это реальные черты живой речи, всем своим строением раскрывающей внутренний мир человека. Сами по себе те или иные элементы стиха (ритма, ударения и т. д.) не имеют определенного выразительного значения, но смена их, чередование, повторение, контраст и т. п. являются формой выражения движения, переживания; тончайшее использование этих средств выразительности стиха, передающее все оттенки живой речи, обусловленной именно данной ситуацией, данным характером, — и является основой стихотворного мастерства Пушкина.

Так, например, в том месте монолога барона («Скупой рыцарь»), где его пафос достигает вершины, Пушкин вводит в белый стих рифму, и стих благодаря этому звучит в особенности приподнято и необычно (разрядка моя. — Л. Т.).

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!

И тут же барон вспоминает об Альбере:

Я царствую... но кто во след за мной
Примет власть над нею? Мой наследник?
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда...¹

На общем фоне белого стиха неожиданное появление рифмы составляет резкий звуковой контраст, и он приходится на самое напряженное место монолога. Благодаря этому, оно в особенности полно воспринимается нами. В этом художественный смысл использования Пушкиным «внутренних ресурсов» стихотворной формы.

Глубочайшая художественная мотивированность стиховой структуры содержанием составляет основу поэтического мастерства Пушкина. Каждый элемент стиха сам по себе художественно нейтрален. Ритм, рифма, перенос и т. п. не имеют сами по себе устойчивого, определенного выразительного значения. Перенос, например, как и любая другая стиховая форма, становится глубоко осмысленным, появляется в стиховой речи, когда фраза по своему эмоциональному напряжению требует резких пауз,

¹ А. С. Пушкин. Скупой рыцарь. Соч., т. V, стр. 345.

обрывов, поисков слов и т. д., т. е. обнаруживается состояние говорящего. Альбер говорит Соломону:

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? Что за вздор!
Что дам тебе в заклад? свиную кожу?¹

Перед нами — спокойная речь, и в ней нет переносов.

Но вот Альбер вне себя от негодования прогоняет Соломона:

Вон, пес!..
Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне привеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого...²

Здесь переносы идут после каждой строки. Стих звучит уже иначе. И это новое звучание его обрисовывает состояние Альбера в дополнение к непосредственному смыслу его слов.

В основе драматического стиха Пушкина лежат принципы реализма, глубокой жизненной правды. Мы ощущаем убедительность стиха Пушкина именно потому, что чувствуем, что находишься мы, как его герой, с такими же страстями в такой же ситуации, наша речь звучала бы с той же интонацией, а это и есть показатель художественной правды поэтической речи.

IV

Принципы работы Пушкина над стихом остаются в одинаковой мере реалистическими и тогда, когда мы обращаемся к анализу его лирических стихотворений и произведений повествовательного типа — поэм.

Лирик отражает жизнь, изображая конкретное состояние человеческого характера, конкретное переживание, мысль, чувство, вызванное данной жизненной ситуацией. Через это переживание реалистическая лирика делает нам понятной ту жизненную среду, которая обусловила возникновение такого переживания, отражает в типическом переживании типические черты действительности. Поэтому мы говорим об образе лирического поэта, он обнаруживается перед нами в ряде отдельных своих состояний, в качестве определенного и — у реалиста — типического характера. Лирическое стихотворение рисует конкретное переживание, вызванное конкретной жизненной ситуацией, оно ощущается читателем и как непосредственная жизненная данность, и в то же время как обобщение, как типическое переживание в типических обстоятельствах.

¹ Там же, стр. 337.

² Там же, стр. 341.

Анализируя следующее стихотворение Фета:

Облаком волнистым
 Пыль встает вдали.
 Конный или пеший,—
 Не видать в пыли.
 Вижу, кто-то скачет
 На лихом коне...
 Друг мой, друг далекий,
 Вспомни обо мне!¹

Потебня писал: «Только форма настраивает нас так, что мы видим здесь не изображение единичного случая, совершенно незначительного по своей обыденности... Чтобы убедиться в этом, достаточно разрушить форму. С какимизумлением и сомнением в здравомыслии автора и редактора встретили бы на страницах журнала следующее: «Вот—что-то пылит на дороге, и не разберешь, едет кто или идет. А теперь видно... Хорошо бы, если бы заехал такой-то!»²

Потебня совершает ошибку: он проходит мимо того, что здесь перед нами не «единичный случай», а обобщенное переживание, изображенное в форме конкретного жизненного факта, единичного случая. Он неправильно трактовал и «форму»: заменяя стих обыденной речью, он не разрушал языковую форму, а подменял ее, один стиль речи заменял другим, речь эмоционально экспрессивную он заменял речью примитивно бытовой. Между тем в стихотворении Фета переживание высокого эмоционального тона (тема тоски, заброшенности, одиночества) и выразилось в отвечавшей ему системе эмоциональной речи, обнаруживалось через нее.

Поэтому правомерность наблюдений Потебни состояла в том, что он подметил, как замена одного типа выразительной речи другим лишает данное содержание его реального смысла. Но он не понял содержательности стихотворной формы, того, что ее структура одновременно являлась и состоянием характера, его «практическим сознанием», а состояние характера в свою очередь лишь было формой обобщения определенного жизненного материала.

Лирика и основана на том, что основным средством раскрытия переживания в ней является адекватная ему речевая система, превращающая его в конкретное жизненное явление — в человеческое чувство. В свое время это в высшей степени ясно было сказано Белинским в статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова»: «...мысль в поэзии! Это не рассуждение, не описание, не силлогизм — это восторг, радость, грусть, тоска, отчаяние, вопль!»³ и он отмечал, что в «Онегине» — «что стих, то мысль. потому что в нем что стих, то чувство».⁴

¹ А. Фет. Полн. собр. стихотворений, т. I, СПб., 1912, стр. 311.

² А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 168.

³ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. I, М., Гослитиздат, 1948, стр. 168.

⁴ Там же, стр. 167.

Поэтому-то анализ лирического стиха предполагает определение соответствия между изображенным в стихе переживанием и системой его словесного раскрытия, т. е. словом, доведенным до высшей степени эмоциональной выразительности.

Организация стихотворной речи, в соответствии с изображаемыми при ее помощи состояниями характера, была в той или иной степени присуща и сентименталистам, но самые характеры, ими изображавшиеся, были в такой степени односторонни, что и речевое их изображение становилось искусственным, не совпадало с языком реальной жизни.

Пушкин вводил в литературу исключительно богатый, разносторонний и полноценный человеческий характер с богатейшей амплитудой интересов и переживаний. Этот характер находил раскрытие в его лирике во всем богатстве интонаций живой речи, в исключительном разнообразии и гибкости форм словесного выражения, точнее — изображения этих чувств, в обращении к конкретному языку самой действительности вплоть до просторечия, как к новому источнику речевого разнообразия. Все элементы стиха каждый раз получали у Пушкина новое и неповторимое звучание, служили задаче выражения определенного переживания, предельно полно переведенного в адекватную ему систему речи, звучащей с непосредственной силой жизненного переживания.

Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение «Зима, что делать нам в деревне?». Грустная и тоскливая картина вынужденного деревенского безделья сменяется в нем минутным возбуждением — охотой, она заканчивается — возвращается прежнее настроение.

В начале — перед нами своеобразная монотония бытовых интонаций — скучных надоевших вопросов:

тепло ль? Утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? И можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

В эту монотонную речь вдруг врывается совершенно новый элемент: «Пороша!» — это слово звучит как целая фраза и резко нарушает интонационное движение предшествовавших строк. За ним следует совершенно иное по структуре движение стиха: эллиптическое построение фразы, нарастание (а не повторение) интонационного движения:

Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем...

Но это лишь эпизод, не изменяющий безрадостной обстановки: к вечеру все повторяется.

И стих снова повторяет структуру начального абзаца — краткие фразы, та же интонационная монотония:

... Вот вечер, вьюга воеет,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.¹

Сравним с «Зимой», совершенно иначе построенное стихотворение «Во глубине сибирских руд». Перед нами непрерывное нарастание веры поэта в счастливое будущее:

1. Храните гордое терпенье.
2. Не пропадет ваш скорбный труд.
3. Придет желанная пора.
4. Любовь и дружество до вас
5. Дойдут. Оковы тяжкие падут.
6. Темницы рухнут...

Это нарастание достигает своей смысловой кульминации на слове **С в о б о д а**, и как раз с ним совпадает единственный во всем стихотворении перенос:

...Свобода
Вас примет радостно у входа.²

Смысловая кульминация опирается на кульминацию ритмическую, и благодаря этому получает особую выразительность. Голос поэта как бы дрогнул в момент величайшего напряжения, и это-то и окрашивает стихотворение, согревает его теплом глубокого и сильного переживания, придает ему ярко индивидуальный характер.

Таким образом, у Пушкина каждому переживанию, каждой ситуации отвечает адекватное выражение в стихе как выразительном комплексе. В этом, на наш взгляд, основы индивидуального своеобразия стиха Пушкина и впервые осуществленные им принципы реалистической поэзии вообще, хотя стих каждого крупного поэта после Пушкина своеобразен, так как в нем изображались уже иные характеры, требовавшие иных форм речевого раскрытия. Поэтому, определив пути развития русского стиха, Пушкин в то же время не обрекал поэзию на повторение конкретных форм его стиха, а ставил каждый раз перед ней задачу нового творческого применения своих принципов к новому материалу.

V

Стих повествовательный (поэма) представляет собой своеобразный сплав этих двух основных линий стихотворной работы Пушкина, давая драматизованный стих в речи персонажей, и лиризованный стих в повествовательной, авторской речи.

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. III, стр. 125.

² Там же, стр. 7.

Проследим это на анализе «Графа Нулина».

Основным эмоциональным тоном «Графа Нулина» является ирония, перемежающаяся с лиризмом в отступлениях.

Герои «Графа Нулина» ничтожны, и эта их трактовка определяет и характер поэтической интонации. Это ярко видно на примерах характеристики Нулина, построенной на пародийном перечислении всего, с чем он едет («с запасом фраков и жилетов, шляп, вееров, плащей, корсетов» и т. д.), комического воспроизведения разговора графа с Натальей Павловной, грубых и добродушных интонаций мужа («Эй! водки! Граф, прошу отвeдать»), в иронических обращениях к читателям («Воображайте. Воля ваша»), к друзьям («Теперь мы можем справедливо») и т. д.¹

Нам нужно теперь рассмотреть, как используются на основе данного интонационного движения ритмические особенности стиха в поэмах Пушкина. Однородный ритм может встретиться в чрезвычайно различных по своему содержанию и настроению отрывках и только в связи с ними он принимает уже определенную конкретную выразительность; поэтому-то так бесплодны попытки установить какую-либо связь между ритмом, взятым самим по себе, и каким-либо определенным настроением (веселый ритм, грустный ритм и т. д.).

Но различие в значении слов, в синтаксическом строении строк, в интонации — все это приводит к тому, что, включаясь в иную систему, и самый ритм приобретает иную окраску, звучит различно, помогая, усиливая, подчеркивая эту систему в целом.

Давая ироническую характеристику Наталье Павловне, Пушкин подчеркивает эту иронию тем, что всю характеристику проводит целиком на строке типа «○○○/○○○/»

(. . . . .
 Муж просто звал ее: Наташа,
 Но мы — мы будем называть:
 Наталья Павловна) к несчастью,
 Наталья Павловна совсем
 Своей хозяйственной частью
 Не занималась; затем,
 Что не в отеческом законе
 Она воспитана была,
 А в благородном пансионе
 У эмигрантки Фальбала.²

В «Графе Нулине» строк такого типа всего 28 (на 370), и из них 7 сосредоточены в этом отрывке, придавая иронической характеристике Натальи Павловны и своеобразную ритмическую выразительность.

Еще реже строка типа: ○/○○○○○/. В «Графе Нулине» она встречается лишь один раз. На фоне других строк она, несомненно, обращает на себя внимание.

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. IV, стр. 237—248.

² Там же, стр. 238. (разрядка моя. — Л. Т.)

Одним из решающих мест в развитии действия «Графа Нулина» является эпизод с появлением графа в спальне, где Наталья Павловна ему

Дает—пощечину. Да, да,
Пощечину, да ведь какую!¹(-/ - - - -/)

Необычная ритмическая форма строки пришлась как раз на место резкого интонационного подъема, явилась своего рода ритмическим курсивом, выделившим наиболее существенное в смысловом отношении место.

Другой пример: Наталья Павловна смотрит в окно на однообразную и надоевшую усадебную суетню. Вдруг врывается необычное — звон дорожного колокольчика. И здесь Пушкин резко обрывает монотонную интонацию и переходит к эмоционально насыщенному, интонационно приподнятому лирическому отступлению. Эта смена полностью выражена и в ритме.

Интонационная монотония достигалась ритмически настойчивым повторением одной и той же трехударной формы ямба. Затем она заменяется четырехударной и двухударной строкой (вдобавок осложненной сверхсхемным ударением), а лирическое отступление проводится уже главным образом на четырехударной форме.

Тем самым интонационное и смысловое движение стиха получило и определенную ритмическую окраску, его поддерживающую и усиливающую:

Кругом мальчишки хохотали. (3 ударения)
Меж тем печально, под окном, (3)
Индеек с криком выступали (3)
Вослед за мокрым петухом. (3)
Три утки полоскались в луже, (3)
Шла баба через грязный двор (3)
Белье повесить на забор, (3)
Погода становилась хуже — (3)
Казалось снег идти хотел... (4)
Вдруг колокольчик зазвенел. (1—2)
Кто долго жил в глуши печальной, (4)
Друзья, тот верно знает сам, (4)
Как сильно колокольчик дальный (3)
Порой волнует сердце нам. (4)
Не друг ли едет запоздалый, (3)
Товарищ юности удалой?.. (3)
Уж не она ли?.. Боже мой! (1+3)
Вот ближе, ближе... Сердце бьется... (4)
Но мимо, мимо звук несется, (4)
Слабей... и смолкнул за горой. (3)²

В настоящей работе мы не стремились дать систематическое рассмотрение стихотворного новаторства Пушкина, в ней скорее ставится лишь вопрос о подступах к его изучению.

¹ А. С. Пушкин. Соч., стр. 246.

² Там же, стр. 239.

Поэтому мы оставляем в стороне целый ряд существенных особенностей стиха Пушкина: рифму, строфу и т. п.

Подытоживая наши наблюдения, мы можем сказать, что основное в пушкинском стихе—это его содержательность, глубочайшее подчинение его общему художественному заданию.

Сила, убедительность, жизненность стиха Пушкина в том, что в нем мы всегда слышим типизированный и в то же время индивидуальный голос изображаемого им характера, а за характером видим жизнь, которая за ним стоит, т. е. воспринимаем этот характер в единстве формы и содержания.

В этом смысле Пушкин и в работе над стихом столь же реалистичен, как и во всех остальных сторонах своего творчества. Он стремится найти те интонации, те синтаксические формы, которые отвечают реальным свойствам данного характера в той ситуации, в которой он находится.

Интонация стиха Пушкина убедительна, реалистична потому, что она жизненно правдива, мы воспринимаем ее потому, что и мы в данных условиях и подобном развитии страсти (говоря словами Лессинга) говорили бы так же. А в этом один из решающих критериев реалистического мастерства. В этом и состоит основное новаторство Пушкина в области стиха, в организации стихотворной речи вообще, что приобретает для нас методологическое значение.

Принципы работы Пушкина над стихом — это в сущности осуществленные конкретизированные законы организации реалистической стихотворной речи. В этом смысле изучение их полно для нас живого, практического интереса, ибо затрагивает основные проблемы развития и нашей советской поэзии.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Академик

И. Ю. Крачковский

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Открывая сегодняшнее заседание, представляющее начало большой серии различных мероприятий, которые организуются в Ленинграде и во всем Союзе в связи с великой датой, собственно можно было бы и ничего не говорить, потому что едва ли и в этом зале и вообще во всей нашей стране найдется человек, который не знал бы имени Пушкина, который не любил бы его с детства, который не чувствовал бы к нему близости.

Слава и гордость великого русского народа, нашей страны — А. С. Пушкин бесконечно близок и дорог всем живущим на необъятных пространствах нашей великой социалистической родины.

Пушкин, как никто другой, отразил в своем творчестве силу, широту и талантливость великого русского народа. Вместе с тем Пушкин утвердил самые прогрессивные, самые прекрасные, самые высокие идеалы гуманности, величайшего уважения человека к человеку, веры в конечное торжество правды и справедливости.

Чествование А. С. Пушкина, которое в эти дни проводится повсюду, во всех уголках нашей Родины, показывает, что гениальный поэт, преодолевая самые тяжелые условия мрачной эпохи, в которую он жил, сумел стать настоящим эхом великого русского народа, оградителем его самых сокровенных, глубинных чаяний в борьбе за свободу, культуру и независимость.

Только в нашу эпоху, в которую под руководством великой партии Ленина — Сталина осуществилось историческое дело построения социалистического общества, по-настоящему оценено великое значение Пушкина. Некоторые стороны его творчества, его личности мы открываем только теперь, только теперь мы можем смотреть на него настоящими глазами, благодаря народной советской власти, которая одна могла обеспечить все предпосылки для всенародного чествования великого русского поэта, превратив этот праздник в праздник культуры нашей страны, в праздник всего великого советского народа и, можно смело думать, всего прогрессивного человечества.

Академик
Н. С. Державин

ПУШКИН В БОЛГАРИИ

два ли за пределами родины Пушкина,— писал один из основоположников болгарского марксистско-ленинского литературоведения, Георгий Бакалов,— имеется иная страна, кроме Болгарии, где в большей степени его считали бы близким, своим поэтом. В Болгарии знали и знают Пушкина не как *одного* из лучших мировых поэтов, а как *самого лучшего*. До знакомства с Пушкиным не существовало болгарской поэзии».¹

Это свидетельство видного представителя болгарской передовой общественной мысли может быть подтверждено обильными фактами, свидетельствующими не только о широком интересе болгарских читателей к творчеству великого русского поэта, но и о глубоком внедрении творчества Пушкина в болгарскую культуру, о значительном влиянии на литературную жизнь страны.

Знакомство болгарских читателей с русским поэтом происходит в рамках того общего процесса болгарско-русских связей, который восходит к началу прошлого века и с необыкновенной интенсивностью проявляется в особенности в период национального болгарского возрождения.

Период этот, в котором наиболее активной и передовой силой выступает болгарская революционная демократия, выражающая настроения и чаяния широких масс болгарского крестьянства и городского населения, был периодом накопления и развертывания сил национально-освободительной, народной революции. Вступив в решительную фазу с конца 40-х годов прошлого века, этот период был завершён славным восстанием 1876 г., вскоре за которым героические подвиги русского народа освободили Болгарию от пятивекового турецкого ига.

Крупнейшие деятели болгарского возрождения как в лагере «просветителей», так и в лагере последовательных сторонников революционного разрешения национального вопроса, обращали свои взоры к России и

¹ «А. С. Пушкинъ. 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 февралю, стр. 9.

к русскому народу, как к естественному своему покровителю и будущему освободителю. Этим же деятелям болгарский народ был в особенности обязан установлению тесных связей с русской культурой, в частности с русской передовой общественной мыслью, с передовой русской художественной литературой.

С 1839 г. в русских учебных заведениях появились первые ученики-болгары, с неимоверными трудностями преодолевавшие все те препятствия, которые чинились настороженными турецкими властями каждому болгарину, хотевшему получить образование в братской России. С годами число подобных «русских воспитанников» значительно возрастало. Болгарское юношество учится в Москве, Одессе, Херсоне, Николаеве, Петербурге, Киеве, Харькове и Казани, а также в болгарской гимназии, открытой в бессарабском городке Болграде, воспринимая в крупных центрах России не только официальную гимназическую и университетскую науку, но и, что было гораздо важнее, достижения передовой, революционно-демократической русской общественной и философской мысли. Именно это юношество ввело в болгарскую культуру Герцена и Белинского, Добролюбова и Чернышевского, Писарева и других властителей дум нашей революционной демократии.

Через это юношество и через создающийся новый слой болгарской демократической интеллигенции в болгарскую жизнь входят Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шевченко, Тургенев, Некрасов — вся передовая русская литература, проникающая и в местную болгарскую печать, и в школу, и в библиотеки восторженных почитателей русской революционно-освободительной мысли.

Важно отметить, что в связи с ростом болгарского национально-освободительного движения и в связи с углублением процесса назревания революции, в сознании передовых представителей болгарской демократии устанавливается неразрывное единство между русской революционно-демократической мыслью и русской художественной литературой, что превращается в устойчивую традицию восприятия в Болгарии русской культуры. Нельзя, вместе с тем, не подчеркнуть и того обстоятельства, что русская литература 60—70-х годов, благодаря языковой близости двух братских народов, воспринималась в поработенной турками Болгарии как литература своя, родная, как литература, отражающая мысли и чаяния самого болгарского народа и служащая для него источником высоких идейных обогащений. Поэзия Пушкина в этих условиях занимала едва ли не первенствующее место в становлении новой, демократической болгарской культуры, воспринимаемая как живой голос великого русского народа.

Правда, еще в 1848 г. болгарская пресса, впервые упоминающая на страницах «Цареградского вестника» имя Пушкина, не совсем ясно понимает все богатство содержания творчества русского поэта, именуя его «сатириком». Но, во-первых, «Цареградский вестник» далеко не являлся

органом передовой болгарской демократической мысли, а, во-вторых, эпитет «сатирик», судя по всему, означал в данном случае поэта-обличителя, автора политических стихотворений и эпиграмм, каким Пушкин воспринимался в 30—40-х годах славянской общественностью, отчасти под влиянием известного некролога Адама Мицкевича. В следующем, 1849 г. один из первых крупных болгарских поэтов, Петко Славейков, знакомится с творениями Пушкина по хрестоматии Галахова, переписывает часть из них в свою записную тетрадь и снабжает эти записи кратким, но весьма характерным в своей сердечной теплоте замечанием по адресу русского поэта: «Не был мне братом он, но став известным по музе, сделался милее брата». С начала 50-х годов Петко Славейков создает первые в болгарской литературе переводы-обработки пушкинских стихотворений «Канарче» («Канарейка») и «Стара-планина» («Старая гора»), в основе которых лежат «Не пой, красавица, при мне» и элегия «Погасло дневное светило».

Знаменателен, прежде всего, сам факт обращения Петко Славейкова к Пушкину, свидетельствующий о назревшем решительном переломе в ориентации молодой болгарской поэзии от следования греческим образцам любовной лирики, к поискам самобытности и контакту с русской поэтической культурой. В поэтической биографии самого Петко Славейкова его первые опыты ознакомления болгарского читателя с пушкинской поэзией занимают особое место, как веха, определяющая переход от книжных эллинических вирш к свободному поэтическому творчеству, развивающемуся под знаком народности. Петко Славейков в последующие годы дал ряд переводов пушкинских произведений, в том числе ставший классическим перевод «Сказки о рыбаке и рыбке». Наряду с этим он явился и первым из болгарских поэтов, на творчестве которого самым благотворным образом сказалось воздействие пушкинского стиха, пушкинской образности и мотивов пушкинской поэзии. Не будучи представителем революционного крыла болгарской демократии, Петко Славейков, естественно, прошел мимо тех произведений Пушкина, в которых явно и призывно звучала революционная, декабристская тема, но он глубоко реагировал на гуманистические мотивы лирики Пушкина, на ее глубоко человеческое начало, на ее народность. Именно под влиянием Пушкина Петко Славейков вырос в того поэта, который может быть назван первым подлинным лириком новой болгарской литературы.

Почти одновременно с первыми опытами перевода пушкинских произведений на болгарский язык Петко Славейковым, обнаруживается влияние Пушкина на развитие болгарской драматургии. Напечатанный в 1859 г. «драматический монолог» Поповича «Мысли владыки Иллариона перед уничтожением болгарских книг в библиотеке тырновской митрополии» явно свидетельствует о влиянии монолога Скупого рыцаря. Образ грека-фанариота, ненавистника национальной болгарской культуры, возник в сознании Поповича на фоне впечатлений от пушкинской

драматической сцены с ее образом безжалостного к чужому страданию, жестокого рыцаря.

Начиная с Поповича, ближайший период развития болгарской национальной драмы связан с Пушкиным. Для болгарской драматургии была особенно важной и плодотворной ориентация на высокий жанр народной исторической трагедии, образец которой был найден в пушкинском «Борисе Годунове». Следы знакомства с «Борисом Годуновым» можно обнаружить уже у первого болгарского драматурга, создателя в 60-х годах жанра национально-исторической драмы, Добри Войникова. Пушкинским влиянием в еще большей степени отмечен и лучший классический образец этого жанра — трагедия Василия Друмева «Иванко, убийца царя Асена» (1872), в политической идее, структуре и центральных образах которой сказалось отчетливое воздействие «Бориса Годунова». Образ узурпатора власти и правителя-убийцы, почерпнутый Друмевым из национального исторического предания, в своей литературной обработке испытал несомненно значительное воздействие образа Бориса, обнаруживая даже совпадение с пушкинским текстом. Обращение к пушкинской трагедии, как к истоку трагических ситуаций и толкования эпизодов родной истории стало в болгарской драматургии весьма устойчивой традицией. В драматургии Ивана Вазова, в особенности в его трагедии «У пропасти», посвященной последним годам существования независимой средневековой Болгарии, пушкинская тема царя-преступника и проблема отношений царской власти и народа накануне катастрофических событий разрабатываются в прямой ориентации на пример «Бориса Годунова». В значительно более поздней исторической трагедии Ивана Грозева «Золотая чаша» финальная ремарка болгарского автора «народ безмолвствует» возвращает нас к пушкинскому тексту, воздействие которого совершенно ясно дает о себе знать и в образе византийского императора-убийцы, и в картине его столкновения с народом и массой еретиков-богомиллов.

Канун народного восстания 1876 г. был отмечен мощным развитием национальной болгарской литературы, выдвигающей именно в это время такого замечательного представителя революционной поэзии, как Христо Ботев. Уже в детские годы Христо Ботев познакомился с русской литературой, горячим поклонником и пропагандистом которой был его отец, известный болгарский педагог-народник Ботю Петков. Основательное знание русских классических и современных ему авторов Христо Ботев получил в годы своего учения в Одессе и в течение своего дальнейшего непрерывного контакта с русской культурой. Именно Христо Ботев вместе с Любеном Каравеловым были первыми представителями революционной болгарской демократии, органически сочетавшими в своем сознании воздействие русской революционно-демократической мысли с впечатлениями и восприятиями нашей художественной литературы. В своем стремлении поднять болгарскую литературу на уровень стоявших перед болгарским народом великих национально-освободительных задач Ботев и Каравелов

обращаются к идейным и художественным богатствам русской литературы и знакомят с нею болгарскую революционно-демократическую молодежь. Русские писатели, а в частности и Пушкин, становятся в это время прямыми союзниками болгарской национально-освободительной революции. Любен Каравелов издает в 1874—1875 гг. в Бухаресте «Капитанскую дочку» и «Кирджали» — два произведения, в которых поставлена тема народного восстания, особенно привлекавшая к себе мысли и чувства болгарской революционной демократии. Нет необходимости подчеркивать, что содержание пушкинского «Кирджали» — настоящей хайдутской повести в русской литературе — являлось в сознании болгарских читателей прямым вызовом турецкому владычеству. Нам неизвестна дата знакомства Каравелова с «Кирджали», но вероятнее всего, что пушкинский рассказ занял свое место в формировании Каравелова-прозаика и, хотя бы косвенно, содействовал созданию столь самобытного национального жанра революционной новеллы, как хайдутская повесть с ее классическим каравеловским образцом — рассказом «Дончо».

Особое место занимает Пушкин в поэзии Христо Ботева. Изучавший Белинского и испытавший прямое воздействие Добролюбова и особенно Чернышевского, Ботев внимательно относится к пушкинскому поэтическому реализму и к проблеме пушкинского реалистического, национального языка. В болгарской поэзии после начальных опытов Славейкова поэтическое творчество Ботева было, в сущности говоря, реализацией пушкинской языковой программы, созданием национальной поэтической речи, основанной на языке народа и воплощающей в себе его наиболее ценное достояние.

Огромное значение для Ботева-поэта имели идейные мотивы пушкинской лирики. Одним из показателей этого влияния служат отзвуки пушкинской «Вольности» в ботевской «Борьбе» и эпиграф из «Свободы сеятель пустынный», предваряющий «Юрьев день». Большее значение имеет, однако, тесная внутренняя связь идейных и психологических мотивов у двух великих поэтов. Творческая самобытность Ботева сказалась, в частности, в том, что известные пушкинские мотивы «толпы» и «черни» послужили для Ботева стимулом к поэтическому осознанию реальной болгарской действительности, в которой пронизательный политический взгляд болгарского революционера обнаружил и местную «чернь» и местную «толпу» — предков буржуазного мещанства и реакционной обывательщины, против которой направлены острые стрелы его сатирической лирики. Творческая самобытность Ботева сказалась также и в том, что на фоне поэтических богатств болгарского фольклора пушкинские «Песни западных славян» и некоторые другие произведения, связанные с судьбами балканских народов, дали, видимо, мысль о поэтическом претворении народной песни в революционно-демократическую лирику повстанческой борьбы и хайдутского подвига. С большей или меньшей вероятностью можно предположить, что на замысле ботевской поэмы «Хайдути», из

которой нам известно лишь ее начало, сказалось увлечение пушкинской поэмой, как жанром, составлявшим особую славу русского поэта у многих и многих его славянских читателей.

Из поэтического окружения Ботева вышел и такой большой национальный поэт, как Иван Вазов, биография которого содержит достаточное количество свидетельств о многообразных воздействиях на него русской литературы. К числу этих свидетельств относится и признание самого Вазова, зафиксированное его другом проф. Шишмановым, в котором болгарский поэт отводил Пушкину первое место. Уже в молодые годы Вазов увлекался пушкинской лирикой и ставил русского поэта рядом с Гомером. В своем первом стихотворении «Борьба» Вазов пошел по пути применения пушкинской темы «черни» к реальной болгарской действительности и обращения обличительно-патетического острия своего стихотворения против «невежд», гонителей просветительской мысли. Мотивами пушкинской лирики насыщены и многие позднейшие произведения Вазова, разрешавшие для него, как и для ряда его поэтов-современников, тему призвания поэта и его места в общественной борьбе. Разработка этой темы у Вазова почти на всем протяжении его поэтической деятельности, равно как и понимание Вазовым места поэзии в жизни людей, обнаруживают глубокую зависимость от пушкинского «Пророка». В данном случае болгарский поэт примыкал к тому пониманию пушкинского образа, которое мы встречаем в парижских лекциях Мицкевича.

Выше мы отмечали влияние Пушкина на драматургию Вазова. Подобное же влияние можно обнаружить и на эпических творениях писателя, в частности, на его знаменитом «Паисие» — поэме, посвященной создателю «Истории словено-болгарской» и первому пробудителю болгарского национального сознания в XVIII в. Образ историка Паисия у Вазова чрезвычайно близок к образу Пимена и вдохновлен пушкинской идеей о летописном труде, как хранилище народного предания и нелицемерном суде над деяниями исторических лиц.

Тот раздел поэтического наследия Вазова, который создал ему на родине славу первого и вдохновенного певца болгарской природы, не может быть понят во всем его литературном значении без учета воздействий пушкинского пейзажа на болгарского поэта. Именно Пушкину Вазов был в особенности обязан пониманием пейзажа, как картины родной природы и к тому же картины реалистической, порывающей с традициями сентиментальной пейзажной поэзии. Чувство родного в пейзаже, столь характерное для лирики Вазова и открывшее перед болгарской поэзией подлинные красоты очаровательной балканской природы, было в существенной мере поддержано, укреплено и поэтически осознано через пушкинскую пейзажную лирику.

Вазов занимает почетное место среди болгарских переводчиков Пушкина. В составленной им совместно с Константином Величковым хрестоматии для средней школы, по которой училось не одно поколение болгарской

молодежи, находится ряд переведенных Вазовым пушкинских творений, в том числе образцы лирики, строфы из «Евгения Онегина», сцены из «Бориса Годунова», отрывки из «Медного всадника» и т. д. Из хрестоматии Вазова и Величкова широкие слои населения в Болгарии познакомились с творчеством Пушкина. Введение русского языка как обязательного предмета в болгарской школе, осуществленное сразу после освобождения, еще в большей степени способствовало приближению Пушкина к широким массам, поскольку уже в младших гимназических классах Пушкин является основным материалом для учебного чтения и грамматических занятий русским языком.

В Болгарии 80—90-х годов можно наблюдать дифференциацию понимания и восприятия Пушкина новой общественностью послеосвободительного периода. Консервативная, но руссофильски настроенная, буржуазия насаждает представление о Пушкине, как о «благонамеренном» поэте и жреце «искусства для искусства», в то время как представители передовой общественности широко пропагандируют пушкинскую политическую лирику. Знаменательным является тот факт, что в годы германофильской диктатуры Стамбулова (1887 — 1894), яростно ополчившегося на русско-болгарские культурные связи, необыкновенно возрастает количество переводов Пушкина и посвященных ему статей в болгарской периодической печати. Для противников стамбуловского режима и в особенности для передовой болгарской общественности тех лет Пушкин становится знаменем русской народности и символом традиционной связи с русской культурой. Именно в это время Пушкина переводит один из лучших болгарских писателей, Алеко Константинов («Полтава», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы»). В этот же период появляются в болгарских переводах «Борис Годунов» (Трифонова), «Дубровский» (Анчева), почти все «Повести Белкина», «Пиковая дама» (Радева), «Песнь о вещем Олеге» (Шенчо Славейкова) и т. д.

Еще более важно отметить, что пушкинская поэзия в 1887—1894 гг. помогала болгарским передовым писателям в борьбе со стамбуловским режимом. Такие стихотворения, как «Вольность», «Анчар», «Узник», «Вакхическая песня», «В Сибирь», и другие были представлены на страницах болгарской периодической печати, помогая осознать политический протест против «личного режима» Фердинанда Кобургского и диктатуры Стамбулова.

В 1899 г. болгарская общественность широко отметила столетие со дня рождения великого русского поэта. Впервые в истории болгарской журналистики памяти писателя был посвящен специальный номер журнала, — в данном случае популярного «Българска сбирка». Статья Николая Бобчева, перевод части высказываний о Пушкине Белинского, перевод «Каменного гостя» (Трифонова), заметки о своей работе над переводами из Пушкина Алеко Константинова и, наконец, два стихотворения памяти Пушкина Попова и Вазова составили содержание специального пушкинского номера столичного двухнедельника.

Программным для журнала буржуазно-демократической и руссофильской ориентации явилось помещенное в нем на почетном месте стихотворение Вазова «Столетие Пушкина» с его заключительной патетической строфой:

О, Русь! могуча ты. Неистощима сила
И мощь твоих сынов. Их велико число,
Но никогда еще венком ты не дарила
Чела достойнее, чем Пушкина чело! ¹

Обращение Вазова к Пушкину: «о, гений *наш* славянский!» нельзя не рассматривать как вызов фердинандовскому режиму, стремившемуся ослабить болгарско-русские связи и чувство культурной и национальной славянской близости. Болгарская передовая общественность, чувствуя в 1899 г. великого русского поэта, чествовала в нем и поэта своего, признанного своим, принятого в число своих наставников и учителей. Тем самым в условиях антинародного и антиславянского режима в Болгарии находила свое продолжение та линия восприятия Пушкина, которая была утверждена деятелями болгарского возрождения — демократами в 50—70-х годах — и оставалась действенным фактором болгарско-русской связи и в последующие времена.

Особое место в юбилейных откликах 1899 г. занял цикл статей о Пушкине Пенчо Славейкова. Цикл этот составил из четырех публикаций, озаглавленных «Пушкин в Болгарии», «Пушкин в переводах», «Потаенная скорбь поэта» и «Пушкин как национальный поэт». Наибольший интерес из них представляют две последние статьи, дающие ряд принципиальных оценок пушкинского поэтического наследия.

В статье «Потаенная скорбь поэта» Пенчо Славейков рисует образ Пушкина в его столкновениях и трагических конфликтах с двором, лично с Николаем I и со всей светской «чернью» и пытается уточнить те философские мотивы, преимущественно поздней поэзии Пушкина, предверием которых ему представляется стихотворение «Узник».

Нет необходимости останавливаться на одностороннем толковании пушкинской лирики Славейковым, выпускающим из поля своего зрения существенно важные проблемы пушкинского творчества. Однако и односторонние наблюдения Славейкова имели свой положительный смысл в реальной обстановке 1899 г., противостоя казенному толкованию пушкинской поэзии в русской официальной и официозной прессе и ее болгарской агентуры.

В этом отношении еще более показательной явилась статья «Пушкин как национальный поэт»,² страдающая многочисленными частными ошибками в оценке идейного содержания пушкинской поэзии, но примечательная своим общим утверждением: «Вся Россия празднует сейчас день рождения своего великого художника слова. Это не обыкновенный литератур-

¹ См. А. Сиротинин. С родных полей. П., 1916, стр. 17.

² Пенчо Славейков. Чужди литературы. Събрани съчинени, том седми. София, Хемус, стр. 89 и сл.

ный праздник, а праздник национального сознания стомиллионного народа, занявшего свое особое место в ряду цивилизованных народов... Он родился и жил в эпоху духовного пробуждения своей нации, будущие великие задачи которой он постиг и провозвестником которых он стал, — провозвестником того, к чему стремятся самые видные сыны народа».

Ограниченность и в ряде случаев ошибочность идейной оценки Пушкина у Славейкова определялась свойственным ему воззрением на отношения поэта и народа, в которых он видел лишь противоречия и конфликты между творческой личностью и массой. С этих позиций объяснение пушкинского творчества оказывалось, в сущности говоря, невозможным, и отдельные верные замечания Славейкова тонули в натянутых и искусственных толкованиях.

Из приведенного выше материала можно вывести заключение, что в болгарской литературно-общественной среде творчество Пушкина находило наиболее глубокие отклики в години тяжких для болгарского народа исторических испытаний. Передовая болгарская общественность обращалась к Пушкину, в особенности в периоды, отмеченные усилением чужденационального или социального гнета, в периоды реакции и в периоды накопления прогрессивных и протестующих сил. Во всех этих случаях литературное наследие Пушкина служило идейной опорой передовой болгарской общественности, тем звеном, которое соединяло ее с великой русской культурой и русским народом.

Утверждение в 1923 г. фашистского режима в Болгарии, основной политической задачей которого являлось подавление прогрессивного и революционного движения внутри страны и включение ее в агрессивный антисоветский блок западных держав, принесло болгарскому народу неисчислимые бедствия и поставило его, в конце концов, перед угрозой непоправимой национальной катастрофы. Особую настойчивость и упорство болгарский фашизм проявлял в искоренении всякого рода симпатий болгарской общественности к Советскому Союзу и к его культуре. Конечно, ни искоренить этих симпатий, ни вытравить из сознания болгарского народа его давней любви и уважения к русской культуре болгарский фашизм не смог.

С другой стороны, для передовой болгарской общественности в это время понятие русской культуры становится однозначным понятию культуры советской. Имя Пушкина занимает здесь одно из первенствующих мест и вокруг этого имени объединяется широкий круг литературных и общественных деятелей, сопротивлявшихся режиму фашистского мракобесия.

Пушкинский юбилей 1937 г. обнаружил примечательную картину идейно-политического размежевания. Официальная, монархо-фашистская Болгария не могла обойти молчанием столетнюю годовщину смерти поэта, отмечающуюся во всех странах мира. Основными официальными представителями в данном случае выступили фашиствующие профессора Йоцов и

Арнаудов, из которых первый свою речь, произнесенную на пушкинском вечере в Народном театре, наполнил преимущественно антисоветскими клеветническими выпадами, а второй в ряде статей стремился доказать отсутствие у Пушкина ясного политического мировоззрения и преобладание в его творческой личности «художественного аристократизма» и «анти-социального инстинкта».

В противовес подобному рода утверждениям видные представители передовой болгарской общественности объединились на страницах однодневной газеты «Пушкин» для защиты прогрессивной и демократической традиции восприятия и понимания великого русского поэта. К этому времени пропагандистами Пушкина в Болгарии и его переводчиками стали ведущие литературные силы нового, революционного поколения во главе с Людмилом Стояновым, Николаем Хрелковым, Христо Радевским и др. Создалась новая культура пушкинского перевода и новое понимание социального облика его поэзии, развивавшее лучшие традиции демократов прошлого. Мысли этого поколения о Пушкине удачно воплотила в своем стихотворении «Пушкину» талантливая поэтесса Мария Грубешлиева:

Пройдут века путем необратимым,—
А ты все будешь как маяк сиять—
Средь всех имен крупнейшее имя:
Поэт, предтеча и пророк!
Не сам ли ты свою провидел славу?

И вот не только финн, тунгус, киргиз,—
А сотни их, племен тебе неизвестных,
От яростной Невы до льдов полярных,
От океанских медленных валов
До снежных кряжей гордого Памира,
Шестую часть планеты оглашая,
С любовью повторяют имя:

Пушкин!

Тот день пришел, великий день свободы:
Россия пробудилась ото сна,
Взошла звезда пленительного счастья,
И на развалинах бывшего мира
Начертано
Твое прославленное имя!

Людмил Стоянов следующим образом формулировал мысль о связи Пушкина с советской культурой: «Поэтическое дело Пушкина ныне объединяет мысли всего культурного человечества и устремляет их к стране, в которой гений его нашел свою высочайшую оценку и полнейшее признание. Пушкин... вырастает ныне во всем своем величии и достойно занимает свое истинное место. Только в стране новой культуры, в свободной советской стране Пушкин мог получить доступ к сердцам миллионов, завоевать, поистине, любовь киргиза и тунгуса, всего народа... Болгарская передовая интеллигенция, приемлющая Пушкина, как своего

учителя, как одного из великих представителей человечества, готовится чествовать столетие со дня его смерти с полным сознанием глубокой признательности. Она дает свободное выражение своим чувствам, чувствам восторга, преклонения и благодарности перед великим поэтом, который научил ее верить и бороться за самые возвышенные идеалы человечества».¹

Четкую и ясную политическую концепцию значения и места пушкинского наследия в период назревания второй мировой войны и фашистской агрессии мы находим в высказываниях проф. Янулова. В своей статье «Вечный Пушкин» он отмечает: «Наша эпоха — переходна. Как и в дни Пушкина, мир разделен на две части. Одна выступает в защиту свободы и демократии, зарю которых мы видим в эпохе Пушкина; другая стремится снова вернуть народы в рабство и остановить восход социальной правды. Вот почему единение вокруг великого русского поэта дает надежду на достижение свободы, а восхищение, вызываемое в широких массах всего мира его творчеством, служит знаком того, что в нашу эпоху победят свобода и социальная правда».²

Ряд представителей болгарской передовой интеллигенции останавливает внимание на существенных сторонах пушкинского поэтического наследия в их современном звучании и идейном значении.

Георгий Бакалов, выступая против попыток проф. Арнаудова толковать Пушкина как представителя «чистой поэзии», отмечает в своей статье «Политическая лирика Пушкина», что «Пушкин был первым блестящим русским политическим лириком, предвестником той свободолюбивой политической поэзии, которая была спутником и орудием борьбы русского народа за свободу... Не будучи организационно связанным с декабристами, великий поэт выступал глашатаем их свободолюбивых идей. Его политическая лирика воспринималась как манифест того освободительного движения, которое, расширяясь от десятилетия к десятилетию, охватывало новые и новые общественные слои».³

Тодор Павлов в статье «Почему велик Пушкин?» подробно останавливается на проблеме народности и национальности в пушкинском творчестве, рассматривая их в свете ленинского учения о двух нациях и двух национальных культурах в истории каждого народа. В статье «Социальные мотивы поэзии Пушкина» Марко Марчевский анализирует поэтические свидетельства о сочувствии Пушкина освободительной борьбе славянских и, в частности, балканских народов. Дополняющий эти статьи биографический очерк поэта, написанный Камен Зидаровым, удачно воссоздает перед болгарскими читателями облик Пушкина как народного поэта, погибшего в неравном поединке с русским абсолютизмом.

Из этого краткого обзора следует заключить, что в 1937 г. передовая болгарская общественность с полной ясностью и последовательностью

¹ «А. С. Пушкин. 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 февраля, стр. 2.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 3.

развивала и утверждала единственно возможные и правильные оценки творчества Пушкина как органического элемента современной подлинно демократической и антифашистской культуры. Болгарской демократической интеллигенции, с юных лет воспитанной на пушкинском наследии, при надлежит бесспорно первое место среди всей зарубежной славянской общности в понимании Пушкина как союзника современной революционной демократии, как поэта, целиком принадлежащего новому миру социальной правды и справедливости. Мысли эти нашли в 1937 г. свое выражение и в многочисленных откликах болгарских прогрессивных поэтов на пушкинский юбилей. Помимо уже цитированного стихотворения Марии Грубешлиевой, Пушкину посвятили свои поэтические выступления Пантелей Матвеев, Ангел Тодоров, Крум Пенев, Лозан Стрелков и иные представители болгарской молодой прогрессивной поэзии. В 1937 г. был опубликован и ряд новых переводов пушкинских произведений на болгарский язык, в том числе блестящий перевод, — четвертый по счету в болгарской литературе — «Евгения Онегина» Николая Хрелкова, перевод «Полтавы» и ряда лирических стихотворений Людмила Стоянова, переводы из пушкинской лирики Крума Пенева, Христо Радевского и впервые появившийся в Болгарии перевод лермонтовского стихотворения «На смерть Пушкина» Людмила Стоянова. Передовая болгарская литература и общественная мысль, таким образом, исключительно горячо откликнулись на знаменательную дату.

Сопоставление этих откликов с выступлениями прогрессивных литературных и общественных сил в других славянских странах, прежде всего в Польше и в Чехословакии, свидетельствует о том, что в 1937 г. перед лицом агрессивного фашизма лучшие силы передовых славянских литератур объединились вокруг имени великого русского поэта в защиту подлинной демократии, свободы и цивилизации против поднимающейся волны варварского мракобесия и человеконенавистничества. Чествуя Пушкина, передовое славянство выражало вместе с тем свою глубокую и искреннюю признательность его великой Родине — оплоту мира и демократической культуры во всем мире.

Передовая болгарская общественность пронесла высокий образ Пушкина и через годы второй мировой войны и героического сопротивления болгарской революционной демократии германо-фашистскому режиму на Балканах. Свидетельством этому служит относящееся уже к годам войны стихотворение «Пушкин» поэта Пантелея Матеева:

В години войн, и смуты, и тревоги,
 Когда все дни под пеплом душевной мглы,
 Когда все лица пасмурны и строги,
 Когда все мысли скорбно тяжелы,
 Нам чужд порыв лирических волнений,
 Веков прошедших нам чужда мечта,
 Нет, наша речь — не пафос песнопений:
 Она скупа, сурова и проста.

Но и теперь, сквозь канонады грохот,
Сквозь стон и боль, сквозь звон штыков стальных,
Доносится, как волн далеких рокот,
О Пушкин, твой разящий стих!

Стары, как мир, мученья и страдания.
Бунт величав! Он громом прогремит,
В нем всех народов наших упование.
Мы славим гнев, что молнией разит...

Сияй, поэт, в веках весной лучистой,
Звени своим пленительным стихом.
Воспев мечту казненных декабристов,
Ты сам убит кровавым палачом.

В твоих созвучьях мы слышим снова
Ту мысль, которой мир ты освещал,
Которую могучим мудрым словом
Своим потомкам в мире завещал.¹

9 сентября 1944 г. в результате исторических побед Советской Армии и народного восстания в Болгарии был свергнут кровавый монархо-фашистский режим. Новая, демократическая Болгария осуществила вековые мечты своего народа и вступила при братской помощи Советского Союза на путь социалистического строительства. В культурном строительстве новой, свободной Болгарии, развивающемся в самой тесной, братской связи с культурой великого советского народа и стран народной демократии, наследие Пушкина занимает высокое и достойное его место. Свободолюбие, народность, патриотизм и жизнеутверждающий оптимизм пушкинской поэзии становятся теперь еще более близким и интимным достоянием болгарского народа.

В 1948 г., в связи со сто одиннадцатой годовщиной со дня смерти поэта его болгарский биограф Камен Зидаров отмечал: «Многообразное и огромное пушкинское наследие должно быть изучено еще и потому, что оно глубоко созвучно нашей современности. Его торжественный, жизнеутверждающий оптимизм, его вера в торжество разума, в объективную реальность жизни и вера в высокое призвание человека, его пламенное стремление к свободе, его поэзия борьбы и побед, его глубокая связь с источниками народной мудрости и народных сил, его устремленность к тому светлому будущему, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», — все это изо дня в день с большей силой раскрывает перед нами очарование пушкинской поэзии и заставляет нас чувствовать его своим, родным поэтом».

Выражая в этих словах точку зрения всей передовой болгарской общественности наших дней, Камен Зидаров характеризует положительные мотивы восприятия пушкинской поэзии болгарским народом, исторически

¹ «Песни и думы». Переводы с болгарского. М., 1941, стр. 55—56.

восходящие, как мы видели, к периоду национального возрождения и национально-освободительной революции, но обогащенные опытом строительства новой демократической Болгарии и ее тесных связей с культурой Советского Союза.

Демократическая болгарская общественность словами Камена Зидарова подчеркивает огромное политическое значение пушкинской поэзии в современности: «И ныне, когда юбилей Пушкина совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны, когда впереди демократического и прогрессивного мира идет миролюбивое славянство во главе с непобедимым Советским Союзом, — с какой жестокой обвинительной силой звучат слова поэта против тех новых «клеветников России», которые хотят забыть, что отдали советские народы для избавления мира от гитлеро-фашистского ига, и прилагают преступные усилия для организации нового похода против СССР».

Так в сознании передовой болгарской общественности содержание пушкинской поэзии тесно и неразрывно сплетается с высокой идеей демократической солидарности свободных славянских народов и их единого устремления к мирному, созидательному, социалистическому труду.

Свободная Болгария, как и все страны народной демократии, деятельно готовилась к столетиядесятилетию со дня рождения великого русского поэта, давно уже ставшего неотъемлемым достоянием и болгарской народной культуры. Нет сомнения в том, что этот юбилей еще более укрепил моральные и культурно-политические связи между болгарским народом и народами Советского Союза. Нет и не может быть также сомнения в том, что поэзия Пушкина, в которой с такой предельной чистотой воплощены заветные народные чаяния, навсегда останется прочным звеном непоколебимой братской связи болгарского и русского народов.

Доктор исторических наук
А. В. Предтеченский

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА

Мировоззрение Пушкина реалистично. Источником его идей всегда была сама жизнь во всем бесконечном многообразии ее конкретных форм. Всякая метафизика совершенно чужда великому поэту. Жизнь входила в сознание Пушкина, не искаженное никакими каноническими, оостеневшими нормами мышления и поведения. Жизненный опыт обобщался Пушкиным и вырабатывался в мировоззрение в мучительной борьбе. Многогранность Пушкина делала его восприимчивым ко всему многообразию жизни. Сложность и противоречивость жизненных явлений ставила перед ним вопросы, на которые он не находил готового ответа. Его приходилось искать самому. Путь был труден и наполнен многими срывами и ошибками. О них говорит сам поэт. В 1819 г. он писал: «Так исчезают заблужденья с измученной души моей».¹ О душевных муках говорит Пушкин и в более ранних стихотворениях. Например, в послании Горчакову (1817):

Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.²

В одной из элегий 1817 г., единственной включенной Пушкиным в сборник 1826 г., а следовательно, особенно им ценимой, он писал:

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подыблю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон...³

---

¹ А. С. Пушкин. Возрождение. Соч., т. I, стр. 369.

² Там же. Князю А. М. Горчакову, стр. 250.

³ Там же, К***, стр. 311.

Хочется вспомнить при этом следующие слова Белинского: «...Грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованье нежной, но слабой души; нет, это всегда грусть души мощной и крепкой... Пушкин никогда не расплывается в грустном чувстве; оно всегда звенит у него, но не заглушая гармонии других звуков души и не допуская его до монотонности».¹ В послании Чаадаеву в 1821 г. Пушкин писал:

Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный...²

Такие признания относятся к концу 10-х и началу 20-х годов, и немало усилий пришлось потратить поэту, прежде чем он вырвался из плена педобных настроений.

Одной из примечательнейших сторон пушкинского реалистического мировоззрения был его историзм. Любое явление он всегда рассматривает в движении и изменении. Всякое явление Пушкину представляется не в его непосредственной данности, а в сложной взаимосвязи и взаимодействии с другими. Эти другие явления рассматриваются им не только как существующие вместе с данным явлением, но и как предшествующие ему. Для Пушкина всякое явление предстает не в его статике, а в динамике, всякое явление продолжается. Так возникает непрерывность прошлого, настоящего и будущего.

В своей исторической концепции Пушкин далеко оставил за собой историков XVIII в., провозглашавших движущей силой исторического процесса разум и волю индивидуума, т. е. по существу отрицавших закономерность исторического процесса. Рационализм и метафизический материализм XVIII в. Пушкин преодолел. Пушкинская историческая концепция оставляет далеко позади и то понимание истории, которое лежало в основе взглядов современных ему историков, в лучшем случае улавливавших лишь некоторые закономерности процесса.

Обусловленность процесса во времени, т. е. связь каждого последующего периода с предшествующим и изучение тех изменений, какие происходят при смене этих периодов, их мало интересовали. Обусловленность процесса во времени неизбежно наталкивала бы на мысль об изменчивости сложившихся к их времени социально-экономических отношений и социально-экономического строя. Став на эту точку зрения, они должны были отказаться от провозглашения принципа вечности этих категорий.

Пушкин не пошел и не мог пойти за этими историками, так как ничто не могло быть ему более чуждо, чем убеждение в неизменности как феодально-крепостнической монархии, так и капиталистического строя, который уже сложился в одних странах Западной Европы или еще склады-

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая. Собр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1948, стр. 362.

² А. С. Пушкин. Чаадаеву. Соч., т. II, стр. 47.

вался в других. Если историк ставил своей задачей доказать незыблемость того или иного социально-политического строя, он становился чуждым Пушкину. Эпиграмма его по поводу «Истории Государства Российского» Карамзина должна быть рассматриваема не только как протест против реакционной политической тенденции сочинения Карамзина, но и как опровержение самой методологии его: невозможно было доказать историческую незыблемость самовластия.

Было бы, конечно, неверно представлять себе, что историческая концепция Пушкина, которой определялось его отношение к прошлому, настоящему и будущему, была внутренне совершенно установившейся. Это не так, и в историческом мировоззрении великого поэта было немало противоречивого. Эта противоречивость нашла свое выражение во многих его высказываниях.

Остановимся на одном, двух примерах. В исторических заметках, сделанных еще в начальной стадии идейного роста Пушкина (1822), он несомненно, преувеличивает роль личности Петра. Он рассматривает перемены, произведенные Петром, как переворот столь большой силы, что исторический процесс пошел по совершенно другому пути. Он пишет: «Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки».¹ Здесь как будто сознание непрерывности и закономерности процесса изменило Пушкину. Еще более отчетливо представление Пушкина о личности Петра, как о силе, опрокидывающей законы истории, сказалось в характеристике послепетровского периода, помещенной в тех же исторических заметках. «Ничтожные наследники северного исполина,— пишет Пушкин, — изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности...»²

Проходит три года после того, как были написаны исторические заметки, и в «Борисе Годунове» роль личности развенчивается. И Борис и самозванец вытесняются со сцены истории единственной подлинной движущей силой исторического процесса — народом. В «Борисе Годунове» народ не только главное, но в сущности единственное действующее лицо. Он незримо присутствует в трагедии даже тогда, когда сцена занята другими действующими лицами. Воля народа — единственная пружина всего действия, все персонажи трагедии в той или иной степени зависимы от этой силы.

Но проходит еще восемь лет, и в «Медном всаднике», в этом наиболее значительном, быть может, произведении Пушкина с точки зрения понимания историзма его мышления, снова личность Петра предстает в тех исполинских масштабах, какие намечены в исторических заметках. В «Мед-

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века, т. VIII, стр. 121.

² Там же, стр. 122.

ном всаднике» народ отсутствует вовсе — и как действующее лицо и как скрытая сила. Трагический конфликт в поэме разыгрывается в личном плане. Столкновение двух социально-политических сил показано как столкновение двух личностей. Страшная сила деспотизма отождествляется с Петром, Петр и деспотизм — понятия идентичные.

Так противоречив Пушкин в решении вопроса о движущих силах исторического процесса. Нельзя, конечно, не принять во внимание и то обстоятельство, что над образом Петра как личности тяготела сильная научная и бытовая традиция, что освободиться от нее было трудно не только Пушкину, но и людям гораздо более позднего времени.

Другой пример внутренней незаконченности исторической концепции Пушкина.

В исторических заметках он допускает возможность слияния противоборствующих социальных групп в единое целое. «Нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, — пишет он, — желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла».¹ Если под «желанием лучшего» подразумевать, как это следует из контекста, стремление освободить крестьян, то, с точки зрения Пушкина, это стремление свойственно всем сословиям, следовательно, и помещикам. Интересы крестьянства и дворянства, рассуждает Пушкин, могут совпасть. В «Истории Пугачева», созданной в 1833 г., не остается и следа от этой мысли. Там крестьяне и дворяне представлены как две борющиеся социальные группы, между которыми не может быть никакого единения.

Быть может, отсюда можно сделать вывод, что Пушкин впоследствии окончательно понял невозможность сочетать столь противоположные интересы, как интересы рабов и господ. Такой вывод был бы не совсем верен. В «Путешествии из Москвы в Петербург», написанном двумя годами позднее «Истории Пугачева», снова звучат мотивы примирения. И это, видимо, не сплошь фальшивые мотивы, вызванные цензурными соображениями.

Противоречивость Пушкина вытекает из той исторической ограниченности, которая была свойственна дворянину 20—30-х годов, приблизившемуся к революционному разрешению кризиса феодально-крепостнической монархии или даже вступившему на путь революционной борьбы. Но суждения Пушкина не были столь противоречивы, чтобы можно было говорить о их полной непримиримости, о том, что они исключают друг друга. Придя к мысли, что народные массы являются главной движущей силой истории, — а пришел к этой мысли Пушкин очень рано, — он уже не мог от нее отказаться. И если сила личности, с точки зрения Пушкина, иногда подавляла силу народной массы, то это было явлением временным и редким. Точно так же мысль о непримиримости интересов господ и рабов — а к этой мысли Пушкин пришел только к последним годам жизни — допускала лишь минутные сомнения и колебания.

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века, т. VIII, стр. 123.

Как было сказано, Пушкин историчен всегда, когда он говорит о себе, о людях, когда он всматривается своим гениально прозорливым взором в жизнь народа, в жизнь государства. Непрерывность жизненного процесса, связь прошлого, настоящего и будущего ощущается Пушкиным всегда. Великолепны по своему глубокому смыслу следующие строки из второй главы «Евгения Онегина» (1823), столь восхитившие Белинского, что ими он закончил свою статью о «Евгении Онегине»:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут ...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! ¹

Те же мысли, год от году становясь глубже и значительнее, заключены и в последующих произведениях. Таковы «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829), «Вновь я посетил» (1835). В стихотворении «Памятник», написанном в пору полной творческой и идейной зрелости поэта (1836), с необычайной яркостью сказалась историчность его мышления. Можно говорить, что в нем Пушкин не только определил свое место в истории, но и показал, какое место история занимает в его мировоззрении. Это произведение никак нельзя толковать, как непосредственно обращенное к самому себе. Это стихотворение не о поэте Пушкине, а об исторических судьбах поэтического творчества. В нем Пушкин самого себя рассматривает как бы сквозь историческую призму. Признание Пушкиным своим непосредственным предшественником Радищева с особой ясностью подчеркивает это.

Историзм мышления Пушкина раскрывается не только в его художественном и научном творчестве. Интересно в этом отношении его письмо к П. А. Плетневу, написанное в 1831 г., в котором Пушкин в нескольких шутливых и самых будничных словах изложил глубокую философско-историческую мысль. «Дельвиг умер,— пишет он,— Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо». ²

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. II. Соч., т. V, стр. 53—54.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 368.

Но, конечно, с наибольшей ясностью раскрывается историзм пушкинского мышления тогда, когда он имеет возможность говорить об истории в собственном смысле этого понятия. В эпилоге «Кавказского пленника», произведения еще юношески незрелого, поэт говорит о «преданьях грозного Кавказа». Изображение современных ему событий заставило его вспомнить и «Мстислава древний поединок», и те времена,

Когда на Терекѣ седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...

и того, кто «губил, ничтожил племена»¹ Кавказа — Котляревского. Пушкин словно почувствовал, что если поэма будет заканчиваться бегством пленника, она останется незавершенной. Чтобы все стало на свои места, чтобы поэма приобрела внутреннюю законченность, надо было рассказ об эпизоде из жизни некоего безвестного человека, которому поэт даже не пожелал дать имени, вплести в историческую ткань. Так сразу же образ кавказского пленника приобретал совершенно конкретные и притом национальные черты.

Замечательные мысли, обнаруживающие тончайшее понимание сущности исторического процесса, были высказаны Пушкиным в стихотворении «К вельможе» (1830). Французская революция 1789 г. рисуется Пушкину событием такой громадной силы и значительности, что предшествующие ей явления, когда-то приковывавшие к себе внимание всего мира, тускнеют и теряют свое былое значение.

...Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон...

Замечательна мысль о законе, установленном свободой. «Преобразился мир при громах новой славы», — пишет Пушкин далее. Это не просто признание совершившегося переворота, но и признание его преобразующего значения. Новую страницу истории открыла собой революция. Имена многих людей оказались на уже перевернутых страницах книги истории.

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.³

¹ А. С. Пушкин. Кавказский пленник, эпилог. Соч., т. IV, стр. 129 — 130.

² А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

³ Там же.

Просветители XVIII в. забыты. Но что им пришло на смену? Чем живет то новое, что утвердилось во Франции. Быть может, новые, более глубокие и более совершенные идеи родились в ней, идеи, в свете которых просветительство оказалось действительно устаревшим? Нет, это не так. Пришедшая после революции к власти буржуазия бессильна создать что-либо значительное. Ее внимание поглощено тем, что через короткое время так выразительно было сформулировано в лозунге Людовика-Филиппа — «Обогащайтесь!»

Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколения.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры
Иль спорить о стихах.¹

Так осквернена слава преображенного мира, так растоптан закон, добытый грозной свободой.

Совершенно исключительное значение для понимания историзма мышления Пушкина имеет «Медный всадник». Ни в одном произведении Пушкина прошлое и настоящее не сплетается столь тесно и неразрывно. Последовательность развития замысла этого произведения не может быть установлена, — Пушкин унес с собой в могилу эту тайну. От чего оттолкнулся Пушкин в создании «Медного всадника», — от 1824 г., который привел его к 1703 г., или, напротив, от 1703 г. пришел к 1824 г.? Вопросу этому, повидимому, навсегда суждено остаться без ясного и точного ответа. Но в одном можно быть уверенным: Пушкин воспринимал весь этот двадцатилетний промежуток времени как нечто неразрывное. Петр всегда рисовался Пушкину в двух планах: он и великий гений, преобразователь государства, но он и жестокий деспот, ни на минуту не выпускающий из своей руки кнута, которым он то полосует спины своих подданных, то пишет указы. Творческая сила Петра, вызвавшая к жизни Петербург, иссякла. Но разрушительная сила деспота, построившего город, который продолжает умерщвлять людей, как он их умерщвлял при своем основании, все еще живет. Петр-творец умер, но Петр-деспот продолжает жить в лице его преемников. Убивающая тело и душу человека страшная сила деспотизма сохранилась и до пушкинского времени.

Никто до Пушкина не проникал так глубоко в сущность деспотической силы самодержца. Нигде Пушкин не говорил об этом с такой ясностью и глубиной, как в «Медном всаднике». В этом смысле «Медный всадник» — одно из наиболее насыщенных философско-историческим и политическим содержанием произведений Пушкина.

¹ А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

Как формировалось историческое мировоззрение Пушкина? Ему было тринадцать лет, когда началась Отечественная война 1812 г. Впечатления от этой великой эпопеи были одними из первых, вошедших в его рано начавшее формироваться сознание и оставивших в нем глубокий след на всю жизнь: совсем незадолго до своей смерти он вспоминал в стихотворении о лицейской годовщине (1836) о пережитом им патриотическом подъеме в словах, свидетельствующих, что и через четверть века воспоминания о нем не утратили своей свежести. Война 1812—1814 гг. поставила перед всей передовой дворянской интеллигенцией проблему народа. Встала она и перед Пушкиным.

Постоянно возвращаясь к мысли об Отечественной войне, Пушкин понял, что народ не может быть объектом истории, что он является действующим лицом ее, причем главным действующим лицом. Роль дворянской массы в Отечественной войне стала ему ясна. Эту роль Пушкин с едким сарказмом определил в «Рославлеве»: «...все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».¹ У Пушкина явилась потребность ближе познакомиться с прошлым того народа, который на глазах у него совершил великий подвиг спасения Родины и освобождения Европы от наполеоновского ига, народа, который на своих плечах вынес все испытания, выпавшие на долю Родины за все ее многовековое существование.

Чем пристальнее изучал Пушкин историю русского народа, тем сильнее росли в нем любовь и уважение к народу. «Клянусь честью, — писал Пушкин Чаадаеву, — ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»² Множество раз он говорил о своей глубокой привязанности к Родине и родному народу и всей своей деятельностью показал, что это не простые слова. Гневным презрением клеймил он тех, кто был лишен этого чувства.

Но народные силы не могут быть исчерпаны в борьбе народа за свою национальную независимость. История великого народа не сводилась только к тому, что он подымался на борьбу то с татарами, то со шведами, то с Наполеоном. Если бы Пушкин рассуждал так, он не имел бы оснований говорить о Разине, как о единственном поэтическом лице нашей истории, он не написал бы ни «Капитанской дочки», ни «Истории Пугачева», ни «Кинжала», ни «Вольности», ни посланий к декабристам и к Чаадаеву. Пушкин понимал, что современная ему история определяется не только событиями 1812—1815 гг. Вслед за падением наполеоновской империи поднялась новая волна народного движения, направленного не против того

¹ А. С. Пушкин. Рославлев. Соч., т. VI, стр. 206.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 595 (подлинник по-французски; перевод текста — стр. 867).

врага, который раз в столетие появлялся у границ отечества, грозя его целостности и независимости, а постоянно, на протяжении уже многих веков, изо дня в день вел борьбу с народом, отвоевывая у него драгоценный дар — свободу. После 1815 г. народное движение, направленное против помещиков и правительства, приняло широкие размеры. К этому движению, так же как и к национально-освободительной борьбе в Западной Европе, с величайшим вниманием относились декабристы. С таким же вниманием всматривался в развитие борьбы народов и Пушкин, связанный с декабристами самыми тесными узами идейного родства.

Так возникает острый интерес Пушкина к прошлому своей страны и своего народа.

Пушкин шел к истории не потому, что он хотел уйти от современности, а потому, что современность толкала его к изучению прошлого. Гениальный ум поэта и безграничная широта его кругозора подсказывали ему, что осмыслить современность, понять то, что составляет основное содержание ее, нельзя без обращения к прошлому. С исчерывающей ясностью и абсолютной точностью он сам выразил это в следующих словах своего отзыва об «Истории Малороссии» Г. Кониского: «...о д н а т о л ь к о и с т о р и я н а р о д а м о ж е т о б ь я с н и т ь и с т и н н ы е т р е б о в а н и я о н о г о...» (разрядка моя.— А. П.)¹

Отсюда и интерес Пушкина к социальной борьбе и классовым конфликтам. В преддекабристский период этот интерес нашел свое наиболее яркое выражение в «Борисе Годунове». Как будто в ответ на призыв В. Ф. Раевского в послании «К друзьям» (1822) —

Пора друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена,—²

как будто отвечая на этот призыв, Пушкин написал трагедию, один из вариантов названия которой был таков: «Летопись о многих мятежах». После восстания декабристов интерес Пушкина к движениям народных масс не только не потускнел, но и, напротив, усилился. Уже в 30-х годах были созданы «История Пугачева» и «Капитанская дочка», в которых с полной ясностью и определенностью говорилось о непримиримости интересов народа и господствующих классов. В замечаниях к «Истории

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского... Соч., т. VII, стр. 335.

² В. Ф. Раевский. К друзьям. Сб. «Поэты-декабристы». Б-ка поэта, Сов. писатель, Л., 1949, стр. 251.

Пугачева» Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».¹

Так современность и история сливались в представлении Пушкина в единое и неразрывное целое.

Так выработывался в нем тот историзм мышления, который составляет одну из примечательнейших сторон его мировоззрения и который в той или иной степени нашел свое отражение во многих и многих его произведениях.

Интерес Пушкина к истории, постоянное обращение его к историческим сюжетам, историзм его мышления оказали на развитие русской общественно-политической мысли громадное влияние. Пушкин — первая книга у всякого начинающего учиться читать. Персонажи «Капитанской дочки», «Бориса Годунова», «Медного всадника» и других произведений, написанных на исторические темы, знакомы и близки каждому русскому человеку с детских лет. С толкованием Пушкина образов Пугачева или Петра ребенок знакомился раньше, чем он поступал в школу. И как бы ни старалась дореволюционная казенно-школьная история привить школьнику такое толкование образов Пугачева или Петра, какое соответствовало требованиям самодержавно-крепостнического государства, представление о человечности Пугачева и грозной силе Петра, внушенное Пушкиным его читателям, оставалось неизгладимым на всю жизнь. Сила гения Пушкина перевешивала упорную и длительную работу казенных школьных воспитателей. Неизмерима заслуга Пушкина в деле пропаганды исторических знаний, пропаганды, воспитывавшей ненависть к деспотизму и любовь к угнетенному народу.

У тех дореволюционных читателей Пушкина, которые внимательно вчитывались в произведения поэта и научались с течением времени понимать их глубокий смысл, историзм Пушкина разрушал веру в неизменность и неизбежность того социально-политического строя, при котором они жили. Так воспитывалась в них Пушкиным воля к борьбе за свободу.

Русская художественная литература всегда была насыщена высоким идейно-политическим содержанием. Нельзя не вспомнить замечательных слов Герцена, сказанных им о русской литературе: «Литература у народа, не имеющего политической свободы, единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совети».² Передовая русская художественная литература оказывала могучее

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Замечания о бунте. Соч., т. VIII, стр. 357—358.

² А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 350.

революционизирующее влияние на поколения русских людей. Ее воздействие нельзя не принять во внимание при объяснении того беспримерного в истории человечества идейно-политического развития русского народа, которое сделало Россию родиной социализма, родиной величайших гениев человечества — Ленина и Сталина. В ряду русских писателей, создавших произведения, оказывавшие наиболее действенное революционизирующее влияние на народные массы, Пушкину принадлежит одно из самых видных и значительных мест.

Доктор филологических наук
В. А. Десницкий

ПУШКИН И ЕГО ВРЕМЯ

речи-статье 1933 г. «О кочке и о точке» М. Горький сказал о своей литературной деятельности в советские дни: «Молодым людям покажется смешным, если я, старик, сознаюсь, что пишу сейчас в том настроении, которое на утренней заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды».¹ Что хотел сказать этими словами основоположник искусства социалистического общества? Ни для нас, ни для него самого, разумеется, в этих словах нет ничего «смешного». Если М. Горького несколько смущал его юношеский энтузиазм, выявленный пред лицом «молодых», то мы прекрасно знаем, что он и в старости поистине был молод. Смысл его слов заключается в том, что в условиях советской действительности исчезла та противоречивость отношений между художником и его временем, которую писателю классового капиталистического общества нужно было с мучительным трудом преодолевать, чтобы дать более или менее полное и четкое выражение своим мыслям и чувствам. Об этих трудностях писательского дела в классовом обществе М. Горький прекрасно знал по опыту своей литературной деятельности до Великой Октябрьской социалистической революции. Знал он и то, что далеко не всем его предшественникам удавалось в условиях своего времени преодолеть эти трудности.

В условиях советской действительности — и именно это хотел сказать и сказал М. Горький — у честного истинного художника нет и не может быть действительных противоречий с его временем; в условиях складывающегося коммунистического общества в нашей стране художник может дать самое полное выражение своим самым смелым дерзаниям.

Иначе слагались отношения к своему времени у Пушкина, который для образования и развития новой русской литературы имел,

---

¹ М. Горький. О литературе, М., «Советская литература», 1934, стр. 148.

в известной мере, то же значение, что и М. Горький для возникновения искусства наших дней, искусства социалистического реализма. Оба великих писателя, критически осваивая опыт предшествующего развития национальной литературы, пролагали ей новые пути, определенные своеобразием исторических условий своей эпохи и классовой обусловленностью и направленностью своего творчества.

Эпоха Пушкина была полна событий исключительной исторической значимости как в национальном, так и в общеевропейском и мировом плане. Это была эпоха становления и укрепления буржуазного общества, революционной ликвидации феодализма, борьбы народов за свою национальную независимость, провозглашения «незыблемых и вечных прав» человека и гражданина; при этом классовая, эгоистическая сущность этих «прав» для большинства людей того времени была неясна, неуловима, неощутима в пышной фразеологии проповедников торжества «разума и свободы», нередко искренних в своей уверенности, что победа буржуазии, уничтожение феодализма принесет свободу, равенство, братство всем людям.

В то же время эпоха Пушкина была преддверием новых социальных бурь, новых классовых противоречий и столкновений, и в предвидении этих зреющих конфликтов у лучших людей эпохи тускнел, терял свою привлекательность буржуазный индивидуализм, угасала вера в «общечеловеческое» содержание победившего буржуазного «разума».

Пламенный и гордый патриот Пушкин, «один из мировых исполинов искусства», гений, «в минутах жизни» которого, по выражению Белинского, «замыкались целые века», прекрасно сознавал богатство и многообразие социального, политического, культурного содержания своей эпохи, которое и давало силу его гению, определяло глубину и действенность его творчества.

Пушкин, по выражению М. Горького, «знающий прошлое своей страны, но не отравленный им», «гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России»,¹ часто обращает свой взор на Запад, вспоминает недавнее славное прошлое Европы, сопоставляет его с настоящим. В послании 1830 г. «К вельможе» он вспоминает «век просвещения» и дни французской революции:

Все изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк...

¹ М. Горький (статья без названия), «Путь освобождения», 1917, № 1, 15 июня, стр. 15.

И он предчувствует новые грозы, новые социальные битвы:

... Смотри: вокруг тебя
 Все новое кипит, бывшее истребя.
 Свидетелями быв вчерашнего паденья,
 Едва опомнились молодые поколения.
 Жестоких опытов собирая поздний плод,
 Они торопятся с расходом свесть приход.¹

И ранее, в 1824 г., в дни нарастания на родине декабристских замыслов и настроений, Пушкин в раздумье обращает взор свой к Западу:

Давно ли ветхая Европа свирепела?
 Надеждой новою Германия кипела,
 Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
 За Пиренеями давно ль судьбой народа
 Уж правила свобода,
 И самовластие лишь север укрывал?²

Важные события в жизни Европы не только входят в сознание Пушкина, задерживают на себе его внимание, но и находят свое выражение в его творчестве: французская буржуазная революция и ее деятели, Наполеон в его величии и падении, борьба за свободу и национальную независимость в разных странах Европы — в Греции, Испании, Италии, реакционный Священный Союз и его поборники и враги.

Но мировоззрение и творчество Пушкина складываются и определяются главным образом событиями родной ему отечественной действительности, думами о судьбах и величии России. Еще юношей, вскоре по выходе из Лицея, Пушкин в 1818 г. пишет в послании к Чаадаеву:

Пока сердца для чести живы,
 Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы!³

И этот призыв к другу юности для самого Пушкина был до смерти определяющим его деятельность, руководящим жизненным принципом. Герцен сказал о Пушкине, что он — «до глубины души русский, и русский петербургского периода», что он «как нельзя более национален и в то же время понятен для иностранцев», что он проникнут «инстинктивною верою в будущность России», что «в его душе отдавались торжествующие и победные крики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах».⁴ Мы знаем, что Пушкин гордился «великим днем Бородина», что ему всегда была дорога «вечная память двенадцатого года», что он хорошо помнит «начальников

¹ А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

² А. С. Пушкин. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 173.

³ А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

⁴ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. Лемке, Пг., 1917, т. VI, стр. 355.

народных наших сил, покрытых славою чудесного похода».¹ Еще на школьной скамье, в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814), он разделяет гордые чувства русского народа, изгнавшего из своих пределов полчища доселе непобедимого Наполеона, завоевателя и поработителя Европы:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...²

В Лицее и по выходе из него Пушкин живет вольнолюбивыми думами и настроениями будущих декабристов, и сам он, его творчество накануне 14 декабря 1825 г. было одним из сильнейших, действенных возбудителей мощного освободительного движения.

Пушкин живет радостями и горем своей страны, его волнует настоящее и будущее родины. И в попытках разгадать завтрашний день России он обращается к изучению ее судеб в прошлом. Его волнует гений Петра I, в его деятельности он видит залог будущего России; он изучает движение народных масс в прошлом для того, чтобы понять настоящее и будущее России, ибо народ, по его глубокому убеждению, истинный, решающий деятель исторического процесса. Его влекут к себе образы народных героев, воспетых в чудесных песнях русского народа. Для него Степан Разин — самое поэтическое лицо в русской истории. В минуты радости и печали он неизменно обращается к источнику мудрости и красоты — к народу, к его поэзии, к его языку. В первой половине ноября 1824 г. он пишет брату Л. С. Пушкину: «...Вечером слушаю сказки... и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».³ Как драгоценные зерна, собирает он поразившие его простотой, глубиной и своеобразием народные слова и выражения. Вот, например, пишет он П. А. Вяземскому из Болдина 5 ноября 1830 года: «Здесь крестьяне величают господ титулом Ваше здоровье: титул завидное...»⁴

Свою литературную деятельность Пушкин рассматривает как выполнение обязанности перед родиной и народом. Об этом превосходно сказал своим слушателям—рабочим—в Каприйской школе М. Горький: Пушкин «первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недостижимую:

¹ А. С. Пушкин. Полководец. Соч., т. III, стр. 329.

² А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 316.

в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».¹

И Пушкин, как гений, как патриот, живет одними думами и чувствами со своим народом; по образованию и культуре он выше своего века, на языке разума, свободы и красоты он перекликается с голосами всех времен и народов, он более чем кто-либо не только в России, но и во всей Европе был призван как русский национальный поэт выразить лучшие мысли и чувства людей своей эпохи.

Уже в Лицее он на голову выше всех его окружающих — и товарищей-соучеников, и своих учителей, — и не столько, разумеется, по объему знаний, сколько по глубокому постижению явлений жизни, умению исторически мыслить, по живому ощущению реальной действительности. Ни Кошанский, ни Георгиевский не могли подсказать Пушкину тех метких суждений о русских и европейских писателях, которые поражают нас в его лицейских стихотворениях. В 1816 г. для Пушкина Ломоносов «исполин», с которым не было сил «тягаться» «карлику», «завистливому гордецу, холодному Сумарокову»:

Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?²

И благодарность лицейским учителям уже зрелого Пушкина в 1825 г. звучит весьма ограниченно:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честью, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.³

В сознании Белинского Пушкин «один из мировых исполинов искусства». В январе 1840 г. Белинский пишет К. С. Аксакову: «Радуюсь твоей новой классификации: Гомер, Шекспир, Гоголь, но я дивлюсь ей... У меня на месте Гоголя стоит Пушкин. Это Россия и единственный русский национальный поэт, полный представитель жизни своего народа. Да, велик Гоголь, поэт мировой: это для меня ясно, как $2+2=4$, но... Пушкин...»⁴ А в письме 29 сентября 1839 г. к Н. В. Станкевичу, полемизируя в нем с Грановским, да в сущности и со Станкевичем, который не склонен был признать «всемирное» значение Пушкина, великий критик подчеркивает национальное своеобразие русского поэта и тем еще более усиливает его права на руководящее место в мировом искусстве слова. Белинский пишет о Грановском: «А как он понимает Пушкина — да здравствует идиотизм! Куда Пушкину до Шиллера! А по нашему так Шиллеру до Пушкина —

¹ М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., Гослитиздат, 1939, стр. 91.

² А. С. П у ш к и н. К Жуковскому. Соч., т. I, стр. 194.

³ А. С. П у ш к и н. 19 октября. Соч., т. II, стр. 282. (Разрядка моя. — В. Д.)

⁴ В. Г. Б е л и н с к и й. Письма, под. ред. Е. Ляцкого. 1914, т. II, стр. 24.

далеко кулику до Петрова дня... Небось, он (Пушкин) не впал бы в аллегорическую, не написал бы галиматый аллегорико-фантастической, известной под именем 2-й части Фауста, и не был способен писать рефлексированных романов вроде «Вертера» или «Вильгельма Мейстера»... Нет, приятели, убирайтесь к чорту с вашими немцами — тут пахнет Шекспиром нового мира!..»¹

Но если мы обратимся к высказываниям самого поэта, чтобы узнать, как он себя чувствовал — поэт и человек, гражданин отечества — в социально-политических и культурных условиях своей эпохи, то увидим, что это были совсем иные настроения, совсем иные чувства, чем те, о которых говорил советский писатель М. Горький своим младшим товарищам по профессии. Вспомним чудесное стихотворение Пушкина «Эхо», это как бы гордое исповедание веры поэта и в то же время горестное признание его одиночества среди окружающих людей.

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
и плешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты поэт!²

Многочисленные жалобы поэта на свое положение среди окружающего его общества, на те унижительные условия, в которые он был поставлен, как человек и поэт, раскрывают нам смысл этого признания.

Вот в апреле 1820 г. он пишет Вяземскому: «Петербург душен для поэта».³ Всю жизнь мечтал Пушкин о путешествии, мечтал посмотреть те места, с которыми были связаны его воспоминания о близких ему по духу поэтах, ему хотелось познакомиться с иными формами быта и отношений между людьми, чем те, которые он видел у себя на родине. И его мечта так и осталась мечтой. Даже самовольная его поездка на театр военных действий в 1829 г. в Арзрум доставила ему много неприятностей со стороны «опекунов» и надзирателей. В 1828 г. он пишет в послании «Друзьям»:

Беда стране, где раб и лстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.⁴

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 341.

² А. С. Пушкин. Эхо. Соч., т. III, стр. 227. (Разрядка моя. — В. Д.)

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 16.

⁴ А. С. Пушкин. Друзьям. Соч., т. III, стр. 48.

Материально не обеспеченный, службой при дворе вынужденный жить выше средств, доставляемых ему литературным заработком, Пушкин пишет жене в июне 1834 г.: «...я не должен был вступать в службу, и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком, ниже у господ бога».¹

Раздражало и унижало поэта вмешательство в его частную жизнь. Он знал, что его письма — даже к близким ему людям — перехватывают, вскрывают, читают. И он, всегда ясно и открыто выражавший свои чувства, пишет жене: «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее (т. е. при дворе.— В. Д.) — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен».²

Полицейский надзор и жандармская опека, «покровительство» царя, взявшего на себя обязанности цензора пушкинских произведений, довели его до бешенства: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»,³—писал он жене в 1836 г. и ей же в 1834 г.: «Посмотрим, как то наш Сашка (сын. — В. Д.) будет ладить с порфирородным своим тезкой (будущим царем, наследником Николая I.— В. Д.); с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».⁴

Но показательно для Пушкина, что даже в минуты самого жестокого возмущения против самовластия царя и тугой пошлости светской черни он остается верен своей родине, своему народу.

Вскоре после того, как Пушкин узнал о жестокой участи преданных суду декабристов, он 14 августа 1826 г. писал Вяземскому: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».⁵ Чувство горести и возмущения было еще тем сильнее, что Пушкин видел, как трусливо, подло, предательски отнеслось так называемое общество к трагической участи своих лучших представителей. Знаменитый мракобес, московский «златоуст», архиепископ Филарет в день коронации Николая I 22 августа 1826 г. при вступлении царя в Успенский собор приветствовал его речью. Он упрекнул Николая I за «умедление» прибытием в Москву на коронацию, но вслед за тем и разъяснил истинный смысл этого риторического упрека: «умедление твое было нам благодеяние», ты «спешил утвердить нашу безопасность». И от имени церкви одобряет жестокую расправу

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 489.

² Там же, стр. 496—497.

³ Там же, стр. 582.

⁴ Там же, стр. 474—475.

⁵ Там же, стр. 211.

царя с декабристами, пять из которых были повешены 13 июля 1826 г., т. е. всего за сорок дней до коронации: «Не смущают ли при сем духа твоего прискорбные напоминания?— Да не будет!»

Ленин так характеризовал расстановку общественных классов в России после разгрома восстания декабристов: «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ». ¹ К числу этих лучших людей принадлежали декабристы и Пушкин.

Пушкин не участвовал непосредственно в заговоре декабристов. Но ему были дороги социально-политические устремления декабристов, их планы преобразования государственного строя России, их мечты об освобождении народа, об уничтожении крепостного права. Его вольнолюбивые стихотворения сыграли большую роль в подготовке заговора, они будили мысли передовой дворянской молодежи, на что указывали на допросах многие декабристы. Пушкин, как и Грибоедов, был, в сущности, наиболее сильным и действенным пропагандистом тех освободительных идей, на основе которых складывались и оформлялись программы декабристских организаций. Вольнолюбивые стихотворения Пушкина — «Деревня», ода «Вольность», — поэмы, эпиграммы, грибоедовское «Горе от ума», распространяемые в многочисленных списках накануне 14 декабря 1825 г., были своего рода политическими декларациями, выраженными на языке поэзии, с которыми и во имя которых многие декабристы вышли на Сенатскую площадь и сражались под Белой Церковью. И после разгрома декабрьского восстания Пушкин до конца дней своих остался верен не только своим друзьям — декабристам, изнывавшим на каторге в сибирских рудниках или сосланным, почти на верную смерть, в кавказские полки, но и тем идеям, за которые боролись декабристы. Он оказывает посильную помощь своим друзьям. Так, например, он издает — без имени автора — поэму Кюхельбекера «Ижорский»; надо полагать, он же издает и другое произведение лицейского товарища «Русский Декамерон», стихотворную поэму на библейскую тему (о Зоровавеле, из 3-й книги Ездры) с прозаическим обрамлением, на русском материале. «Русский Декамерон» был издан также без имени автора. Надо полагать, мое предположение о том, что именно Пушкин был издателем «Русского Декамерона», будет подтверждено рано или поздно; авторство же Кюхельбекера не подлежит никакому сомнению, так как сохранилась рукопись стихотворной части произведения, которую и предполагал издать покойный Ю. Тынянов.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 19, стр. 294—295.

Вскоре после восстания декабристов и суда над ними Пушкин пишет пламенное стихотворение «Пророк», своеобразное исповедание веры поэта, и теперь объявляющего своей жизненной задачей «глаголом жечь сердца людей».¹ Для последних четырех строк стихотворения была и другая редакция, направленная непосредственно против только что коронованного Николая I, палача друзей поэта. В том же 1826 г. Пушкин пишет три «Песни о Стеньке Разине»; царь — цензор Пушкина — не разрешил их напечатать. В 1827 г. Пушкин пишет послание в Сибирь, в котором призывает своих друзей «хранить гордое терпенье», ободряет их:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

И пророчески предсказывает им светлое будущее:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.²

В 1826 г. в «Стансах» Пушкин, как бы в противовес лезуитскому наставлению Филарета («Да не будет!»), призывает Николая I смягчить участь декабристов, последовать примеру Петра I и быть «памятью, как он, незлобен».³

Вспоминает Пушкин декабристов, заключенных «в мрачных пропастях земли», и в стихотворении 1827 г. «19 октября».⁴

Нет сомнения, что если бы Пушкин в день декабрьского восстания был в Петербурге, он вышел бы на площадь вместе со своими друзьями и сам потом подвергся той же участи, что и они. Об этом он заявил и Николаю I, когда тот после коронации вызвал его из Михайловского в Москву. Но Пушкин не верил в успех движения, поскольку оно было задумано и осуществлено без участия народа, которого многие декабристы не знали и боялись. В одной из строф уничтоженной автором десятой главы «Евгения Онегина» Пушкин говорит о «хромом Тургеневе» (Николае Ивановиче, заочно по суду над декабристами приговоренном к смертной казни), что на петербургских собраниях будущих декабристов в 1818—1820 гг. он,

...плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.⁵

¹ А. С. Пушкин. Пророк. Соч., т. II, стр. 341.

² А. С. Пушкин. «Во глубине сибирских руд ...» Соч., т. III, стр. 7.

³ А. С. Пушкин. Стансы. Соч., т. II, стр. 344.

⁴ А. С. Пушкин. 19 октября 1827. Соч., т. III, стр. 34.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

Пушкин иронически говорит об этом «предвидении» Тургенева и был согласен не с ним, а с Радищевым, который в заключении главы «Медное» своего «Путешествия из Петербурга в Москву» писал: «...все те, кто мог бы свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения».¹

Пушкин был дворянин, и ему не были чужды сословные предрассудки своего класса, он гордился своим «шестисотлетним дворянством». Но он правдиво изобразил и в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке» народное восстание, он понимал и признавал основания народного гнева против помещиков, угнетателей крепостного крестьянства, в своих чудесных песнях о Разине он поэтизировал сурового героя народных песен, но народного «бунта», стихийного восстания, справедливого, но жестокого, он боялся и думал, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»² Да, Пушкин был дворянин, но, как справедливо заметил о нем М. Горький, «...для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса».³

Близость к народу, вера в его творческие силы, горячая любовь к родине, уверенность в блестящем будущем России дали возможность Пушкину стать выше своекорыстных интересов класса, к которому он принадлежал по рождению. Знание нужд и желаний крепостного крестьянства, сочувствие к его страданиям, любовь к прекрасному языку родного народа дали возможность Пушкину подняться на такую высоту человечности, народности, такого понимания свободы, на которую не смог подняться ни один из поэтов пушкинского времени.

Лучшим русским писателям XIX в. был чужд буржуазный индивидуализм, от которого не были в силах освободиться до конца даже передовые западноевропейские художники слова. Именно Пушкин дал то социальное, гуманистическое, идейное содержание своему творчеству, которое, развиваемое дальше его продолжателями, сообщило русской классической литературе и ее национальное своеобразие, и ее силу морального и эстетического воздействия на людей, говорящих на любом языке мира.

Борясь с феодализмом, самодержавием, с крепостническим государственным строем николаевской России, провозглашая грядущее торжество разума, веря в его действенность и в силу просвещения, Пушкин критически отнесся к буржуазно-индивидуалистическому пониманию царства «разума и свободы». В очерке «Путешествие из Москвы в Петербург», посвященном книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга

¹ А. Н. Р а д и щ е в. Путешествие из Петербурга в Москву. Полн. собр. соч., Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938, т. I, стр. 352.

² А. С. П у ш к и н. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 291—292.

³ М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., 1939, Гослитиздат, стр. 104.

в Москву», местами как бы написанном языке Энгельса («Положение рабочего класса в Англии»), Пушкин показал изнанку капитализма в Англии, о перенесении «прелестей» которого в Россию мечтали русские англоманы пушкинского времени. Он писал в главе «Русская изба»: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джексона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника...»¹

Вышедшая в 1835 г. книга Токвиля «О демократии в Америке», о которой писал в пушкинском «Современнике» его парижский корреспондент А. И. Тургенев и которую Пушкин назвал «славной книгой», очевидно послужила Пушкину поводом дать резкую критику превозносимой в то время североамериканской буржуазной демократии. Во вступлении к очерку «Джон Тейнер» Пушкин пишет: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)... рабство негров среди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства... Отношения Штатов к индийским племенам... подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского конгресса осуждены с негодованием... Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся...»² Нельзя не отметить, что при своей краткости пушкинская критика американской буржуазной демократии гораздо более остра и последовательна, чем критика английских романистов Диккенса и Теккерея, которые несколько позднее, во время своих туристских лекторских путешествий по Северной Америке наглядно убедились в «прелестях» и американской демократии и американской буржуазной цивилизации. В устах Пушкина, автора «Арапа Петра Великого», критика расовой дискриминации в наши дни звучит особенно убедительно; а его пророчество о скором истреблении североамериканских индейцев нашло новое подтверждение в превосходной повести Г. Фаста «Последняя граница».

Пушкин — основоположник новой русской литературы, сблизивший русский литературный язык с языком народа. Он сам писал простым, ясным, доступным для всех языком. Язык Пушкина не знает эстетской

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 290.

² А. С. Пушкин. Джон Тейнер. Соч., т. VII, стр. 449—450.

границы, непереходимого разрыва между языком поэзии и языком «прозы», языком как средством человеческого общения. Язык его одинаково ясен, прозрачен, понятен и на высотах эстетических пушкинских достижений, и в его прозе, и в его письмах. И везде прекрасен.

Следуя по путям Пушкина, выполняя его заветы гуманности, народности, идейности творчества, отражения и изображения реальной действительности, в разной мере преодолевая классовую ограниченность своего мировоззрения, русские великие писатели XIX в. подымали национальную русскую литературу на такую идейную и эстетическую высоту, что со второй половины прошлого века она стала самой передовой литературой.

Пушкин ушел из жизни в полном расцвете творческих сил. Он был полон великих замыслов. Его прекрасная жизнь была оборвана рукой международного бродяги — авантюриста, исполнителя воли и желаний светской черни, которой был ненавистен певец разума и свободы, непримиримый враг царского самодержавия и крепостнической эксплуатации, неумолимый обличитель светской пошлости.

Нет сомнения, мощная волна народного движения к свободе и просвещению подняла бы и Пушкина, дала бы ему возможность перейти к новому содержанию, к новым качествам в искусстве слова. Но Пушкин знал массовые стихийные движения в прошлом, а в настоящем видел только разрозненные эпизодические вспышки крестьянского гнева против крепостников-дворян, безнадежную героическую попытку декабристов дать свободу народу без участия самого народа.

В творчестве Пушкина мы видим и такие прорывы в будущее, такие новые элементы содержания и формы его творчества, которые делают нам его еще более дорогим и близким. Нет сомнения, он шел путем, который сближал его с Белинским, вел его к Герцену, к тому этапу развития русской культуры и литературы, который связан с именами деятелей революционно-демократического просветительства. Об этом говорит его ненависть к буржуазному индивидуализму, к капиталистическому преклонению перед силой денег, об этом говорят его народолюбивые настроения, предвестия в его творчестве бичующей сатиры Щедрина (например, в «Истории села Горюхина»).

Вот перечтите эти строки из болдинского стихотворения Пушкина 1 октября 1830 года —

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
 За ними чернозем, равнины скат отлогий,
 Над ними серых туч густая полоса.
 Где нивы светлые? где темные леса?
 Где речка? На дворе у низкого забора
 Два бедных деревца стоят в отраду взора,
 Два только деревца. И то из них одно
 Дождливой осенью совсем обнажено

И листья на другом, размокнув и желтея,
 Чтоб лужу засорить лишь только ждут Борея.
 И только. На дворе живой собаки нет.
 Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
 Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
 И кличет издали ленивого попенка,
 Чтоб тот отца позвал, да перковь отворил.
 Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.¹

Разве это не тон и не язык разночинца 60-х годов. И разве не прав М. Горький, сказавший по поводу этого стихотворения: «вот деревенская картинка, написанная как будто Некрасовым!»² И не пора ли признать, что не прав был Достоевский, когда утверждал, что все русские писатели после Пушкина и Гоголя «вышли» из «Шинели» Гоголя.

Ни от Акакия Акакиевича Башмачкина, ни от Макара Девушкина нет пути к человеку наших дней, о котором сказал М. Горький: «Человек — это звучит гордо».³ От «Бедных людей» нет пути к реализму наших дней, к изображению социалистической действительности, новой бесклассовой культуры, творимой гордым человеком — победителем, чуждым рабского смирения.

Тем и дорог нам Пушкин, что при неизбежной исторической ограниченности его мировоззрения, обусловленной социально-экономическими, политическими, культурными отношениями эпохи, он всегда был мыслителем и художником ясного разума, неистребимой веры в творческие силы народа, поэтом не только отрицания, но и утверждения, приятия радости, силы, здоровья, радостного свободного труда, поэтом чутким, восприимчивым к живой реальной действительности.

Чествование его памяти поистине всенародный праздник людей Советской страны, ибо в тягчайших условиях жизни и творчества он верил, что придет время, когда у его могилы «младая будет жизнь играть».⁴

Это время пришло, ибо наша страна — страна молодости, отечество людей, создающих в героической борьбе, свободным радостным трудом ту жизнь разума и свободы, о которой мечтал великий русский поэт.

¹ А. С. П у ш к и н. «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» Соч., т. III, стр. 187.

² М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., 1939, Гослитиздат, стр. 100.

³ М. Г о р ь к и й. На дне. Собр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1940, стр. 173.

⁴ А. С. П у ш к и н. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Соч., т. III, стр. 134.

Академик
В. А. Гордлевский

КТО ТАКОЙ КИРДЖАЛИ?

(Историко-фольклорный комментарий)

ушкин назвал «Кирджали» повестью и задал литературоведам головоломку.

Да, заключает В. Селинов, это — «законченное художественное произведение, которое Пушкин, мало обращая внимания на поэтику своего времени, назвал повестью».¹ Инн.

Оксенов еще определеннее отклоняет мысль о повести:² «...ни по объему, ни по литературным особенностям „Кирджали“, по нашим современным представлениям, повестью не является».

Так к какому же жанру относится «Кирджали»?

Дискуссия разгорелась давно, как только был опубликован «Кирджали». Здесь мнения расходятся — «сколько голов, столько умов»: «Кирджали» — анекдот, рассказанный чиновником из канцелярии Инзова, т. е. Лексом — так думал и И. Липранди, соглашаясь в этом с Кюхельбекером, еще 20 декабря 1834 г. записавшим в «Дневник», который он вел в Свеаборге: «...а Кирджали Пушкина просто анекдот, только очень хорошо рассказанный»;³ сочинение исторического характера (П. Морозов); отрывок из записок (П. Анненков); любопытнейшие подробности, собранные и записанные, очевидно, из первоисточников, статья имеет все достоинства подлинной исторической записки (П. Бартенев); небольшая поэма

---

¹ В. Селинов. До питання про джерела повісті «Кирджали» Пушкина (Записки истор.-филол. отдела Украинской Академии Наук, кн. XIII—XIV, 1927, стр. 110).

² И. Оксенов. Кирджали (см. Пушкин, 1834. Лгр., Пушкинское о-во, 1934, стр. 50). См. также Б. Трубецкой. Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1949, стр. 35.

³ См. Дневник В. К. Кюхельбекера (Лгр., «Прибой», 1929, стр. 222).

(А. Яцимирский); программа большого произведения и т. д.¹ В. Язвицкий, уделивший историческому анализу «Кирджали» наибольшее внимание, смотрит на Пушкина все время с позиций историка,² интересуется реальной, фактической стороной. Так, опровергая полемические «показания» Липранди, как противоречащие якобы действительности, он поддерживает историчность версии Пушкина (эпизод с кладом и побег): «в нашей литературе как будто нет ни одного веского аргумента в защиту Пушкина и Лекса, но эти аргументы имеются у иностранных историков³ и в официальных рапортах прусских консулов» в Яссах и Бухаресте (извлеченных румынским историком Н. Йоргой). Наоборот, литературовед Инн. Оксенков,⁴ подчеркивая сложность композиции «Кирджали», решает, что это — художественный очерк, задуманный как исторический очерк и лишь в процессе работы приобретший черты, которые ставят его на грани между историческими работами Пушкина и его художественной прозой; а побег из тюрьмы — самостоятельная вставная новелла. Конечно, это не очерк, как понимают этот термин современные литературоведы.⁵

Историко-повествовательный (спокойный) тон скоро у Пушкина пропадает. Кирджали зарисован в романтическом плане, и жалость к герою, которого начальство выдает туркам, сменяется восторгом от удалства его. Я бы сказал, что это — романтическая новелла на реальном фоне волнений на Балканах, преследующая художественно-эмоциональное воздействие.

Переведенный в 1874—1875 гг. Любеном Каравеловым на болгарский язык, «Кирджали» дал толчок молодой славянской литературе для создания нового жанра — национальной революционной новеллы;⁶ этому благоприятствовала политическая судьба Болгарии, томившейся в тисках иноземного (турецкого) владычества, хотя Кирджали от революционности весьма далек. Какой же это революционер! «Однажды ночью он и арнаут Михайлаки напали вдвоем на болгарское селение. Они зажгли его с двух концов и стали переходить из хижины в хижину. Кирджали резал, а Михайлаки нес добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селение разбежалось».⁷

Не думаю, чтобы закончились споры о жанре «Кирджали». Но пусть обо всем этом судят и рядят пушкинисты.

¹ Беглый (неполный) обзор высказываний, см. Инн. Оксенков. Указ статья, стр. 50—51, Д. Якубович. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. (А. С. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. I. Лгр., 1936, стр. 310—311), Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы («Прибой», 1929, стр. 286).

² В. Язвицкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина. «Голос Минувшего», 1919, № 1—4, стр. 53 и дальше.

³ A. Chorin, Ubcini, Provinces Danubiennes et Roumaines (в серии L'Univers, Histoire et description de tous les peuples), Paris, 1856.

⁴ И. Оксенков. Указ. статья, стр. 62.

⁵ М. Шагинян. По дорогам пятилетки, М., 1947, стр. 3—12.

⁶ Н. Державин. Пушкин в Болгарии. «Знамя», 1949, № 6, стр. 184.

⁷ А. С. Пушкин. Кирджали, Соч., т. VI, стр. 359.

Я хочу дать небольшой историко-фольклорный комментарий; я хочу расшифровать смысл слова «Кирджали»; объяснить историю социального термина «кирджали» и народный образ Кирджали, как он дан у Пушкина.

1

Мою задачу облегчил В. Язвицкий. Собрав большой румынский, болгарский и французский материал, не только печатный, но и архивный и устный,¹ — в этом значимость его изысканий, — он зарисовал фигуру вожака Кирджали:² Георгия Болгарина, или, может быть, из конспиративных целей, Гыльба³ — войводы, — прообраз пушкинского Кирджали; но в быль у него бессознательно ворвалась и сказка. Он дал также обзор толкований слова «кирджали», но и здесь разрешение частичное, а вернее, неудовлетворительное.

Атаку я и поведу с имени «Кирджали».

К. Иречек, автор «Истории болгар», придавал слову «кирджали» (кърджалия) значение: «грабители в пустынях».⁴ Молодой ученый так, очевидно, рассуждал: турецкое слово kir (проникшее к болгарам и сербам) значит: поле, степь,⁵ заодно прихватил он и пустыню, хотя на Балканах пустынь нет, а в турецком языке для понятия «пустыня» есть другое слово. Подобно тому, как kir serdari значило: «начальник иррегулярного отряда (башибузуков), на которого возложена обязанность преследовать разбойников и оберегать проезжие дороги»⁶ (этого он, впрочем, тоже не знал) — так и у слова «кирджали», оправдывающего их поведение, априори должно быть одиозное значение: «грабители в пустынях».

Толкование К. Иречка смягчено было в Болгарии теми учеными, для которых кирджали — полевой скиталец.⁷

По этому пути — «облагорожения» значения слова пошел и В. Язвицкий.

В. Язвицкий скромно предлагает и свою этимологию. Ему приходит в голову «турецкое» слово «кырдж» (стадо). «У нас, в Бессарабии, в Херсонской и Таврической губерниях, — пишет он, — это слово употребляется

¹ На страницах 58—59 работы В. Язвицкого дана литература.

² В рапортах прусских консулов «Körtschalik» (см. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 55).

³ Однако у болгар нет такого имени. Может быть, так передает он болгарское слово гыльб — голубь.

⁴ К. Иречек. История болгар. Перевод Ф. Бруна и В. Палаузова, Одесса, 1878, стр. 625.

⁵ В Средней Азии еще: плато, плоская возвышенность.

⁶ Ş. Sami bey, Kamusü türki. Istanbul, 1318 h., 2. nei cilt, s. 1124.

⁷ В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 46, 2-е примечание. Продолжая развивать домыслы, он сближает слова: «казак» и «казан» (котел), так как казаки ели из общего котла.

среди татарского населения и обозначает артельное стадо (отара) нескольких владельцев с общим пастухом. Весьма возможно, что шайки удальцов времени султана Селима III (1789—1807) группировались тоже артелями, как курени в Запорожской Сечи. Слово «кирджали» и образовалось от «кырды» через прибавление именного аффикса «джи», образующего в турецком языке помен *agentis*, как «тенекеджи» (жестяник) от «тенеке» (жесть). Но откуда взялся потом аффикс «ли» и мог ли он возникнуть после аффикса «джи», — об этом В. Язвицкий благоразумно молчит. Во всем этом толковании верно только замечание о сплоченности «кирджали».

У В. Язвицкого, использовавшего, как он говорит, и труд Д. Ихчиева¹ «Турецкие государственные документы о кирджали», почему-то выпала из поля зрения вводная часть — предисловие к этим документам.

Между тем болгарский ученый Д. Ихчиев дает подробное филологическое и историческое объяснение. Однако этимология слова «кърджалия» явно сумбурная. «Кгг» для него персидское слово; и вторую часть («джали», «чали») он тоже ведет из персидского языка; я опускаю набор значений, которые только запутывают, в конечном итоге слово значит: «человек преклонного возраста с седоватыми волосами на голове и на лице» («човек с напреднала възраст и прошарени коси по главата и лицето»). Тут еще, быть может, какой-то проблеск правильного толкования, уже учитывающего значение первого слова «кгг» (серый). Однако Ихчиев сразу же скатывается в фантастику. Отрицательный смысл сложного слова «кърджалия» (грамматически построенного неправильно) он хочет подкрепить основами: «чал» (разбойник) — из казанско-татарского языка² и *çal* (воровать) — из турецкого языка, но это уже несусветная чушь, — эквилибристика, вскрывающая полную лингвистическую безграмотность.

Как бы забывая то, что сказал раньше, Ихчиев вспоминает, что в Малой Азии были «джалие» (люди бесстыдные, грабители), — племя, подчиненное туркам;³ из Малой Азии давно были переселены они в Европейскую

¹ Д. Ихчиев. Турски държавни документи за кърджалиите. (Сборник за народни умотворения. Кн. XXII—XXIII, София, 1906—1907). Переводу фирманов и распоряжений, излагающих движение от 1792 до 1806 г., предпослано предисловие; оно обнаруживает промахи в транскрипции, а может быть, и недостаточное знание восточных языков, например, хармеен (вм. *haremeun*), стр. 58, Ел-Хаджи (вместо Эль-Хадж), стр. 3; серен ве алинен (вм. *sigren ve alenen*), стр. 23.

² Где нашел это слово Д. Ихчиев — не знаю; по крайней мере, В. Радлову и Л. Будагову оно неизвестно.

³ Д. Ихчиев. Указ. работа, стр. 2. Впрочем, исторические соображения Д. Ихчиева, неизвестно откуда почерпнутые, тоже вызывают сомнения. По крайней мере, картина, которую набрасывает Хаммер, рисует обратное движение — из Европы в Малую Азию. Хаммер пишет, что войны, заняввшие себя позорной трусостью во время битвы на равнине Керестеш (1596), бежали в Малую Азию и под старой ключкой «джедали» (от «махди» Джелали, причинившего большие хлопоты султану Селиму I) — повсеместно поднимали там восстания, см. J. H a m m e r. *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Pest. 1829, Theil. IV, S. 266, 271, Th. II, S. 530; о джелали см. еще А. Т е р и т и н о в а. Восстание Кара-Языджи—Делл Хасана в Турции. М.—Л., 1946, стр. 4—5.

Турцию. Нащупывая почву для образования кирджали, болгарские ученые и указывали на район Кырджали в Южной Болгарии.¹

Однако опять неизвестно, как образовалось из «джалие» это новое слово «кырджали».

Старые толкования К. Иречка и Д. Ихчиева находят все еще сторонников у советских славистов; не поддался ли им и Н. С. Державин, который так и разлагает термин «кырджали» на слова: «кър» (поле, степь) и «джали» (разбойник)?² Но если турецкое слово *kır* проникло в южнославянские (болгарский и сербский) языки, то слово «джали» существует только в воображении Д. Ихчиева.

Каким-то образом от толкователей слова ускользнул лексикографический труд Фр. Миклошича, дающий сводку турецким элементам в южнославянских и других языках.³

В гнезде *kêrdja* у Миклошича беспорядочно свален ценный материал, который я излагаю в систематизированной развернутой форме.

В «Болгарских песнях», изданных П. Бессоновым, упоминается место (городок) Кырджа, представляющее, собственно, народное сокращение старого исторического имени Кырджали. Естественно, что слово «кырджали» в сознании местных людей (помаков), знающих турецкий язык, казалось, по аналогии, новообразованием от Кырджа посредством атрибутивного аффикса «ли», который указывает на происхождение или связь с каким-нибудь местом, т. е. кырджали значит: уроженец, житель Кырджы, «кырджовец» — только так и можно объяснить соединение двух аффиксов: «джа» и «ли».

Так, очевидно, думал П. Будмани, писавший Фр. Миклошичу: «кеседжия» (разбойники) вышли сначала из города Кырджа, почему их и прозвали «кырджали». Фр. Миклошич и П. Будмани забыли, что тридцать лет тому назад (в 1855 г.) это мнение высказал уже П. Бессонов.⁴

Ссылаясь на Хаммера,⁵ отмечает Миклошич еще табак «кирджали», или Кырджа-Али. Потом, впрочем, Хаммер отказался от раздельного начертания,⁶ а стало быть, и от осмысления слова.

¹ Есть и железнодорожная станция — Местанлы Кырджали.

² Н. С. Державин. История Болгарии, М., 1947, т. III, стр. 51, 1-е примечание.

³ Fr. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südosteuropäischen Sprachen. Wien, 1884—1890.

⁴ Ср. Болгарские песни, издал П. Бессонов. Москва, 1855. Вып. первый, стр. 111: «... У турок есть еще слово кеседжии» — разбойники на конях, и так как они сначала более выходили из города Крджи, то получили сверх того имя крджалиев, но это явление уже позднейшее, развившееся уже особенно в конце прошлого (XVIII) столетия). Но не проделал ли П. Бессонов мистификацию, приняв псевдоним, который представляет перевод фамилии (бдительный).

⁵ J. Hammer. Des Osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Wien, 1815, Erster Theil, S. 330.

⁶ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Pest, 1830, B. VI, 627.

Генезис социального термина «кирджали» уводит в Малую Азию — в этом Д. Ихчиев прав, а к этимологии близко подходил уже Хаммер.

В турецком языке слово это (Kırsalı) сохраняет ударение на первом слоге, а не на последнем, как нужно было бы ожидать, если бы здесь был ударный аффикс атрибутивности «ли». Несомненно, это слово сложено из kırsa (седоватый) и личного имени (Али),¹ т. е. комплекс (Kırsa Ali — «Кырджа-Али»), элидируясь, сливается в «Кырджали» («Али с проседью»). Второе слово (Али), соединенное с эпитетом, потеряло ударение, более слабое, чем на первом слоге. И по-болгарски (кърджалия) ударение стоит также на первом слоге.² Так предугадывается правильное произношение слова по-русски (Кирджали)³ и отпадают неоправданные варианты: «Кирджали» и более часто — Кирджали.⁴

Эпитеты — прозвища — «уличные прозвища», указывающие на цвет лица, волос, конечно, часто сопровождают собственное имя, там, где отсутствуют фамилии.⁵ Потом собственное имя, как это бывало у турецких племен, уже эпоним для родственников или сторонников человека, носящего это имя, — эпоним, заслуживший военной доблестью эту честь.

Таким образом, корень ошибочных толкований термина «кирджали» понятен: исходя из социального смысла термина в XVIII в., исследователи-историки ретроспективно хотели объяснить элементы разбоя, заложенные якобы уже этимологией слова. Для современного болгарина кырджали (кърджалия) также представляет синоним слов: «башибузук» или «капасыз» (капъсиз),⁶ т. е., как правильно толкует Бессонов, «безворотный, бездомный, бродяга».⁷

2

Тот Кирджали (Кырджа Али),⁸ о котором я хочу повести речь, жил давно, может быть, и в XIV в., во всяком случае после того, как турки в 1357 г. переехали через Галлиполи в Румелию. Вот что говорит о нем

В английской (официальной) статистике было и начертание Kirdj-Ali см. Н. В. Михов. Население на Турция и Болгария през XVIII и XIX в., т. IV, София, 1935, стр. 480.

¹ Так (раздельно) пишет и Шемседдин Сами бей.

² Впрочем, в песнях, изданных П. Бессоновым, встречается также ударение на втором слоге.

³ Замена звука «ы» на «и» закономерна.

⁴ См. Болгарско-русский словарь под общей редакцией акад. Н. С. Державина. М., 1947, стр. 167.

⁵ См. Вл. Гордлевский. К личной ономастике у османцев (Древности восточные, т. IV, 1913).

⁶ В. Язвickий. Указ. статья, стр. 46: капусэзи.

⁷ Болгарские песни. Вып. первый. Раздел 3, стр. 249.

⁸ Şemsettin Sami bey, Kâmûs-ul-a'lâm. Istanbul, 1314 h. (= 1896 г.). 5. Inci cilt, s. 3794.

первый официальный историограф Турции Ходжа Садеддин (ум. в 1599 г.). Во время движения турок в Европу у них был вождь Кирджа Али. Он обосновался в касабе Адрианопольского вилайета; по его имени район этот получил название Кирджали — теперь Кирджалийская околия.

Победоносный воитель, Кирджа Али превратился в «Гази» Кирджа Али, и над его могилой дервиши бекташи, — воинствующий мусульманский орден, — давно осевшие во Фракии,¹ воздвигли текке во имя Сейид-Али Султана² или Кирджа Али-баба.

Разбросанные по околии³ «махалы» («хутора») представляли сначала сторожевую цепь, закреплявшую наступление турок. Дома с узкими, точно бойницы, оконцами напоминают крепость,⁴ которая защищала обитателей от алчных пашей — ставленников Стамбула.

Окрестное население — омусульманенное (помаки) и мусульманское (турки, может быть, и юрюки⁵), обезземеленные крестьяне — черпали у могилы Кирджа Али-баба силу для борьбы; сохраняя воинственно-грабительские наклонности, они выжидали только удобного момента.

Пока Османская империя была могущественна, пока оружие ее воинов гремело на Балканах, жители округа Кирджали вели себя спокойно, и только средний сорт табака «кирджали», на который в 1695 г. повышен был налог, напоминал в XVII в. о них. Но, когда в XVIII в. войны распатали государственный аппарат, население, постоянно страдавшее от недородов, заволновалось. Укрытые в отрогах Родопских гор, горные жители «тагли» (даглы) превратились в «горных разбойников» (dağ eşkıyası). Во Фракии еще в конце XIX в. сохранялось предание, что в течение XVIII в., всякий раз, как война кончалась для Турции поражением, — кирджали трижды поднимались (в 1739 г., в 1774 г. и, наконец, в 1792 г.).⁶

Образовались шайки «кирджалийских четников». В шайки входили не только местные жители, но и стекались отовсюду недовольные или искатели приключений. Здесь были болгары, сербы, греки, албанцы, румыны, разумеется, и турки. И вожди и рядовые повстанцы, независимо от национальности или вероисповедания, охотно брали кличку «кирджали». За четниками тянулись красивые женщины («дювендии»),⁷ одетые в муж-

¹ Fr. B a b i n g e r. Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien 14.—15. Jahrhundert). Brünn (München), 1944, p. 64.

² J. H. H a s l u c k. Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929, vol. II, pp. 522, 593 (not. 6).

³ У Н. Михова (указ. работа, стр. 377) дана статистика населения околии в 1880 г.: в 82 деревнях было 20 тысяч жителей.

⁴ А. Стекольников. По Кирджалийскому краю. «Известия», 1949, № 193,

⁵ Кочевое турецкое племя.

⁶ И. Пастухов. Българска история. Изд. «Хемус», 1943, т. II, стр. 572.

Труд И. Пастухова, построенный не только на западных источниках, но и на восточных (турецких), конечно, неизмеримо выше труда К. Иречка, который уже и устарел.

⁷ См. Болгарские песни. Вып. первый. Эпос сербский и болгарский, стр. 112.

ское платье. Дорогой они прислуживали воинам, но часто и дрались, как мужчины; распевая песни, они воодушевляли мужчин на бой, на стоянках опять пели и плясали, развлекали, тешили их страсти и т. д. Одинаковы были у кирджали внешний вид (богатая одежда) и военные приемы; стреляли они из длинных ружей, которые были только у них, — из «кирджалиек».¹

Пользуясь слабостью и попустительством местных властей, кирджали пошаливали на дорогах и грабили путников. Когда граф Шуазель-Гуфье — впоследствии президент Петербургской Академии художеств — ехал в Турцию для изучения памятников античного мира, он слышал дорогой о бесчинствах кирджали, жителей деревни «Kers»;² судя по исковерканной форме слова (по конечному звуку «с»), ему рассказывал об этом какой-нибудь грек, может быть, и сопровождавший его.

Естественно, страдали больше всего от кирджали болгары. Население Болгарии было отдано «на милость кровожадных разбойников», как говорит Д. Ихчиев.

Слухи о кирджали с театра военных действий, во время второй турецкой войны (1787—1791 гг.), доходили и до Петербурга.

Уже период после первой турецкой войны (породивший бывшие Чесменский и Кагульский районы нынешней Челябинской области) принес какое-то увлечение турецкими словечками. В языке «любви» дам высшего общества был набор ласкательных слов, как-то: «Москоф», «Яур» (гяур).³

Иносказательно, плохо скрывая старые неприятные воспоминания о великом везире Гази Хасане паше, когда он отбил в 1770 г. у русских о. Лемнос, пишет Екатерина II Потемкину 19 марта 1790 года: «Хотя ви-зирь Кирджали желает мира, но известно тебе уж, что в Цареграде согласились заключить союз наступательный и оборонительный с прусским королем, и что Юсуф-пашу привезли в Стамбул..., дабы сделать его визи-рем».⁴ Очевидно, так, «разбойником» (Кирджали), раньше обозвал Гази Хасана пашу Потемкин, слышавший это слово на фронте.

Вторая турецкая война, закончившаяся Яским мирным договором (1791 г.), еще больше раскрыла слабость турецкого государства. После войны янычарские полки, вообще-то недисциплинированные, еще более разнуздались и дерзко встали на путь грабежей. Среди населения усиливается ненависть к поработителям. Экономический и политический гнет объединил подданных Высокой Порты, христиан и мусульман.

¹ См. Н. Д е р ж а в и н. Указ. соч., т. III, стр. 49—54: Кирджалийское движение и кирджалии.

² Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de Grèce. Paris, 1782, II, p. 105, not. 1.

³ «Русская старина», 1881, № 9, стр. 196, 199.

⁴ См. «Императрица Екатерина II и кн. Потемкин». Подлинная переписка. «Русская старина», 1876, № 11, стр. 409.

Под 1800 г. упоминается в Царском Селе деревня Керцалово (см. «Русская старина», 1873, № 5, стр. 696), и здесь тоже слышатся, быть может, отзвуки о кирджали.

Для кирджали политические цели борющихся сторон были смутны, кирджали были часто слепым орудием в руках главарей и думали только о наживе. Обстановка складывалась благоприятно, и внутренняя мощь кирджали выросла; кирджали заговорили открыто, объединенные вождами.¹ Но вожди часто бросали их, соблазненные посулами турок, которые давали им права сипахи; предоставленные себе, как бы обманутые, кирджали остервенело грабили «райю». Так ни в чем у них не было недостатка, всего у них было вдоволь: и продовольствия, и оружия, и всяких драгоценностей. А внешность кирджали — роскошный наряд поражал всех, кто их видел.

«Первым основателем кирджали», — утверждает П. Хитов, представитель младшего поколения гайдуттов, — был болгарин Кърджали.² Он происходил, очевидно, из района Кърджали и жил во время султана Селима III; знаменитый атаман умер, как замечает И. П. Липранди, за двенадцать лет до гетерии,³ т. е. в первом десятилетии XIX в.

Имя турка «Гази Кърджа Али», завоевателя Румелии, когда-то передавшего память о себе жителям «касабы» (района), как бы снова родилось; но теперь болгарин Кърджали, может быть, еще смутно для себя превращается в вождя «народных мстителей» туркам — незванным иноземным пришельцам. Странники Кърджали могли гордо величать себя «Кърджали огуллары»⁴ — сыны Кърджали, т. е. так, как прежде величали себя турки — мусульмане,⁵ наступавшие на христиан.

¹ А. М и л л е р. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. Москва, 1947, стр. 111, примеч. 50; стр. 368, примеч. 60; сводка о кирджали — об их роли см. стр. 112—115, 375—376; см. е го же, Краткая история Турции. М., 1948, стр. 44, примеч. Под кирджали А. Ф. Миллер понимает «деклассированные» элементы, главным образом, обезземеленных анатолийских крестьян, состоявших в рядах турецкой армии и затем оставшихся разбойничать в Румелии. Мне, однако, кажется, что участие (роль) анатолийских крестьян, выходцев из Анатолии, преувеличена.

² Странствование гайдука по Балканам и жизнеописания старых и новых воевод. См. «Славянский сборник», СПб., 1877, т. II, отд. IV, стр. 121.

³ И. Л и п р а н д и. Из дневника и воспоминаний. Заметки [на статью] П. Бартенева «Пушкин в южной России». См. «Русский архив», 1866, стр. 1399, с прим. 56.

⁴ Так говорят о них документы. У помаков нередки прозвища, вторая часть которых — «огуллары» (сыны, потомки такого-то).

⁵ Вот еще пример, раскрывающий отчасти процесс перехода прозвища на потомство, — превращение собственного имени в нарицательное. В начале XX в. (1905—1911 гг.) в Измирском районе (в Малой Азии) хозяйничал «благородный разбойник» Чакыджи-Мехмед — «Ножовщик Мехмед» (çakıcı: от çakı — небольшой нож). Рассказ о нем и о его подвигах, со слов чавуша Ибрагима, который участвовал в военных экспедициях против него, издал, сопроводив переводом, Э. Литтманн (E. L i t t m a n n. Tschakydschy. Ein türkischer Räuberhauptmann der Gegenwart, Leipzig, 1915). Но сразу же возникает недоумение: Литтманн полагает, что Чакыджи — сокращенная народная форма вместо Чакырджи или Чакырджалы: çakır — 1) вино, çakırsı — винодел; пьяница (?); 2) голубой. Как явствует из слитного начертания слова Чакырджалы, у чавуша Ибрагима, здесь не собственное имя (Али), которое нужно писать

Создался симбиоз ислама и христианства. Под знаменем Кърджали шли крестьяне, христиане и мусульмане, измученные гнетом насильников.

Началась «эпоха кърджали», но этот беспокойный период как бы своеобразный пролог к национальному освободительному движению, охватившему балканские народы.

Один раз (в 1796 г.) кърджали, понимавшие, конечно, тяжелое положение крестьян Румелии, объявили о сложении новых налогов, обманно установленных пашами, за слушание грозя огнем и мечом.¹ Так хотели они привлечь к себе население заботами о социальном его благополучии, как бы вырывая инициативу из рук Высокой Порты.

Высокая Порта задумалась над кърджали. Как видно из указов конца XVIII — начала XIX в., переведенных Д. Ихчиевым, султан Селим III, встревоженный своеволием кърджали, мобилизовал войска в Анатолии, создал суды над кърджали, составленные из «райи», из христиан, и т. д. Старая политика равнодушия к судьбам «райи» на время была отброшена: султан-реформатор хотел показать и силу центральной власти и равноправие подданных, христиан и мусульман, перед законом.

Однако бесчинства кърджали перевалили хронологические границы (1792—1802 гг.), узко обозначенные К. Иречком. П. Хитов раздвигал эти границы до конца двадцатых годов XIX в. (с 1790 до 1828 г.).

У нас есть три показания от 1804 г., которые говорят о размахе движения.

через «айн», а для него просто слово указывает скорее на место происхождения героя, Мехмеда (аффикс «ли»), а может быть, не мудрствуя лукаво, еще проще предположить, что в орфографии чавуш не очень-то тверд. Поскольку и отца героя звали тоже Чакърджали, как будто в Малой Азии воспевался во второй половине XIX в. Али, прозванный «Чакърджа» («голубенький»); Чакърджа Али — «Голубенький Али». Стянувшись в Чакърджалы, это слово превращалось в нарицательное почетное слово, — в родовое, фамильное прозвище, перешедшее и на сына его Мехмеда.

Но процесс, напоминающий судьбу слова «Кърджали» в Румелии, в Малой Азии остановился на зачаточной стадии. Государственная власть в Малой Азии, во время султана Абдул-Хамида II, была, во всяком случае, крепче, чем в Румелии в XVIII в., и разбой, уже в силу политической обстановки, в западной Анатолии мог носить только местный (локальный) характер. Так объясняется и странное сочетание имени Али и Мехмед (обычно Мехмед-Али), затуманенное утратой реального первоначального содержания слова (Чакърджалы). Забвение смысла, усиливаясь, влечет и замену новым эпитетом (Чакърджи) — словом, значение которого текстом не оправдано.

В песнях, записанных в Конье, встречается Гер-Али (Смуглый Али), который, как замечает Ф. Гизе, разбоями наводил ужасы на Измирский район (Fr. Giese. Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah. Halle a. S.—New-York, 1907, № 47, S. 79, также Вл. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней, М., 1909, стр. 50), но не перенес ли Гизе на Гер Али то, что рассказывали о Чакърджали?

Носители имени четвертого халифа, Али, образа сказочного героя, окружены ореолом благородной отваги.

¹ К. Иречек. Указ. соч., стр. 633.

Одно показание, общее, повторяет то, что примерно четверть века назад говорил Шуазэль-Гуффе.

Автор, французский консул, во время длительного пребывания на Балканском полуострове собравший (а потом опубликовавший) большой материал, конечно, хорошо знал кирджали, да и слышал о них в Янине.

Пуквиль пишет:¹ «Кирджали,² это род кондотьеров, это всякий сброд из болгар, трибаллов³ и славян. Они останавливали караваны, грабили курьеров, не признавали властей; их поддерживали, по слухам, паши Самокова и Ускюба. Усмирить их поручено было Али паше (Янинскому), но сделано это было в тайной надежде, что он свернет себе на том шее. Словом, Македония и Фракия были разорены бандами разбойников...»

Теперь я регистрирую сравнительно недавно опубликованные свидетельства двух русских очевидцев, которые одновременно рисуют обстановку, сложившуюся при кирджали.

Совершавшие в 1804 г. «вояж» по славянским землям А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров сталкивались с кирджали в Белграде, во время восстания сербов, хотя они, осуждая поведение кирджали, может быть, смотрели на них глазами легитимистов.

В письме из Карловиц, от 14 октября 1804 г., А. И. Тургенев (тонкую наблюдательность которого отмечал Вяземский) говорит:⁴

«В Белграде и днем опасно ходить. Завладели им разбойники Керджалии, держат пашей под караулом и не выпускают их живых, без того, чтобы не заплатили им 500 000 фл. на год. Их всех не более 1700 человек, но законный паша и того не имеет, и оттого этой разбойнической шайке, состоящей не из одних турок, но и из побродяг различных наций, легко держать в узде весь город.

Они призваны были сербами для убиения четырех деев; убили их и, не получая ничего от сербов, принялись за пашей белградских, которых теперь трое и все смотрят в разные стороны...

В городе все идет вверх тормашками. Разбойники Керджалии⁵ ходят днем и ночью вооруженные и жители окрестностей только что оттерпеливайся. Мы сами видели одного серба, которому ни за что, ни про что порубили руку, а голову он унес с собой, а то бы и ей досталось...»

Спутник А. И. Тургенева славист А. С. Кайсаров цедит слова скупно, но в одной фразе как будто чувствуется намек на какую-то договорную

¹ F.-C. H.-L. Pouqueville, Histoire de la régénération de la Grèce. Paris, 1824, t. I, p. 216.

² Kersales ou Chrysolidis. Стоило бы разобрать греческое название кирджали (народная этимология, построенная на созвучии со словом χρυσός — золото?).

³ Конечно, он понимает здесь потомков трибаллов — народа, встреченного на завоевательном пути своем Александром Македонским.

⁴ См. Письма Александра Тургенева Булгаковым. Подготовка текста к печати, вступительная статья и комментарии А. А. Сабурова. М., 1939, стр. 42—43, письмо XI.

⁵ Издатель писем, неправильно прочитав, напечатал «Керфалии», на стр. 284 в примечании 7 к письму XI он пишет: «Кайсаров называет их Кергали».

связь между наемными ватагами кирджали и хозяином-нанимателем, восставшим против турок:

«Кирчалли или разбойники отлично одеваются, они владеют всем городом, повелевают пашам и, как говорят, паша их в согласии с Черным Георгием». ¹ Вождю кирджали (Гушанц-Али, может быть, и сербу) был близок Кара Георгий, ² «гроза Луны, свободы воин».

В 1804 г. кирджали были разгромлены Кади Абдурахманом пашой; но, разбитые где-нибудь в одном месте, кирджали сохраняли живую силу и еще в конце того же года на глазах у пашей терроризовали жителей Белграда.

У кирджали на местах были высокие покровители (паши, «аяны»). «Хитрый босняк», Пазванд-оглу Осман паша мог отражать натиск войск султана, посылаемых против непокорного деребея, потому, что ему помогали (с 1797 г.) кирджали. ³ То было взаимное одолжение; с своей стороны, кирджали беспрепятственно жгли и разоряли села Видинского санджака. Софроний, епископ Врачанский, слезно стонет о мучениях, которые он претерпел во время разрухи. ⁴

Кирджали неистовствовали в Румелии, издеваясь над людьми.

В песнях, изданных П. Бессоновым, описываются мучения христиан; так, песня № 52 (Нападение на Станимак) говорит, как кирджали грабили «нову церковь» — монастырь, пытали епископа.

Временами они, может быть, и затихали, но всякий раз, как на Балканах вздымалась волна народного гнева, — брожение выхлестывало на поверхность и кирджали. Опять нужны были люди, которые за плату или в мечте о какой-то свободе бесстрашно отдавали жизнь. Формировались партизанские отряды, среди которых были и кирджали. И. П. Липранди, например, вспоминал, что у него в отряде из 1200 человек еще в 1829 г. «около 50 человек присоединило к имени прозвище кирджали». ⁵

Обессиленные во время войны 1828—1829 гг., кирджали снова оправились и, как говорит П. Бессонов, в 1837 г. убивали проезжих по дороге из Софии в Малину. ⁶

Но все более и более термин кирджали, отрываясь от местной территориальной почвы, терял смысл национальный; в термин все более и более

¹ См. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Под редакцией В. Истрина, Пгр., 1915, стр. 77.

² О кирджали в Сербии, см. Л. Р а н к е. История Сербии по сербским источникам. М., 1876, стр. 97—98.

³ В Европе ходили слухи, что восстание Пазванд-оглу было организовано Bohemann'ом, «главой азиатских братьев»; см. B o h e m a n n. Haupt der Asiatischen Brüder. Ordensgeschichte neuester Zeiten. Hamburg und Altona. 1811.

⁴ Софроний, епископ Врачанский, и его время (1737—1810), см. Славянский сборник. СПб., 1877, т. II, отд. IV.

⁵ И. Л и п р а н д и. Из дневника... стр. 1400.

⁶ Болгарские песни. Вып. первый. Эпос сербский и болгарский, стр. 112.

вкладывалось социальное содержание, это было уже нарицательное имя для безродных наемных смельчаков.¹

Национально-освободительное движение, образование на Балканском полуострове национальных государств вели к разложению и исчезновению кирджали. Теперь соседи в их услугах не нуждались, анархические элементы мешали национальному строительству. Кирджали отеснены были гайдутами (хайдучками) борцами за освобождение болгар от иноземного ига,² которыми в XIX в. руководили идейные революционеры.

Но население Болгарии испытывало страх перед кирджали еще в 70-е годы XIX в., т. е. накануне «войны за освобождение славян». Р. П. Семенов (уроженец Дели-Ормана) — преподаватель Академии внешней торговли в Москве) передавал мне со слов своей матери, что, когда она уходила на работу в виноградник, хозяин звал «заптие» (жандарма), который охранял женщин; заслышав какой-нибудь шум, они быстро разбегались — им все чудились кирджали, чудились ужасы детских лет.

Население «касабы» Кырджали, когда-то бунтовавшее против Высокой Порты, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. обнаружило преданность Турции. Хотя и вынесено было (на Берлинском конгрессе?) постановление о вхождении «касабы» в Восточную Румелию (отошедшую к Болгарии в 1885 г.), однако «вследствие твердого сопротивления жителей, касаба была присоединена к вилайету Эдирне (Адрианополь)».³

Но так думают только турки, а может быть, болгары, находясь тогда в чаду шовинистических идей, хотели отделаться от буйных помаков, как мусульман, враждебно настроенных к болгарам-христианам.

Так было до Балканских войн, когда снова границы Турции передвинулись. Район Кырджали вернулся в Болгарию. Но о нем шла все дурная славушка. Во время хозяйничанья немцев в Болгарии Кырджали был местом ссылки.

3

Волнения, вылившиеся в 1821 г. под руководством А. Ипсиланти в восстание за освобождение Греции, захватили уже раньше и придунайские

¹ М. Чайковский (Садык паша), живший в Турции в султанство Абдул-Меджида, вспомнил о кирджали во время Восточной кампании (Крымской войны): см. роман его о годе Кирджали: *Kirdžali*. Paris, 1859.

«Дочь и жена консула», прожившие двадцать лет в середине XIX в. в Европейской Турции, говорят подробно об исконных разбойничьих нравах, унаследованных еще от времен Пазванд-оглу и Али паши Янинского, см. Народы Турции. Перевод с английского. СПб., 1879, т. I, стр. 180—187.

² Мне кажется, что и у К. Иречка (см. стр. 625) и у В. Язвицкого (см. стр. 49—50) иногда как будто смешиваются между собой термины: кирджали и гайдуки (хайдучки), хайдучки; но и в народных песнях наблюдается также внутреннее, идейное смешение; так, песни № 50, 54 (у П. Бессонова) говорят о Стояне, который, будучи сначала кирджали, т. е. врагом болгар-христиан, идет в хайдучки, т. е. борется против кирджали.

³ Şemsettin Sami bey, *Kāmūs-al-'ālām*, V, 3795.

княжества, которые хотели избавиться от фанариотов. Но у Скулян, на правом берегу р. Прута, повстанцы были разгромлены, и один из вождей, болгарин Георг Кирджали,¹ — это уже его кличка — бежал в Кишинев. Нарисательное слово — кирджали вторично вернуло себе исконные права собственного имени. Липранди четко различает двух исторических вождей кирджали: Кирджали времени султана Селима III и Кирджали — времени гетерии² отделенные друг от друга близким промежутком, они как будто слились в народном представлении.

Пушкин, живший «в объятиях свободы» в Кишиневе между 1820—1823 гг., окунулся в бурливую атмосферу национального брожения. Он хорошо запомнил и полюбил красочный восточный колорит и неоднократно возвращался к Кирджали, который его очаровал.³ Он знал, что Кирджали — разбойник, наводивший ужас на Молдавию (один из его «подвигов» он и рассказал), но он увидал в нем героя-витязя, который грабит богачей; ему почудился в Кирджали идейный борец, о котором складывались легенды.

Послушаем, что говорит о нем Пушкин:

«Нельзя было и подумать, чтоб эти мирные бедняки⁴ были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали, и чтоб он сам находился между ими.

Паша, начальствовавший в Яссах, о том узнал и на основании мирных договоров потребовал от русского начальства выдачи разбойника».⁵

Пока идет, безусловно, подлинная, так сказать, фотографическая экспозиция, но скоро все заволакивается туманом, и над историей, над историческими фактами, передвигающимися во времени, берет перевес фольклор — творится легенда по свежим следам, и проводил ли Пушкин грань между былью и сказкой — трудно сказать.

В биографию Кирджали, Георгия Болгарина или Гылеба-войводы, уже с начала, до того момента, как он бежал на Дунай в Систово, врываються «бродячие» эпизоды.

¹ Родом «нагорный болгарин», см. И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1403.

² И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1399, 1401.

³ После исследования В. Язвицкого предположение Б. Трубецкого (указ. соч., стр. 35, 71), что источником для «Кирджали» Пушкина мог быть молдавский разбойник Урсул, пойманный в 1823 г. в предместье Кишинева, — неубедительно. Б. Трубецкой ссылается на «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным», вторично напечатанные Л. Н. Майковым (А. С. Пушкин. Биографические материалы. Историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 127—128). Вельтман слышал о галгаре Урсуле (впоследствии он написал «Поход разбойника Урсула»), но он связывает его с другим произведением Пушкина; он пишет: «...Это был начальник шайки, составившейся из разного рода войнолюбивых людей, служивших гетерии молдавской и перебравшейся в Бессарабию от преследования турок после Скулянского дела. Я уверен, что Урсул и дал Пушкину мысль написать «Разбойников» (т. е. «Братьев разбойников»)».

⁴ Под бедняками у Пушкина разумеются здесь арнауты.

⁵ А. С. П у ш к и н. Кирджали, Соч., т. VI, стр. 362

Так, болгарский писатель Г. П. Русески, как подлинное происшествие, передает, что болгарин посадил Кирджали в бочку и перевез в Валахию под видом бочки с вином.¹ Нам известен уже этот неосторожный план; однажды бывалым человеком отброшенный. Трезвый Янкель, которому Тарас Бульба предложил провезти себя таким образом в Варшаву, резонно отказался: «А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что все подумают, что в бочке горилка?»

Когда Пушкин слушал — и в Кишиневе и в Петербурге — о похождениях Кирджали, перед ним носился образ «благородного разбойника», — романтического разбойника;² и даже мелочи вскрывают эпический склад героя. Так, дважды использовано эпическое число «7»: Кирджали сидит в доме монаха с семью товарищами; в степь ведет он тоже семь стражников-турок.³

И указание места клада (широкий камень, 12 шагов на полдень) звучит все-таки как заговорная формула.

Может быть, и «впрок», а то и предчувствуя близкую «кончину», разбойник часто зарывает клад под деревом или под камнем, а отсюда и запугивающая охотников до чужого добра легенда о голове казненного, которая стережет клад. Но заговорная формула, перед которой открываются все тайны, может навести на верный путь к кладу и разрушить чары, созданные воображением человека.

Описание сражения у Скулян тоже сомнительно — героизм толстяка Кантагани напоминает безудержное хвастовство барона Мюнхгаузена.

Поборник правды, Кирджали ненавидел турок-поработителей. Французский историк Реньо (E. Régnault) в 1855 г. повторял⁴ собственно, то, что сказал Пушкин:

«...С тех пор как я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана. Для турков, для молдаван, для валахов, я конечно разбойник, но для русских я гость... Бог видит, что я, Кирджали, жил подаянием! За что же теперь русские выдают меня моим врагам?»⁵ — спрашивает Кирджали.

В этих словах, подернутых дымкой укора, сквозит как будто намек на высокую миссию, которую он исполнял, — намек, искаженный или

¹ В. Язвickий. Указ. статья, стр. 58.

² И. Оксенов (указ. статья, стр. 59, 60, 64) уже обратил на это внимание.

³ A. U b i c i n i. Op. cit., p. 115 (пять турок).

Второй эпизод затронул самолюбие турецкого переводчика, Гаффара Гюнея. В противопоставлении одного разбойника-болгарина семи храбрым туркам ему мерещится издевательство Пушкина над турками; он утверждает, что Пушкин поддался «империалистической политике», см. A. G a f f a r G ü n e y. Seçme rus hikâyeleri. İstanbul, 1940, p. 10.

Но, конечно, Гаффар Гюней стократ неправ, и что это: наивность или невежество?

⁴ См. В. Язвickий. Указ. статья, стр. 50.

⁵ А. С. П у ш к и н. Кирджали. Соч., т. VI, стр. 362.

измененный в устах неблагодарного человека, который уже огорожен рамками (русского) закона и забыл, что спокойную жизнь добывал ему Кирджали. И разве эта исповедь не построена на мечте страждущего человека о рыцарственном разбойнике, который думает о благе народа.

Рожденные жизнью, в различной конкретной обстановке (отсюда и обилие вариантов), рассказы о разбойниках могут собираться вокруг народного любимца, вокруг имени одного героя, полюбившегося народу; и тогда этот герой вбирает все, что когда-либо и где-либо совершили страдальцы за народ.

Он на себе испытал социальное неравенство, и это раскрыло ему глаза на людскую несправедливость. У «благородного разбойника», образ которого запечатлен романтизмом, — романтическими воззрениями, — ненависть, еще смутная, к общественному строю растет часто из мести богачу, отцу девушки, которую бедняк безнадежно любит. Он уходит из этого мира, чтобы силой добыть счастье людям обездоленным, — отнимает богатства, которые кладут между людьми рознь. И эта возвышенная борьба во имя общего блага наполняет отныне его жизнь; жизнь «благородного разбойника» — непрерывная цепь подвигов.

Так создается большой цикл, прозаический или песенный, образуется эпическая биография героя как, например, история разбойника Алима (в Крыму), Робин-Гуда (в Англии) и т. д.

Процесс циклизации усложняется; быль и сказка переплетаются, живой образ постепенно схематизируется, и трудно уже отличить вымысел от правды. На базе действительного события быстро вырастает легенда, историческое событие превращается в фольклорное произведение: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»¹ — как заметил Максим Горький.

Два сюжета должны постоянно отражать облик благородного разбойника. В одном утверждается идея о печальнике народного горя, который хочет помочь бедняку, другой — прославляет удалство разбойника, который благополучно уходит из тюрьмы; защитник бедного люда, конечно, торжествует над классовым врагом, сковывающим жизненные силы народа.

Между этими двумя сюжетами устанавливается органическая, логическая связь: герою всегда удается высвободиться из цепких лап правительства, так и должно быть, потому что он стоит на страже интересов народа; но хронологически эти сюжеты могут быть оторваны друг от друга.

Пушкин удержал в памяти или, вернее, сохранил на бумаге, два эпизода этих двух основных разбойничьих тем. Художник и не должен был загромождать изложение подробностями, — это разрушило бы композицию и приличествовало бы фольклористу, собирателю устного творчества.

¹ М. Горький. Доклад на I съезде советских писателей. М: ГИХЛ, 1934, стр. 19.

У Пушкина две темы слиты, и один эпизод следует непосредственно за другим: история с кладом придумана Кирджали только для того, чтобы усыпить бдительность стражников; он ведет стражу в степь, где у него якобы зарыт котел с гальбинами, чтобы избавиться от тюрьмы. Так, очевидно, слышал Пушкин от «молодого человека, ныне занимающего важное место», т. е. от М. И. Лекса; но насколько это достоверно — показывают слова Липранди: «У М. И. Лекса был запас анекдотов, которые он обыкновенно импровизировал, путая имена и места и представляя события, как повертывались на языке. Надо полагать, что М. И. Лекс слышал о событии при отыскании клада, но забыл, с кем именно это случилось, если только могло случиться, и приписал Кирджали».¹

Может быть, эти сказочные сюжеты и сложились в Молдавии, а оттуда перешли в Бессарабию, как полагает В. Селинов,² и Лекс только повторил то, что слышал; как хороший анекдотист, он и приукрасил; но они могли возникнуть и возникали где угодно, их неопределенность, оторванность от времени и пространства сразу угадал Липранди.

Наивному человеку, изнуренному тяжелой работой, кажется, что для счастья нужно богатство, и мысль о золоте, открывающем дорогу к довольству, — к светлой жизни, сверлит ум бедняка. Но золото прячется от человека, оно скрыто где-то под землей. Только человек, познавший тайны природы, может найти золото, и если «господа» роют землю, значит, они ищут клад. Оттого так недоброжелательно, так настороженно оглядывают на Востоке местные жители иностранца, забравшегося в глубь страны;³ он хочет отнять у них, бедняков, сокровища, которые, собственно, принадлежат им, как законное наследство от тех народов, которые жили на этой земле.

На территории южнорусских степей разбросаны курганы, и народная молва упорно твердит о кладах, зарытых здесь когда-то воинами. Немецкий путешественник Кол, объехавший юг России в 30-х годах XIX в., пишет: «И нигде так ревностно не копают клады, как в южно-русских степях».⁴

В Бессарабии ходят рассказы о «гоцах»,⁵ благородных разбойниках, в которых воплощен народный идеал: они грабили богатых и зарывали в землю клады; казнь была им не страшна, они верили, что судьба им поможет и вырчит их из всякой беды.⁶

¹ И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1393, 1395.

² В. С е л и н о в. Указ. статья, стр. 110.

³ См., например, А. D. M o r d t m a n n. Anatolien. Hannover, 1925, SS. 35. 49, 383.

⁴ J. G. K o h l. Reisen im Südrussland, Zweiter Theil. Dresden und Leipzig, 1847, S. 264.

⁵ Некто Каливьяки, утверждая, что так называют себя жители Буковины, сближает слово «hots» с «узами», см. Akşam, 1935, № 5881 (перепечатка из газеты Yildırım издававшейся в Румынии).

⁶ А. Я ц и м и р с к и й. Разбойники Бессарабии в сказках о них. «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, стр. 76.

Вот, например, Тоболток, главарь большой разбойничьей шайки; «слава о нем шла до лесов Кишинева». Дважды его хватали и дважды он ускользал. Он указывал страже место, где у него были клады.¹

Гоц Бараган, сидя в тюрьме, обещает страже указать клад (три котла с червонцами). Его выпустили; он сдержал слово и вернулся в тюрьму.²

Здесь уже какая-то непоследовательность или противоречие: это уже сказка, потерявшая социальное значение. У рассказчика разгораются глаза, он увлекается и увеличивает число котлов, соблюдая, однако, эпический стиль (3 котла), но к судьбе разбойника он безучастен и равнодушно сажает его опять в тюрьму.

Вера в «гоцов» теперь ослабела — спустилась к детям и превратилась в детскую игру (ловкий и сильный мальчик, набирая ребятшек, изображает «гоца»)³.

И что удивительного, что эти рассказы о «гоцах», давно бродившие в стенах, перешли и на Кирджали.⁴

Он был еще жив, а в донесениях прусских консульств уже слышны отголоски старых преданий: паша, захватив Кирджали, распорядился, чтобы Кирджали отрубили голову, а тот выдумал, что каймакам («пристав») Крайовы, Кимпиниано (стало быть, грек или румын) отнял у него деньги, которые были зарыты в земле.

«Хотя они (пруссские консулы) и считают историю с кладом легендой, передают ее очень близко к рассказу Пушкина»,⁵ — говорит В. Язвцкый, желая подчеркнуть правдивость Пушкина.

Позже повторили это и историки: сперва Реньо, потом Шопен и Убичини.

Так долго сохранялся фольклорный сюжет, корнями уходящий в местную почву.

Язык рапорта (1823 г.) генерала Инзова прост и сжат: «Кирджали бежал с караульными турками», — доносил он, как бы подтверждая объяснение Пушкина: «Невольника стерегли семеро турок (люди простые и в душе такие же разбойники, как и Кирджали); они уважали его и с жадностью, общию всему Востоку, слушали его чудные рассказы»; словом, они бежали, соблазненные обещаниями Кирджали.

Бегство — бесспорный факт, но об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших побег, рано уже создались противоречивые слухи.

Но опять возникает сомнение, кому верить: Липранди или прусским консулам. Казалось бы, и у русского наблюдателя и у иностранцев была

¹ J. C. K o h l. Op. cit., SS.314—315; А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 62, 66—67, 86—87.

² А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 60—61.

³ Т а м ж е, стр. 75.

⁴ А. Яцимирский (указ. статья, стр. 84), ссылаясь на «Бессарабские областные ведомости», 1862, № 12, пишет, что Кирджали превратился в «гоца».

⁵ См. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 53.

возможность получать хорошую информацию, однако записки Липранди и донесения консулов возбуждают недоумение.

Может быть, Липранди бессознательно путал, когда писал (в 1866 г.): «Кирджали был привезен в Скуляны в сумерки. В это время на молдавском берегу (отошедшем к туркам), у самого парома, случился таможенного пограничного пункта начальник, как их называли, бешли ага.¹ Кирджали был с ним знаком и с плота приветствовал Егип-агу.² Приятель снял с него оковы, а потом во время попойки Кирджали ранил хозяина и бежал. Вот настоящая история воспетого Пушкиным Кирджали, которую я слышал через несколько дней в Скулянах», — заканчивает Липранди.³

В. Язвицкий находит рассказ невероятным; мне тоже не верится этому; трудно думать, чтобы человек, который мирволит государственному преступнику, был назначен потом, как прибавляет Липранди, пашой в Исакчу, а еще — во мне говорит фольклорист — здесь нарушается эпическое «международное» представление о соблюдении слова, данного поручителю.

Тем более все это подозрительно, что одновременно ходила более правдоподобная версия, где подставлены вместо Кирджали другие действующие лица, совершившие не политическое преступление, а уголовное, и турки настаивали на их выдаче. Прусские консулы в рапортах писали, что слуги (христиане) хотели убить Бехели агу,⁴ и после покушения бежали от погони и переправились на русский берег. Но по требованию турок были выданы комендантом Скулян.⁵

Фантазия народная все больше и больше разукрашивает побег Кирджали; отрывая побег от клада, она придает ему более естественное толкование. Разбойник беспечно кутит, а над ним собираются тучи, — вот краткое «либретто» версии.

Зародыш виден уже в рассказе о разбойнике Тоболтоке, который «в третий раз захвачен был в кружале», когда пировал со своими шестью товарищами.

Кирджали «поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семьей товарищами»,⁶ — бросает Пушкин, перед тем как приступить к повествованию о выдаче Кирджали туркам.

Эскиз разрастается в живописную картину, будучи передвинут на юг — в Эпир. Здесь действует клефт Илия. Илия идет на свадьбу дочери старухи, которой он дал 150 золотых. Но брат мужа донес туркам о местонахождении Илии, и отряд солдат окружил дом. Когда об этом узнал Илия, он

¹ Должностной титул чиновника, получавшего «пять» (beş) акчей в день, см. сборник «M. Sevdet». Istanbul, 1937, p. 153, там же словарь, s. v. beşly (yan), p. 10.

² Это мог бы быть армянин (христиане брали таможенные сборы на откуп), но армянин не мог быть «пашой» в Исакче; скорее здесь неверное чтение, вместо Эйюб («ю» прочтено было за «го»), см. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 54.

³ Подробности рассказа опущены.

⁴ Начертание «ch» прочтено как «х».

⁵ В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 54.

⁶ А. С. Пушкин. Соч., т. VI, стр. 362.

поклонился священнику, венчавшему девушку, и сказал: «Старче, исповедуй меня перед смертным часом». Потом Илья снял с него рясу и, надев на себя, вышел из дома. Солдаты подумали, что это местный священник, и пропустили его.

Я привожу этот «рассказ из греческой жизни»,¹ как фольклорный объект, разъясняющий историю развития сюжета; но фольклор-то исходит из реального случая. И разве есть здесь что-либо новое, необычайное? И разве, например, — чтобы не уходить в даль, — сказочный побег революционера П. А. Кропоткина из госпитальной тюрьмы не воспроизводит испытанные, давно знакомые народу методы борьбы.²

Как же все-таки кончил жизнь Кирджали?

Липранди говорит, что, по слухам, «этого разбойника в 1823 г. видели в Боснии». Он был повешен в Яссах (24 сентября 1824 г.) — объявляют французские историки Шопен и Убичини.

Кратко изложенное известие о смерти не только прозаично, но и позорно.

Так закончить повествование Пушкин, конечно, не мог, да и никогда не кончал: разбойник мог скрыться, как, например, Дубровский, и только. Его герой живет, он грозитя «добраться до самого господаря».

Образы бунтарей, отвергающих современный общественный строй, какая это богатая плодотворная тема для того, кто хочет понять эволюцию мировоззрения Пушкина!

И в годы юности, когда люди «живут без власти, без закона», и в годы зрелого раздумья над крестьянским восстанием, обращаясь к XVIII в., — к «Истории Пугачева», — мечтал Пушкин о человеке, который избавил бы народ от рабского гнета.

Вот почему «вольнодумная» душа поэта откликается на дерзость Кирджали, вот почему и от читателя ждет он сочувствия «благородному разбойнику»: «Каков Кирджали?» — экспансивно восклицает Пушкин.

Мне кажется, что колебания и разногласия о жанре происходят оттого, что новелла носит на себе следы двух периодов жизни Пушкина — следы двух представлений о Кирджали. Стало быть, правдоподобна и гипотеза о наличии (к 1834 г.) раннего (прозаического) черновика «Кирджали», какого-то наброска, занесенного в записную книжку.³

¹ Грубее звучит обнаженный молдавский сюжет в «Поэме о Кодряне». Кодрян просит освободить ему правую руку, чтобы перекреститься перед смертью. После этого он вынимает палаш и разрывает цепи. «Я пойду разбойничать!» — восклицает он, см. А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 74.

² П. К р о п о т к и н. Записки революционера, М., 1933, стр. 239 и сл.

³ И. О к с е н о в. Указ. статья, стр. 58.

Сперва, в Кишиневе, Кирджали для Пушкина — кровожадный душегуб, хотя в поэме «Братья разбойники» он показал, что и отщепенец иногда испытывает угрызения совести. Через длинный промежуток времени, в 1833—1834 гг., вновь оживают у Пушкина воспоминания о стране, где он «вникает в дух народный». Но Пушкин, завершающий новеллу, уже возмужал, настроения у него изменились. Он подсмеивается над страхами бывшего молдавского господаря Михаила Скуццо, встреченного им в Петербурге, и на Кирджали взглянул он, как на человека прозревшего, для которого проясняются классовые противоречия.

Все перемешалось, история Кирджали темна. Откупщик Агоп-ага, а может быть, это Эйюб-ага, поп Илия, Гылэб-войвода и «Кёрчалик» Георгий Болгарин, Талгарь Урсул, мучители и мученики, окружили в памяти народа Кирджали, и в этой толпе Кирджали затерялся; запутались, рассказывая о нем, и современники — образ Кирджали потускнел от времени, утратил историчность.

«Кирджали был родом болгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю»,¹ — так начинает Пушкин повествование. Но, кажется, и мы немного знаем о Кирджали. Да, Кирджали был болгарин (и семья его жила недалеко от Килии, в болгарской деревне), — это подтверждает и В. Язвицкий. Вот, конечно, кирджали по-турецки не значит: удалец, витязь, — это уже у Пушкина романтический налет; а как его звали, — так даже В. Язвицкий, копавшийся в архивах, колеблется между двумя именами. А в конце концов, Пушкин-то писал не исследование, а создал новеллу, может быть, местами и неслаженную, но полную прелести и «изумительного совершенства».²

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VI, стр. 359.

² Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы. Историко-литературные очерки, СПб., 1899, стр. 134; его же. Историко-литературные очерки, СПб., 1895, стр. 128.

Кандидат филологических наук

Б. И. Городецкий

ПРОБЛЕМА НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Проблема народа — центральная и основная проблема всего творчества Пушкина — является в то же время основной и решающей в развитии его мировоззрения. Она теснейшим и неразрывным образом связана не только с целым кругом сложнейших моментов индивидуального развития Пушкина, но и с основными этапами развития русского общественного самосознания эпохи Пушкина, русского исторического процесса в целом.

Первая четверть XIX в., в хронологических границах которой Пушкин проделал путь от своих первых произведений до «Бориса Годунова», замыкается двумя датами: 11 марта 1801 г. и 14 декабря 1825 г.

Этот период общественно-политического развития России насыщен множеством событий исключительного социально-исторического значения.

Переломным моментом, обусловившим активизацию революционных настроений в России этого периода, явились события 1812—1815 гг., огромный патриотический подъем, вызванный Отечественной войной и возвращение широких народных масс, только что освободивших отечество и Европу, на родину, «под палку господина...»¹

Особенно обострившиеся после окончания Отечественной войны антикрепостнические настроения народных масс проявлялись в стихийных формах и время от времени давали себя знать то восстанием в Семеновском полку, то бунтами в военных поселениях, то прокатывавшимися по всей России волнами крестьянских неорганизованных выступлений.

Назревавшие в России революционные настроения захватывали и передовую часть молодого дворянского поколения. Движение дворянских революционеров вылилось в форму военного заговора и завершилось разгромом на Сенатской площади.

---

¹ А. С. Грибоедов. 1812 год. План и сцена из драмы. Полн. собр. соч. под. ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина, т. I. Изд. Академии наук, 1914, стр. 263.

Процесс развития мировоззрения и художественного творчества Пушкина протекает в этот период исключительно быстрыми темпами. В этом отношении пушкинское творчество последних лет перед восстанием декабристов объективно начинало отражать несравненно более глубокие, чем дворянская революционность, тенденции общенародного движения к свободе. Этот все более и более развивавшийся и углублявшийся процесс приводил Пушкина, в плане мировоззренческом, к осознанию решающей роли народа в истории, а в плане художественном — к победе реализма. И тот и другой моменты обусловили возможность перехода от романтики «Кавказского Пленника» к широкому реализму «Евгения Онегина» и предопределили решающие историко-социальные черты «Бориса Годунова». Особенно важен был для Пушкина в этом отношении период его южной ссылки.

Революционные и национально-освободительные движения на юге Европы приковывали общее внимание. От их исхода ожидали многого и в отношении предпосылок успеха революционного движения в самой России. Насколько был захвачен всем этим Пушкин, говорят его письма данного периода. «...нюхайте гишпанского табуку и чихайте громче, еще громче», — пишет он Н. И. Гнедичу 4 декабря 1820 г.¹ «Уведомляю тебя, — пишет он В. Л. Давыдову в первой половине марта 1821 г., — о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греция восстала и провозгласила свою свободу».²

Эти события приобретали особую остроту в условиях активизации революционных настроений в самой России. Восстание в Семеновском полку и прокатывавшиеся по всей России крестьянские волнения говорили о возможности широкого народного революционного движения и в России. Эти обстоятельства, при наличии идеологически неоднородного состава деятелей тайных обществ, вызывали столь же неоднородные отклики; одни не скрывали своей боязни неорганизованного «мужичьего бунта», другие стремились разобраться в характере и особенностях назревавшего народного движения. Со всей остротой вставал перед наиболее вдумчивыми из наблюдателей вопрос о возможностях, способах и сроках реализации создававшихся в декабристской среде многочисленных проектов преобразования политического строя России. Эти проекты находили свое воплощение в более или менее стройных конституционных построениях сугубо рационалистического типа и в планах их осуществления от постепенного улучшения судьбы народа легальными средствами до вооруженного военного переворота, осуществляемого ради народа, но без его участия.

Для наиболее дальновидных из современников уже и тогда становилась очевидной несоизмеримость сил и средств, которыми располагали тайные общества, с теми могучими силами народа, которые прорывались повсюду

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 24.

² Там же, стр. 22.

и находили себе выход во всякого рода неорганизованных и стихийных бунтах и восстаниях.

Остро ощущал силу народа и историческую разобщенность с ним дворянской интеллигенции и Грибоедов. «Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги?— писал Грибоедов о народных песнях, которые он услышал во время одной из загородных прогулок в окрестностях Петербурга.— ...Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невняты, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! ...Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!»¹

Наибольшую острогу все эти вопросы приобрели к 1822—1823 гг., когда со всей очевидностью стали проявляться реальные результаты реакционной деятельности Священного союза. Одно за другим подавлялись революционные и национально-освободительные движения на западе и юге Европы. Не лучше обстояло дело и в самой России, где все явственнее давала себя знать реакционная политика Александра I. Глубокие сдвиги этих лет решительным образом меняли политическую ситуацию, складывавшуюся к 1819—1821 гг.

Пафос политического романтизма, заставлявший Пушкина еще в начале 1821 г. вместе с Давыдовыми и Раевскими поднимать «спасенья чашу...» «...за здоровье *тех и той*»² и мечтать о близкой революции в России,— заметно ослабевал. Еще в сентябре 1822 г. Пушкин мог писать П. А. Вяземскому: «Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России...»³ К 1823—1824 гг. окончательно исчезают остатки каких бы то ни было политических иллюзий. Традиционный для политических романтиков преддекабристского периода культ героя, из рук которого народы получают свою свободу, быстро утрачивал прежнее обаяние.

... и где же вы, зиждители свободы?

Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,

Волнуйте, мудрецы, безумную толпу...⁴

Это не был отход от политических идеалов народной свободы, которых не поколебала для Пушкина даже катастрофа 14 декабря. Это было трезвое признание крушения своего прежнего политического романтизма, воспринятого в среде царскосельских, петербургских и каменных энтузиастов,

¹ А. С. Грибоедов. Загородная поездка (1826). Полн. собр. соч. под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова, т. III. Изд. Академии Наук, 1917, стр. 116—117.

² А. С. Пушкин. В. Л. Давыдову. Соч., т. II, стр. 39.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 42.

⁴ А. С. Пушкин. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 173.

«у беспокойного Никиты, у осторожного Ильи», в «дружеских спорах», где

... Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.¹

Это было признание реальной несостоятельности того политического романтизма, который мог еще в конце 1821 г. внушить Пушкину замысел высокой «вечевой» трагедии с центральным образом свободолюбивого героя — друга народа Вадима.

Но в 1824 г., наблюдая за трагедией усмирённой Европы, где

Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы²

и трезво расценивая это как крушение своих прежних политических иллюзий, Пушкин с горечью констатировал:

...потерял я только время,
Благие мысли и труды...³

Объективно это звучало как горькое, но трезвое признание недостаточности и неполноценности сил и средств одних «зиждителей свободы» в условиях неприменности народов к делу своего освобождения. Иронически акцентированная Пушкиным апелляция «зиждителей свободы» к «чести» народов («Вас не разбудит чести клич») ⁴ говорит о взаимном непонимании между народами и «зиждителями». Поэтому формула «Паситесь, мирные народы!»⁵ продиктована отнюдь не презрением к этим народам, но сознанием того, что, несмотря на таящиеся в них огромные силы и возможности, они все еще смиренно позволяют себя «резать или стричь». Через год в трагедии «Борис Годунов» Пушкин покажет эту могучую, но неорганизованную силу народа, который «несется толпою», помогает самозванцу опрокинуть трон Бориса и все же безмолвствует в финале трагедии.

Именно в эти годы Пушкин впервые с такой настойчивостью и какой-то личной заинтересованностью стал задумываться о характере и облике подлинного народа, который предстал перед ним в образе совершенно новом, глубоко отличном от того традиционного образа, какой создавался дворянскими революционерами до Рылеева включительно. Это решающее

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

² А. С. Пушкин. «Недвижный страждремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 172.

³ А. С. Пушкин. «Свободы сеятель пустынный...». Соч., т. II, стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

обстоятельство и обусловило для Пушкина возможность исключительного по своей принципиальности и смелости перехода от романтического образа народа в «Вадиме» к небывалому в мировой литературе до Пушкина глубоко историчному раскрытию его роли в качестве решающей силы исторического процесса в «Борисе Годунове».

Процесс своеобразной кристаллизации образа подлинного народа в творчестве Пушкина был достаточно сложным. В этом отношении чрезвычайно показательным является принципиально различное разрешение проблемы народа в драматургии Пушкина и Шекспира. Основные черты и особенности шекспировской драматургии всецело обусловлены характером эпохи английского Возрождения. Эта эпоха борьбы новых общественных сил с феодализмом определила не только тематику шекспировских трагедий, но и характерные особенности их героев, обычно наделенных сильной и глубокой индивидуальностью, утверждающих высокие права человеческой личности. Отсюда — столь характерная для Шекспира гиперболизация этой личности и невероятное напряжение страстей, определяющее внутренний мир героев.

Все это в свою очередь закономерно приводило в шекспировской драматургии к преувеличенному пониманию роли личности в историческом процессе и к снижению роли и значения в этом процессе широких народных масс. Отличительной чертой драматургической системы Шекспира Пушкин считал его метод «вольного и широкого изображения характеров, небрежного и простого составления типов». Основу же этой системы Пушкин видел в том, что характеры героев раскрываются под воздействием окружающих их и влияющих на них обстоятельств.

Но, признавая теоретически эти положения плодотворными, Пушкин уже не мог удовлетворяться теми методами реализации их, какими удовлетворялся Шекспир.

Общественно-политическая концепция Шекспира обосновывала развитие историко-социального процесса деятельностью и борьбой богато одаренных и сильных личностей. В «Борисе Годунове» решающая роль в развитии социально-исторического процесса принадлежит народу.

Это решающее обстоятельство и обусловило коренное отличие драматургической системы Пушкина — в тех ее очертаниях, какие определились в «Борисе Годунове», — от шекспировской. Это отличие состоит в принципиально ином понимании «обстоятельств», которые «развивают перед зрителем... разнообразные и многосторонние характеры»¹ героев. В огромной шекспировской трилогии о Генрихе VI таким «обстоятельством» является борьба за королевский престол двух династий. Роль народа в этой борьбе ничтожна. Характерный эпизод мятежа Джека Кеда введен для наглядной иллюстрации тягчайших последствий распада государственности. В «Ричарде III» таким «обстоятельством»

¹ А. С. Пушкин. «Лица, созданные Шекспиром...» (Table-Talk). Соч., т. VII, стр. 516.

является преступная жажда власти самого Ричарда, влияющая на других и определяющая поведение окружающих его людей. Трагедия последовательно рисует кровавый путь Ричарда к престолу, овладение престолом ценой тягчайших преступлений и неизбежную гибель Ричарда от руки небесного правосудия, воплощенного в светлом образе Ричмонда.

Совершенно иного типа коллизии положены в основу пушкинской трагедии. Успех и победа самозванца обусловлены отнюдь не его личными качествами. Ничтожна роль и боярства в поражении Годунова. Победа самозванца и поражение Годунова всецело обусловлены возникшим широким народным движением, опрокидывающим трон Годунова. Это обстоятельство в свою очередь «развивает» и самый образ народа, раскрывающийся в пушкинской трагедии в самых различных своих аспектах — от безразличия и пассивности на Девичьем поле до мятежных призывов «мужика на амвоне» и подавленного безмолвия в финале трагедии.

Этим завоеванием своего историко-социального мышления Пушкин далеко опережал своих современников, не только в России, но и на Западе, которые и после окончания Пушкиным «Бориса Годунова» (1825) продолжали еще долгое время оставаться на позициях исторического романтизма (В. Гюго «Кромвель», 1827; П. Мериме «Жакерия», 1828 и др.).

Глубокое различие между пушкинским и шекспировским историзмом становится ясным при сравнении самого метода художественной интерпретации исторического материала у Шекспира и Пушкина. Принципиальное отличие шекспировских хроник от пушкинской трагедии в том, что, несмотря на свой внешний исторический колорит, они являются все же условно историческими. Эта условность еще более подчеркивается введением фантастического элемента, играющего столь значительную роль в шекспировской драматургии и совершенно отсутствующего у Пушкина. Шекспир интересуется главным образом человеческим характером вообще, условно вдвигаемым им в рамки исторических событий и эпохи. Гамлет как характер не обязательно должен был появиться в Дании, а Фальстаф — в XV в. Часто характеры шекспировских героев перерастают рамки отведенной им эпохи, приобретая черты «общечеловеческого» характера (Гамлет, Отелло, Король Лир). Пушкин, наоборот, стремится создать не просто человеческие, а исторические характеры, свойственные данной эпохе, данному народу, данной социальной группе. Реалистическая основа пушкинского историзма приводила его к исключительной художественной конкретности. Схимник, проводивший свою молодость в пирах «за царскую трапезой» и в битвах «под башнями Казани», — фигура, характерная не для европейского средневековья, не для католицизма, не для Востока, а именно для России конца XVI — начала XVII в. Юродивый, поносящий царя на московской площади, — это не условный «пророчатель» европейской литературной традиции, даже не просто русский юродивый, каких было

много на Руси, а именно московский юридический XV — XVI вв., с исторически правдоподобным обликом и речью.

Народ в трагедии Пушкина — это не просто одна из условных движущих сил пьесы, проявляющая себя где-то за пределами сценического действия. Это — вполне реальное действующее лицо, наделенное собственным голосом, имеющее сложный и противоречивый характер, раскрывающийся на всем протяжении пьесы в зависимости от обстоятельств.

Роль и значение этого образа косвенно определяются хотя бы и тем, что народ открывает трагедию избранием Бориса на царство, он и заканчивает ее, опрокидывая престол им же избранного царя. Мнением народным определен и последний заключительный момент трагедии.

Вторая сцена трагедии («Красная площадь») показывает народ пока еще пассивным и ожидающим. Выслушав решение думы, народ расходится по домам.

Третья сцена («Девичье поле. Новодевичий монастырь») показывает самый момент избрания царя. В этом важнейшем акте государственной жизни Пушкиным подчеркнута лишь любопытство толпы, для которой избрание царя является прежде всего редкостным зрелищем.

В этих сценах народ в массе своей еще слабо ориентируется в значении происходящих событий. Одни под давлением правительственных агентов послушно падали на колени и кричали подсказанные им слова. Другие, не понимая происходящего и выражая полнейшее равнодушие и безразличие ко всему, что не относится к зрелищу, недоумевали и не знали, как им себя вести и что делать. («О д и н. Все плачут, заплачем, брат, и мы. Д р у г о й. Я силюсь, брат, да не могу.»)¹ Так Пушкин разработал мотив «искренности» и «вдохновения», которыми, по словам Карамзина, определялось поведение народа в момент избрания Бориса на царство («искренность побеждала притворство, вдохновение действовало и на равнодушных...»)²

Сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» в драматургическом отношении несет исключительно сложные функции. Едва намеченная в первой сцене тема убийства царевича здесь развивается полнее и глубже; летописец Пимен, который выражает отзвуки настроений широких народных масс, с огромной силой обвиняет царя Бориса в гибели младенца.

Образ летописца играет в пушкинской трагедии весьма значительную роль, являясь одним из выразителей того «мнения народного», которым определяется поведение народа: «...Народ в совокупности, — говорил декабрист Е. П. Оболенский, — не имеет ясного понятия о том, что он чувствует — добро или зло. В массе его ощущений он чувствует то, что относится до него лично, — и совокупность этих ощущений, более или менее ясных, составляет то, что мы называем общим народным голосом, но еще не

¹ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 228.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, 1824, стр. 234—235.

мнением народным, выражение которого требует большего или меньшего ясного понимания и суждения и умственного развития...»¹

Сложными путями пришел этот бывший соратник Иоанна IV к монашеской келье, пройдя, может быть, через опалу и гнев Грозного, чтобы за монашеской одеждой скрыть многое, что ему известно и что, несомненно, находило отражение в его летописи, которую он ведет, отнюдь не вникая равнодушно добру и злу, как это показалось Григорию.

Много переживший, просветленный старостью, страданиями и думами, непосредственно общавшийся с народом, воспринимавший отовсюду самые разнообразные и противоречивые слухи и оценки, Пимен был в состоянии подняться в своих выводах до значительных обобщений. Поэтому его суровые слова о Борисе:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе царубийцу
Мы нарекли.²

звучат с огромной силой народного гнева и воспринимаются как отзвук грозного «мнения народного» о царе-преступнике.

В этом отношении чрезвычайно характерен акцентированный в пушкинской трагедии антигодуновский культ младенца Дмитрия, созданный народом и направленный непосредственно против Бориса. Чем более темным в народном представлении становится облик Бориса, тем более светлым и чистым проступает в народном сознании лик Дмитрия. Эту народную легенду, таящую глубокий политический смысл, и раскрывает нечаянно простодушный патриарх, что было сразу же понято Годуновым.

Нет нужды в том, что легенда о Дмитриии-чудотворце подтверждает (в пушкинской трагедии) факт его реальной смерти: это обстоятельство не играет никакой роли в том, что народ, ненавидящий Годунова, будет поддерживать самозванца, принявшего имя царевича: «...Он именем ужасным ополчен...»³

Ненависть к Годунову, противопоставляемая идеалу высшей моральной чистоты, воплощенному в народном сознании в образе младенца-мученика, развязывает (в трагедии) страшную в своей мощи народную силу. «Дмитрия воскреснувшее имя»⁴ становится синонимом освобождения от тягот Борисова царствования: «Мы из Москвы, опальные, бежали...»; «К тебе я с Дона послан...»⁵ и т. д.

«Площадь перед собором в Москве» — решающая сцена трагедии. Эта сцена как бы суммирует, объединяет, как в фокусе, все моменты народных

¹ Сб. «Декабристы и их время», ч. 1. М., 1927, стр. 197.

² А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 236.

³ Там же, стр. 312.

⁴ Там же, стр. 265.

⁵ Там же, стр. 272.

антигодуновских настроений, до этого звучавших в трагедии лишь приглушенно и разрозненно. В этой сцене царь уже побежден мнением народным. Слова юродивого — кульминационный момент всей трагедии. Это — народный приговор над Борисом. Трагедия, по существу, закончена, исход ее предопределен отношением народа к царю, власть которого держится всецело на угнетении и подавлении народа. Несовместимость этого основного принципа всякой самодержавной власти с исконными жизненными интересами народа утверждается всей пушкинской трагедией в целом, а потенциальная сила народа, пока недостаточно разбирающегося в существе вещей, но приобретающего решимость и мощь в условиях созревания «мнения народного», с исключительной выразительностью показана в образе «мужика на амвоне» и народа, который «несется толпою».

Здание государственной системы Годунова рассыпается на глазах у зрителей. И сам Годунов в последний период жизни напоминает уже не всадника, спокойно правящего конем, а человека, выбитого из седла.

Победил народ, а не Самозванец. Вот тут-то и вступает в строй и начинает звучать полным голосом приглушенная на всем протяжении трагедии, но отчетливо намеченная уже в самом начале ее, проблема народ — боярство.

Не допуская народ к участию в государственных делах, боярство знает, однако, силу народа. Более того, боярство признает эту силу в качестве решающей. На какой-то момент общая ненависть к Годунову заставляет бояр даже желать проявления этой силы, направленной против Годунова. Но это отнюдь не означает совпадения коренных интересов боярства и народа. Поэтому, когда взметнувшаяся народная волна опрокинула ненавистный народу трон Годунова, бояре сочли это событие делом, касающимся непосредственно их, и вновь, решительно отстранив победивший народ от участия в решении основных жизненных вопросов, явились на сцене в своей прежней роли вершителей судеб государственных: «Раступитесь, раступитесь. Бояре идут...»¹

Народ победил, но не мог воспользоваться плодами своей победы. Положение его осталось тем же: «Народ в ужасе молчит».²

В этом финале — ключ к пониманию не только всей пушкинской трагедии в целом, но и тех социально-политических и историко-философских взглядов, к каким пришел Пушкин в канун декабрьских событий и какие надолго определили направление его мировоззренческих и творческих исканий в последекабристский период.

«Борисом Годуновым» был ознаменован этап исключительного значения в политическом и художественном развитии Пушкина. Именно с этого времени в пушкинском творчестве появляется народ как основная и решающая сила историко-социального процесса.

¹ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 322.

² Там же.

Историческая и политическая зрелость Пушкина явственно проявилась уже в том, что поражение Бориса расценено в трагедии не как следствие индивидуальных усилий самозванца, но как результат победы народа, боровшегося за свое национальное существование и свергнувшего династию Годунова.

Однако победивший в трагедии народ оказался не в состоянии удержать свою победу, и результаты ее были узурпированы боярством. Пушкин и не мог показать иной ситуации — это противоречило бы исторической правде. Поистине огромное значение для всей русской культуры в целом имело то обстоятельство, что в «Борисе Годунове» впервые не только для русской литературы, но и для русской исторической науки была показана решающая роль народа в историческом процессе и потенциальная возможность победы его над самодержавием.

Особенно большое значение это обстоятельство приобретало в условиях развивавшегося движения дворянских революционеров, не опиравшихся в своей политической деятельности на социальную активность широких народных масс. В высшей степени знаменательно и то обстоятельство, что почти одновременно с «Борисом Годуновым», непосредственно перед выступлением декабристов, было закончено и «Горе от ума» Грибоедова — комедия глубочайшего социального обобщения, со всей остротой поставившая вопрос о соотношении сил революционно настроенной дворянской интеллигенции и пока еще мощной твердыни старого социального строя. Чацкий был «сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей» (разрядка моя. — *Б. Г.*).¹ Закономерность выступления декабристов, а вместе с тем и неизбежную обреченность их дела с исключительной остротой социального зрения подчеркнул Герцен, увидевший в них «...воинов-сподвижников, вышедших сознательно на явную гибель...»² Немеркнувшее историческое значение дела декабристов утвердил Ленин, видевший основную причину их поражения в том, что «Страшно далеки они от народа».³

В свете этих ленинских указаний особенную значительность приобретают выводы, к каким пришли почти одновременно Пушкин и Грибоедов в канун поражения декабристов. Пушкин утверждал решающую роль народа в историческом процессе. Грибоедов с огромной силой отразил назревший общественный протест против твердыни старого строя, а вместе с тем и явную несоразмерность оппозиционных сил самого дворянского общества с силами монархии.

Катастрофа на Сенатской площади многое прояснила. Признание недостаточности и неполноценности тактики вооруженного восстания группы

¹ И. А. Гончаров. Миллион терзаний. Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1896, стр. 154.

² А. И. Герцен. Концы и начала. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пг., 1920, стр. 280.

³ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

героических свободолюбцев, идущих на явную гибель во имя народа, но без его поддержки, было лишь трезвым и исторически оправданным выводом из создавшегося положения. Безошибочное чувство истории вскоре привело Пушкина к поразительно верной оценке исторического значения дела декабристов.

«Моровая полоса, — писал Герцен, — идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, и будущие поколения не раз остановятся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которая *в сущности* не прерывалась. Повидимому, поток был остановлен, Николай перевязал артерию, но кровь переливалась проселочными тропинками».¹

Основной ошибкой при определении социально-политических позиций Пушкина в 30-е годы является то, что ответ разыскивается лишь в плоскости разрешения дилеммы: «самодержавие — крепостное право», что было характерным для обстановки 10-х — начала 20-х годов, между тем как в 30-е годы действительность была значительно более сложной, ибо в этот период уже во весь рост вставал вопрос о путях буржуазного развития России. Таким образом к основной проблеме самодержавие — крепостное право присоединялись и требовали своего разрешения новые: буржуазия — дворянство и буржуазия — народ.

Начало 30-х годов прошлого столетия ознаменовалось крупнейшими событиями общеевропейского значения. Июльская буржуазная революция 1830 г. во Франции вызвала отзвуки почти во всей Европе. Вслед за этим произошли значительнейшие политические события, имевшие непосредственное отношение к России, — польское восстание 1830—1831 гг. Внутри самой России прокатывались волны холерных восстаний в среде крестьянства и в военно-солдатских поселениях.

Раздробление дворянских поместий усиливало переход помещичьих земель в руки буржуазии. Обозначился начавшийся процесс выделения капиталистических элементов и из среды крепостного крестьянства, а в связи с этим и общий процесс его дифференциации. Родоначальник известной фамилии фабрикантов Морозовых Савва Морозов выкупился из крепостной зависимости в 1820 г., а в 1862 г. умер уже владельцем двух больших фабрик.

Потенциально уже был намечен путь, который в недалеком будущем приведет не только к выделению из среды крепостного крестьянства таких элементов, как бурмистр Софрон, фактически более владеющий Шипиловой, чем сам г. Пеночкин, но и к покупке с торгов лопахинными вишневыми садами их бывших господ. Этот процесс непосредственно попадал в поле зрения Пушкина в связи с деятельностью его крепостного управителя в Болдине — Михайлы Калашникова: «...чего же ожидать теперь?» — писал

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, ч. IV, гл. XXV. Гослитиздат, Л., 1946, стр. 226.

Пушкину Н. И. Павлицев 31 января (12 февраля) 1835 г. — первой недоимки, — продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные покупают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его, — нет; но уверен, что он в состоянии купить».¹

Сложные и глубоко знаменательные процессы происходили и в основной массе крестьянства, продолжавшей, как и прежде, испытывать тяжелый гнет крепостничества, заметно усиливавшийся в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню. Назревавшее издавна глухое озлобление против крепостного состояния и помещиков прорывалось в эти годы в самых разнообразных формах все чаще и чаще, пока не вылилось в широкое и массовое движение, принявшее форму холерных бунтов 1830—1831 гг., охвативших большую часть территории России.

Крестьянское движение было поддержано многочисленными восстаниями в военных поселениях, причем ярко обнаружилась полная солидарность между солдатами и крестьянами. «Более ста человек генералов, полковников и офицеров, — писал Пушкин Вяземскому в августе 1831 г., — перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы... Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников».²

Формы, какие принимало движение против помещиков и крепостничества в 1830—1831 гг., свидетельствовали о социальной глубине назревавшего протеста, о том, что чаша долготерпения крепостного крестьянства переполнилась.

Письма Н. М. Коншина о подробностях и характере восстаний в военных поселениях, вероятно, напоминали Пушкину картины стихийных народных мятежей в древней Руси.

Характер этих восстаний мог напомнить Пушкину и хорошо известные ему строки Радищева: «Я заметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость».³

Однако все эти эксцессы, имевшие место в событиях 1830—1831 гг., не могли обмануть Пушкина в отношении подлинных качеств русского народа, который отнюдь не жесток по своей природе. Это подчеркивалось Пушкиным неоднократно в те годы. Кузнец Архип в «Дубровском» поджигает дом, в котором находились пьяные приказные, но он же с опасностью для жизни спасает кошку с кровли пылающего сарая: «Бога вы не боитесь, — говорит он мальчишкам, — божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь...»⁴ В «Капитанской дочке» Пугачев говорит Гриневу: «Ты видишь,

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 16, 1949. Переписка 1835—1837, стр. 9.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 373.

³ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I, гл. «Зайцово». Полн. собр. соч., изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 272.

⁴ А. С. Пушкин. Дубровский. Соч., т. VI, стр. 255.

что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья». ¹ В «Истории Пугачева» Пушкин приводит свидетельство казака Кожевникова, показавшего (под пыткой), что Пугачев «...намерен был обнаружить себя...» осенью «во избежание супротивления со стороны гарнизона и напрасного кровопролития». ² За всеми внешними эксцессами крестьянского движения 1830—1831 гг. Пушкин видел прежде всего мотивы ожесточенной социальной борьбы и стихийное проявление долго накапливавшегося и подавлявшегося озлобления против угнетателей всякого рода, которое в конечном счете легко могло вылиться в форму бунта.

Пушкин не склонен был преуменьшать значение происходивших событий. «Россия нуждается в покое, — писал он Е. М. Хитрово в конце 1830 г. — Я только что проехал по ней... Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас!» ³

События 1830—1831 гг. в России на фоне общеевропейского положения, вызванного июльской буржуазной революцией во Франции и отзвуками ее в других странах, со всей остротой ставили вопрос о дальнейших путях России, о соотношении политических сил в государстве и о возможных прогнозах на ближайшее будущее.

Поиски этих путей велись в разных направлениях, и выдвигавшиеся прогнозы были обусловлены самыми различными точками зрения. Эти поиски захватывали широчайший круг проблем — от попыток найти ответы на острейшие вопросы современности в применении выводов идеалистической философии к судьбам человечества и России до провозглашения новым евангелием человечества идей Сен-Симона и других ранних утопистов-социалистов.

Прогнозы подобного рода создавались вне учета закономерностей исторического развития, обусловленного антагонизмом и борьбой социальных сил, поэтому авторы и последователи их, обращаясь ко всему обществу, объективно стояли над антагонизмом общественных сил, раздиравших общество и обуславливавших его дальнейшее развитие. Между тем вся предшествовавшая эволюция исторических воззрений Пушкина приводила его к утверждению социальных закономерностей исторического процесса. Это сказывалось уже и в тех моментах критического преодоления концепции Карамзина, какие мы видим в пушкинской работе над «Борисом Годуновым». Весь последующий личный социальный опыт Пушкина способствовал лишь укреплению этих воззрений.

Методология исторических исследований Карамзина воспринималась Пушкиным в 30-е годы как явный анахронизм. Этим, в частности, обусловлено характерное изменение позиций Пушкина в отношении «Истории» Полевого, сказавшееся в набросках третьей статьи о ней. Признавая

¹ А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XI. Соч., т. VI, стр. 506.

² А. С. Пушкин. История Пугачева, гл. II. Соч., т. VIII, стр. 159.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 325 (подлинник по-французски, перевод — на стр. 825).

попрежнему неприличным недопустимо резкий тон Полевого в отношении Карамзина, Пушкин в то же время отмечает как несомненное достоинство Полевого его стремление в духе традиций новой исторической школы отыскивать причины событий в особенностях предшествовавших этапов исторического развития. Основную причину ошибок Полевого в раскрытии характера русского исторического процесса Пушкин видит в механическом перенесении на Россию социально-исторических схем, выработанных новой исторической школой для Западной Европы, без учета специфических особенностей русского исторического процесса.

В своей критике Полевого Пушкин обнаружил исключительную историческую зрелость, выдвинув неременное требование — при решении вопросов о характере истории любого народа исходить не только из общих методологических предпосылок, но и из учета специфических, исторически сложившихся особенностей каждого народа в отдельности. «Не говорите: *иначе нельзя было быть*, — писал Пушкин. — Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая...*»¹

В своем стремлении понять «общий ход вещей», разобраться в сложнейших процессах современности, исходя из принципа их причинной связи с прошлым, и, если можно, вывести из всего этого некоторые предположения для будущего Пушкин почти одновременно обращается и к русской и к западноевропейской истории. В русском прошлом его внимание привлекает в первую очередь история широкого крестьянского движения, возглавленного Пугачевым, в прошлом Западной Европы — история французской революции.

Работа Пушкина над исследованием о французской революции не нашла выражения в форме законченного исторического труда. Отдельные нити от этих занятий Пушкина протягиваются к замыслу большой социальной драмы из эпохи европейского феодализма, оставшейся незавершенной и печатающейся под условным редакторским заглавием: «Сцены из рыцарских времен» (1835). Историческое изучение широкого крестьянского движения, связанного с именем Пугачева, легло в основу «Истории Пугачева» (1834) и «Капитанской дочки» (1835).

«История Пугачева», более или менее удовлетворительно изученная с чисто исторической ее стороны, нуждается в дополнительном исследовании с точки зрения отражения в ней взглядов Пушкина 30-х годов на природу и характер широких крестьянских движений вообще. В этом

¹ А. С. Пушкин. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Соч., т. VII, стр. 147.

отношении существенно одно обстоятельство, которое значительно расширяет наши представления о значении занятий Пушкина над историей Пугачева в связи с событиями 1830—1831 гг. Эти занятия углубили интерес Пушкина к причинам, судьбе и последствиям широких массовых крестьянских движений как характерной закономерности русского исторического процесса на протяжении последних трех веков. Историческое дело Пугачева Пушкин рассматривал как продолжение дела Разина, постоянно сопоставляя эти имена и подчеркивая генетическую связь между ними.

В дальнейшем мы будем касаться лишь тех сторон «Истории Пугачева», которые дают возможность за внешним изложением исторических фактов вскрыть отношение к ним самого Пушкина, а за пушкинской оценкой движения Пугачева почувствовать характер более общих его размышлений о природе и характере крестьянских движений вообще. В этом отношении чрезвычайно показателен уже самый эпитаф ко всему труду, взятый Пушкиным из «Краткого известия» архимандрита Платона Любарского.¹ Зашифрованный именем архимандрита Платона, этот эпитаф, не обративший на себя внимания исследователей, предельно четко определяет характер всего движения, как представлявшего собою подлинно народное, широкое движение, не зависевшее от индивидуальной воли самого Пугачева и развивавшееся в разных местах одновременно. Вот этот замечательный эпитаф: «Мне кажется, сего вора всех замыслов и похощений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удалства в разных вдруг местах происходили».²

Все последующее пушкинское изложение «Истории Пугачева» является утверждением и развитием этого основного тезиса.

В первой главе дается яркое описание прежних исконных гражданских свобод яицких казаков. Петр Великий впервые принял меры «для введения Яицких казаков в общую систему государственного управления».³ «Казаки возмутились... но были жестоко усмирены полковником Захаровым».⁴ В царствование Екатерины II казаки, терпевшие аналогичные притеснения, также неоднократно возмущались, и генералы Потапов и Черепов

¹ Полное наименование этого «Известия»: «Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом Спасо-Казанским, 1774 года августа 24 дня».

² А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 146.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Там же.

«...принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней».¹ Казаки вознамерились довести до сведения императрицы «справедливые свои жалобы», но их посланцы были «схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики».² Местное начальство после этого стало пользоваться всякими предложениями, чтобы «мстить народу за его супротивления...»³

События развивались стремительно. Последовало жестокое усмирение мятежа, но движение уже нельзя было остановить. «Недоставало предводителя. Предводитель сыскался».⁴ Так заканчивается первая глава. Она оправдывает мятеж и показывает его истинную природу: борьба народа за свою исконную свободу.

Далее события разворачиваются совершенно так же, как в «Борисе Годунове»: «...послушные сдавались города, а воевод упрямых чернь вязала».⁵ Так случилось и с атаманом Илецкого городка.

Крестьянское движение, принимавшее невиданные размеры, стимулировало восстания угнетенных царизмом народностей. «Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству».⁶ Вооружение повстанцев было типичным для крестьянской войны: «...пштыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины...»⁷

Пушкин четко выявляет социальный антидворянский характер всего движения, рассказывая, что отряды повстанцев «устремлялись во все стороны... грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности».⁸ Политическая программа повстанцев в тех ее очертаниях, какие зафиксированы самим Пушкиным, четко определяется характером агитации вольных или невольных агентов Пугачева: «...распускали по площадям (в Москве.— *Б. Г.*) вести о вольности и о истреблении господ».⁹ И в другом месте: «Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».¹⁰

В первой главе Пушкин показал, что мятеж был поднят казаками еще до появления Пугачева. В дальнейшем изложении неоднократно подчеркивается, что широкое крестьянское движение разворачивалось помимо личной воли Пугачева, являвшегося лишь ставленником восставших, и что все его действия контролировались своеобразным военным штабом — фактическим центром движения. «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца... Он ничего

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 151.

² Там же.

³ Там же, стр. 151—152.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ А. С. Пушкин. Борис Годунов. Соч., т. V, стр. 316.

⁶ А. С. Пушкин. История Пугачева, гл. III. Соч., т. VIII, стр. 171.

⁷ Там же, стр. 178.

⁸ Там же, стр. 179.

⁹ Там же, стр. 189.

¹⁰ Там же, стр. 247.

не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле».¹ Это свое наблюдение Пушкин подтверждает свидетельством Бибикова в его письме к Фонвизину: «...не Пугачев важен: важно общее негодование».² Даже личное поражение Пугачева и его бегство не остановило движения, которое продолжало развиваться с неслыханной силой, перекидываясь из области в область.

В свете всего этого становятся предельно ясными и смысл, какой вкладывал Пугачев в свои слова, сказанные им Панину о «вороне» и «вороненке», и значение, какое придавал этому эпизоду сам Пушкин, нарочито выделив эти слова Пугачёва: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — «Кто ты таков?», — спросил он у самозванца. — «*Емельян Иванов Пугачев*», — отвечал тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. — «*Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает*».³

Эти слова и в устах Пугачева и в контексте Пушкина имели самый прямой и точный смысл: арестом Пугачева отнюдь не устранялись причины движения, и поскольку эти причины оставались в полной силе, постольку сохранялась и потенциальная возможность и даже вероятность повторения аналогичных событий и в дальнейшем. Холерные восстания 1830—1831 гг., обнаруживавшие, как казалось, тенденцию перерасти в широкое массовое крестьянское движение, подтверждали это в полной мере. Связывая движение Пугачева с предшествовавшим ему движением Разина и с последовавшими событиями 1830—1831 гг., Пушкин устанавливал историческую закономерность всех этих движений, свидетельствовавших о коренном несоответствии существующего строя с жизненными интересами народа в целом. Во всех этих движениях Пушкин видел проявление самых характерных и положительных черт русского народа. Посылая в 1836 г. Д. В. Давыдову «Историю Пугачева», Пушкин рекомендовал ему Пугачева как «казака прямого», который в передовом партизанском отряде Давыдова мог бы быть лихим урядником.⁴ Тем самым личные качества деятелей крестьянского движения 1771—1775 гг. связывались с героизмом русского народа, освободившего родину в Отечественной войне 1812 г.

Вместе с тем Пушкин видел определенную историческую закономерность и того обстоятельства, что все без исключения попытки народа бороться за свое освобождение, неизменно завершались тяжелым поражением народа и победой самодержавия. Пушкин понимал, что при существующей ныне несоизмеримости сил и средств самодержавия и народа

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч., т. VIII, стр. 180.

² Там же, гл. V, стр. 207.

³ Там же, гл. VIII, стр. 263.

⁴ А. С. Пушкин. Д. В. Давыдову. Соч., т. III, стр. 367.

восстания последнего и в ближайшее время несомненно будут обречены на неудачу.

Все это неизбежно приводило к необходимости переоценки ряда положений, казавшихся незыблемыми ранее и обнаруживших свою несостоятельность в настоящее время. Так, борьба с абсолютизмом, которая в обстановке конца 10-х — начала 20-х годов заставляла передовых представителей дворянского общества мечтать о жертвенном подвиге во имя свободы, равенства и братства, в обстановке 30-х годов, как это имело место во Франции, приводила к победе новой буржуазной демократии, к неограниченной власти «аристократии богатств», нового хозяина жизни. «С изумлением увидели, — писал Пушкин, — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное немолчимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)... рабство негров посреди образованности и свободы...»¹

Весь последний период творчества Пушкина ознаменован настойчивыми поисками живой социальной среды, которая несла бы в себе залог движения к будущему и давала бы возможность опереться на нее. В самые последние годы жизни подобная возможность для Пушкина, повидимому, становилась ощутимой. Такую возможность, как ему казалось, несла в себе среда людей творческого интеллектуального труда, «дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были», которая «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности».² Формирование этой новой социальной среды, различинной по своему происхождению («какого б рода они ни были») и объединенной общими профессионально-общественными интересами, являлось важнейшим знаменем времени. Замечательнейшим представителем этой среды при жизни Пушкина был молодой Белинский, которого Ленин называл «предшественником полного вытеснения дворян различинцами в нашем освободительном движении...»³ Попытка со стороны Пушкина установления связи с Белинским в высшей степени показательна именно в этом отношении. Появление в русской действительности застрельщиков нового движения мысли Пушкин считал явлением глубоко знаменательным: «Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».⁴

Перед всеокрушающей мощью прогрессивной человеческой мысли меркнет сила любого правления и любой «аристократии породы и богатства», ибо наиболее могущественной «аристократией» в обществе является «...аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия

¹ А. С. Пушкин. Джон Теннер. Соч., т. VII, стр. 449.

² А. С. Пушкин. Опровержение на критики. Соч., т. VII, стр. 198.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

⁴ А. С. Пушкин. Опровержение на критики. Соч., т. VII, стр. 198.

налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов?»

Таковы были основные моменты, характеризовавшие пушкинские искания новых путей общественного развития и той живой социальной среды, которая по возможностям, заложенным в ней, могла бы быть противопоставлена и реакционной монархии, и «аристократии породы», и «аристократии богатств».

Трагизм художественных исканий Пушкина и исканий в области мировоззрения последнего периода его жизни заключался в том, что он подходил к проблемам, разрешение которых оказывалось невозможным в условиях его времени. Так, он далеко не все, что хотел, мог сказать о Пугачеве в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». Еще менее мог бы он сказать о Петре в задуманной им «Истории Петра I». Незавершенными остались такие замыслы, как «История села Горюхина», X глава «Евгения Онегина» и «Путешествие из Москвы в Петербург».

«Эпоха крепостная (1827—1846 гг.), — писал Ленин, — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ». ²

Выполнение этой исторической задачи — пробуждения могучих народных сил — выпало на долю второго поколения деятелей русского освободительного движения — революционеров, разночинцев, лучшими представителями которого были Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 300—301.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 294—295.

III

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

---

1. ОТКРЫТИЕ ОБЕЛИСКА В ПАМЯТЬ ПРЕБЫВАНИЯ А. С. ПУШКИНА В СЕЛЕ ЗАХАРОВЕ

июня 1949 года в селе Захарове Академией Наук СССР был торжественно открыт обелиск в память пребывания А. С. Пушкина летом 1805—1810 гг. в усадьбе своей бабки М. А. Ганнибал.

Село Захарово Звенигородского района Московской области расположено в 44 километрах от Москвы и в трех километрах от станции Голицыно Белорусско-Балтийской ж. д.

В детские годы Пушкина Захарово принадлежало его бабке Марии Алексеевне Ганнибал, и поэт до поступления в Царскосельский лицей проводил здесь летнее время.

Имение это, переходившее из рук в руки, постепенно разрушалось, строения разваливались и сносились, и в настоящее время от построек пушкинского времени почти ничего не сохранилось.

Н. В. Берг, посетивший эту усадьбу в 1851 г., оставил ее описание: «На 38 версте от Москвы по Смоленской дороге есть поворот из села Вязем направо в сельцо Захарово. Здесь провел первые годы своего детства Пушкин... По бокам дома были в то время флигеля, и в одном из них помещались дети с гувернанткой, братья А. С. и он. Впоследствии флигеля, по ветхости, сломаны, и дом остался почти в таком же виде, в каком был при Ганнибаловых... Мы осмотрели небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеко от дома... Пушкин любил эту рощицу... Из рощицы мы пошли на берег пруда, где сохранилась еще огромная липа... от липы очень хороший вид на пруд, которого другой берег покрыт темным еловым лесом. Прежде вокруг липы стояло несколько берез, которые, как говорят, были все исписаны стихами Пушкина. От этих берез остались только гнилые пни».¹

---

¹ Н. Б. (Н. В. Берг). Сельцо Захарово. Москвитянин, № 9—10, 1851, Совр. изв., стр. 29—30.

На территории усадьбы в настоящее время находится пионерлагерь Центрального Дома Советской Армии. Ближе к шоссе помещается здание четырехклассного начального училища, которому в 1937 году в связи со 100-летием со дня смерти поэта было присвоено имя А. С. Пушкина.

От пушкинских времен уцелело несколько аллей, прудов, напоминающих о посвященных этому уголку строках поэта:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зеркалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумят.¹

Имеется и другое свидетельство о том, что поэт любил Захарово, с которым были связаны дорогие ему воспоминания детства. Н. О. Пушкина, мать поэта, 22 июля 1830 г. в письме к своей дочери О. С. Павлицевой сообщала, что Пушкин снова посетил этот уголок:

«Представь себе, он сделал этим летом сантиментальную поездку в Захарово совсем один,—единственно для того, чтобы увидеть места, где он провел несколько лет своего детства».²

По инициативе президента Академии Наук СССР академика С. И. Вавилова, в Захарове к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина сооружен обелиск в память его пребывания в этом селении.

Обелиск, высотой 2.90 метра, сделан из темного полированного гранита. С лицевой стороны в него вделан барельеф золоченой бронзы с профильным изображением А. С. Пушкина, исполненный по заказу Академии Наук скульптором Н. П. Гавриловым. На лицевой стороне обелиска высечена надпись:

А. С. Пушкин
жил в Захарове
летом 1805—1810 гг.

На задней стороне:

Сооружен
Академией Наук СССР
6 июня 1949 года

Обелиск поставлен на прямоугольной площадке перед зданием школы, лицом к дороге, ведущей на Звенигород, и прекрасно виден с шоссе.

¹ А. С. Пушкин. Послание к Юдину. Соч., т. I, стр. 169.

² Литературное Наследство, т. 16—18, стр. 776.

5 июня 1949 года, в 2 часа дня, состоялось торжественное открытие обелиска. Митинг открыл академик Б. Д. Греков, подчеркнувший в своем вступительном слове мировое значение А. С. Пушкина.

Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького, член-корреспондент Академии Наук СССР А. М. Еголин говорил в своем выступлении о свободолюбивых мотивах пушкинских произведений, о близости его к декабристам — носителям передовых идеалов той эпохи, о глубоком проникновении поэта в истоки народного творчества.

Секретарь Звенигородского райкома ВКП(б) И. А. Шатилов, председатель Захаровского сельсовета С. К. Гребешкова, заведующий Звенигородским РОНО С. С. Павлов, директор захаровской неполной школы Д. Н. Потудин, зам. директора Государственной Третьяковской галереи Г. В. Жидков, представитель Государственного литературного музея Н. П. Анциферов говорили о великой любви народа к своему национальному гению, о неустанной заботе партии и правительства, чтобы замечательные творения Пушкина стали всенародным достоянием.

После митинга состоялось народное гулянье, продолжавшееся до позднего вечера.

---

2. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР В БЫВШЕМ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ

июня 1949 г. в здании б. Царскосельского лицея, в актовом зале, полностью восстановленном после зверских разрушений, произведенных фашистскими варварами, состоялось торжественное заседание Президиума Академии Наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Вступительное слово произнес президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов. Слово для предложения по составу почетного президиума было предоставлено академику А. В. Палладину. Под бурные, долго не смолкающие аплодисменты участники торжественного заседания избрали в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Академик С. И. Вавилов сообщил, что на заседании присутствуют потомки А. С. Пушкина — правнучка Софья Николаевна Данилевская и ее сын Александр Сергеевич Данилевский.

Слово для доклада «А. С. Пушкин в лицее» предоставляется академику И. И. Мещанинову. Второй доклад — «Лицейская лирика А. С. Пушкина» — члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова.

Академик С. И. Вавилов предоставил слово для выступлений: представителю Ленинградского отделения Союза советских писателей Б. Ф. Чирскову, советским поэтам М. Дудину, В. Рождественскому, И. Демьянову, прочитавшим свои стихи, посвященные А. С. Пушкину, и известному прогрессивному чилийскому поэту Пабло Неруда. Перевод с испанского стихов П. Неруда прочитал ответственный секретарь Иностранной комиссии Союза советских писателей М. Я. Аппетин.

В заключительном слове президент АН СССР академик С. И. Вавилов выразил глубокую признательность от Академии Наук Ленинградскому городскому комитету ВКП(б) и Ленинградскому городскому Совету, а также Пушкинскому городскому комитету ВКП(б) и Пушкинскому городскому Совету за непрестанную повседневную помощь, которую они оказывали в выполнении реставрационных работ в городе Пушкине.

Академик
С. И. Вавилов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ерукотворный памятник, который воздвиг себе Пушкин своими великими творениями,— сокровище культуры нашей советской Родины. Провидцем оказался поэт: народная тропа к нерукотворному памятнику не только не заросла, но ширится с каждым годом с тех пор, как Великая Октябрьская социалистическая революция разорвала цепи,

сковывавшие народ.

В 1937 году Советский Союз отмечал столетнюю годовщину со дня трагической гибели Пушкина. Это были дни всенародного внимания к памяти величайшего русского поэта.

Двенадцать лет прошло с тех пор. За эти годы Родина наша пережила один из самых тяжелых периодов своей истории — Великую Отечественную войну. Советский народ в смертельной схватке наголову разбил злобного врага, вторгшегося в пределы его родной страны и покушавшегося на самое существование Советского государства. В городе, носящем имя нашего поэта, происходили бои, свидетельствовавшие об агонии погибающего врага. И вот сейчас, в июне 1949 года, наш народ, только четыре года назад окончивший невиданную войну, радостно празднует 150-летие со дня рождения своего самого любимого поэта. Размеры и характер этого праздника таковы, что, конечно, никакая страна в мире никогда не видела ничего подобного. Празднуют все народы Советской страны, на радостный юбилей со всего мира прибыли представители передовой общественности, чтобы принять активное участие в торжествах. Проходят бесчисленные собрания, лекции, спектакли, концерты. Имя Пушкина постоянно раздается по радио. Советские издательства выпустили новыми изданиями сочинения поэта в громадных тиражах. Незарастающая тропа, о которой мечтал Пушкин, превратилась в широчайшую дорогу, по которой идут теперь весь Советский Союз и народы всего мира.

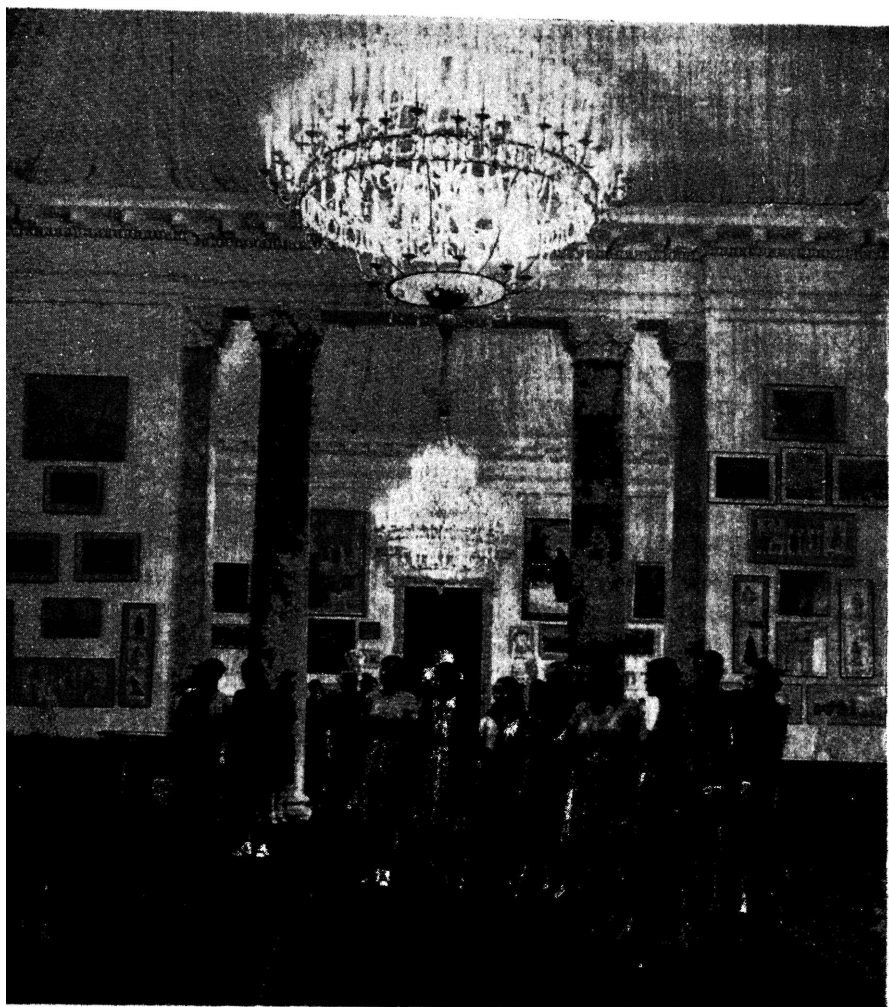
Советский народ, советское правительство и коммунистическая партия, всемерно помогая возвышению нерукотворного памятника Пушкина, вместе с тем создают и вещественные, рукотворные памятники величайшему

МИТИНГ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОТКРЫТИЮ МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА
В ВОССТАНОВЛЕННОМ ЗДАНИИ Б. АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДВОРЦА (г. ПУШКИН).

поэту нашей Родины. Я говорю не только о скульптурных изображениях поэта, которые украшают многие наши города, а также и города стран новой демократии, но о памятниках-зданиях, увековечивающих образ поэта и его славу.

Заседание Президиума Академии Наук СССР происходит сегодня в совершенно исключительной обстановке: мы находимся в актовом зале бывшего Царскосельского лицея, восстановленном по сохранившимся рисункам и чертежам с возможно большей точностью. В этом зале 8 января 1815 года лицеист Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» на экзамене в присутствии многочисленных приглашенных гостей, среди которых был Гавриил Романович Державин. Эта встреча великого представителя русской поэзии XVIII века и восходящего солнца русской поэзии XIX века — знаменательное событие в истории русской культуры. Царское правительство не пощадило, однако, замечательного памятника.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗАЛ МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА В ЗДАНИИ ВОССТАНОВЛЕННОГО Б. АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДВОРЦА (Г. ПУШКИН).

30-х годах прошлого века актовый зал Лицея был превращен в жилые помещения. Не пощажены были и комнаты лицеистов, в частности, комната, которой жил лицеист Пушкин. К невежеству бывших хозяев Царского дома в XIX веке присоединилось невиданное варварство и кощунство диверсий, пришедших в город Пушкин из фашистской Германии вместе с «голубой» испанской дивизией Франко.

По постановлению правительства в 1945 году здание Лицея было передано Академии Наук СССР для восстановления и размещения в нем следствии Института литературы (Пушкинского Дома), переводимого Ленинграда.

С конца 1945 г. началась подготовка к реставрационным работам и,

в соответствии с постановлением правительства, ко дням пушкинских торжеств в бывшем Царскосельском лицее было полностью закончено восстановление актового зала и лицейских комнат, в которых жили Пушкин и его ближайшие друзья. Я не могу не отметить исключительного старания и энтузиазма строителей, проектировщиков, многих рабочих в выполнении сложных реставрационных работ. Выполнены они превосходно. Волею советского правительства замечательный памятник русской культуры — актовый зал бывшего Царскосельского лицея — ныне вновь воскрешен.

Позвольте выразить надежду, что это здание бывшего Лицея станет настоящим очагом советской культуры в области литературы и поэзии. В этих стенах наши пушкиноведы с особенным подъемом должны продолжить свои изыскания в области творчества Пушкина и по всем важнейшим вопросам русской литературы и литературы советской эпохи. В этом зале наши ученые будут встречаться с советскими писателями и поэтами. Здесь прозвучат впервые новые произведения наших писателей и поэтов. Актовый зал бывшего Царскосельского лицея должен стать почетной трибуной, с которой прозвучат лучшие произведения новой поэзии, достойные гения Пушкина.

Для Пушкина Царское Село было подлинным отечеством. Здесь он сформировался как поэт, здесь его «...студенческая келья вдруг озарилась: муза в ней открыла пир младых затей».¹

Позвольте выразить надежду, что новые поколения советских ученых-литературоведов, поэтов и писателей найдут вдохновение в рощах, в тенистых долинах, в стенах Лицея города Пушкина.

Вместе с Лицеем, вокруг него будут постепенно, и год от года все быстрее, вырастать и восстанавливаться разрушенные варварами здания и дворцы города Пушкина. Под руководством партии и правительства, во главе с великим Сталиным, народ наш наполнит новой жизнью разрушенный прекрасный город.

Слава нашему любимому поэту!

Слава партии и советскому правительству, воля которых воскрешает «отечество» Пушкина!

Да здравствует и живет долгие годы наш вождь и наставник во всех делах — великий Сталин!

---

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VIII. Соч., т. V, стр. 165.

Академик
И. И. Мещанинов

А. С. ПУШКИН В ЛИЦЕЕ

августа 1811 года Пушкин выдержал вступительный экзамен и был зачислен в Царскосельский лицей. Это было закрытое учебное заведение, имевшее целью, как говорилось в лицейском уставе, «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной».¹ Для Лицея был отведен четырехэтажный флигель, соединенный крытым переходом с Екатерининским дворцом. 19 октября состоялось открытие Лицея.

В этом зале, любовно восстановленном нашими строителями, Пушкин услышал речь передового русского педагога, профессора Куницына, о которой впоследствии писал, как о самом выдающемся событии этого дня. Куницын призывал воспитанников готовиться к тому, чтобы «иметь непосредственное влияние на благо целого общества». Задачей воспитания он считал — изучение «существа гражданских обязанностей». «Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями»,² — так закончил он свою речь.

С этого дня началась для будущего поэта новая жизнь, полная многообразных интересов.

Шесть лет провел он в Лицее, почти безвыездно живя в Царском Селе. Здесь окреп его интерес к литературе. Здесь почувствовал он, что поэзия — дело его жизни, его призвание.

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!³

— писал молодой поэт.

---

¹ Д. К о б е к о. Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 16

² Речи, произнесенные при открытии имп. Сарскосельского лицея... 19 октября 1811 г. СПб., 1811.

³ А. С. П у ш к и н. Про себя. Соч., т. I, стр. 437.

Лицейские годы Пушкина совпали с историческими событиями — Отечественной войной 1812 года. Эти события всколыхнули всю страну, пробудив в обществе чувство патриотизма. «Мы были дети 1812 года, — писал декабрист М. И. Муравьев-Апостол. — Принести в жертву всё, даже самую жизнь ради любви к Отечеству было сердечным побуждением нашим».¹

Вместе со своей Родиной и лицеисты переживали необычайный патриотический подъем. Они видели, как через Царское Село на борьбу с врагом шли русские воины, и выбегали провожать их.

«Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской, — вспоминал Пушкин, — приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении выходили даже во время классов, напутствовали воинов... обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас... Не одна слеза тут пролита. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов».²

Лицеисты с волнением следили за событиями, гордились успехами и героическими подвигами русских воинов. Чувство горячей любви к борющейся с иноземными захватчиками Родине переживал и Пушкин.

С гордостью за великий народ русский, за народ-победитель писал юный поэт:

Страшись, о рать иноплеменных!
 России двинулись сыны;
 Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных.
 Сердца их мщеньем возжены.
 Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
 Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
 Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...³

Горько сетовал Пушкин, что ему не пришлось быть участником великой битвы, пролить свою кровь за любимую Отчизну:

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
 Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!..
 ... Душой восторженной за братьями спешил.
 Почто ж на бранный дол я крови не пролил?⁴

Воспоминания о героических днях 1812 года остались у Пушкина на всю жизнь. «Священная память двенадцатого года» поддерживала его в самые трудные времена жизни. В великом подвиге русского народа,

¹ М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Изд. «Былое», Пгр., 1922, стр. 40.

² И. И. Пушкин. Записки о Пушкине. ГИХЛ, 1934, стр. 36.

³ А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

⁴ А. С. Пушкин. Александру. Соч., т. I, стр. 146.

освободившем мир от деспотизма Наполеона, он черпал уверенность в славном будущем Родины, в ее неминуемом освобождении от цепей рабства, от самодержавия и крепостничества. Почти через 25 лет после войны он вспоминал о былых днях с таким же проникновением, с таким же поэтическим пафосом, который был свойственен ему в лицейские годы. В стихотворении 1836 г., посвященном лицейской годовщине, Пушкин восклицал:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...¹

Громадное впечатление произвела на Пушкина весть о пожаре Москвы, эта, как сказал Белинский, «очистительная жертва за спасение целого народа». Свои впечатления военных лет, свои позднейшие раздумья Пушкин претворил во всем своем творчестве, насквозь пронизанном чувствами национальной гордости, любви к Родине, неиссякаемой верой в могучие силы русского народа.

В Лицее Пушкин получил и первые сведения по наукам политическим. «Он создал нас, он воспитал наш пламень»,² сказал поэт о профессоре «нравственных и политических наук» Куницыне. Исключительно благоприятные условия сложились здесь для творческого развития Пушкина. Военные и политические события, лекции лицейских профессоров — лучших в то время, живое восприятие всех «впечатлений бытия»³ — все это способствовало необычайно быстрому росту поэта.

Он полюбил чудесную природу Царского Села. Его часто можно было видеть в тенистых аллеях парка любующимся живописными прудами или простаивающим подолгу у памятников русской славы.

О своем пробуждении как поэта Пушкин впоследствии сказал чудесными стихами:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...
... В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.⁴

С каждым годом пребывания в Лицее его стихи становятся содержательнее, начинают отражать разнообразные впечатления окружающей жизни. Пушкину было 15 лет, когда одно из его стихотворений «К другу стихо-

¹ А. С. Пушкин. «Была пора: наш праздник молодой...». Соч., т. III, стр. 382.

² А. С. Пушкин. Из ранней редакции стихотворения «19 октября» (1825 года). Соч., т. II, стр. 398.

³ А. С. Пушкин. Демон. Соч., т. II, стр. 155.

⁴ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VIII. Соч., т. V, стр. 165.

творцу» было напечатано в журнале «Вестник Европы». Именно ему поручили выступить с чтением своих стихов на торжественном экзамене 8 января 1815 года в присутствии знаменитого Державина.

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил,¹

— вспоминал Пушкин много лет спустя. В этом зале, где мы сейчас с вами находимся, звучал голос Пушкина. Переживания юного поэта сохранились для нас в его драгоценной записи живых впечатлений от этого знаменательного дня, знаменательного и для его собственной биографии и для истории русской литературы. Пушкин пишет: «Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар... Экзамен наш очень его утомил... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь... Наконец, вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина. голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении. Он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»²

В Лицее нашел Пушкин прекрасных товарищей, дружбу с которыми сохранил на всю жизнь. Особенно полюбил он Пуцина, Дельвига, Кюхельбекера. «Великое благо в сей жизни — дружба!» — говорил Белинский. Прекрасное чувство товарищества связывало лицейстов. Оно сложилось на основе общности идейных интересов, на основе пламенного патриотизма. Иван Пуцин в своих воспоминаниях говорит о том, что он и Пушкин согласно мыслили «о деле общем», подразумевая здесь единство их свободолюбивых стремлений. Здесь они дали обет взаимной верности. О Лицее Пушкин впоследствии писал:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.³

О дружном «лицейском союзе» говорится и в следующих пушкинских стихах:

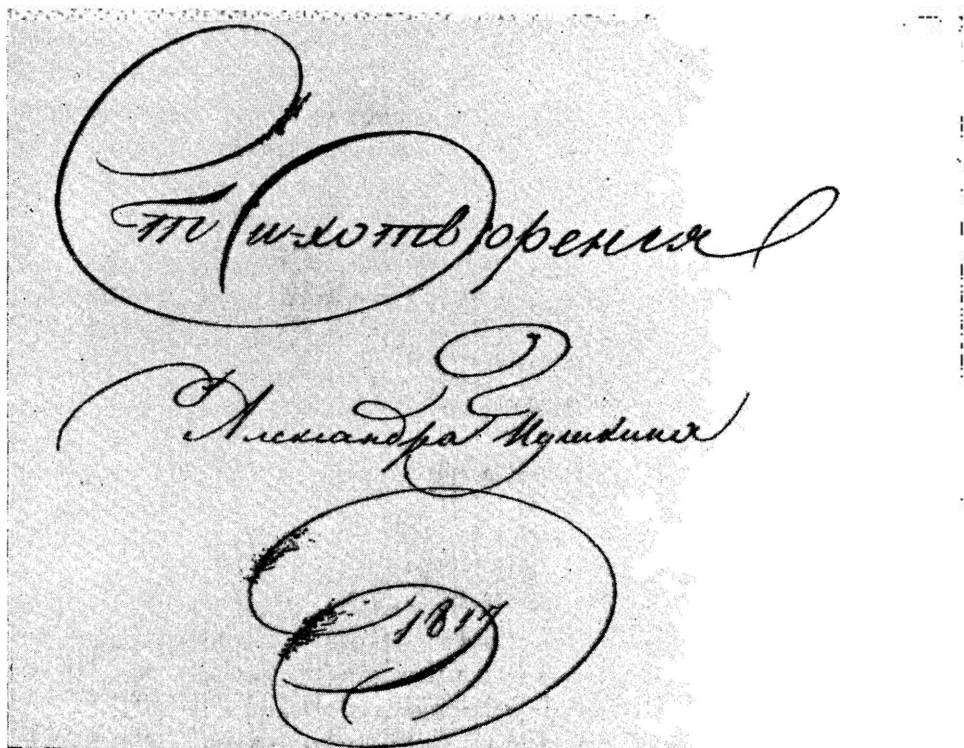
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.⁴

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VIII. Соч., т. V, стр. 165.

² А. С. Пушкин. Воспоминания. Державин. Соч., т. VIII, стр. 65—66.

³ А. С. Пушкин. 19 октября. Соч., т. II, стр. 279.

⁴ Там же.

ОБЛОЖКА ТЕТРАДИ С ЛИЦЕЙСКИМИ СТИХОТВОРЕНИЯМИ ПУШКИНА.

Уже окончив Лицей, лицеисты установили замечательную традицию: 19 октября каждого года — в годовщину открытия Лицея — собираться на «братскую переключку». И сколько чудесных стихотворений посвятил Пушкин этой дате и своим лицейским друзьям!

В Лицее Пушкин и его друзья познакомились с русскими офицерами, участниками войны 1812 года, служившими в лейб-гусарском полку, стоявшем в Царском Селе. Среди них выделялся П. Я. Чаадаев. Это был образованный и политически передовой человек. Его разговоры на политические темы запомнил Пушкин на всю жизнь. В надписи «К портрету Чаадаева» Пушкин так сказал о своем друге:

Он вышней волею небес
 Рожден в оковах службы царской;
 Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
 А здесь он — офицер гусарской.¹

Пушкин был желанным гостем у офицеров лейб-гусарского полка, где велись смелые разговоры, где сердца молодых людей горели ненавистью к самовластью, желанием свободы.

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. I, стр. 407.

Немалое значение имело для развития Пушкина-лицейста чтение политической литературы. Впоследствии автор направленного в полицию доноса о Лицее писал: «В Лицее начали ходить все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то относились прямо в Лицей».¹

Все это вместе взятое привело к очень раннему политическому созреванию юного поэта. Он, по существу, явился зачинателем того направления русской поэзии, которое в дальнейшем прочно связало себя с декабристским движением. В 1815 году он написал стихотворение «Лицинию». Здесь содержатся характерные признания:

... я рабство ненавижу...
 ...кипит в груди свобода;
 Во мне не дремлет дух великого народа.²

В 1817 году Пушкин и его друзья окончили Царскосельский лицей. Из лирических стихов Пушкина того времени мы знаем, что он много размышлял над своим призванием. Он отвергал все те возможности для карьеры молодого дворянина, которые не были связаны с борьбой за благо Отчизны и выражали лишь заботу о личном «благоденствии». Стихотворение «К другу стихотворцу» (1814) говорит о том, что Пушкин хорошо сознавал все трудности, которые стояли перед писателем в современном ему обществе. Но избрал он именно это призвание, следуя пониманию великой роли литературы, тому пониманию роли писателя как борца за благо народа, которое было свойственно всем лучшим представителям передовой русской культуры.

Незабвенная память о Пушкине связывается в сознании советского народа с памятью и любовью к тому месту, где созрел гений поэта. Вот почему сразу же после окончания Великой Отечественной войны против немецкого фашизма Советское государство с такой заботливостью стало восстанавливать город Пушкин, бывшее Царское Село. Много труда, любви, упорства вложено в восстановление актового зала Лицея, комнат, где жили Пушкин и его друзья. В городе Пушкин открывается Всесоюзная пушкинская выставка, которая затем превратится во Всесоюзный пушкинский музей. Тем самым город, носящий имя гения русской литературы, становится одним из самых дорогих памятников не только для советского народа, но и для всего человечества, ибо имя Пушкина дорого для всех, кто предан высоким идеям справедливости, свободы. И наше сегодняшнее торжество — это торжество великого русского народа, народа-победителя, который водрузил на одной шестой части мира знамя социализма, народа большой и чудесной культуры, в исторических летописях которой значится сияющее имя одного из величайших ее творцов — Александра Сергеевича Пушкина.

¹ «Былое», № 1, 1918, стр. 16.

² А. С. Пушкин. Лицинию. Соч., т. I, стр. 110.

Член-корреспондент АН СССР

Н. К. Пиксанов

ЛИЦЕЙСКАЯ ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА

Когда бываешь в Лицее, где шесть лет учился Пушкин, находишься в актовом зале, где мелькала его стройная юношеская фигура, где слышалось вдохновенное чтение им своих стихов, которые так восхитили старика Державина, и знаешь, что рядом находится царский дворец, — не можешь не поражаться контрастному, как бы символическому значению этих двух зданий.

Здесь, в пушкинском Лицее, поклонялись бессмертному солнцу ума. Здесь чутко воспринимались отклики революционных бурь. Здесь расцветала поэзия. Здесь мечтали и говорили о свободе, о подвигах во славу и в защиту родного народа. Там, в царском дворце, обитали гасители просвещения, поработители народа, враги свободы, душители литературы, приспешники тьмы.

Два здания стояли одно против другого словно символы двух враждебных миров, уже боровшихся в прошлом и готовых к новым боям. Ведь с 1817 года пройдет всего двадцать лет, и славный питомец Лицея погибнет, загубленный бесславными обитателями дворца.

Но пробужденный к творчеству «перед ясным восходом зари»,¹ Пушкин еще увидит первое «революционное движение против царизма»² и сам будет его готовить, доблестно послужит народному благу и создаст гениальные свободолюбивые произведения.

Лицейские годы и лицейское творчество Пушкина мы считаем первым этапом его борьбы за новый мир. Победивший и торжествующий новый мир всенародно чтит ныне светлую память великого гражданина и гениального поэта. Царское Село стало городом Пушкина, и в бывших царских хоромы загорается заря нового бессмертия Пушкина.

---

¹ А. С. Пушкин. Вакхическая песня. Соч., т. II, стр. 274

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

Если бы кто захотел почувствовать буйный рост юного гения, рост, одной своей стремительностью уже обещающий великое будущее,— тот пусть перечтет год за годом лицейские стихи Пушкина.

Поэтическая мощь юноши-Пушкина, ее гигантское возрастание поражают читателя.

Лицейский период пушкинского творчества — это ведь всего неполных пять лет: 1813—1817 годы, это ведь возраст 14—18 лет. Однако в эти тесные пределы замкнут целый поэтический мир. Создана целая книга стихов, включившая до 130 произведений. Поражает разнообразие форм, поэтических родов и видов. Послания, экспромты, мадригалы, народные песни, романсы, эпиграммы, юморески, надписи, «мифологические картины», лирика любовная, лирика батальная, лирика природы, баллады, элегии, сатиры политические, сатиры литературные, поэмы, драматические опыты — целая хрестоматия образцов поэтики. Здесь еще много школьных опытов, пестрой «антологии». Но немало и крупных стихотворений, сложных композиций, ценнейших достижений, изумляющих зрелостью формы, значительностью содержания.

Поразительна многогранность знаний юного поэта. Литература греческая и римская, французский классицизм, фольклор русский и украинский, русская поэзия XVIII в. — не только в вершинных ее представителях, но и в малых, безвестных стихотворцах; современная русская лирика; поэтика, критика и полемика борющихся школ и направлений; новейшие европейские литературы; текущая журналистика с литературными «злобами дня» — ничто не упущено, все воспринято быстро, чутко, остро, крепко.

Замечательны любовь и признательность юноши к своим литературным наставникам, воспитателям мысли и мастерства, горячие к ним обращения. Батюшкову (1814): «наперсник милых аонид», «радости певец», «музами любимый».¹ Жуковскому (1816): «благослови, поэт!»² О Карамзине: «страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый».³ О Державине: «славный старец наш», «крылатым гением и грацией венчаный».⁴

Но примечательны и ранняя независимость, гордое самосознание юного гения. Наставнику словесности, профессору Кошанскому поэт отвечает (1815):

Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.⁵

¹ А. С. Пушкин. К Батюшкову. Соч., т. I, стр. 69—71.

² А. С. Пушкин. К Жуковскому. Соч., т. I, стр. 192.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ А. С. Пушкин. Моему Аристарху. Соч., т. I, стр. 152.

В поэме «Тень Фонвизина» (1815) суров суд над дряхлеющим Державиным, над его старческими стихами:

Огонь поэта охладел...
Что сделалось с тобой, Державин?..
...сердцу больно.¹

Пушкин-поэт ревностно учится. За немногие годы он успевает овладеть огромными знаниями, освоить многие тайны поэтического мастерства. В своем стремительном творческом развитии он как бы переживает целые периоды, далекие этапы литературной истории. Развитие его лицейского творчества — словно сжатый курс истории мировой и национальной литературы. Юноша усердно учится у классицизма, затем у сентиментального романтизма — по Жуковскому. Но тут же начинается и преодоление сентиментализма.

Преодолевается и классицизм — медленно, но неуклонно — в его архаическом словаре и фразеологии, в его риторичности, в его отвлеченности и т. д.

2

Стихийно, еще без теоретических обоснований, начинает расти реализм — пока разрозненные, но смелые и счастливые начинания.

Начинают создаваться правдивые, живые, краткие диалоги, далекие от напыщенной или жеманной стилистики классиков и сентименталистов. В стихотворении «К другу стихотворцу» (1814) встречаем диалог между подвыпившим сельским батюшкой и его прихожанами. В маленьком четверостишии лицейских лет находим другой диалог:

— «Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал». —
«Да, слышал, слышал: в банк играл».²

В борьбе с традиционными книжными образами классицизма, сентиментализма, оссианизма — образами мифологическими, легендарными, историческими, героическими, — начинают выступать совсем иные образы, образы, взятые из обыденной, будничной жизни, образы простых людей.

Знаменательно и важно: юноша учится наблюдать чужую жизнь, притом — жизнь, далекую от его собственной общественной среды, среды лицейской, барской, столичной. Пушкина-студента тянет к простым людям, в простую жизнь. Ярким примером служит прославленное стихотворение «Городок» (1815). Здесь создан смелый, мастерской реалистичский образ простого человека: в городке, «безвестностью счастливым»,

¹ А. С. Пушкин. Тень Фонвизина. Соч., т. I, стр. 162—163.

² А. С. Пушкин. «Больны вы, дядюшка. Нет мочи...» Соч., т. I, стр. 282.

юноша чутко, зорко, сочувственно наблюдал «добренькую старушку» которая

Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал,—
Старушка всё расскажет,
Меж тем как юбку вяжет...¹

В том же «Городке» воссоздан и другой образ простого человека, «доброего соседа», майора отставного, — ранний этюд к капитану Миронову из «Капитанской дочки».

3

Устойчива в лицейском творчестве Пушкина тема бедности. В послании к Пушину (1815) он противопоставляет богачам друга, живущего «под кровом небогатым».² Во втором послании к профессору Галичу сочувственно отмечен его «малый, тесный дом».³ О Галиче там же говорится:

...На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом...⁴

О себе Пушкин постоянно пишет, как о «бедном поэте»; в «Послании к Юдину» (1815) богачам противопоставлен уже сам Пушкин, который смотрит «с улыбкой сожаленья на пышность бедных богачей...»⁵

В раннем послании «К другу стихотворцу» — к Кюхельбекеру — пятнадцатилетний Пушкин рассуждает так:

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолены залы.

И дальше — сильно и горячо:

Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет...

¹ А. С. Пушкин. Городок. Соч., т. I, стр. 102.

² А. С. Пушкин. К Пушину. Соч., т. I, стр. 119.

³ А. С. Пушкин. Послание к Галичу. Соч., т. I, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 135.

⁵ А. С. Пушкин. Послание к Юдину. Соч., т. I, стр. 168.

О русском писателе XVIII в. Кострове, выходеце из крестьян:

Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он.¹

Такие переживания и размышления питали в поэте сочувствие к простым, бедным людям, растили в нем демократизм. Контраст с богатством, знатностью готовил почву для оппозиционных настроений, которые поддерживались, углублялись и воздействием со стороны, беседами с оппозиционерами типа Чаадаева, Каверина, Николая Раевского и др.

4

Однако было бы незаконным сужением, прямым извращением подлинной закономерности творческого развития Пушкина-лицейста, если бы это развитие мы поняли только как внутренние усилия возрастающего гения преодолеть узы старых традиций или как интеллектуальные воздействия со стороны политических оппозиционеров накануне декабристского движения. Нет, был иной, более мощный двигатель идейного, художественного, всего духовного созревания Пушкина. Мы должны помнить, что идейно-психологическое и социально-политическое развитие юного Пушкина совершалось под воздействием великих событий Отечественной войны 1812—1815 годов.

Здесь не место подробно излагать все пути, какими совершалось патриотическое, национальное воспитание лицейста Пушкина в те годы. Тогда был создан поэтический документ яркой показательности: «Воспоминания в Царском Селе» (1814). Здесь мы убеждаемся, как глубоко и многосторонне воспринял и пережил юный поэт смысл народно-освободительной борьбы русского народа против иноземного вторжения. Вспоминая недавние события, он напоминает себе и присутствовавшим в этом зале на экзамене, как при нашествии наполеоновских полчищ «дымилась кровью земля, и села мирные, и грады в мгле пылали».

Но вот —

...России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены...
...Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья.²

С патриотическим одушевлением поэт вспоминает «Бородинские кровавые поля», а дальше с сыновней любовью — «Края Москвы, края родные»:

И вы их видели, врагов моей отчины!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!

¹ А. С. Пушкин. К другу стихотворцу. Соч., т. I, стр. 23—24.

² А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

Певец охвачен восторгом победы:

Утешься, мать градов России,
 Воззри на гибель пришлеца...
 ...Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
 Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
 Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
 А с тыла гонит россов меч.¹

В поэтические строки поэт вкладывает подлинные чувства, какие тогда переживали лицеисты, а Пушкин сильнее многих: описывая бедствия соотечественников в годы войны, пятнадцатилетний поэт говорит с глубоким волнением:

И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
 Вотще лишь гневом дух пылал!..²

Так воспитывалась готовность принести в жертву Родине свою жизнь. Поэты-лицеисты Пушкин и Кюхельбекер мечтали вступить в ряды войск и, конечно, сделали бы это, если бы не препятствовал их отроческий возраст. Мы должны во всей глубине воспринять эти переживания юного Пушкина. Они будут потом сопутствовать ему всю жизнь, усиливаясь и наполняясь новым содержанием.

Замечательно, что уже в юные годы и под теми же влияниями Пушкин осознал народно-патриотическое призвание и долг поэта. В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин обращается к русскому певцу Державину с одушевленным призывом:

Взгреди на арфе золотой!
 Да снова стройный глас герою в честь прольется,
 И струны трепетны посыплют огонь в сердца...³

Недалеко то время, когда Пушкин осознаёт себя певцом иной борьбы — декабристской борьбы за гражданскую свободу.

5

Политическая оппозиционность в лицейских стихах Пушкина необычно для такого юного поэта остра и глубока. Она была обусловлена именно глубокими впечатлениями «грозы Двенадцатого года».

В недавно открытой поэме «Тень Фонвизина» (1815) находим обобщённую картину царской России:

Клеветникам как прежде верят,
 Как прежде все дела текут;
 В окошки миллионы скачут,
 Казну все крадут у царя,

¹ А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 79.

² Там же.

³ Там же, стр. 80.

Илым житье, другие плачут...
.. Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют...¹

В более ранней (1814) поэме «Бова» дано ироническое изображение царствования Дадона.

Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.²

И в той же поэме юноша-автор дерзновенно напоминает обитателям соседнего царского дворца о дворцовых убийствах. Заметив, что царь Дадон непрочь избавиться от своего сына, вояка Громобурь, член дадоновского «Совета бородачей», услужливо предлагает:

«Что тут думать,— закричал герой:—
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к чорту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братны, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».³

Еще острее и глубже сатира-памфлет в стихотворении «К Лицинию» (1815). Читая и перечитывая это стихотворение, не веришь, чтобы оно было создано шестнадцатилетним юношей, студентом, которому предстояло просидеть на школьной скамье еще два года. Мерная торжественная речь, чеканный стих, острая сатирическая направленность, четкие образы, стройная композиция, глубокая патетика, зрелость политических оценок — все поражает в этом произведении. «К Лицинию» Пушкина неотразимо напоминает «К временщику» Рылеева — прославленный документ декабристской гражданской лирики. Однако памфлет Рылеева напечатан ведь пятью годами позже. Памфлет Пушкина начинается тоже изображением временщика, но у молодого автора шире раскрыта характеристика раболепствующей перед временщиком столицы:

Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалиясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мешут взгляд,

¹ А. С. Пушкин. Тень Фонвизина. Соч., т. I, стр. 157

² А. С. Пушкин. Бова. Соч., т. I, стр. 61.

³ Там же, стр. 65.

Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
 Как будто дивного богов благословенья;
 И дети малые, и старцы с сединой,
 Стремятся все за ним и взором и душой,
 И даже след колес, в грязи напечатленный,
 Как некий памятник им кажется священный.

И автор обращается с страстным укором к римскому народу, имея в виду тогдашнее русское общество:

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
 Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх!..
 Квириты гордые под иго преклонились!..
 Кому ж, о небеса! кому поработились?..
 Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
 Развртный юноша воссел в совет мужей,
 Любимец деспота Сенатом слабым правит,
 На Рим простер ярем, отечество бесславит.

К другу-единомышленнику автор обращается с призывом: бежать вон из столицы,

Где всё на откупе: законы, правота,
 И жены, и мужья, и честь, и красота. .

Поэт обращается с грозным предостережением:

...о гордый край разврата, злодеянья,
 Придет ужасный день—день мщенья, наказанья;
 ...«Свободой Рим возрос—а рабством погублен».¹

«К Лицинию» является вершиной политической лирики лицеиста Пушкина. Отсюда начинается поэзия декабристская.

6

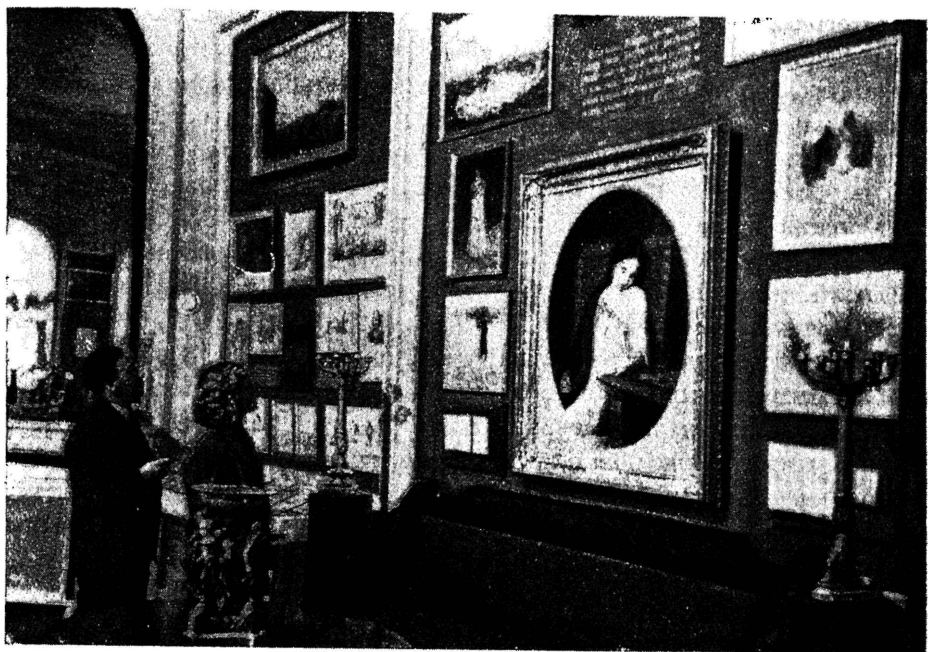
Любовь к природе, радости и тревоги творчества, живое сочувствие к простым людям, негодование против раболепия знати и против насилий власти, борьба за освобождение из пут религиозности — вот неполный итог мотивов и тем поэзии молодого Пушкина и его личных переживаний.

Эту поэзию ярко окрашивает любовь к жизни и жажда счастья. Такие мотивы больше всего сказались в интимной лирике Пушкина-лицеиста.

Уже в те ранние юношеские годы Пушкин умел преодолевать скорбь и уныние и находил в душе волю к жизни, бодрость и мужество. В замечательном стихотворении «К ней» (1817) эта счастливая способность возрождения ярко охарактеризована:

Но вдруг, как молнии стрела,
 Зажглась в увявшем сердце младость,
 Душа проснулась, ожила,
 Узвала вновь любви надежду, скорбь и радость.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. К Лицинию, т. 1, стр. 111—113.

ВСЕСОЮЗНАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА).

Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви!..¹

Так, в испытаниях созревал поэт и человек, создавались первые опыты гениальной лирики, лирики больших человеческих чувств, возрастал гуманизм.

Здесь, в стенах Лицея, свыше 130 лет назад, был возжен яркий светоч поэтического творчества Пушкина. Отсюда началось стремительное движение поэта всё вперед и всё выше. Здесь он овладевал достижениями искусства мирового и национального. Здесь свершалась победная борьба против отживающих традиций, за новаторское, самобытное, близкое к народу искусство. Здесь возник и рос культ разума, науки и впервые вспыхивал гнев против гонителей просвещения. Здесь из страданий и радостей великой души рождались перлы пушкинской лирики, благородный пушкинский гуманизм. Здесь под благотворным воздействием священной памяти

¹ А. С. Пушкин. К ней. Соч., т. I, стр. 313.

двенадцатого года созидалась патриотическая лирика, совершалось национальное воспитание поэта. Здесь в поэзии впервые были выражены думы о народе, о его судьбах, о его благе. В числе наставников лицеиста Пушкина была сама жизнь, определившая социальное воспитание народного поэта. Из жизни в молодую поэзию Пушкина вступают образы простых, бедных людей, вырастает в ней широкий демократизм. Жизнь воспламеняет душу поэта искрами гнева против политического угнетения. Знаменательно, что уже в Лицее, с 1815 года, Пушкин становится первым поэтом декабризма. Хвалы безмятежной школьной дружбе сменяются призывами к революционному побратимству.

Так богатырски рос великий народный русский поэт. Одной книги лицейских стихов довольно было бы, чтобы обеспечить Пушкину достойное место в летописях литературы.

Но поэту предстояли новые исполинские подвиги.

И вот, когда мы сегодня из пушкинского Лицея перейдем в бывший царский дворец, который отныне становится дворцом поэта, мы словно будем провожать поэта в новый, трудный, тернистый, но славный путь, путь новых великих достижений, путь славного служения искусству, Родине, свободе, народу, человечеству.

К немеркнущему солнцу русской поэзии, Пушкину, мы обращаем его же гимн:

Ты, солнце святое, гори!¹

---

¹ А. С. П у ш к и н. Вакхическая песня. Соч., т. II, стр. 274.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Писатель

Б. Ф. Чирсков

исатели Ленинграда поручили мне приветствовать и поздравить вас со славным юбилеем, с радостным днем рождения нашего великого, нашего светлого, нашего милого Пушкина.

В столь высоком и ученом собрании, особенно в эти дни, когда весь народ устами многочисленных своих представителей уже так широко и всесторонне оценил значение нашего гениального поэта, мне трудно было бы внести нечто новое в постижение его великого наследства.

Разрешите мне скромно отметить только некоторые его черты, именно те черты, которые обращены к каждой из собравшихся здесь групп: к ученым, писателям, представителям советской общественности, советского народа и к вам, дорогие наши гости.

Именно здесь, в собрании крупнейших наших ученых, раньше всего хотелось бы сказать о той стороне пушкинского ума, о той черте его реализма, которая роднит труд художника и ученого. Пушкину были в высшей степени свойственны научные интересы, научное мышление. Грандиозная практическая творческая работа, которую проделал он над реформой литературного языка, осмыслялась им и теоретически. Его филологические высказывания, высказывания об особенностях русского языка, о «Слове о полку Игореве», наконец, прямые исторические труды — вот то, что в поразительной разносторонности пушкинского гения ярко обнаруживает еще и дарование исследователя, историка. Но эти же черты пронизывают и обогащают и его художественное творчество. Они вырастают и углубляются с созреванием его таланта. Особенно ярко проявляются они в параллельной и неразрывно связанной работе Пушкина-историка над «Историей Пугачева» и Пушкина-художника над «Капитанской дочкой»; в замысле «Истории Петра» и в работе над «Арапом Петра Великого». Глубокая и сложная работа исследователя подготавливает и питает

художественные обобщения этих произведений, и это бесконечно возвышает их над современными Пушкину русскими и европейскими романами и драмами на исторические темы.

Пушкинский дух исследования, научной точности, острое чувство истории, столь дорогие вам, ученым, присущи и советской литературе в ее лучших произведениях. Эти пушкинские черты общи нашему мировоззрению, в основе своей научному, они — необходимейший элемент в развитии социалистического реализма.

В ряду бессмертных заслуг Пушкина перед литературой нам, советским писателям, особенно дорог и имеет особенно жизненное значение пример новаторства Пушкина во всех областях, с которыми он соприкасался. Не то жалкое «новаторство» оригинальничанья и моды, не те нововведения писателей, «которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме...», — что, по уничтожающим словам Пушкина, — «...слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества...»,¹ — нет, новаторство, продиктованное сознанием великой миссии писателя, выразителя идей и интересов своего времени, своего народа, глубоким пониманием исторической необходимости дать этим идеям новое и живое выражение.

Все необозримое богатство пушкинских достижений, создание нашего литературного языка, реализма, по простому и точному определению Добролюбова, устремлено к одному: «Пушкин... первый выразил возможность представить... ту самую жизнь, которая у нас существует, и представить именно так, как она является на деле».²

Но разве не такие же грандиозные по трудности задачи снова повелительно ставит наша великая эпоха перед нами, советскими писателями? Эпоха великих переворотов, небывалой новизны всех общественных отношений, эпоха нового социалистического общества требует нового полного и художественного выражения, и как бесконечно важен нам пример пушкинской работы!

Таким примером для нас является его глубокое и деятельное изучение жизни, — вспомним его длительные и трудные поездки в оренбургскую степь, на Кавказ, в Арзрум, а когда он был прикован злой царской волей к месту — его умение всмотреться, вслушаться в обыденную жизнь глухого Михайловского или Болдина и в ней вдруг открыть глубочайший смысл, поэзию, найти ей такое художественное выражение, которое затем на века поражает как откровение, как удивительное по широте отражение современной русской жизни.

Для нас ценно великое пушкинское трудолюбие, беспощадная требо-

¹ А. С. Пушкин. Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма. Утешения, стихотворения Севт-Бёва. Соч., т. VII, стр. 242—243.

² Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Полн. собр. соч., 1934, т. I.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА, УСТАНОВЛЕННАЯ НА ДОМЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ
А. С. ПУШКИН В 1831 Г. (Г. ПУШКИН)

вательность к себе и упорство и смелость, с какими он отбрасывал мертвую литературную форму, заслонявшую жизнь, искал и добивался нового и живого слова.

Пушкин был великим патриотом, ревниво относившимся к славе, к достоинству своего отечества и к его будущему. Но патриотизм не мешал ему быть необычайно отзывчивым на все проявления свободолюбия, борьбы против деспотизма и гнета в любом уголке земного шара. Борьба за свободу в сознании Пушкина была борьбой мировой. И теперь этот широкий и благородный дух пушкинской поэзии вызывает горячий отклик и понимание всех передовых, всех свободолюбивых людей мира, доказательство чего мы имеем и здесь, где присутствует такая большая группа представителей литературы многих народов, приехавшая славить вместе с нами нашего Пушкина.

Я думаю, что величайшее значение этого праздника, посвященного Пушкину, не только в том, что это наше народное торжество, торжество огромной многомиллионной советской семьи, но и в том, что сегодня это воистину мировое событие. Оно звучит как призыв ко всем людям, которые хотят свободы, которые думают о чистоте и нравственном благородстве человека, которые славят и защищают разум против сил мировой реакции и мракобесия. Для всех честных людей мира пусть звучит наш голос как призыв к борьбе за величайшие ценности, выразителем которых является Пушкин, как призыв к победе. Да здравствует Пушкин!

Поэт

Михаил Дудин

1

Его стихи живым огнем
Прошли через года,
И в светлом городе моем
Он будет жить всегда.

Веселый, страстный, молодой,
Он вечно будет тут.
И волны вольной чередой,
И свежий ветер над водой
Его стихи поют.

Его стихи забыть нельзя:
Они звенят кругом
И славят нынче нас, друзья,
За праздничным столом.

2

Бессмертный Пушкин, верный сын народа,
Певец его по сердцу и уму,
Пришла она, желанная свобода,
К счастливому потомку твоему.

Богатство наше, слава и наследство,
В душе народной навсегда, навек
Неистребимый и глубокий след
Оставил ты, Поэт и Человек.

И клятвой нерушимого союза
Поэтов наших связаны сердца.
Заботливая пушкинская муза
Всем поколениям служит до конца.

3

Под Пушкином был выброшен десант.
По немцам, разбежавшимся по лесу,
Мой друг — поэт и гвардии сержант
Из пулемета бил, как по Дантесу.

Потом, я помню, сто «Катюш» забило
И едкой гарью с Пулюкова несло.
Мы шли в атаку. В самом деле было
Отечеством нам Царское Село.

Потом в Берлине бой отгрохотал.
Мы за победу поднимали кружки.
И кто-то на рейхстаге написал:
«От Ленинграда до Берлина. Пушкин».

В. СЕРОВ. „ПУШКИН В ПАРКЕ“.

Поэт

Всеволод РождественскийПАМЯТНИК ЮНОШЕ-ПУШКИНУ
В ЛИЦЕЙСКОМ САДУ

Распахнув сюртук свой, на рассвете
Он вдыхал все запахи земли.
Перед ним играли наши дети,
Липы торжествующе цвели.

Бабочки-капустницы порхали
Над его курчавой головой.
Светлая задумчивость печали
Шла к нему, и был он, как живой.

Все таким с собою унесли мы
И хранили в фронтовой семье —
Образ свежести неповторимой,
Юношу на бронзовой скамье.

И когда в дыму врага, в неволе
Задыхался мирный городок,
Ни один боец без горькой боли
Вспомнить об оставшемся не мог.

Но светлей легенд иные были...
Словно клад бесценный в глубь земли
Руки друга памятник зарыли
И от поруганья сберегли.

Пробил час наш. Мы пришли с боями.
Смёл врага непобедимый вал.
В парке нас, где бушевало пламя,
Встретил опустевший пьедестал.

Мы копали бережно, нескоро,
Только грудь вздымалась горячо.
Вот он! Под лопаткою сапера
Показалось смуглое плечо.

Голова с веселыми кудрями,
Светлый лоб, — и по сердцам людским,
Словно солнце, пробежало пламя,
Пушкин встал — и жив, и невредим.

Слава этой юности курчавой,
Из потемок вышедшей на свет.
Слава тем, чья доблесть отстояла
Нашу землю и тебя, Поэт!

Поэт

Иван Демьянов

Позвольте передать вам горячий привет от трудящихся города Пушкин.

Безгранична любовь советского народа к своему подлинно народному поэту Александру Сергеевичу Пушкину. И потому все, что связано с его именем, дорого нам, советским людям. С горечью в сердцах вспоминали мы те черные годы, когда город имени поэта был в руках фашистских разрушителей. Но мы верили в его освобождение! И лишь оно настало, сразу началось восстановление города.

Еще пламя дворцам обжигало карниз,
Солнце в дыме густом задышалось и слепо.
Но пришли мы,—и заново строилась жизнь
Меж сугробов еще не остывшего пепла.

Не стояли с тоскою у зданий пустых —
Кто-то, помню, пронес обгоревшую раму...
Пусть не стекла вставлял он — фанеры листы,
Но лечил, перевязывал городу раны!

Еще мины со снегом мешали песок,
Был пропитан пожаром и порохом воздух,
А на танке подбитом принял молоток
Для дверей в головешках добытые гвозди.

Еще планы сражений развертывал штаб
И у Гатчина снайпер наш в недруга целил
В это время комбат — до походов прораб
Уже мысленно ставил леса у Лицея!

Советский богатырский народ добивал ненавистного врага:

Гремел броней сорок пятый год,
Дышал огнем дивизий Брянских, Курских...
За выстрел у Египетских ворот
Нам заплатил наш враг у Бранденбургских!

Наступили радостные дни победы, выкованной Сталиным и народом, победы советского оружия. Мы вернулись в свой родной, любимый город, город имени Пушкина! Много предстояло сделать и многое еще ждет жизнеутверждающих чудес, работы наших мозолистых рук.

И мы пришли в спечовках на руины,
Дворец-музей нам дорог старинной.
Не памятником лет Екатерины —
Талантами России крепостной!

Пусть свищет норд,— и на морозе жарко,
Мы строим счастье на своей земле —
Бросает колкий свет электросварка
И плавятся снежинки на пиле...

Наш труд кипит — все будет так, как было:
У входа встретит нас экскурсовод.
Уже срослись на здании стропила
И гордо подпирают небосвод!

А в небе проплывают самолеты,
Встречаются в туманах поезда,
У новой трассы к Пулковским высотам
В снегах монтеры тянут провода.

Мы на посту — великих лет солдаты!
И мастера, привыкшие к лесам...
Построить жизнь — не царские палаты —
Растрелли позавидовал бы нам!

Народ-творец, народ-созидатель, в силы которого верил Пушкин, горячо любит Пушкина. Время не хозяин над тобой, Поэт, ты неотделим от народа. Вечен народ и вечен ты! И сегодня, подходя к твоему памятнику, хочется сказать:

...Здравствуй Пушкин, ты любим страну!
Видишь, сколько у тебя гостей!
Наша молодость идет с тобою,
Под кудрявой зеленью ветвей.

Наша закаленная в сраженьях
Родина несет тебе цветы.
И звучат твои стихотворенья
Предсказаньем сбывшейся мечты!

Над страной звезда свободы встала
В боевом семнадцатом году.
Ныне Троекуровых не стало,
Наше время с ними не в ладу...

Русь свернула с бездорожий древних,
Старый мир ушел со свистом лоз;
Где была забитая деревня,
Вырос наш миллионер-колхоз!

Все, что ненавидел ты на свете,
Твой народ с земли своей стряхнул.
Ты сегодня нам через столетье
Как товарищ руку протянул!

Ждем ее, — такой почет немногим,
Ты пером участвовал в борьбе...
Не тропа — широкие дороги
Пролегли со всех сторон к тебе.

И нельзя любовь к тебе измерить,
Что в сердцах простых людей живет...
В жизни нет ни старости, ни смерти
Тем, кто врос своим трудом в народ.

Чилийский поэт
Пабло Неруда

Мы пришли сюда, Александр Пушкин, из далеких земель, чтобы почитать твою память.

Твой гений светит за пределами города, который ты любил и который поднялся из мучений, выпавших ему на долю во время войны, к победоносному миру, города, который участвовал в страданиях и в грандиозной победе.

Твои произведения и твоя кровь стали знаменем твоей Родины, которую мы любим.

Твое творчество светит, как звезда, а твои поэмы подобны музыке горных вод. Прозрачен их голос, говорящий нам о людях твоей земли.

Проходит время, но ты не уходишь в небеса, чтобы скрыться там в вечной славе. Ты каждый день на земле со своим народом, разделяешь его великую судьбу.

А между тем твоя Родина выросла и стала такой любимой, так чтимой всеми, как ни одна страна.

Как был бы ты горд, если бы видел Советский Союз, счастливые народы которого поют твои песни, а земля твоей Родины живет счастьем и трудом. Свобода сегодня во всем мире называется именем твоей Родины, а братство людей — это величественная колонна, воздвигнутая твоей Родиной.

Далеко за пределами своих обширных границ — твоя Родина. Это знамя жизни, это знамя борьбы.

Пушкин, ты старший брат поэзии и свободы! Сегодня Советский Союз поет твои бессмертные песни и твое величие. Во всех местах — куда бы мы ни пошли бороться и воспевать твою Родину — память о тебе всегда будет с нами, давая нам источник вдохновения, мужества, красоты и юности.

**3. ОТКРЫТИЕ
МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА
В БЫВШЕМ АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ**

июня 1949 года в 14 час. 15 мин. перед бывшим Александровским дворцом в городе Пушкин собрались участники торжественного заседания Президиума Академии Наук СССР — академики, представители ленинградских и пушкинских партийных и общественных организаций, представители Союза советских писателей, трудящиеся города Пушкин и приехавшие на юбилейные торжества иностранные писатели. Среди присутствующих потомки Пушкина — С. Н. и А. С. Данилевские.

Академик С. И. Вавилов объявил митинг, посвященный открытию Пушкинской выставки в б. Александровском дворце, открытым и произнес краткую речь.

После исполнения Гимна Советского Союза слово предоставлено заместителю председателя Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся А. В. Голубевой. После этого советский поэт Леонид Хаустов прочитал свои стихи, посвященные Пушкину. С взволнованными стихами о Пушкине выступил болгарский поэт Димитр Полянов. Со стихами, посвященными Пушкину, выступил монгольский поэт Дамдин Сурун.

После закрытия митинга академик С. И. Вавилов предоставил слово для рапорта о подготовке к открытию Музея А. С. Пушкина в помещении б. Александровского дворца директору Института русской литературы (Пушкинский Дом) Н. Ф. Бельчикову, который сообщил о выполнении постановления правительства об открытии Музея.

Академик

С. И. Вавилов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мы присутствуем при замечательном торжестве советской культуры. В стенах бывшего царского Александровского дворца по постановлению правительства открывается Пушкинская выставка, на основе которой будет создан огромный Всесоюзный музей Пушкина в городе, носящем его имя.

Многое видели стены Александровского дворца. Здесь бывала Екатерина II, здесь жили цари — Александр I, Николай I. Из этого дворца ушел последний царь — Николай II. Победившая социалистическая революция превратила Александровский дворец в исторический музей, в нем сохранились образцы изумительного искусства русских мастеров первой половины прошлого века, а рядом — для сравнения, для контраста — то декадентское безобразие, которое, в соответствии с вкусами последних царя и царицы, лишенных понимания исторических и художественных ценностей, испортило внутреннюю отделку одного из самых замечательных памятников нашей архитектуры. В это стройное здание в 1941 году ворвались озверевшие полчища фашистов, которые в течение почти трех лет разрушали здание, оскверняя его всеми способами.

Но пришел момент расплаты и великой победы советского народа. Фашистская гадина была раздавлена. Подобно тому, как в 1812 году Россия спасла мир от ига Наполеона, так и в 1945 году советский народ спас мир от тирана еще более страшного — от Гитлера.

Александровский дворец был свидетелем Отечественной войны 1812 года, вдохновившей и воспламенившей патриотизм Пушкина. Александровскому дворцу пришлось быть свидетелем и жертвой варварства врага во время Великой Отечественной войны.

В помещения Александровского дворца входил в свое время наш великий поэт, память которого с таким неслыханным подъемом и восторгом

празднует теперь весь советский народ. Александр Сергеевич Пушкин сегодня снова входит в бывший Александровский дворец, входит как его властелин, как новая благородная душа этого огромного, прекрасного здания.

Город Пушкин, с его рощами, озерами, долинами, памятниками, величественный музей Пушкина, Лицей должны стать и, нет сомнения, будут местом паломничества для всех советских людей, любящих свою культуру, гордящихся ею. В этом Пушкинском дворце — храме искусства — найдут свое вдохновение ученые, школьник, студент, колхозник, рабочий и поэт.

Пушкин доступен всем, в этом его поразительная особенность и сила. Он умеет своим чудесным языком разговаривать и с философом и с крестьянином. И здесь, в этих залах Александровского дворца, пушкинская слава зазвучит еще громче, чем когда-либо,

Слава солнцу нашей поэзии, нашему Пушкину!

Слава отечеству, давшему родному народу и всему миру Пушкина!

Слава свободной Советской стране, идущей к коммунизму, к новой высокой культуре!

Слава нашему вождю — великому Сталину!

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

А. В. Голубева

*Заместитель председателя Исполнительного комитета
Ленинградского Совета депутатов трудящихся*

По поручению Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и Ленинградского городского комитета Всесоюзной Коммунистической партии горячо приветствую открытие Всесоюзного музея имени великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Создание Пушкинского музея Академии Наук СССР является свидетельством заботы нашей партии, нашего советского правительства о развитии советской науки и подъеме культуры народных масс.

Имя великого поэта дорого и близко сердцу советских людей. Пушкинские юбилейные торжества превратились в нашей стране во всенародный праздник, в торжество советской социалистической культуры и науки. С новой силой проявилась в эти дни любовь народов нашей страны к гениальному сыну русского народа, чье имя товарищ Сталин назвал в 1941 г. среди имен величайших деятелей русской нации.

Открываемый сегодня Пушкинский музей призван служить благородной научной и просветительной цели — он призван еще шире раскрыть перед трудящимися нашей страны бессмертный образ поэта, содействовать изучению его жизни и творчества, его богатейшего литературного наследия. Можно не сомневаться, что десятки и сотни тысяч советских людей — школьников и студентов, рабочих и колхозников, деятелей науки и искусства — будут постоянными посетителями нового музея — Музея Пушкина.

Трудящиеся Ленинграда с особой радостью отмечают открытие этого Музея, ибо многие годы жизни и творческой деятельности великого поэта неразрывно связаны с нашим родным городом.

Знаменателен тот факт, что Пушкинский музей создается, по решению партии и правительства, на месте бывшей царской резиденции.

Великий Пушкин, чей голос заставлял трепетать «тиранов мира», чей голос пыталось заглушить царское самодержавие, отныне и навсегда утвержден здесь волей и любовью свободного народа.

В этом мы видим новое проявление расцвета советской социалистической культуры, направляемого и вдохновляемого великой партией большевиков, нашим гениальным вождем и учителем товарищем Сталиным.

Да здравствует великий русский народ, давший миру Пушкина!

Да здравствуют и процветают советская социалистическая культура и наука!

Да здравствует наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!

Поэт

Леонид Хаустов

Здравствуй, праздник всенародной славы,
Радостный поэта юбилей!
Пушкин — гордость солнечной державы,
Родины великих сыновей.

Нет! Сейчас не монументов бронза
Образ замечательный хранит,—
Как живой, решительно и грозно
С недругами Пушкин говорит!

Речь его живет в народной речи,
Страсть его — в корыве трудовом,
Светлый образ в сердце человечьем,
Вдохновленном пушкинским стихом.

За столетие многих стран светила
Меркли и склонялись головой
Перед этой богатырской силой,
Перед этой славой мировой!

Пламенный, веселый, горделивый,
Родины пленительный певец,—
Перед нами он встает счастливый,
Истинно счастливый, наконец,

Счастлив процветанием народа,
До глубин раскрытого ему,
Счастлив тем, что разум и свобода
Победили тягостную тьму.

Полной жизни наступили годы,
Близко коммунизма торжество.
Он велик величием народа,
И народ — величием его!

Болгарский поэт
Димитр Полянов

ВЕЛИКОМУ ПУШКИНУ

Сбылось твое пророчество, Пушкин,
Не покрылось забвения прахом...
Средь общего поклонения признан всеми ты,
Возвеличенный сегодня, бессмертием озаренный.

Ты первый своей лирой сладкозвучной
Восхваляя пламенную свободу
И возвестил перед троном самовластья
О правде и звезде пленительного счастья...

И в этом необъятном хвалебном хоре
Услышишь ты и голос наш, болгар,
Твоих балканских братьев голос,
Услышанный тобою и в прошлом.

Ты бы стал и нашим вдохновеньем
В борьбе с вековым мраком и гнетом,
Ты, учитель Ботева любимый,
Ты, первый из борцов-славян поэт и гений!

У нерукотворного памятника поэта,
Воздвигнутого тобою навсегда,
Потомства борются, мечтают из века в век
О счастье и вечной красоте.

Сегодня гордый внук славян миролюбивых,
И полудикий в далеком прошлом тунгус,
И киргиз степей, объединенные воедино,
Твои стихи и песни повторяют наизусть.

От синего Кавказа до северных морей,
От Днепра и до Пскова древней славы
Ныне свободные и просвещенные народы
С любовью, с гордостью певца чествуют.

Монгольский поэт
Дамдин Сурун

АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ

Как звезды над ночью степною,—
Восходят на наш небосвод
Великие гения мысли,
Что дарит нам русский народ.

И в ярком узоре созвездий,
Горящих во все времена,
Властитель поэзии Пушкин
Сияет средь них, как луна.

Народ наш из темной неволи
С надеждой смотрел на него —
Ведь всё в нем свобода и правда,
Ума и души торжество.

Он жил в то жестокое время,
Когда властелины страны
Пытались тяжелою тучей
Задержать сиянье луны.

Сто лет миновало, и буря
На клочья ту тьму порвала,
И снова луна золотая
Сияет чиста и светла.

И могут творений поэта
Достойный читать перевод
Монгол из засушливой Гоби
И свежих степей скотовод.

Он связывал слов ожерелья
В такой необычный узор,
Что зерна бессмертные мысли,
Как бусы, мы нижем с тех пор.

Раскрой только книгу поэта
И что бы ты в ней ни читал,
Цветущее жизни богатство
Пройдет в отраженье зеркал.

Дворцы воздвигает строитель
Из дерева, камня, стекла.
Он строил дворцы из созвучий,
И мысль красотой их была.

Он нам оживляет дыханием
Широкую степь бытия,
И слов сочетание вечных
Звучит в ней, как песнь соловья.

Слова эти — губы любимой,
Источник в мучительный зной,
Костер, согревающий в стужу,
Цветущие доли весной.

В них радость и честь человека,
И мысли свободной полет,
В них правда великая жизни,
Которую вечен народ!

Доктор филологических наук

Н. Ф. Бельчиков

Директор Института литературы

(Пушкинский Дом) АН СССР

Институт литературы Академии Наук СССР, носящий имя Пушкина, выполнил постановление правительства и к юбилейным дням в залах бывшего Александровского дворца, варварски разрушенных фашистами, развернул замечательную выставку Музея имени А. С. Пушкина.

Открытие Пушкинского музея явится поистине выдающимся событием в развитии нашей советской культуры, переживающей расцвет благодаря неунынным заботам партии и правительства. В Пушкинском музее сосредоточены неоценимые сокровища передовой культуры прошлого и посвященные Пушкину выдающиеся произведения советских художников, скульпторов, писателей.

Поэт Пушкин когда-то мечтал о том, чтобы к нему не заросла народная тропа. Советское правительство и коммунистическая партия создали все условия к тому, что теперь открыта широкая, свободная дорога к тем сокровищам, которыми пленяет нас великий гений Пушкина.

---

4. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ в г. ПСКОВЕ

июня юбилейные торжества состоялись в Пскове. Утром в этот древний русский город для участия в пушкинских торжествах прибыли ученые и писатели СССР, зарубежные гости, многочисленные делегации из Москвы, Ленинграда, братских республик, Великолукской, Новгородской и других областей.

В составе делегации Академии Наук СССР — президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов, академики А. В. Топчиев, Б. Д. Греков, И. Э. Грабарь, А. В. Палладин, Е. В. Тарле и др. Среди делегации Всесоюзного пушкинского комитета — заместитель председателя Союза советских писателей Н. С. Тихонов, Б. Полевой, А. Первенцев, Г. Семушкин, В. Каверин, М. Шагинян, украинский поэт П. Тычина, белорусский поэт М. Танк, азербайджанский поэт Мамед Рагим, киргизский писатель Сандыбеков, потомки А. С. Пушкина и другие. Среди иностранных писателей — председатель Союза писателей Венгерской народной республики Шандор Гергель, председатель Союза писателей Чехословакии Ян Дрда, негритянский писатель Питер Блэкман, английский писатель Джек Линдсей, голландский писатель Тейн де Фриз, чилийский писатель Пабло Неруда, польский писатель Леон Кручковский.

Днем советские ученые, писатели и иностранные гости осматривали возрожденный Псков, знакомились с историческими памятниками. Вечером с их участием в областном драматическом театре, носящем имя поэта, состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Торжественное заседание открыл заместитель председателя Всесоюзного пушкинского юбилейного комитета поэт Н. С. Тихонов.

Заключительные слова речи товарища Тихонова: «Слава великому гению русской культуры!», «Слава великому Сталину!» тонут в бурных аплодисментах. В едином порыве все присутствующие встают и устраивают

овацию в честь вождя советского народа, ведущего страну к новым высотам культуры.

Доклад «Жизнь и творчество Александра Сергеевича Пушкина» сделал доктор филологических наук Д. Д. Благой.

Президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов говорил о том определяющем значении, которое имели в жизни Пушкина Москва, Царское Село, Петербург и Псковская область с ее селами Михайловским, Тригорским и Святогорьем.

На торжественном заседании выступили также Б. Полевой, итальянский писатель Либеро Биджаретти и другие писатели.

Взволнованную приветственную речь произнес председатель Союза писателей Венгерской народной республики Шандор Гергель.

Участники торжественного заседания с большим воодушевлением приняли приветствие великому вождю народов товарищу Сталину.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Писатель

Н. С. Тихонов

*Заместитель генерального секретаря
Союза советских писателей*

ся наша страна, весь Советский Союз сегодня празднует 150-летие со дня рождения гениального родоначальника великой русской литературы, величайшего, вдохновеннейшего поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Памятный день рождения Пушкина стал днем великого праздника культуры и в славной нашей Москве, и в отдаленных уголках, и в местах, связанных с биографией поэта. Особенное чувство владеет нами здесь, в древнем Пскове, на Псковской земле, где Пушкин провел годы расцвета своего творчества. Рылеев писал ему в Михайловское в январе 1825 года: «...Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русские сердца. Я пишу к тебе ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям. Пушкин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки Русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без Поэмы».¹ Русская свобода восторжествовала. Все изменилось за годы, прошедшие со дня Октябрьской революции, но неизменно значение прекрасных созданий поэтического гения.

Появление Пушкина среди литераторов прошлого века можно сравнить с появлением солнца, осветившего яркими лучами пасмурный день исторической действительности. Среди литературы, разбившейся на самые разные направления, не было такого направления, которое указывало бы на главный и естественный путь развития. Пушкин указал этот путь.

Пушкин появился, срывая всю мишуру, всю условность, всю фальшь риторических приемов, отмечая наносный сор слепых заимствований у иностранцев. Он сам согласился с определением своего творчества: Пушкин — поэт действительности.

¹ А. С. Пушкин. Переписка, под ред. В. И. Саитова. СПб., 1911, т. I, стр. 66.

Первый реалистический роман — «Евгений Онегин» — создан им. Первая историческая народная трагедия — «Борис Годунов» — написана им. Изумительные лирические стихи небывалой поэтической силы и прелести, тончайшего мастерства отражают все великолепие русского языка. В поэмах его, в его «Маленьких трагедиях» проходит целая галерея характеров, созданных щедрой рукой неповторимого мастера, в прозе своей — он зачинатель и основоположник, так же как и в стихах.

Он создал новую русскую литературу, новый литературный язык.

Пушкин своим зорким умом понимал все величие родного народа. В детстве видел он борьбу русского народа с Наполеоном, покорителем Европы, нашедшим свою гибель в снегах России, при зареве пылающей Москвы.

Он чувствовал скрытые силы русского народа, народа-великана и его будущее, прекрасное и спасительное для всего человечества, когда говорил Мицкевичу в своих стихах о том времени, когда «...народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».¹

Он погрузился в стихию великого русского языка, где открывались ему новые источники вдохновения. В изгнании своем в долгие зимние вечера слушает он тихий голос старой няни, «мамы», как называл он Арину Родионовну. «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»²

Пушкин, как никто в его время, изучал русскую песню и сказку, пословицы, меткие слова, обороты живописной, разнообразной речи. Он понимал характер русского человека, восхищался его бесконечным богатством. Он изображал этот характер, рисуя образы Петра и Пугачева, Онегина и станционного смотрителя, кавказского пленника и скромного коменданта Белогорской крепости.

А его женские образы! Характеров такого разнообразия и верности не было еще ни у кого из писателей. Иные из них настолько сроднились с нами, что сколько бы ни проходило времени, мы будем воспринимать их как живые воспоминания, как навсегда запечатленные в памяти портреты.

Эту галерею открывают Татьяна и Ольга, образы Арины Родионовны, Маши, Лизы. Сколько в них духовной красоты, чистоты и силы!

Эти образы вовсе не возникли просто по прихоти могучего вдохновения. Народ создал таких женщин, как естественные характеры. Пушкин видел в народе всю мощь его, все его возможности и, проверяя исторический опыт народа, вынесенные им испытания, становился патриотом в высшем значении этого слова.

Он не был революционером и не входил в организации декабристов. Но он был их певцом, был их могучим нравственным, поэтическим вдохновителем.

¹ А. С. Пушкин. «Он между нами жил...» Соч., т. III, стр. 280.

² А. С. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину. Письма. Соч., т. X, стр. 108.

Страстно желая запечатлеть в своих творениях историю русского народа, его движения, его отношение к общему развитию человечества, он с тем большим интересом следил за судьбой народов Европы, за судьбой борцов, сражавшихся за свободу Испании и Греции, итальянских карбонариев и французских их продолжателей.

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.¹

Да, для него было ясно, что только борьба принесет победу. Но к этому живому и страстному интересу к революционным событиям в Европе присоединялось еще и особое, русское чувство — сочувствие всем народам, борющимся с тиранством, с насилием, с угнетением человеческой личности.

Если бы сложилось так, что он мог принять активное, непосредственное участие в этих боях за свободу, он был бы и на скалах Пинда, и на баррикадах Парижа, и на улицах Неаполя.

Недаром на вопрос Николая I, что бы он сделал, будучи 14 декабря в Петербурге, Пушкин ответил, что был бы с ними на Сенатской площади,² т. е. разделил бы судьбу декабристов.

В том мире, в каком жил Пушкин, ему с его «душой и талантом» было трудно, но он сохранял великую бодрость, великое нравственное мужество. Он стремился понять истоки, причины трагического положения народов, и в первую очередь русского народа. И здесь, в своих исторических воззрениях, он сумел возвыситься и стать передовым выразителем прогрессивной мысли.

Он показал нам, изображая действительность, как

... барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...
... Здесь тягостный ярем до гроба все влекут...³

Так понимал он действительность в юности; впоследствии он с еще большей ясностью понимал, почему народ «безмолвствует» при смене верховных владык, не участвует в кровавых переворотах, ничего не приносящих народу, кроме нового угнетения, как прав народ, восставший против своих угнетателей под предводительством Пугачева.

Этот народ питал творчество Пушкина, открывая ему свою душу и в своей народной грозе и в своем безмолвии, открывая ему чудо своих сказок и прелесть своих песен.

¹ А. С. Пушкин. «Опять увенчаны мы славой...». Соч., т. III, стр. 146.

² См. «Русская Старина», 1900 г., т. I, стр. 574.

³ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 352.

Вот почему он написал слова, которые мог написать только великий поэт, веривший в силу и правду своих взаимоотношений с родным народом:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...¹

И сегодня «гордый внук славян» и совсем уже не дикий тунгус будут читать стихи великого русского национального гения и на пиру дружбы народов, в великую семью соединившихся, вспомнят светлое имя Пушкина.

От великих вождей и учителей — Ленина и Сталина — до славных героев Советской Армии, освободивших родные места Пушкина и одержавших всемирно-историческую победу, до героев новой социалистической стройки, продолжающей преобразование нашей родной земли, все советские люди помнили поэта «во дни торжеств и бед народных».²

И сегодня наш праздник, праздник русской культуры, русского национального гения стал праздником не только людей социалистического общества, но всех людей мира, стремящихся к тому замечательному будущему человечества, которое мы называем коммунизмом.

Слава великому гению русской литературы Александру Пушкину!

Слава великому советскому народу!

Слава великой партии Ленина — Сталина!

Слава нашему любимому другу и вождю великому Сталину!

---

¹ А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Соч., т. III, стр. 376.

² М. Ю. Лермонтов. Поэт. Собр. соч., 1936, т. II, стр. 42.

Академик
С. И. Вавилов

кадемия Наук СССР, вместе с другими общественными организациями и учреждениями принимая участие в пушкинских торжествах, проводимых в Псковской области, придает им особое значение.

Сведения о жизни нашего великого поэта драгоценны для каждого советского человека. Давно уже возникла и непрестанно развивается наука о Пушкине. Изучают все, что касается жизни поэта, каждую его строку, его близких друзей и его врагов. Так возникает постепенно необычайно сложный и живой образ поэта.

В жизни Пушкина определяющее значение имели Москва, Царское Село, Петербург и Псковская область с ее селами Михайловским, Тригорским и Святогорьем. Москва и ее окрестности, несомненно, очень сильно повлияли на первые поэтические впечатления и образы поэта. Здесь впервые с полной ясностью проявилась глубочайшая любовь Пушкина к родине. В «Воспоминаниях в Царском Селе» 15-летний поэт восклицал:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед...¹

Однако время детской беспечности скоро прошло, и поэт,

На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра.²

начал совсем иную жизнь, жизнь студента-лицейста в Царском Селе. Здесь были заложены основные черты его поэтического творчества, здесь

¹ А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

² А. С. Пушкин. Городок. Соч., т. I, стр. 91.

начало созреть его свободолюбие. Царское Село сделалось в этом смысле второй родиной поэта:

Отечество нам — Царское Село.¹

Но вот перед окончившим юношей-лицеистом тогдашняя столица — Петербург. Этот город поразил поэта своим величием и красотой, запечатленными в посвященных Петербургу изумительных стихах:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.

Свой восторженный гимн поэт кончил вдохновенными словами:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.²

Но этот же великолепный город был средоточием всех отрицательных черт царской, дворянской России, продажного чиновничества и придворных:

О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать.³

Пушкин искал и находил спасение от этого страшного мира под Псковом — в Михайловском и Тригорском. Он проводил там летние месяцы 1817—1819 гг. В 1824 году он за вольнодумство был сослан в Михайловское, где жил вместе со своей няней Ариной Родионовной более двух лет, посещая Тригорское, Святогорье и Псков. В 1827 году Пушкин летние месяцы снова проводит в Михайловском. Затем связь с Псковщиной прерывается. Пушкин возвращается в Михайловское только в 1835 году. В 1836 году он приезжает хоронить в Святогорском монастыре свою мать. В феврале 1837 года привезено в Святогорский монастырь тело Пушкина, а 6 февраля на рассвете состоялись похороны поэта на монастырском кладбище.

Для нас, советских людей, несомненно, что необычайная сила творчества Пушкина, его неуязвимость кроются в глубочайшей народности. В поэзии Пушкина отразились лучшие черты русского народа, лучшие его традиции, его исконная любовь к Родине, его непреодолимое вольнолюбие. При этом народ Пушкина — не воображаемый народ; это живые русские люди, русские крестьяне, которых Пушкин особенно хорошо узнал под Псковом и глубоко их полюбил. Здесь основные народные источники «Онегина», «Повестей Белкина», сказок Пушкина и очень много самого ценного, самого дорогого в его творчестве. Вот почему пушкинские места в Псковской области стали для русского народа святыней, вот почему они

¹ А. С. Пушкин. 19 октября. Соч., т. II, стр. 279.

² А. С. Пушкин. Медный всадник. Соч., т. IV, стр. 379—380.

³ А. С. Пушкин. «О муза пламенной сатиры!» Соч., т. II, стр. 363.

объявлены заповедником. Наша обязанность, обязанность потомков Пушкина, — охранять эти места, знакомить с ними наш народ и возможно шире раскрывать значение этих мест в творчестве величайшего нашего поэта.

На пушкинские места налетела черная туча фашистских воронов. Три года эти враги культуры грабили и разрушали Пушкинский заповедник; даже могила Пушкина была заминирована ими. Враг был раздавлен и изгнан навсегда из наших родных пределов. Восстановлены села и деревни псковской земли, воскресла ее историческая и культурная слава. Восстановление Пушкинского заповедника началось с первых же дней освобождения этих мест, и теперь, когда мы празднуем здесь 150-летие со дня рождения великого поэта, главные пушкинские памятники уже почти полностью восстановлены.

Никогда не может зарости народная тропа к этим местам. Великая Октябрьская социалистическая революция сделала всю нашу культуру достоянием народа, раскрыла Пушкина народу; сочинения Пушкина расходятся в Советской стране в десятках миллионов изданий, нет советской семьи, в которой не было бы сочинений нашего величайшего поэта. Так любит, так ценит наш народ солнце своей поэзии.

Слава самому прекрасному нашему поэту! Слава Псковщине, на почве которой окреп народный дух Пушкина!

Слава советскому народу, вознесшему славу и имя Пушкина на новую, невиданную высоту!

Слава гениальному вождю нашему и учителю товарищу Сталину, ведущему нас к коммунизму, к новой, высшей культуре!

Шандор Гергель

*Председатель Союза писателей
Венгерской народной республики*

Венгерский народ вместе с вами, вместе со всеми прогрессивными людьми мира, чествует великана русской и всей мировой литературы — Александра Пушкина.

Пушкин бессмертен. Бессмертен не только потому, что его творчество и сегодня живет и учит, но и потому, что к его творчеству, как к источнику свободы, обращаются прогрессивные читатели и писатели всего мира.

Для нас, венгров, творчество Пушкина особенно дорого. Советская Армия принесла нам свободную жизнь; теперь у нас нет эксплуатации человека человеком, нет презрения к людям другой национальности, другой расовой принадлежности.

Наш маленький народ, получив свободу, жаждет учиться. Он учится у советского народа работать по-социалистически, думать и чувствовать по-социалистически, уважать героев, которые боролись и умирали за свой народ, за благо трудящихся всех стран.

Вместе с победоносной Советской Армией к нам пришел и Пушкин. Венгерские рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция за эти годы узнали Пушкина больше, чем за все предыдущие десятилетия, и полюбили его. Одновременно с Пушкиным наш народ узнал и творчество своего великого поэта-революционера Шандора Петефи. До прихода Советской Армии, армии-освободительницы, венгерский народ не только не знал великого Пушкина, но он почти не знал и своего великого поэта — Петефи.

Мы, прогрессивные писатели Венгрии, перед которыми стоит задача перевоспитания народа, используя для этого мощную силу литературы и искусства, черпаем силу из двух источников: из богатства нашей свободолюбивой венгерской классической литературы и из великих достижений советской литературы и русской классики. Мы знаем, с какими ожесточенными боями против безидейности, бесплодного формализма и реакционного индивидуализма пришла советская литература к сегодняшним высотам.

Сознание этого привело нас к внимательному изучению русских классиков, и из них первый наш учитель — Пушкин. Память о Пушкине с безграничной любовью сохранит наш народ.

Я прибыл сюда, где все напоминает поэта, в места, родные и дорогие Пушкину, чтобы с благоговением преклонить колени у могилы того, чьи слова — «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — стали лозунгом нашего народа, лозунгом всех тех, кто вместе с Советским Союзом борется за дело мира, за свободу и независимость народов.

В грозные дни битв советского народа за свою социалистическую Родину под руководством великого Сталина дух Пушкина был с вами. Он с вами, он и с нами сегодня — живой, мятежный, зовущий вперед к новым победам.

Итальянский писатель

Либеро Виджаретти

С берегов лазурного моря Италии привез я привет великому русскому поэту, так любившему и знавшему свой народ и народы других стран. В своих великих творениях Пушкин дал такие типы и образы, которые понятны и близки всем народам мира, понятны сегодня, понятны будут и грядущим поколениям.

Вот почему мы вправе говорить о бессмертии Пушкина, русского народного поэта, передового человека своего века.

Страдания и чаяния русского народа, которые с такой силой показал в своих произведениях Пушкин, понятны всем народам.

В Италии любят Пушкина. У нас знают не только «Бориса Годунова» и «Пиковую даму», которые входят в репертуар итальянских театров, знают и «Евгения Онегина» и «Капитанскую дочку», неоднократно издававшиеся, знают и другие его произведения. По повести «Капитанская

дочка» в Италии создан фильм. Среди произведений великой русской литературы, которые читают в Италии, сочинения Пушкина занимают центральное место.

150-летие со дня рождения Пушкина празднуется у нас по инициативе Общества культурной связи с СССР. Эта широкая организация, помогающая культурному сближению народов Италии с народами Советского Союза, имеет в Италии в 35 отделениях 100 тысяч членов. Членами этого общества состоят писатели, артисты, художники демократического лагеря.

Политическая борьба прогрессивных сил против капиталистического мира, руководимая в Италии коммунистической партией, возглавляемой товарищем Пальмиро Тольятти, с которой идет левое крыло социалистов во главе с Ненни, находит поддержку трудящихся Италии. Это великая и внушительная сила.

Во многих культурных центрах у нас проходят конференции, литературные пушкинские вечера. Рабочие массы принимают в них широкое участие. Пушкин помогает сближению поэзии с жизнью, сближению деятелей литературы с работниками физического труда.

Пушкин служит великому делу сближения итальянского народа с народами Советского Союза.

Слава великому Пушкину!

**5. МИТИНГ
У МОГИЛЫ А. С. ПУШКИНА
12 июня 1949 года**

июня 1949 года в 12 часов, на холме у могилы А. С. Пушкина собрались трудящиеся Пушкинских гор, участники пушкинских торжеств — академики, члены-корреспонденты, представители ленинградских и псковских партийных и общественных организаций, Академий Наук союзных республик, Союза советских писателей, зарубежные гости. На митинге

присутствовало свыше 1000 человек.

Митинг, посвященный памяти великого русского поэта А. С. Пушкина, открыл заместитель генерального секретаря Союза советских писателей Н. С. Тихонов. После речи Н. С. Тихонов и П. Тычина возлагают на могилу Пушкина венок от Союза советских писателей СССР.

Председатель митинга предоставляет слово представителю Академии Наук СССР академику И. И. Мещанинову. Венок от Академии Наук СССР на могилу Пушкина возлагают президент Академии Наук СССР академик С. И. Вавилов и академик И. И. Мещанинов.

На могилу возлагаются венки от Академий Наук Белорусской, Грузинской, Узбекской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, от Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

От имени Академий Наук союзных республик выступил академик А. В. Палладин, после чего им, действительным членом АН УССР Л. А. Булаховским и проф. Н. Г. Гудзием возлагается на могилу Пушкина венок от Академии Наук УССР.

Слово от трудящихся Ленинграда предоставляется заместителю председателя Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся А. В. Голубевой, после речи которой на могилу поэта возлагаются венки от трудящихся Ленинграда и Ленинградской области.

Слова приветствия Пушкину произносят китайский писатель Эми Сю, голландский писатель Тейн де Фриз, с переводом речи которого выступает

ответственный секретарь Иностранной комиссии Союза советских писателей М. Я. Аппетин. Тейн де Фриз читает свой перевод на голландский язык стихотворения Пушкина «Памятник».

Затем на могилу Пушкина возлагаются венки от трудящихся города Пушкин, от Советской Армии, от Эстонской ССР, от Пушкинского общества, от Псковской областной Пушкинской комиссии, от Пушкинского заповедника Академии Наук СССР и от многих других учреждений и организаций.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Писатель

Н. С. Тихонов

амодержавие, черной тенью окутав Пушкина, думало, что оно победило, но победил Пушкин. Оно хотело сделать место погребения Пушкина самым глухим, самым незаметным, самым неизвестным. Сегодня это — священное место для всего советского народа и всего передового человечества.

Пушкин победил в борьбе вместе с народом, и сегодня, в прекрасный день, под сияющим солнцем, солнцем страны социализма, мы, советские писатели, пришли к нему, нашему великому предку, родоначальнику нашей русской литературы, величайшему гению национальному, пришли всенародной семьей поэтов и писателей от многонационального Советского Союза, чтобы поклониться его светлой памяти и сказать слова величайшей нашей любви и величайшей благодарности за то, что он сделал для нас, для истории литературы русской, для истории народов мира, что сделал он подвигом своей жизни. За этот подвиг мы кланяемся ему сегодня и возглашаем у могилы его: вечно будет жить светлый гений нашего любимого, нашего замечательного друга, великого, гениального сына русского народа — Александра Пушкина.

Академик

И. И. Мещанинов

В эти торжественные июньские дни великий многонациональный Союз с особенно глубоким уважением вспоминает имя Александра Сергеевича Пушкина.

Сейчас у его могилы мы вспоминаем с глубокой благодарностью тот гениально выполненный им труд, который остается вечно живым нашим наследством. Культура наших советских народов тесно связала имя Пушкина с современной нашей жизнью.

Академия Наук, возлагая венок на могилу великого поэта, отдает этим дань глубокого уважения крупнейшему гению русской культуры, имя которого останется живым навсегда. Живое имя его мы сейчас вспоминаем у этой могилы.

Академик

А. В. Палладин

Академия Наук Украинской Советской Социалистической Республики и Академии Наук союзных республик, как и все народы Советского Союза, свято чтут память великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Мы все, представители различных братских народов нашей великой советской Родины, прибыли сюда, на могилу великого русского гения, чтобы выразить нашу сердечную любовь, чтобы принести горячий привет от благодарных потомков бессмертному родоначальнику новой русской литературы, самой передовой и демократической литературы в мире. Наследством, оставленным нам Пушкиным, жила и живет в наше время не только литература русского народа, но и всех братских народов нашей советской Родины. Сейчас в полной мере оправдалось пророчество Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...¹

Народы Советского Союза свято чтут Пушкина как поэта, кровно им родственного, связанного теснейшими узами с процессом развития художественного слова. Пушкин любил и знал Украину, Пушкин любил и знал Грузию, Армению. И народы Советского Союза знают и любят Пушкина. Живой, горячий, стремительно-деятельный, полный глубочайших мыслей, свобододолюбивых порывов и гордых мечтаний, полный неугасимой любви к народу, Пушкин продолжает и теперь зажигать сердца любовью к нашей великой Родине. Пушкин принадлежит всем народам нашей страны, в нем видят они олицетворение могучего духа русского народа.

Пушкин верил, что придет время, когда

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!²

Среди лучших имен борцов за народное счастье сверкает солнечное имя А. С. Пушкина, стих которого сопровождал борцов за народную свободу, стих которого был оружием острым и страшным для всех врагов народа.

¹ А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Соч., т. III, стр. 376.

² А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

Мы чествуем теперь нашего дорогого друга и нашего вечного спутника, с которым мы идем к сияющим высотам коммунизма.

Возлагая венок на могилу А. С. Пушкина, мы с благоговением и глубоким уважением и любовью преклоняем головы перед бессмертным именем великого сына великого русского народа.

Вечная слава Пушкину — нашему солнцу, не меркнувшему в веках!

А. В. Голубева

*Заместитель председателя Исполнительного комитета
Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся*

По поручению Исполнительного комитета Ленинградского областного и городского Советов депутатов трудящихся, областного и городского комитетов ВКП(б), от лица всех трудящихся города и области, делегация, в знак горячей любви и признательности, возлагает венок на могилу великого поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Гениальный поэт близок нам, людям свободной социалистической страны, своим свободомыслием и борьбой с темными силами феодально-крепостнической реакции.

В годы темной реакции поэт восславил свободу, возвысил голос гневного протеста против угнетения народных масс, призывал к борьбе за свободу.

Скорбит сердце русского народа о безвременной гибели любимого сына, но память о своем великом поэте народ сохранит в веках.

Советский народ, под руководством партии Ленина — Сталина, осуществил мечты великого поэта, и среди других дорогих имен лучших людей своей великой Родины он никогда не забудет имя Александра Сергеевича Пушкина.

Китайский писатель

Эми Сю

Александр Сергеевич Пушкин! Ты великий, ты родной нам всем. Ты один из лучших умов человечества. Ты жил прекрасной жизнью и творил во имя народа. Твоя кровь — твое перо — твое оружие. Ты пламенно сражался за благо народов и себе воздвиг нерукотворный памятник. Это памятник всемирный. Это — гордость не только русского народа, это — слава мировая. И народная тропа пролегла за пределы великой России, за пределы великого Союза Советов, — она пролегла за Тянь-Шань и Пиренеи, за Хуан-хэ, Ян-цзы и Дунай. Мы ехали и летели к тебе из далеких краев. По народной тропе мы шаг за шагом шли к тебе, чтобы почтить твою память вечную и венок тебе возложить. И мы все, и я вместе с 475-миллионным китайским народом, клянемся тебе, что будем осуществлять твои мечты, мечты о свободе, о лучшей жизни для всего человечества. Эти мечты мы осуществим при социализме и коммунизме полностью.

Если капитализм враждебен поэзии, как сказал Маркс, то социализм и коммунизм, идеи Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и их лучшего китайского ученика Мао Цзе-дуна вдохновляют на развитие и расцвет литературы и искусства, науки и культуры.

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин принадлежит всем народам мира. Ты принадлежишь целиком нашему времени, ты вечно будешь жить в сердцах всех честных людей всех стран, всех веков.

Пушкин, вансей!

Голландский писатель

Тейн де Фриз

На писателя, приезжающего в Советский Союз из капиталистического мира, быть может, наибольшее впечатление производит распространение литературы и любовь к ней широких масс народа. Это относится прежде всего к Пушкину, величайшему писателю, 150-летие со дня рождения которого советский народ отмечает столь торжественно. В то время как в Голландии творения даже лучших поэтов знакомы только узкому кругу людей, в СССР творчество Пушкина стало достоянием миллионов. Причина этого лежит не только в мощи таланта Пушкина, причина этого — в Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей народу широчайшие возможности культурного роста.

Пушкин воплотил в себе благородство, светлый ум, творческую волю, те качества русского народа, которые в эпоху Сталина стали очевидными для всего человечества.

Пушкин мечтал о том, что слух о нем «пройдет по всей Руси великой». Сейчас Пушкин давно уже известен всему миру. В Голландии творчество Пушкина становится все более и более популярным.

Разрешите мне прочитать мой перевод на голландский язык «Памятника» Пушкина — стихотворения, в котором он предвидел будущее своего творчества.

**6. ОТКРЫТИЕ
ДОМА-МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА
В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ**

июня 1949 года в 13 часов в селе Михайловском, перед домом, где жил А. С. Пушкин, собрались трудящиеся Псковской области, участники пушкинских торжеств.

Митинг, посвященный открытию Дома-музея А. С. Пушкина в селе Михайловском, открыл член-корреспондент Академии Наук СССР А. М. Еголин.

Заведующий Литературным музеем Института литературы АН СССР М. М. Калаушин рассказал об огромной работе, которую провели псковичи по восстановлению Пушкинского заповедника, многие памятники которого были разрушены фашистскими варварами.

Директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) Н. Ф. Бельчиков сообщил об окончании строительных работ в Пушкинском заповеднике, о готовности Пушкинского заповедника и Дома-музея в селе Михайловском стать действующими культурными учреждениями Псковской области.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Член-корреспондент АН СССР

А. М. Еголин

ело Михайловское имеет особое значение в творчестве великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Михайловское — это место второй политической ссылки Пушкина и в то же время это место вдохновения, где творчество Пушкина достигло наивысшего расцвета. Именно здесь, в Михайловском, были написаны такие гениальные произведения Пушкина, как поэма «Цыганы», III, IV, V и VI главы романа в стихах «Евгений Онегин», здесь была создана гениальная трагедия «Борис Годунов», здесь написаны изумительные стихотворения Пушкина. Здесь Пушкин в письмах к друзьям высказал много замечательных мыслей по поводу русской литературной критики. В этих письмах Пушкин открывается нам как выдающийся ценитель литературы, выдающийся русский критик. Пушкин писал о себе, о своем творчестве в Михайловском: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».¹ Здесь Пушкин сближается с народом. В Михайловском и в окрестных селениях он усиленно изучает устное народное творчество. В своей вольнолюбивой лирике Пушкин пошел дальше своих «друзей, братьев, товарищей», как он именовал декабристов. Здесь Пушкин получил самое горестное известие, какое было получено им в жизни, — о тяжелейшей участи своих товарищей, о казни пяти декабристов. Отсюда, из Михайловского, Пушкин был отправлен в Москву с фельдъегерем, но не в виде арестанта, как говорилось в лицемерном предписании царя.

13 сентября 1825 года Пушкин писал Вяземскому: «Гораздо уж лучше от нелечения умереть в Михайловском. По крайней мере могила моя будет живым упреком...»² Действительно, могила Пушкина была грозным обвинением царизму, светской черни, погубившим национального гения.

---

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 163 (подлинник по-французски, перевод на стр. 776).

² Там же, стр. 181.

ПРЕЗИДИУМ МИТИНГА В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ, ПОСВЯЩЕННОГО 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА. ВЫСТУПАЕТ ПИСАТЕЛЬ Н. С. ТИХОНОВ.

Для нас, людей социалистического общества, Михайловский заповедник навеки останется священным памятником русской культуры. Пушкин писал:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработенные бразды
Бросал живительное семя...¹

Из этих «живительных семян» пушкинского творчества выросла наша русская литература, гордость и слава великой русской нации.

Народы многонационального Советского Союза чтут Пушкина, любят его, знают. Как бы в ответ на его далекую мечту наш современный народный поэт Джамбул писал:

Сто лет пронеслось, как тебя погребли!
Ты стал великим акыном земли!
Читают тебя с упоением в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной,
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!²

¹ А. С. Пушкин. «Свободы сеятель пустынный...». Соч., т. II, стр. 158.

² Джамбул. Пушкину.

СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ В 20-Х ГОДАХ XIX ВЕКА.

М. М. К а л а у ш и н

*Заведующий Литературным музеем
Института литературы АН СССР
(Пушкинский Дом)*

Народное гулянье в михайловских рощах — большой радостный праздник нашей социалистической культуры. Трудно себе представить, что пять лет назад эту священную для каждого советского человека землю топтал фашистский сапог.

В 1944 году, после изгнания немецких захватчиков, пушкинские места представляли собой печальное зрелище. Дом-музей Пушкина был доглотан сожжен фашистскими варварами. От домика няни осталась одна труба. В первые же дни войны бомбой, сброшенной с вражеского самолета, был разрушен ценнейший памятник древнерусского зодчества — Святогорский монастырь. Фашисты вырубали около 30 тысяч деревьев в пушкинском заповедном лесу. Рощи Михайловского и Тригорского были изрыты траншеями, бункерами, блиндажами.

С первых же дней освобождения этих священных, дорогих мест Академия Наук разработала генеральный план восстановления музейно-мемо-

риальных объектов. В трехлетний срок пушкинские места были вновь восстановлены.

Коллектив заповедника провел большую работу по изучению архивных материалов и подлинно научной реставрации пушкинских памятников.

Благодаря общим дружным усилиям любимые советским народом пушкинские святыни — Святогорский монастырь с могилой поэта, Дом-музей, домик няни — полностью восстановлены. Через маленькие залы этого музея-усадьбы Пушкина пройдут тысячи и тысячи экскурсантов. Они унесут с собой чувство величайшей признательности и преданности к нашей Всесоюзной Коммунистической партии, к великому нашему другу и учителю Иосифу Виссарионовичу Сталину за неустанную заботу о культуре, благосостоянии и счастье советского народа.

Пусть растет и процветает Пушкинский заповедник — один из славных памятников Пушкину, один из очагов советской социалистической культуры!

Да здравствует наш советский народ — носитель подлинно прогрессивных, передовых ценностей культуры, строитель коммунистического общества!

Да здравствуют Всесоюзная Коммунистическая партия и наш любимый друг и учитель Иосиф Виссарионович Сталин!

Доктор филологических наук

Н. Ф. Бельчиков

Постановление правительства о восстановлении Пушкинского заповедника выполнено. Сюда, к этому пушкинскому памятнику, будут стекаться огромные массы народа со всего нашего необъятного Советского Союза, чтобы воздать должное признание и уважение гениальному поэту.

В деле осуществления этой высокой задачи наш Институт получал неизменную помощь со стороны Президиума Академии Наук и местных псковских организаций — областного комитета партии, исполкома Псковского областного Совета депутатов трудящихся, проявлявших заботу и внимание к этому священному месту, где Пушкин имел тесное, неизменно глубокое общение с народом.

Отныне Пушкинский заповедник и Дом-музей входят в число учреждений, на которые возложена важная, благородная государственная задача содействовать просвещению и культурному росту нашего народа.

---

7. МИТИНГ В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

12 июня 1949 года

а огромном поле близ села Михайловского собрались на митинг и на народное гулянье в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина трудящиеся Михайловского, Пушкинских гор и других районов Псковской области, а также многочисленные участники юбилейных пушкинских торжеств. На митинге присутствовало свыше 50 000 человек.

К 14 часам на трибуну поднимаются академики, писатели, представители партийных и общественных организаций, зарубежные гости.

Председательствовал на митинге заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР Н. С. Тихонов, который предоставил слово президенту Академии Наук СССР академику С. И. Вавилову.

Выступивший после С. И. Вавилова украинский поэт Павло Тычина прочитал свои стихи (на украинском языке), посвященные А. С. Пушкину.

Слово приветствия русскому народу и его великому поэту произнес китайский поэт Эми Сяо. Лауреат Сталинской премии писатель Аркадий Первенцев говорил в своей речи о выполнении советскими писателями заветов Пушкина — о служении литературы делу народа, о развитии великого русского языка.

Негритянский поэт Питер Блэкман прочитал свое стихотворение «Памятник».

После краткой речи председателя Союза писателей Чехословакии Яна Дрда Н. С. Тихонов предоставил слово присутствующему на митинге правнуку А. С. Пушкина — Г. Г. Пушкину.

После митинга состоялось грандиозное народное гулянье. На многочисленных эстрадах выступали артисты ленинградских театров, государственный хор Латвийской ССР, ученые, писатели и поэты.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Писатель

Н. С. Тихонов

Сегодня вся наша Родина, весь Советский Союз празднует великий праздник — 150-летний юбилей со дня рождения гениального русского поэта, родоначальника русской литературы Александра Сергеевича Пушкина.

Это всенародный праздник, потому что Пушкин — создание русского народа, лучший его сын, лучшее выражение творческого гения русского народа. Особенно это чувствуете здесь вы, советские люди, живущие в родных Пушкину местах, связанных с важнейшим периодом его творчества, с возмужанием гения русской поэзии. Этот праздник здесь имеет особое значение, потому что он подчеркивает ту основную, главную силу пушкинского творчества, которая так дорога нам, — его глубочайшую народность, его связь с русским народом.

Вы — люди не тех времен, о которых писал Пушкин. Юбилей Пушкина празднуют другие люди, которых вырастила и воспитала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Вы знаете, что пушкинский гений мужал вместе с народом и шел дорогой народа. Пушкин прошел с русским народом до дней Октября и до сегодняшнего дня через все испытания и через всю славу русского советского народа.

Сегодня здесь собрались представители советского народа, те новые люди, которые называются большевиками, которые называются коммунистами, строителями нового общества, людьми, идущими к коммунизму, людьми, создавшими социалистическое общество, людьми, о которых мечтал Пушкин.

И вот сегодня вы пришли к нему как тот могучий народ, о котором он мечтал, вы пришли к нему во всей славе успехов нашей Родины, в славе ее всемирно-исторических побед, вы пришли под знаменем великой партии Ленина — Сталина, вы пришли, ведомые вперед гением вождя народов, гением нашего великого друга, учителя и вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Если бы Пушкин мог вас видеть, он был бы так безмерно счастлив, что все мучения своей жизни считал бы оправданными, потому что он боролся именно за такой народ, который могуч, прекрасен, все умеет, который помнит и понимает свою историческую задачу, который все может сделать, который непобедим. Вот этот великий народ сегодня присутствует на празднике своего великого поэта. И самый замечательный, может быть, исторический момент юбилея здесь, в Пушкинских горах — это чувство единства. Теперь книги Пушкина — в руках каждого, в каждом доме, теперь то, что им было создано, стало действительно достоянием народа.

Сегодня великий день торжества нашей социалистической культуры, наш народный праздник.

Слава великому Пушкину, русскому гению!

Слава русскому народу!

Слава советскому народу!

Слава великой партии!

Слава великому вождю ее Иосифу Виссарионовичу Сталину!

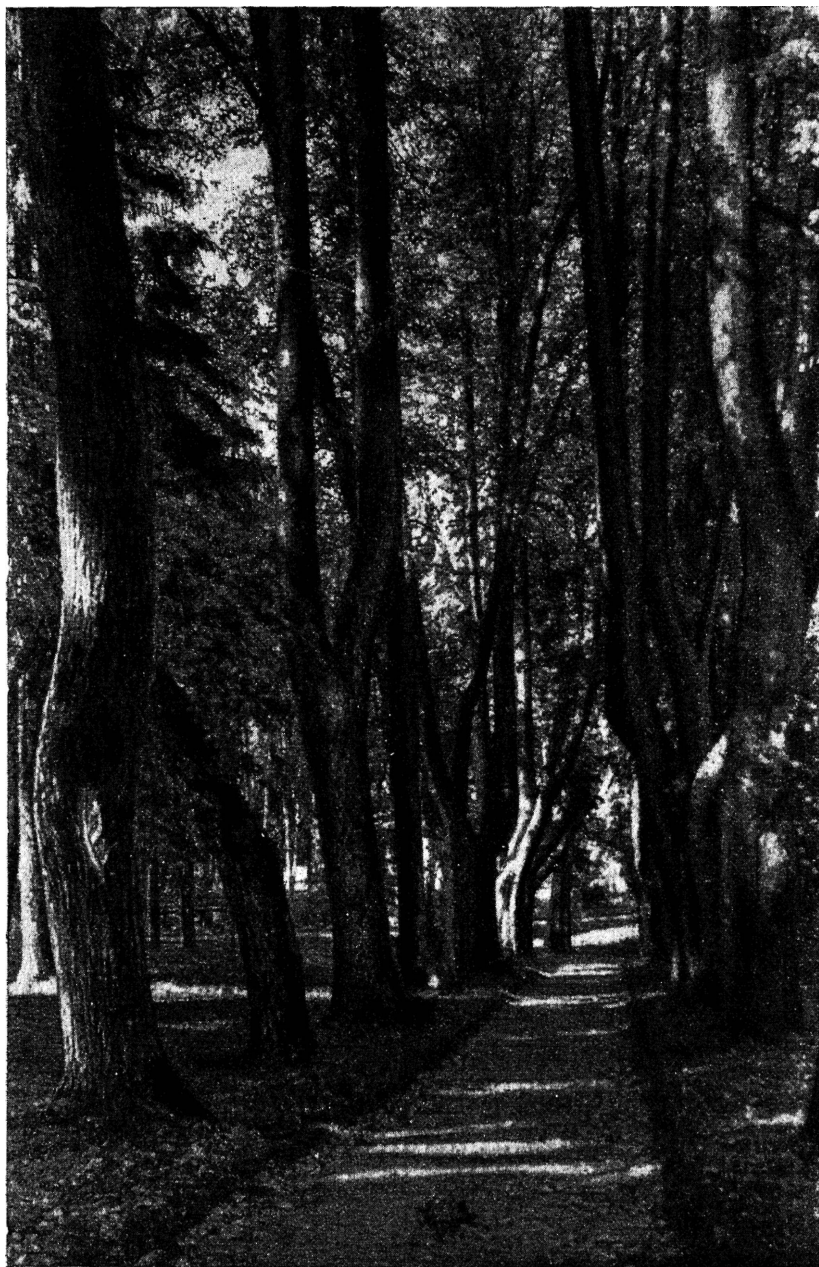
Академик

С. И. Вавилов

Никогда еще страна наша не праздновала так широко и так всенародно память своего величайшего поэта Александра Сергеевича Пушкина, как в эти дни. Никогда и нигде ни один народ не славил своих поэтов так, как славим мы Пушкина.

В чем же могучая, притягательная сила пушкинского гения, сила не ослабевающая, а, наоборот, с годами возрастающая? Почему Пушкин был любимым поэтом Ленина? Почему Сталин в решающие дни Великой Отечественной войны, 6 ноября 1941 года, когда гитлеровские полчища были под Москвой, назвал Пушкина в ряду великих имен, составляющих гордость и славу русского народа? На этот вопрос может быть только один ответ: Пушкин был и остался подлинно народным поэтом, самым народным русским поэтом, настоящим «эхом» русского народа, как он сам про себя говорил. В Пушкине сосредоточились, соединились лучшие черты великой нации, ее простота, прямота, широта, любовь к людям, к Родине, непреодолимая любовь к свободе, патриотическое мужество, тонкий ум и необычайное чувство красоты.

Поразительное созвучие Пушкина с народом настолько глубоко, что трудно отыскать в истории культуры подобное явление. Пушкин — это не тот увенчанный лавровым венком классик, которого с почтением уважают и изучают ученые люди, но о котором не знает или забыл народ. Достаточно напомнить, что за советские годы на нашей Родине издано около 50 млн. экземпляров различных произведений Пушкина, что каждое

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ В МИХАЙЛОВСКОМ (ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК
В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ).

новое издание сочинений самого любимого, самого прекрасного русского поэта всегда мгновенно расхватывается и хранится, как драгоценность, на полках в домашних библиотеках.

Вот уже больше 100 лет, как Пушкин говорит своим чудесным языком с русским народом о самом заветном для народа, о близком ему и родном. В чем же особенность языка Пушкина? В том, что в нем выразились народная мудрость песен, пословиц, сказок, народное остроумие, художественная мера и гармония. Язык этот и до наших дней нов и свеж, хотя многое до неузнаваемости изменилось в строе нашей жизни. Этот язык и теперь остается живым источником культуры и вдохновения для русского народа.

Душа Пушкина, высказываясь в стихах, в прозе, в письмах, всегда необычайно открыта и всегда доступна. Несмотря на всю особенность, глубину, тончайшее остроумие, творчество Пушкина понятно всем — от философа и ученого до простого человека и ребенка. Не в этом ли проявление глубочайшей народности и гения Пушкина?

Народный поэт Пушкин был прежде всего, да и не мог не быть, поэтом свободы, потому что русский народ требовал свободы. Про себя Пушкин писал те знаменитые строки, которые высечены на его памятнике в Москве:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу...¹

Для Пушкина, глубоко русского человека, до последних подробностей знавшего русские города Москву и Петербург и русские деревни под Псковом и Новгородом, народ не был отвлеченным понятием, он был живым народом, псковскими и нижегородскими крестьянами, которых хорошо знал и любил Пушкин. Душа этого живого, невыдуманного народа отразилась в творениях Пушкина. В этом их особенная сила.

Величие и смысл народного творчества Пушкина раскрылись во всей полноте только в наше время, только в советской стране после великой Октябрьской победы, когда было сметено с лица земли дворянско-буржуазное государство и было построено государство социалистическое. И вот оказалось, что пушкинское наследие в новых, невиданных ранее исторических условиях не только сохранило свою силу, но необычайно выросло и углубилось и зазвучало по-новому. В ленинско-сталинскую эпоху Пушкин не перешел в разряд памятников прошлого, не стал уделом истории, его стихи и проза сильнее, чем прежде, влияют на нашу жизнь, они помогают формированию культурного сознания советского человека.

Русские люди и все народы Советского Союза любят Пушкина как поэта сегодняшнего дня, как близкого и прекрасного друга. Для народа он верный советник, друг и наставник.

¹ А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Соч., т. III, стр. 376.

Слава русському народу, давшему родной стране и всему миру нашего
Пушкина!

Слава величайшему русскому поэту!

Слава Советской стране, поднявшей имя Пушкина и его славу на новую
высоту!

Слава нашему вождю, учителю и другу великому Сталину!

Украинский поэт

Павло Тычина

ОЛЕКСАНДРУ ПУШКІНУ

Ти в блиску йдеш нової слави
В міста і села і сади
Такий же самий — кучерявий,
Такий же самий — молодий.
І весь народ радянський радо
Тебе стрічає і співає:
Красо ти наша і відродо,
Прийми сердечні слова!

Ти славив Правду і Свободу —
Від нас тобі подяка й честь.
Хотів ти щастя для народу —
Воно вже є, воно вже є!

Нам революція вручила
Безсмертя нашого ключи.
Нас рідна партія навчила
Не відступать ні перед чим!

Нова вже сила у Росії!
Бо хто ж її переважає?
За океаном — суховії,
А в нас і люди і врожай.
Найдужчі, найдорожчі люди
І миролюбні в той же час.
Які в нас вирости споруди!
Яка енергія у нас!

Пройди, пройди по Україні!
Старого слід — як вітер стер:
Ліси, поля, озера сині —
Це все народне вже тепер.
Сьогодні саявом аметистів
Сіє Кам'янка й Тульчин:
В гарячій змові декабристів
І твій гарячий був почин.

Сьогодні Київ і Одеса
З тобою разом раді йти.
Пройди, пройди до Дніпрогесу —
Такого ще ж не бачив ти!

Бо те, про що колись ти мріяв,
У сто раз більше розцвіло.

Зерно ж і ти своє тут сів,
 Тавруючи паризму зло.
 Клеветників Росії й досі
 Военний брязкіт ще не стих
 Були ми за паризму босі,
 Тепер — сильніші од усіх.
 Є в тебе гострий запоясник —
 Вітіям виклик голосний.
 Тож з нами й ти, мов наш сучасник,
 Караш паліїв війни.
 Твої слова, твої творіння
 Нам видно ясно, як маяк.
 Живим живеш ти в поколіннях
 І не старієшся ніяк!
 Поезії ясне світило,
 З тобою жить, тебе любить!
 Понад сто років ти світило,
 І будеш вічно з нами жить.
 Мов цвіт у рясноті зеленій
 Твоя краса в нас розцвіла.
 Привіт тобі, російський геній!
 Навіки слава і хвала!

Китайский писатель

Э м и С я о

Я прилетел сюда из далеких краев, из Бейпина, чтобы почтить память великого русского поэта и возложить венок на могилу Александра Сергеевича Пушкина.

Я шел далеко, шел по народной тропе, и народная тропа пролегала далеко за пределами великой Руси, за пределами великого Советского Союза. Она пролегала по всему миру. Если поэт писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
 И назовет меня всяк сущий в ней язык,¹

то сейчас надо внести исправление: слух о Пушкине прошел по всему миру и гремит имя его на всех сущих в нем языках.

Пушкин является глубоко национальным русским поэтом и именно поэтому он является мировым поэтом.

Цензура, преследования, ссылки отравляли жизнь Пушкину. И только Великая Октябрьская социалистическая революция, только советская власть сделали Пушкина еще более доступным широким массам всех народов Советского Союза. Только тот народ, который стал хозяином, может так оценить своих гениев. Пушкин не только пламенный поэт, но

¹ А. С. П у ш к и н. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Соч., т. III, стр. 376.

он был борцом за свободу, и эти черты сейчас особенно привлекают внимание китайского читателя. Пушкин единственный иностранный писатель, которому поставлен памятник на китайской территории. Памятник поставлен в Шанхае.

Он был разрушен японцами и потом восстановлен. Этот памятник сейчас уже никакая японская военщина, никакие американские «кушцы» не разрушат. Китайский народ чтит память Пушкина в дни решающих побед над кликой Чан Кай-ши и ее хозяевами — коварными американскими интервентами.

Разрешите мне еще раз вместе с моим 475-миллионным народом почтить память великого русского национального поэта Александра Сергеевича Пушкина, который является великим примером для всех прогрессивных писателей и поэтов.

Пушкин, вансей!

Сталин, вансей!

Писатель

Аркадий Шервенец

Сегодня мы самые счастливые люди. Нам довелось отпраздновать день рождения Пушкина в его родных местах.

Каждого из нас охватывает чувство благоговения, когда мы видим этот лес, эту живописную природу, которые вдохновляли поэта в его труде. Здесь жил Пушкин. Недалеко, у стен древнего Святогорского монастыря, его могила. Но несмотря на то, что мы видели его могилу и поклонились его праху, для нас Пушкин жив, он бессмертен и будет бессмертен!

Мы, советские писатели, сегодня, в этот день, говорим со своим народом мужественным языком дружбы, доверия. Пушкин всей своей жизнью и творчеством учил нас ответственности перед своим народом, завещал нам продолжать великое дело развития русской литературы. И мы верны этому пушкинскому завету.

Пушкин завещал нам смотреть на литературную деятельность как на деятельность государственную, направленную на благо народа. И мы верны этому завету.

Пушкин завещал нам борьбу за высокие передовые идеи. Мы выполняем его завет. Наша советская литература благодаря заботам Коммунистической партии стала самой передовой, самой идейной, самой прогрессивной литературой мира!

Пушкин завещал нам любить свой народ, быть духовно близким ему, увековечить славу народа, говорить с народом языком ему понятным.

Мы обещаем хранить пушкинские заветы, хранить священный русский язык в его неприкосновенности.

Пушкин завещал нам патриотическую любовь к своей Родине, высокое чувство национальной гордости — мы следуем его завету.

Пушкин являлся примером, светочем для всего прогрессивно мыслящего человечества. И этому примеру следуют все передовые люди, которым дорого будущее их народов, его исторические судьбы.

Пушкина родила Россия, Пушкина родила русская мать. Низкий тебе поклон, русская земля. вскормившая Пушкина! Низкий тебе поклон, русская мать! Низкий поклон тебе, Псковщина, которая вдохновляла поэта и приняла прах его!

Да здравствует наша родная советская Отчизна, поднявшая пушкинский меч и лиру, как оружие поэта во имя великого будущего!

Негритянский поэт

Итер Блэкман

Я считаю для себя большой честью, что могу присутствовать сегодня здесь среди вас. Мы, представители африканских народов, благодарны Пушкину за то, что он способствовал счастью человечества. Россия должна гордиться Пушкиным. Путешествуя по необъятным просторам Советского Союза, начинаешь понимать, почему Россия дала миру Гоголя, Толстого, Горького, Пушкина. Страна, столь великая и богатая, естественно, рождает гигантов. Мы пришли сегодня сюда издалека, чтобы поклониться одному из ваших титанов. В наши дни, когда люди другого мира пытаются разрушить свободу, мы счастливы, что именно Россия ведет вперед свои народы в борьбе за мир. С этим, в частности, связаны и мои надежды.

В Советском Союзе вы ставите Пушкина в первые ряды деятелей культуры. В городе Пушкина я с большим волнением узнал о том, что, когда фашисты заняли город, народ спрятал статую поэта, закопав ее в землю. Слезы гордости появятся на глазах каждого негра, когда я расскажу им о том, что советские люди рисковали жизнью ради спасения статуи поэта.

Те американцы, которые, как фашисты, ненавидят Советский Союз и хотят его разрушить, никогда не смогут этого понять, ибо, когда они слышат слова «свобода», «культура», они хватаются за оружие. Я порекомендовал бы им почитать Пушкина и хорошенько поразмыслить о том, что он говорил.

Да здравствует Советский Союз!

Да здравствует человек, ведущий его по пути мира, — товарищ Сталин! Теперь я хочу прочесть мой короткий вариант «Памятника».

Нет, весь я не умру
Пока жив будет хоть один поэт.
Они придут из Азии,
Из дальней западной страны, —
И финн, и турк,
И негр, и киргиз —
Склонить главу пред именем его.
Надежды лучшие и светлые мечты

Соединились с именем России,
И вот встают его сыны,
Сильны и смелы духом.
Они свободу обрели,
Ту, что пою я.
Мне подсказало сердце,
Я говорю: будет жить поэт,
Пока мы боремся за свободу.

Ян Дрда

Председатель Союза писателей Чехословакии

Я очень счастлив, что могу участвовать в этом славном празднике — празднике советской культуры, каким является 150-летний юбилей со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Я вам принес, так же, как и всему советскому народу, пламенный привет нашего чехословацкого народа, который испытывает горячие братские чувства к своему освободителю — советскому народу.

Почти 120 лет назад, в 1825 году, в то время когда Пушкин жил в селе Михайловском, уже звучали его стихи на чешском языке, переведенные нашими поэтами. Но никогда так сильно не звучали они, как 9 мая 1945 года, когда советские танки, по приказу Сталина, освободили Прагу, когда мы лучше всего поняли, что значат слова поэта о свободе!

Слава великому Пушкину!

Слава великому Сталину!

Г. Г. Пушкин

Правнук Александра Сергеевича Пушкина

Весь народ отмечает славную годовщину — 150-летие со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Эту знаменательную дату вместе со всем советским народом с особым чувством отмечаем мы, правнуки и праправнуки Александра Сергеевича Пушкина.

Места, где жил и творил свои произведения великий поэт, у нас в Советском Союзе окружены вниманием и любовью. Село Михайловское было для поэта приютом «спокойствия, трудов и вдохновенья».¹ Здесь черпал он вдохновение для бессмертных глав «Евгения Онегина», «Цыган», «Бориса Годунова». Более ста произведений были им написаны в Михайловском за короткое время.

¹ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 351.

Мы, потомки Александра Сергеевича, в тяжелые дни борьбы с немецким фашизмом пошли на фронт, боролись среди воинов, защищали свою любимую Родину. С особым волнением и трепетом побывали мы в этих местах, где жил и создавал свои великие произведения Александр Сергеевич Пушкин.

Слава великому гению — Пушкину!

Слава великому русскому народу, верным сыном которого был Пушкин!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Праздник социалистической культуры	5
I. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АН СССР В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ 7 ИЮНЯ 1949 г.	
<i>Торжественное заседание общего собрания Академии Наук СССР . . . . .</i>	27
<i>Президент АН СССР академик С. И. Вавилов. Вступительное слово . . . . .</i>	29
<i>Доктор филологических наук Д. Д. Благой. Мировое значение А. С. Пушкина . . . . .</i>	36
Из выступлений	
<i>Немецкий писатель Иоганнес Бехер . . . . .</i>	57
<i>Болгарский писатель Димитр Полянов . . . . .</i>	59
<i>Английский писатель Джек Линдсей . . . . .</i>	60
<i>Американский общественный деятель Поль Робсон . . . . .</i>	61
II. ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА И ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР 25—26 МАЯ 1949 г. В Москве	
<i>Академик Б. Д. Греков. Вступительное слово . . . . .</i>	67
<i>Доктор исторических наук М. В. Нечкина. К вопросу о формировании политического мировоззрения молодого Пушкина . . . . .</i>	71
<i>Доктор филологических наук И. Н. Розанов. Пушкин — певец свободы . . . . .</i>	102
<i>Доктор филологических наук Н. Л. Степанов. Пушкин и Радищев . . . . .</i>	117
<i>Академик И. Э. Грабарь. Внешний облик Пушкина . . . . .</i>	141
<i>Доктор филологических наук Д. Д. Благой. Пушкин в 1826 году . . . . .</i>	154
<i>Кандидат филологических наук С. М. Петров. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина . . . . .</i>	188
<i>Доктор филологических наук Л. И. Тимофеев. Пушкин — реформатор русского стиха . . . . .</i>	205
В Ленинграде	
<i>Академик И. Ю. Крачковский. Вступительное слово . . . . .</i>	222
<i>Академик Н. С. Державин. Пушкин в Болгарии . . . . .</i>	223
<i>Доктор исторических наук А. В. Предтеченский. Вопросы истории в произведениях Пушкина . . . . .</i>	237

<i>Доктор филологических наук В. А. Десницкий. Пушкин и его время . . . . .</i>	248
<i>Академик В. А. Гордлевский. Кто такой Кирджали? . . . . .</i>	261
<i>Кандидат филологических наук Б. П. Городецкий. Проблема народа в творчестве Пушкина . . . . .</i>	282

III. ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

1. Открытие обелиска в память пребывания А. С. Пушкина в селе Захарове . .	303
2. Торжественное заседание Президиума АН СССР в бывшем Царскосельском лицее	306
<i>Академик С. И. Вавилов. Вступительное слово . . . . .</i>	307
<i>Академик И. И. Мещанинов. А. С. Пушкин в Лицее . . . . .</i>	311
<i>Член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов. Лицейская лирика А. С. Пушкина . . . . .</i>	317

Из выступлений

<i>Писатель Б. Ф. Чирсков . . . . .</i>	327
<i>Поэт Михаил Дудин . . . . .</i>	330
<i>Поэт Всеволод Рождественский . . . . .</i>	331
<i>Поэт Иван Демьянов . . . . .</i>	332
<i>Чилийский поэт Пабло Неруда . . . . .</i>	334
3. Открытие Музея А. С. Пушкина в бывшем Александровском дворце . . .	335
<i>Академик С. И. Вавилов. Вступительное слово . . . . .</i>	336

Из выступлений

<i>Зам. председателя Исполкома Ленинградского горсовета А. В. Голубева . .</i>	338
<i>Поэт Леонид Хаустов . . . . .</i>	339
<i>Болгарский поэт Дмитрий Полянов . . . . .</i>	340
<i>Монгольский поэт Дамдин Сурун . . . . .</i>	340
<i>Доктор филологических наук Н. Ф. Бельчиков . . . . .</i>	342
4. Торжественное заседание в г. Пскове	343

Из выступлений

<i>Писатель Н. С. Тихонов. Вступительное слово . . . . .</i>	345
<i>Академик С. И. Вавилов. . . . .</i>	349
<i>Председатель союза писателей Венгерской народной республики Шандор Гергель . . . . .</i>	351
<i>Итальянский писатель Либеро Виджиаретти . . . . .</i>	352
5. Митинг у могилы А. С. Пушкина 12 июня 1949 г.	354

Из выступлений

<i>Писатель Н. С. Тихонов . . . . .</i>	356
<i>Академик И. И. Мещанинов . . . . .</i>	356
<i>Академик А. В. Паладин . . . . .</i>	357
<i>Зам. председателя Исполкома Ленинградского горсовета А. В. Голубева . . .</i>	358

<i>Китайский писатель Эми Сю</i>	358
<i>Голландский писатель Тейн де Фриз</i>	359
6. Открытие Дома-музея А. С. Пушкина в селе Михайловском	360

Из выступлений

<i>Член-корреспондент АН СССР А. М. Еголин</i>	361
<i>Заведующий Литературным музеем Института литературы АН СССР М. М. Калаушин</i>	363
<i>Доктор филологических наук Н. Ф. Бельчиков</i>	364
7. Митинг в селе Михайловском 12 июня 1949 года	365

Из выступлений

<i>Писатель Н. С. Тихонов</i>	366
<i>Академик С. И. Вавилов</i>	368
<i>Украинский поэт Павло Тычина</i>	370
<i>Китайский писатель Эми Сю</i>	371
<i>Писатель Аркадий Первенцев</i>	372
<i>Негритянский поэт Питер Блэкман</i>	373
<i>Председатель Союза писателей Чехословакии Ян Дрда</i>	374
<i>Правнук А. С. Пушкина — Г. Г. Пушкин</i>	374

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редакторы издательства
А. Т. Лифшиц и Н. И. Игнатова
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 4939. Т-05050. Издат. № 2476
Тип. заказ № 555. Подп. к печ. 1/VIII 1951 г.
Формат бум. 70×108²/₁₆. Печ. л. 32,53 + 11 вкл.
Уч.-издат. 25,75. Тираж 8000.
Цена в перепл. 22 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10